

180 лет со дня рождения П.В. Алабина

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ, МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ И СПОРТА
САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

САМАРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИМ.П.В.АЛАБИНА

САМАРСКИЙ КРАЙ В ИСТОРИИ РОССИИ

ВЫПУСК 2

МАТЕРИАЛЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ
180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.В.АЛАБИНА

САМАРА 2004

«Самарский край в истории России». Выпуск 2. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения П.В.Алабина. Самара, 2004.

ISBN 5-902885-01-9

Редакционная коллегия:

д.и.н. П.С.Кабытов (гл.редактор), А.Ф.Кочкина, к.и.н. Л.В.Кузнецова,
Д.А.Сташенков (редактор).

Рецензент — доцент Вятского гуманитарного университета, к.и.н. М.С. Судовиков

Сборник статей «Самарский край в истории России» представляет материалы межрегиональной научной конференции, проходившей в Самарском областном историко-краеведческом музее им.П.В.Алабина 16-17 сентября 2004 г. Конференция, организованная по инициативе Самарского областного историко-краеведческого музея им.П.В.Алабина, была посвящена 180-летию со дня рождения П.В.Алабина (1824-1896) - общественного деятеля, археолога и историка, писателя, выдающегося просветителя, создателя Вятских и Самарских публичных музеев и библиотек. В публикуемых материалах вводятся в научный оборот новые источники и архивные материалы о разносторонней деятельности П.В. Алабина.

Сборник предназначен для специалистов - историков, археологов, этнографов, для учителей школ, краеведов и всех, интересующихся историей и культурой родного края.

ISBN 5-902885-01-9

© Самарский областной историко-краеведческий музей им.П.В.Алабина
© Сташенков Д.А., верстка, макетирование.

Подписано в печать 14.12.2004 г. Формат 60 x 88 1/8

Объем 22,5 ус.п.л. Тираж 1000 экз.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Заказ 1/2005

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Глагол»
443086, г.Самара, ул.Лукачева, 37. Тел.35-16-47. E-mail: glagol@list.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый Вашему вниманию сборник статей «Самарский край в истории России» представляет собой материалы Межрегиональной научной конференции, проходившей 16-17 сентября 2004 г. в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина. Конференция, организованная по инициативе СОИКМ им. П.В. Алабина, была посвящена 180-летию со дня рождения Петра Владимировича Алабина (1824-1896) - выдающегося общественного деятеля, археолога и историка, писателя, просветителя, создателя Вятского и Самарского публичных музеев, инициатора создания музея Севастопольской обороны, основателя и воссоздателя Вятской, Самарской и Софийской библиотек. Заслуги П.В. Алабина велики не только в экономической области и на ниве просвещения, хотя и их сложно переоценить. Петр Владимирович по сути дела стал первым профессиональным историком и историографом этих губернских российских центров.

На конференции было высказано предложение внести ходатайство в законодательное собрание города Самары - городскую Думу восстановить историческую справедливость и присвоить Петру Владимировичу Алабину звание Почетного гражданина Самары. Это предложение было единодушно поддержано участниками конференции.

Настоящее издание редакция решила посвятить работам, связанным с изучением жизни и деятельности П.В. Алабина, много сделавшего для развития и процветания Самарской и Вятской губерний. В новом издании мы предлагаем читателю не совсем еще привычную для нас форму публикации - монографию в книге, выпуская в свет ранее не издававшуюся работу кировского исследователя Владимира Сергеевича Жаравина «Петр Алабин - Почетный гражданин города Вятки» и впервые переведенную на русский язык книгу болгарского историка Йордана Ценова «Знамя и губернатор: Самарское знамя и Петр Владимирович Алабин».

В работе В.С. Жаравина впервые подробно рассказывается о вятском периоде жизни Петра Владимировича Алабина, которому за заслуги перед городом было присвоено звание Почетного гражданина Вятки. Книга Й. Ценова знакомит читателя с малоизвестными страницами болгарского периода жизни П.В. Алабина - первого гражданского губернатора Софии. Исследования основаны на архивных материалах и периодической печати XIX-XX вв.

Интересны и содержательны специально подготовленные для сборника статьи П.С. Кабытова, Н.А. Гергедавы, А.М. Калядиной, Л.Ю. Покровской, Д.В. Серых, которые вводят в научный оборот новые источники и архивные материалы, раскрывающие различные стороны личности П.В. Алабина. Статьи Т.Ф. Алексушиной и О.И. Ситниковой, хотя напрямую уже не рассматривают деятельность самого П.В. Алабина, тесно связаны с его личностью.

Надеемся, что издаваемый сборник заинтересует не только специалистов - историков, архивистов и археологов, но будет полезен всем, кто интересуется историей и культурой родного края.

ИСТОРИЯ САМАРСКОГО КРАЯ В СОЧИНЕНИЯХ П.В. АЛАБИНА

В поистине подвижнической деятельности П.В. Алабина особое место занимает научно-исследовательская работа по изучению истории города Самары. Он является автором солидных монографий и многочисленных научных и научно-популярных статей. Неискушенного читателя не может не поразить как разносторонняя проблематика, так и внушительный объем исследований Петра Владимировича Алабина. Не потеряли научной значимости два его фундаментальных труда – «Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Историко-статистический очерк» и «Трехвековая годовщина города Самары», в которых прослежены основные этапы возникновения и развития волжского города, дано описание ключевых исторических событий, в которых активное участие принимали жители Самары. В алабинских книгах содержится богатейший материал, характеризующий своеобразные стороны быта и нравов «самарского общества». В них современный читатель с удивлением обнаружит богатейшие сведения о возникновении и деятельности учреждений культуры, благотворительных заведений, церкви, общественных организаций, театральной и общественно-политической жизни горожан. Много интересных фактов можно почерпнуть из книг Алабина о почти забытой ныне топонимике нашего города – названиях улиц и площадей, парков и садов, поселков, церквей, озер и дорог. Несомненную ценность представляют сюжеты о деятельности городской Думы, развитии экономики, транспорта, торговли и городского хозяйства. Перечень тем, рассматриваемых в книгах Алабина, можно продолжать без конца, так как информативная емкость его книг чрезвычайно велика и по существу проделанная им работа до сих пор не имеет аналога в самарском краеведении. Его издания приобретают поистине энциклопедический характер. Поэтому обращение к творчеству П.В. Алабина имеет не только чисто познавательный интерес, но и вполне практическое значение для восстановления утраченных краеведческих традиций.

Не меньший интерес представляют статьи и документальные публикации Петра Владимировича Алабина по археологии, историческому краеведению, ботанике, музейному и библиотечному делу. Всего им было опубликовано свыше 120 научных трудов. Конечно, не все они равнозначны. Но среди литературного и научного наследия Алабина есть такие выдающиеся сочинения, которые получили высокую оценку в исторических журналах и периодических изданиях той эпохи, прославив имя автора во всей просвещенной России.

При изучении истории Самарского края П.В. Алабину пришлось решать ключевые вопросы: как освещать древний период истории, время основания Самары и т.п. Изучая древнее прошлое края, он вынужден был заниматься организацией археологических экспедиций, принимал участие в раскопках, готовил доклады на Археологические съезды (например, в Казани). Его археологические изыскания получили высокую оценку научной общественности. В 1889 г. Петр Владимирович был избран Почетным членом Петербургского археологического института, о чем немедленно сообщила «Самарская газета»: «Избрание г.Алабина. Самарский городской голова, Действительный статский советник Алабин 17 минувшего октября Советом Археологического института избран в почетные члены оного и в звании сем утвержден господином министром народного просвещения 29-го того же октября».¹

Каким же представлялось Алабину древнее прошлое Самарского края? На первой странице своего главного труда он отмечает сложности, возникшие при решении этого вопроса: «Наши степи не имели своих летописцев, и население их очень долго, говоря вообще, было так незначительно, так разбросано и так обставлено в своей, большей частью, кочевой и всегда тревожной жизни, что самых преданий о давно прошедших временах этого края некому было сохранять».² Множество курганов, «разбросанных на этой территории», найденные в разных местах каменные орудия, богатая растительность позволяют сделать вывод: «этот край издавна перестал быть совершенно безлюдною пустынею».³

Наиболее детально Алабин рассматривает древнюю историю края в статье «Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском публичном музее». Ей предшествовала кропотливая работа по изучению многочисленных справочников, специальной литературы по археологическим памятникам. Автор пытается найти в этих изданиях аналоги самарским археологическим находкам. Он стремится не только дать описание, но и датировать памятники материальной культуры, сообщить о месте находки или приобретения: «Каменное круглое блюдо в диаметре 5½ вершков. Мне подаренное землевладельцем Самарского уезда, как найденное в оном и мною внесенное в музей... Граф Бобринский говорит, что такие же блюда попадались при раскопках Мазараки в Полтавской губернии и в курганах других местностей на юге России».⁴

Алабин считал курганы важным памятником древнейшей истории Самарского края: «Курганы разбросаны то по одиночке, то группами. Иногда в одном месте их можно насчитать несколько десятков; все они конической формы, но иные до того сглажены временем, что их распаивают вместе с окрестной землей».⁵ В своих научных изысканиях Алабин нередко обращался к помощи местных жителей; крестьян, помещиков, учителей, священников, земских начальников. Все они охотно приносили ему в дар свои находки, рассказывали о месте нахождения, передавали легенды и сказания, сохранившиеся в народной памяти. После изучения и описания Алабин передавал археологические памятники в публичный музей, закладывая тем самым основу для будущих поколений исследователей. Изучая археологические памятники, Алабин пришел к выводу о том, что Самарский край был заселен уже в эпоху палеолита (каменного века), как правило, кочевыми племенами.

Одним словом, увлечение археологией не было праздным любопытством, поскольку Алабин считал, что изучение «прошедших событий, былой жизни приводит к уяснению законов, какими те события управлялись, а это уяснение может послужить основанием для уразумения многого, ныне совершающегося...».⁶ В этом суть концепции Алабина, она лежит в основе всех его исследовательских работ.

Вопрос о времени возникновения Самары Петр Владимирович решал однозначно: «Как устроенный городок, крепостца, Самара впервые является в официальных документах в царствование Федора Иоанновича, а именно в 1586 г., когда, по весне, начали строить эту крепость (одновременно с Уфой) - для обуздания Ногаев, против чего бесполезно протестовал ногайский князь Урус».⁷

Но после того как Алабиным были найдены новые документы о древнейшем прошлом Самары, он счел возможным их опубликовать, несмотря на информацию, противоречащую его выводам. Более того, Алабин нисколько не сомневался в достоверности географической карты венецианского космографа XV века Фра Мауро, на которой, в частности, указан населенный пункт «Самар» приблизительно в том же месте, где находится современный город Самара.⁸ По мнению Алабина, карта составлена, вероятно, по существовавшим уже во времена Фра Мауро письменным источникам.⁹ Информаторами космографа могли быть соотечественники-купцы, торговавшие на Волге. Алабин проанализировал также жалованную царем Федором грамоту Троице-Сергиеву монастырю о беспошлинном пропуске по Волге монастырских судов, которая фактически подтверждает аналогичную грамоту царя Ивана Грозного.¹⁰ В грамоте есть указание: с монастырских судов нельзя брать пошлины в «Самарском городке». Это дает основание говорить о существовании Самары уже в период царствования Ивана IV.

Но эти сведения не повлияли на окончательный вывод Алабина о времени возникновения Самары: «Хотя убеждение в древнем существовании Самары, как сколько-нибудь замечательно-населенного пункта, имеет для вас значение, однако историю этого города мы все-таки будем вести с 1586 года, т.е. со времени официального признания ее царем Федором - городом или крепостью».¹¹ Мы, кстати, до сих пор не знаем, что из себя представлял «Самарский городок». Если же говорить о Самаре, основанной в 1586 г., то она помимо военного значения (форпост на восточных рубежах России) стала обладать административными функциями, а в XVII-XVIII вв. приобретала черты экономического и культурного центра в Среднем Поволжье. Поэтому нельзя не согласиться с мнением Алабина о том, что «развитие гражданственности в этой стране было немислимо доколе не стала проявляться в ней твердая власть московских государей. Из этого следует, что до того времени Самарская страна не могла иметь своей истории, по разноплеменности временных обитателей этой страны»¹²

Какова же была источниковая база научных трудов Петра Владимировича Алабина? Не будучи профессиональным историком, он хорошо знал о существовании разнообразного комплекса документов по истории Самары: изучал русские летописи, «Степенную книгу», картографический и статистический материал, документы, опубликованные в «Древней русской Вивлиофике», журналах «Русский архив», «Русская старина», министерства внутренних дел. Он широко использовал сочинения путешественников и географов Адама Олеария, П.С. Палласа, крупнейших русских историков В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева. Конечно же, хорошо знал документы, хранящиеся в губернской канцелярии, городской Думе и губернском земстве: «Трудно было надеяться найти в местных архивах какие-либо письменные документы, относящиеся до древнейших лет города, но мы все-таки испросили разрешения ознакомиться со старинными делами, хранящимися в архивах прочих земских и уездных судов губернии, а также некоторых других присутственных местах».¹³ Широко цитирует в своих книгах П.В. Алабин периодическую печать и, прежде всего «Самарские губернские ведомости», краеведческие статьи Л.И. Рычкова, академика П.П. Пекарского, А. Леопольдова, И. Второва и др. Ценно обращение

Алабина к легендам и сказаниям, к вспомогательным историческим дисциплинам геральдике, сфрагистике, генеалогии.

Все это, безусловно, повышало научную ценность оригинальных исторических сочинений П.В. Алабина, многое в них не потеряло актуальности и в настоящее время. Конечно, эпоха 60-90-х гг. XIX в. наложила свой отпечаток; не со всеми выводами можно сегодня согласиться. Но пионер самарского краеведения в целом представил достаточно достоверную картину описываемых событий, причем не безжизненное скучное полотно, а увлекательную историю, заселенную живыми людьми.

Остановимся еще на некоторых алабинских наблюдениях. Вполне правомерен его вывод о том, что темпы колонизации, освоения Самарского края усилились в начале XVII в., в так называемое «смутное время»: «Крестьяне и дворовые бежали в здешние привольные степи, отыскивая свободы». Здесь они вливались в ряды Волжской вольницы, становились казаками, которые, с одной стороны, защищали рубежи страны от набегов кочевников, а с другой, представляли реальную опасность для бояр и помещиков. Окраинное положение Самары влияло на состав горожан, которые находились в скрытой оппозиции к самодержавной власти и чуть ли не всегда готовы были принять участие в народных движениях. П.В.Алабин выделяет эту особенность Самары, которая в 1671 г. «отворила ворота Стеньке Разину», затем впустила без боя в город разинского атамана Федора Шелудяка, а в 1773 г. «явила новое доказательство преобладания в среде ее обитателей ультра демократических элементов», также без сопротивления и пролития крови сдавших город пугачевскому атаману Илье Арапову.¹⁴ Добавим, что Алабин квалифицирует крестьянские войны как бунт и разбой.

Среди богатого материала по истории Самары XVII-XVIII вв. читатель в алабинских книгах найдет сведения о мероприятиях правительства по закреплению за Россией территории Поволжья, о строительстве крепостей и засечных (укрепленных) линий, деятельности Оренбургской экспедиции под руководством видных государственных деятелей XVIII в. И.К. Кирилова, В.Н. Татищева, В.А. Урусова; об особенностях развития городского хозяйства Самары, о быте и культуре конца XVIII - первой половине XIX в., которая, «как и в огромном большинстве тогдашних наших уездных городов, была в мертвенном застое».¹⁵

Образование Самарской губернии в 1851 г. придало мощный импульс экономическому и культурному развитию самой Самары. Алабин считал, что она не случайно была избрана правительством в качестве губернского города, так как находилась как бы в центре «по отношению к местности, предназначенной для образования новой губернии; торговое и промышленное значение этого города и его приволжское положение указали на него, как на имеющий все задатки, чтобы стать достойным своего призвания - быть губерньским городом».¹⁶

Привлекают внимание разделы алабинских книг о рельефе Самары, характеристике почвы и воды. Автор считал, что лучшая городская вода находилась в колодце, расположенном в Иверском женском монастыре. Детально описаны качество и свойства воды в реках Волге и Самаре, даны наблюдения о вскрытии рек, продолжительности времен года, климатических условиях.

Впечатляют зарисовки окрестностей и облика города: «Когда подъезжаете сухим путем к Самаре с юга, из-за р.Самары, и с востока, по Оренбургскому тракту, город не представляет собою ничего живописного: в первом случае пред вами встают ряды бревенчатых серых хлебных амбаров, обрамливающих крутой берег... над которыми видится несколько зданий первой линии города и только; во втором случае вы подъезжаете точно к обыкновенному южно-русскому уездному городу, закрытому рядами ветряных мельниц, и за ними представляется вам полоса домиков с несколькими церковными главами между ними, с несколькими группами деревьев на окраинах: ничего грандиозного, ничего, чтобы поражало глаз».¹⁷ Иная картина предстает перед путешественником в Самаре: «Но вот вы и в городе. Вы на одном из гребней города - и вы не оторвете вашего взора от картины, которая пред вами раскинута».¹⁸

Одно из достоинств историко-краеведческих книг П.В. Алабина - этнодемографические очерки, которые содержат сведения о составе и структуре населения Самары. Относительно ее древнего периода Алабин правомерно считал, что «едва возникшая Самара первоначально была населена служилым военным или полувоенным людом, переселенным на этот пункт правительством из внутренних местностей государства. Таковым собственным переселением служилых людей на намеченный пункт и выразилось, надо полагать, обыкновенно, идея постановки на нем города. Впоследствии, когда занятый таким образом пункт делался в некоторой степени безопасным, в нем, мало-помалу, начинали ютиться ремесленники, промышленники и торговцы, из которых и образовывалось сословие так посадских людей или действительных горожан».¹⁹

На основе изучения данных о движении народонаселения Алабин пришел к выводу, что 40% населения Самары составляли выходцы из других районов России: «нет почти губерний, даже самой отдаленной, которая не имела бы своих представителей в Самаре».²⁰ В национальном

отношении преобладали русские, но в то же время здесь проживали татары, чувашаи, мордва, евреи, выходцы из Швейцарии, Франции, Турции, Молдавии, Австрии и Италии. Национальный состав населения наложил отпечаток на культовые здания: церкви и монастыри, такие молитвенные дома, как мечеть, кирха, синагога и костел.

П.В. Алабин правильно определил причины быстрого роста населения в Самаре. По его мнению, на этот процесс оказала сильное воздействие продолжающаяся колонизация края, а также все возрастающее «промышленно-торговое значение Самары, привлекающее в его черту жителей со всех концов России, особенно с того времени, как открытие Сызранско-Оренбургской железной дороги сделало Самару вполне доступною для каждого, во всякое время. Понятно, что с окончанием совершающегося ныне сооружения Самаро-Уфимско-Златоустовской железной дороги, население нашего города должно еще увеличиться в самом непродолжительном времени»²¹ - прогнозировал он в середине 80-х гг. Алабин сравнивает темпы прироста населения с аналогичным показателем в Соединенных Штатах Америки и подчеркивает, что «тамошние пионеры имеют много общего с поселенцами степных пространств Самарской губернии...»²²

Весьма содержательно написан очерк о социально-экономическом развитии Самары сначала как уездного, а затем губернского центра. Используются разнообразные статистические источники, которые позволили проследить динамику развития ремесленного производства, фабрично-заводской промышленности, а самое главное, торговли зерном, мукой, салом, прочими продуктами животноводства, лесом и другими товарами. Алабин считал, что промышленность и торговля являются главным нервом общественного организма. «Издревле существовала и другая торговля, путем которой была Волга. По этой реке в древнейшие времена совершался обмен произведениями юга и севера, и торговлею этой богатело царство Болгар».²³ Алабин пришел к выводу, что торгово-промышленная деятельность в Самарском крае особенно усилилась после сооружения Закамской и Самарской укрепленных линий. В хозяйственном освоении заволжских земель участвовали переселенцы и беглые крестьяне «со всей России», а также немецкие колонисты. Первый самарский летописец выявил причины, ускорившие развитие земледелия в крае: богатство почвенного слоя, обилие земель, удобство сбыта сельскохозяйственных продуктов, «преобладание над крепостным населением края - населения, относительно искони свободного - государственных, удельных крестьян и немцев-колонистов, обращение к земледельческой промышленности купцов и мещан, привлеченных выгодами такого рода деятельности».²⁴ Конечно, и государственные, и удельные крестьяне также страдали от феодального гнета со стороны государства и удела. Но хозяйственная и духовная жизнь их не подвергалась жесткой, зачастую мелочной опеке, как в русской помещичьей деревне, а потому пульс хозяйственной жизни бился интенсивнее.

Алабин установил, что значительная часть хозяйств края, особенно купцов и мещан, была ориентирована на рынок: «по количеству собираемой пшеницы и вообще хлеба, по расчету на душу населения губернии, Самарская стоит на первом месте между губерниями империи, а по среднему годовому избытку хлеба, поступающего на вывоз за границу - на втором месте».²⁵

Красочно и эмоционально описана городская торговля на Покровской, или Острожной, площади, Воскресенской, или Сенной, площади (ныне Самарская), Троицкой площади и так называемом «бурлацком базаре», который был расположен «на берегу Волги, близ пристани, отведенной для лесных изделий, - старейший торговый пункт города». Здесь же дается подробное описание торговли «колониальными, мануфактурными и прочими товарами» в магазинах и лавках Самары. Центром торговли была Дворянская улица, которая прежде называлась «Казачьей» (первыми ее заселяли казаки).

В книгах Алабина воспроизведена не только городская, но и деревенская жизнь. Ярко показан внешний облик самарской деревни в лесной и степной полосах губернии: «В местности относительно лесистой крестьянские жилища построены нередко из мелкого осинового леса или из тонкого и часто корявого леса других лиственных пород и вымазаны глиной, и только в Бузулукском уезде, в соседстве с Бузулукским бором, и частью в Ставропольском уезде, из соснового леса - по ту сторону р. Самары, в совершенно безлесной степи постройки жилых крестьянских зданий произведены из отличных сосновых или еловых бревен, только из экономии иногда распиленных пополам.

Тогда как по сую сторону названной реки крестьянские строения большею частью крыты соломой, в степной засамарской местности жилые избы выделяются постройками по преимуществу вполне достаточных размеров, опрятными и представительными... Очевидно, что красивые и обширные деревянные постройки засамарских деревень обязаны своим происхождением хорошему урожаю ценной пшеницы, иногда в изобилии собираемой в этих местностях».²⁶

П.В. Алабин указывает наличие в губернии торговых центров, где на базарах шла скупка хлеба: Красный Яр, Дубовый Умет, Зубовка, Мелекес, Черкасская, Сергиевск, Бузулук, Му-

равьевка, Алексеевка, Утевка, Новотроицкое, Борское, Тоцкое и крепость Сорочинская. Именно сюда свозили крестьяне и частные землевладельцы пшеницу различных сортов, и в том числе знаменитую тогда белотурку, а также русскую-перерод и брызгалку. Алабин воссоздает очень сложную, мозаичную картину хлебной торговли, сцены из жизни провинциального купеческого города второй половины XIX в. с массой деталей бытового характера, например, поведением крестьян, приехавших в город продавать хлеб, приказчиков и купцов во время заключения торговых сделок и т.д. Проследивает основные этапы развития Самарского хлебного рынка, который уже во второй половине XIX в. занимал прочные позиции на внутреннем рынке России: потребителями самарского зерна и муки были столицы, Верхнее Поволжье, Саратов и Астрахань, а через них Средняя Азия и Кавказ.

Самарская губерния являлась крупным поставщиком муки, крупы и овса для нужд русской армии. Самарская пшеница стала завоевывать и внешний рынок. В то же время Алабин указывал, что развитие земледельческого производства и торговли сильно зависело от природных условий, от стечения неблагоприятных обстоятельств «вроде войны или голода, в иные годы эта торговля (зерном - П.К.) как бы замирает, но вслед за сим, при обстоятельствах, по силе, вещей, изменяющихся к лучшему, она немедленно воскресает, как бы обновленная и развивает новые, неведомые дотеле, силы».²⁷ Алабин подчеркивал значение самарской хлебной торговли, по существу «создавшей наш город».

Одна из особенностей экономического развития Самары состояла в том, что промышленный ее потенциал в XIX в. был невелик, поскольку в экономике преобладал аграрный сектор. «Здесь всегда было, - писал Алабин, - как и в настоящее время, вообще мало ремесленников по отношению к численности городского населения», отсутствовали традиции в организации ремесленного производства, что, по его мнению, объяснялось «относительной молодостью нашего края вообще, как густо заселенной местности, и его земледельческим характером».

П.В.Алабин раскрывает причины замедленного развития фабрично-заводской промышленности в Самаре, главная из которых - отсутствие избытка местных капиталов. Купцы-капиталисты пришли в город с верховий Волги и главным образом занимались торговлей хлебом. Ощутимо сказывался недостаток рабочих рук и квалифицированных кадров, а также то, что широкое развитие кредита и строительство железных дорог началось лишь в 1870-х гг.

Конечно, некоторые выводы Алабина страдают односторонностью. В частности, он представлял городское общество единым целым, в котором якобы не было сословной розни и противоречий: чиновник, купец и мещанин, по его словам, «здесь всегда себя чувствовали во всех слоях общества как дома».

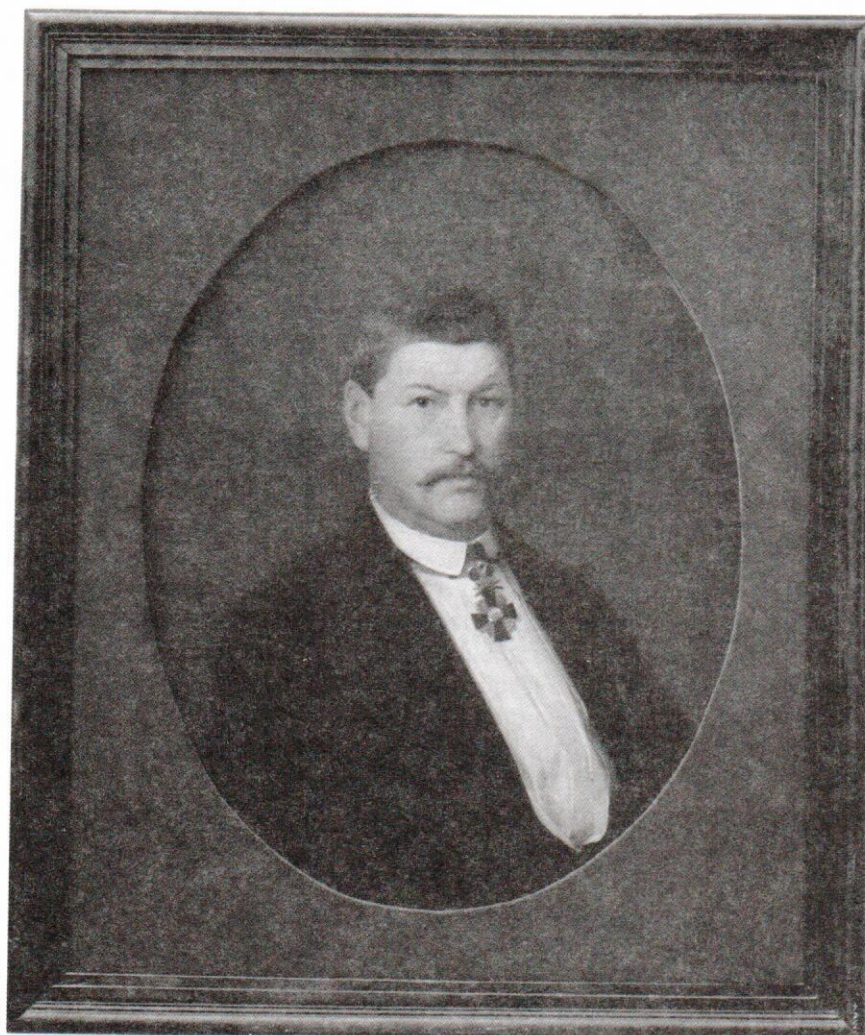
В работах Алабина приводится богатейший материал о культуре и быте провинциального губернского города, о той высокой роли, которую играла городская Дума в принятии решений, затрагивающих интересы всех горожан. Но в то же время он довольно критически относился к деятельности Думы, с возмущением отмечая некоторые гласные, «совершенное безмолвие во время заседаний», забвение общественных интересов. В противовес этому безразличию он приводит «главнейшие результаты городской Думы»; работы по благоустройству города, сокращение расходов, борьба с холерой и др. Так же высоко П.В. Алабин оценивал деятельность Самарского губернского земства, которое «в двадцатилетний период своей деятельности сделало немало несомненных и чрезвычайных услуг населению края и неоднократно принимало самое живое и энергичное участие в судьбах его населения, по многим, весьма важным случаям, никогда не оставаясь равнодушным к его интересам... Земством были приняты самые энергичные меры к развитию народного образования, устройству множества сельских школ для детей обоего пола, школы сельских учительниц, школ фельдшерской и повивальной...».²⁸ Земство, подчеркивает Алабин, выделяло стипендии для учащихся и студентов, открыло типографию и статистическое бюро, библиотеки, сельские почты, занималось устройством дорог, возвело губернскую больницу и психиатрическую лечебницу, а также большое число больниц и приемных пунктов в сельской местности и т.д. Все это, безусловно, закладывало серьезный материальный фундамент для развития в крае культуры в самом широком смысле этого слова.

Конечно, здесь лишь в общих чертах изложены взгляды Петра Владимировича Алабина на историю Самарского края. Читатель, обратившись непосредственно к его книгам и статьям, найдет богатейшие данные по самым разнообразным вопросам истории Самары и тем самым сможет по достоинству оценить величайший вклад легендарного самарца в сокровищницу русской культуры, отечественного краеведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Самарская газета, 1889. 28 ноября.
- 2 Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С.1.
- 3 Там же. С.2.
- 4 Алабин П.В. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском публичном музее. Самара, 1895. С.8.
- 5 Там же. С.3.
- 6 Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С.1.
- 7 Там же. С.3.
- 8 См. подр.: Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары. Куйбышев, 1986.
- 9 Алабин П.В. Несколько старинных документов, относящихся до истории г. Самары и Самарского края. Самара, 1890. С.3.
- 10 Там же. С.4.
- 11 Там же. С.6.
- 12 Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. Самара, 1887. С.1-2.
- 13 Алабин П.В. Несколько старинных документов... С.7.
- 14 Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С.9.
- 15 Алабин П.В. Трехвековая годовщина... С.17.
- 16 Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С.52.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 54-55.
- 19 Алабин П.В. Трехвековая годовщина... С.19.
- 20 Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С.73.
- 21 Алабин П.В. Трехвековая годовщина... С.24.
- 22 Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С.74.
- 23 Там же. С.327.
- 24 Там же. С.336.
- 25 Там же. С.337.
- 26 Там же. С.386.
- 27 Там же. С.373.
- 28 Алабин П.В. Трехвековая годовщина... С.137-138.

В.С. Жаравин

ПЕТР АЛАБИН – ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА ВЯТКИ

*Е.К.Макаров.
Портрет
П.В.Алабина.
1865 г.
Кировский
областной
краеведческий
музей*

НАШ АЛАБИН

Есть личности, которые притягивают к себе не только современников, но и потомков. С ними хочется общаться, спорить, советоваться. К таким, безусловно, относится и Петр Владимирович Алабин (1824-1896). Его личность вызывала и вызывает неподдельный интерес у его современников и современных исследователей, она завораживает и хочется еще и еще читать о нем, изучать его жизнь и деятельность. Поначалу казалось, что такое чувство испытываю я один. Но, встречаясь с людьми, которые, изучая историю Крымской войны или освобождения Болгарии от турок, историю создания музеев и библиотек в России или историю городов Вятки или Самары, в своих исследованиях соприкоснулись с Алабиным, убедился, что нечто подобное испытывают и они. Таких людей я вижу в Кирове и Советске, Москве и Самаре, Севастополе и Софии. Нас всех объединяет это имя - Алабин. Интерес к этому человеку велик сегодня еще и потому, что его имя искусственно было вырвано из истории России на целых 70 лет. Об Алабине вы не найдете статей ни в Большой Советской, ни в Малой Советской энциклопедиях, ни в других справочных изданиях советского периода. Исключение составляет Историческая энциклопедия. Уж слишком ярким он был человеком своего времени: искренне верил в Бога, считал монархию лучшей формой управления Россией, честно служил и был одним из высших чиновников в Вятке и Самаре, дослужившись до чина действительного статского советника (штатского генерала по табелю о рангах), да и награжден был многими орденами и другими знаками отличия за службу. Поэтому совсем из истории он никак «не выпадал», но упоминания о нем были в основном в виде фраз:

«Краеведческий музей в г. Вятке был основан чиновником Алабиным», «Раскопки городища впервые провел археолог Алабин» и т.п.

Робкие попытки написать биографические очерки о Петре Владимировиче Алабине, исследовать отдельные стороны его деятельности (просветительство, литературные труды) начались в конце 1970-х - начале 1980-х годов. Конечно, эти «попытки» были идеологически выдержаны, не все в них соответствовало истине, но они вернули имя Алабина из забвения, заинтересовали им последующих исследователей. И вот, начиная с конца 1980-х гг., идет бурное «возвращение» Алабина в нашу историю: начинают изучать его книги; в Самаре, Севастополе и Кирове проводятся специальные научные конференции, посвященные Петру Алабину, выходят сборники научных статей и отдельные книги о нем, снимаются документальные фильмы и проводят радио- и телепередачи о его жизни и деятельности. Имя Алабина присваивается Самарскому областному историко-краеведческому музею и Советской районной центральной библиотеке Кировской области. В постсоциалистической Болгарии тоже появляются новые труды об Алабине.

Каждый автор, приступая к написанию отдельной статьи или книги, ставит перед собой определенные цели и задачи, о достижении которых судить читателю. Мне хотелось бы показать «вятского Алабина», каким он был на протяжении восьми лет, с 1857 по 1866 гг., поэтому я не претендую на создание фундаментальной биографии этого человека, она будет, наверное, скоро написана общими усилиями исследователей. О жизни Алабина в Самаре или Софии можно прочитать сегодня в отдельных книгах. А вот о жизни в Вятке, этом небольшом по времени, но важном периоде в жизни Петра Владимировича, капитальных работ еще не было. Конечно, я не считаю, что смог полностью изучить данную тему и вполне возможно, что будут и дополнения, и замечания, появятся новые книги на тему «Алабин и Вятка». На суд читателя я выношу труд нескольких лет своей жизни, своеобразный итог своей работы: разысканий в Государственном архиве Кировской области, областной библиотеке им. А.И.Герцена, Самарском историко-краеведческом музее имени П. В.Алабина, Самарской областной библиотеке. Все, что написано, основано на документах, материалах периодической печати, работах самого Алабина и исследователей его биографии. Учитывая, что нами уже издан библиографический указатель «Алабин и Вятка» (Киров, 1999), своего рода первая часть моей работы, любопытствующих отсылаю к ней: там указано более 700 источников, использованных мною. Внимательный читатель наверняка найдет в этой книге знакомые ему факты, описания известных событий, и это неизбежно: изучая биографию Алабина, я опубликовал в разных изданиях около двадцати статей о Петре Владимировиче, несколько раз выступал о нем в передачах на телевидении и радио. Первоначально была задумка сделать сводный сборник этих статей, но их при желании может найти и прочитать каждый, и поэтому собранные материалы были заново проанализированы, и сейчас перед вами совершенно новая работа. С волнением выпускаю ее в свет.

Вид г.Вятки с реки. XIX век.

ДО ПРИЕЗДА В ВЯТКУ

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона статья о Петре Владимировиче Алабине начинается с определения «писатель»¹. Таким он виделся в начале XX века. Сейчас, еще через сто лет, мы бы добавили: просветитель, создатель музеев в Вятке, Севастополе и Самаре, организатор Софийской национальной библиотеки в Болгарии, историк и археолог. Таким нам видится место Алабина в истории России.

Петр Владимирович Алабин происходит из древнего дворянского рода земли Рязанской. На их фамильном гербе изображена стрела - символ ратного ремесла, которым мужчины в этом роду традиционно занимались. Дед Петра - Антон Герасимович, служил в Тульском егерском полку, сражался под командованием великого А.В.Суворова и вышел в отставку майором. Отец - Владимир Антонович - служил в этом же полку, вышел в отставку прапорщиком. Как писал Петр Владимирович: «Отец мой - отставной военный, кампанеец 12-го года, рязанский дворянин и помещик»². Владимир Антонович участвовал в Отечественной войне 1812 года, был и в заграничном походе против Наполеона.

Мать - в девичестве Эмилия Мартэн (Martin), дочь французского эмигранта, после принятия православия - Елена Александровна. Как пишут исследователи, именно после женитьбы на французке Владимир Антонович был вынужден покинуть Рязанскую землю: родственники не приняли этот брак. Они переезжают в город Подольск Московской губернии, где 4 сентября (16-го по новому стилю) 1824 г. (эту дату недавно нашел в архиве самарский краевед Олег Московский)³ родился их первенец Петр, названный, как утверждают, в честь Петра Великого. Всего у Алабиных было четверо детей: Петр, Владимир, Мария и Наталья. Владимир начинал службу канцелярским служителем первого разряда в Брянском уездном суде. К сожалению, пока не найдены другие данные о брате и сестрах Петра Алабина.

О детстве и юности Петра Владимировича почти ничего не известно. Учился он в бывшем дворянском училище в Брест-Литовске, затем в Белостокской гимназии. Отец его служил управляющим таможней в Цехановце, на польской границе, и умер в 1836 г. Видимо, с детства юноша любил слушать рассказы отца о боевых походах, о деяниях предков, о битвах и сражениях. Он мечтал стать военным и служить Родине, как служили все в его роду. Однако, по настоянию матери, а, может, по другой версии, потому, что у матери не было достаточных доказательств о дворянстве сына для поступления в кадетский корпус⁴, Петр был вынужден отказаться от мечты и по окончании гимназии поступил на бухгалтерское отделение Санкт - Петербургского Императорского коммерческого училища. Незадолго до выпуска из училища произошел случай, о котором Петр Владимирович вспоминал всю жизнь и охотно о нем рассказывал. По окончании училища полагалось служить по Министерству финансов в течение 6 лет. Такая перспектива не прельщала юношу. Училище называлось Императорское, и ежегодно император посещал его. И вот, во время одного из посещений, к Николаю Первому обратился молодой человек, представившийся Петром Алабиным, сыном отставного военного, с необычной просьбой: определить его на военную службу, освободив от финансовой. Император очень удивился и дал распоряжение просьбу удовлетворить.

По Высочайшему повелению Алабин был определен унтер-офицером в Тульский егерский полк. Но это произошло в 1843 г., а пока идет только 1842 год. Петр Владимирович спокойно, с твердой уверенностью в будущем заканчивает учебу. Шестого июня проходил торжественный акт по окончании училища. Выпускники традиционно выступают со словами благодарности в адрес преподавателей, предаются мечтам о службе. Слово представили и Петру Алабину, который в своем выступлении сказал: «Еще несколько поворотов минутной стрелки, и мы - граждане твои, Россия! Открой объятия твои новым сынам твоим, дай нам смиренный уголок между другими сынами твоими, удостой нас положить хоть кроху пользы на великий жертвенник твой!»⁵. В этих словах и юношеский пафос, и твердая решимость служить России по мере своих сил. Этому принципу Петр Алабин будет следовать всю жизнь. Газета «Санкт - Петербургские ведомости» так откликнулась на выпускные торжества в Коммерческом училище: «...особенное впечатление произвела речь г. Алабина. Он произнес ее с одушевлением, видно было, что от полноты сердца уста говорили... Русская литература может надеяться приобрести в нем замечательное дарование»⁶.

Слова эти были лестны Петру Алабину, и, возможно, именно они воодушевили его заняться литературным трудом. До определения на военную службу у Петра Владимировича было несколько свободных месяцев, и он проводил их в Брянске. Оттуда он послал несколько своих работ в журнал «Маяк», где их и опубликовали. «Маяк» - журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской», как сказано в подзаголовке, издавался

в Санкт-Петербурге. В Кировской областной библиотеке им. Герцена сохранились комплекты этого журнала за 1840-е годы. Перелистывая их, мы находим эти первые публикации П. В. Алабина. В № 16 за 1843 год помещена его корреспонденция «Несколько слов о предположении награвировать рисунок иконостаса Свенского Новопечерского монастыря Божией Матери, что в Орловской губернии». О чем же она? «Какой богатый рудник красот, вдохновений, прекрасных очаровательных картин, великих воспоминаний откроется человеку, поэту-художнику, который вздумает заняться священными предметами России, вздумает передать полотну и бессмертного множества наших чудесных православных храмов, мест, облитых кровью защитников Руси, мест, освященных в памяти народа чем-либо высоким, прекрасным»⁷. А далее автор излагает свои мысли об исторических местах России и переходит к описанию монастыря у г. Брянска, в котором сохранился домик, где «жил и молился великий преобразователь отчизны нашей» Петр Первый⁸. П. В. Алабин приветствует идею издания оттисков рисунка иконостаса с целью сохранить домик Петра.

По существу, эта статья программная для Алабина. Именно в ней он впервые заговорил о памятниках истории, их изучении и сохранении для потомков. «По-моему, ни один памятник нашей древности, отмеченный каким-либо святым для русского воспоминанием, ни один памятник не должен быть в забвении»⁹, - писал он.

Интересно, что газета «Вятские губернские ведомости» регулярно помещала рекламу журнала «Маяк», давая анонс содержащимся материалам. И вот в газете за 12 июня 1843 г. мы видим и фамилию П. Алабина с сообщением об указанной статье¹⁰. Это сообщение можно по праву считать первой вятской публикацией об этом человеке.

Последующая статья Алабина, помещенная уже в № 23 журнала «Маяк» за 1843 г., тоже любопытна. Это баллада, переведенная автором с английского языка, и отрывок из сопроводительной статьи к ней. Переведенное произведение «Лучший мир» представляет собой религиозную мечту о загробной жизни, поэтому автор и счел необходимым дать пояснение, где указывается, что мысль в балладе «чуждая», но много общих мест. Есть упоминание, что молодым литератором переведена из английского альманаха еще одна баллада, удовлетворяющая цели журнала «знакомить русских с понятиями западных писателей обо всем христианстве»¹¹.

Эти первые работы Алабина: и опубликованная речь по окончании училища, и две статьи в журнале «Маяк» - уже четко показывают и идеалы Петра Владимировича - служить Родине, и интерес к истории и литературе, и стремление к просветительству. Все это пройдет у него через всю жизнь.

С первого апреля 1843 г. началась военная служба Алабина, продолжавшаяся 14 лет. Эти годы были для Петра Владимировича настоящей школой жизни. Военские части, в которых служил Алабин, часто располагались в небольших городках, а то и в селах, и он внимательно наблюдал и изучал жизнь простого народа, собирая понравившиеся ему народные слова и выражения. Позже в «Походных записках» он дает прекрасные зарисовки народного быта, подсмотренные им, когда он жил с крестьянами, как говорят, бок о бок.

Важным событием в жизни Алабина стало участие в Венгерском походе 1849 г., когда русские войска были направлены на подавление революционных выступлений в Австро-Венгрии. В это время он начал вести дневник, куда подробно записывал не только последовательные события, этнографические зарисовки, но и делал выписки об истории Венгрии, о тех населенных пунктах, где бывал. Собранный материал лег в основу целой серии его очерков, которые под названием «Походные записки пехотинца» печатались в «Северной пчеле» в октябре 1849 г. Позже он включает их в книгу «Четыре войны», где выразил и свое отношение к этому походу: «событие, достойное вечного сожаления»¹². Во время тех событий Алабин служил полковым адъютантом. Ему много приходилось бывать в разъездах, участвовал он и в вооруженных стычках с восставшими. За особые отличия в выполнении поручений во время похода вскоре после возвращения на родину Петр Владимирович был награжден орденом Святой Анны 4-й степени на саблю.

В 1848 г. произошла встреча Алабина с Варварой Васильевной Безобразовой, 16-ти летней уроженкой г. Брянска. История их взаимоотношений, их любви заслуживает отдельной работы. Достаточно прочесть отрывки из дневника Варвары 1848-1849 гг., опубликованные в Самаре, или страницы «Походных записок» Алабина, посвященные любимой женщине, чтобы понять, как они относились друг к другу, насколько были близки по духу. Вскоре после возвращения Петра Владимировича из Венгерского похода они поженились, и до конца жизни Варвара была Алабину первой советчицей, поддерживавшей все его начинания. В 1851 г. у них родился первенец, которого назвали Василий. А всего у них было 8 детей: три сына и пять дочерей.

Летом 1853 г. началась война с Турцией, на стороне которой позже выступили Англия и Франция. Петр Алабин - в действующей армии. Он адъютант командующего 11-й пехотной дивизии генерал-майора Павлова, участвует в Дунайском походе русской армии, сражается с турками в битве при Ольтенице, за отличие в которой получает звание штабс-капитана. И по-прежнему ведет дневник, куда записывает все увиденное. В «Походных записках» мы читаем и о

быте молдавских и румынских крестьян, и о памятниках истории тех мест, и об Ольтеницком сражении, его героях, и о том, как по проекту Алабина сооружают памятник на могиле павших.

После возвращения из похода дивизия Павлова была направлена в Крым. В конце октября 1854 г. после длительного марша расположились у аула Бельбек. «По вечерам, когда смеркается, - писал в те дни Алабин в дневнике, - часто играем в карты или у нас, или у артиллеристов, на горе, где встречаем графа Льва Толстого, получившего известность литератора и страстного картежника, - он служит в нашей артиллерийской бригаде»¹³.

А затем была оборона Севастополя. В служебном формуляре Петра Владимировича Алабина записано, что за отличие в Инкерманском сражении под Севастополем 24 октября 1854 г. награжден орденом Святой Анны III степени с мечами и бантами, за отличие в сражении при защите Севастополя 17 апреля 1855 г. произведен в капитаны, за отличие при штурме Севастополя 27 августа 1855 г. пожалован орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами¹⁴. Уже этот краткий перечень характеризует Алабина как человека храброго, ответственно выполнявшего свои адъютантские обязанности. В осажденном Севастополе была и Варвара Алабина, ставшая сестрой милосердия. Воевал там и ее брат - Василий Безобразов, за мужество и героизм удостоенный 4-х орденов.

По окончании Крымской войны Алабин еще в течение года служил адъютантом, потом «исполняющим должность» начальника штаба одиннадцатой дивизии. 5 августа 1857 г. уволился в отставку.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ВЯТКЕ. РАСКОПКИ АНАНЬИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Газета «Вятские губернские ведомости» в разделе «Приехавшие» сухо сообщает своим читателям, что 8 октября 1857 г. из Москвы в Вятку прибыл титулярный советник Алабин¹⁵. Начинался новый, ни на что не похожий вятский период его жизни, жизни, как бы сегодня сказали, «на гражданке». Ко всему надо было привыкать, многое начинать буквально с нуля.

Возникает вопрос: почему Петр Алабин приехал в Вятку? Логично было бы предположить, что, выйдя в отставку, когда его дивизия стояла в Воронеже, он мог бы остаться там. В центральной России и климат помягче, и дворянин Алабин, как помните, рязанский, и служба его проходила в западных, юго-западных и центральных районах, которые он себе хотя бы представлял. Точного ответа на данный вопрос пока не найдено. Самарский краевед Олег Московский выдвинул версию, что Алабин поехал в Вятку к своей матери. Елена Александровна после смерти Владимира Антоновича Алабина вышла второй раз замуж и стала носить фамилию Лобанова. Эта точка зрения вроде бы подтверждается и косвенными данными Государственного архива Кировской области¹⁶. Действительно, в Вятке жила в то время Елена Александровна Лобанова, француженка, шестидесяти лет (1864), вдова надворного советника Ивана Лобанова, с тремя дочерьми. Причем в документах указано, что две дочери родились в Брянске, в 1844-45 гг., а, как известно, Петр Алабин по окончании коммерческого училища в 1842 г. поехал в Брянск, где жила его мать. И еще одно обстоятельство: известно, что Алабин и Лобановы поддерживали отношения, и Александра Лобанова участвовала в литературно-музыкальных вечерах, устраиваемых П.В. Алабиным. Позже Елена Александровна Лобанова переедет в Самару, где жил П.В. Алабин, и после смерти будет похоронена на кладбище Иверского женского монастыря, где погребены все Алабины. Однако абсолютных доказательств пока не найдено, и потому будем считать это объяснение версией.

Приезд именно в Вятку можно объяснить и тем, что наш город в середине XIX в., нравится это нам или нет, был захолустным углом России, испытывавшим хронический недостаток в чиновниках. Сюда людей образованных зазывали, давали им льготы: оплачивали подъемные, раньше на один год присваивали чин. Согласитесь, что для Петра Владимировича, человека семейного (у него уже было четверо детей), это тоже было немаловажным. Возможно, что он приехал, взяв во внимание эти причины вместе.

3 ноября 1857 г. приказом по гражданскому ведомству за № 211 Петр Алабин был определен помощником управляющего Вятской удельной конторы¹⁷.

Современному читателю непонятно, что это была за контора и чем там занимались люди. Поэтому необходим маленький экскурс в историю. В начале XIX в. по указу Павла I в России создается Министерство Двора, цель которого - обеспечение жизни царствующей династии. Важнейшей частью этого министерства был Департамент Уделов, ведавший сбором средств на содержание Двора. Уделы (или они еще называются удельные имения) были выделены во многих губерниях России, доходы от деятельности на их территории как раз и шли в Департамент. В губерниях для управления этими землями создавались удельные конторы, а на местах - удельные приказы, такие особые территориальные единицы, включающие разные волости. Удельная

система была относительно самостоятельной. Она имела свои ведомственные предприятия, учебные заведения, мастерские, больницы и т.п. Местным органам власти уделы подчинялись только территориально. Как писал Н.П. Ерошкин в книге «История государственных учреждений дореволюционной России», удельные конторы являлись административно-полицейскими, финансовыми и судебными учреждениями¹⁸.

Вятская удельная контора была создана в 1808 г. и объединяла 12 приказов, располагавшихся в Елабужском, Котельничском, Малмыжском, Нолинском, Орловском, Сарапульском, Уржумском и Яранском уездах. По «хлебородию» это были лучшие уезды губернии. На удельных землях проживало в 1856 г. 171438 крестьян обоего пола, тогда как все население Вятской губернии составляло более 2 млн. человек¹⁹. Для удобства управления 6 удельных приказов Елабужского и Сарапульского уездов были объединены в Мостовинское отделение (по названию с. Мостовое).

Петр Владимирович Алабин был назначен помощником управляющего удельной конторы - заведующим Мостовинским отделением. По существу он стал управлять почти половиной Вятского удельного имения.

Первые месяцы после приезда на Вятскую землю Алабин жил в Вятке: вникал в новое для себя дело, изучал документы. К тому же тяжело заболела дочь Варвара. 19 февраля 1858 г. она умерла от коклюша и была похоронена на Богословском кладбище Вятки²⁰.

Отгоревав, Петр Владимирович поехал в Сарапул, к месту службы. О деятельности его в должности заведующего Мостовинским отделением мы немного узнали из отчета Вятской удельной конторы за 1858 г. «В некоторых имениях Сарапульского уезда введена в употребление вместо обыкновенной сохи таковая же, но с одним сошником, приспособленная к местным условиям, улучшенная священником села Гиланово Емельяновым, обучающимся в Санкт-Петербургском удельном земледельческом училище. Экземпляр таковой был представлен на Вятскую очередную выставку прошедшего года»²¹. Несомненно, новшество это вводилось при прямой поддержке Алабина.

Похоже, что, приехав в Вятскую губернию, Петр Владимирович был удивлен, что здесь совсем не было садов. И вот по его инициативе осенью 1858 г. началась массовая посадка яблонь в Сарапульском уезде. Как сказано в отчете, крестьяне посадили в деревнях 19064 дерева, в селе Мостовом 89 деревьев, вокруг кладбища 1253 дерева. Кроме того, кладбище у села Нечкино было обсажено живой изгородью из шиповника²².

При знакомстве с удельными крестьянами Алабин обратил внимание на то, что среди них много больных сифилисом. Удельная больница находилась в Кукарке (современный Советск), от Сарапула очень далеко, а в губернских больницах больных пристроить не удавалось. Поэтому новый заведующий по согласованию с конторой принимает решение и учреждает новую больницу в селе Мостовом на 25 коек, под заведованием опытного удельного фельдшера Пономарева. С момента открытия: июня 1858 г. - до конца года там лечилось 74 человека, из которых 54 выздоровели, а 20 продолжали лечиться²³.

Пришлось Петру Владимировичу соприкоснуться в том же 1858 г. и с любезной его сердцу историей. Он провел археологические раскопки Ананьинского могильника. Как это произошло, Алабин подробно рассказал сам²⁴. Елабужский купец Иван Васильевич Шишкин, увлекавшийся историей, собрал у крестьян древние вещи, найденные на кургане у деревни Ананьинской. Для определения их значимости он направил их уроженцу Елабуги профессору Невоструеву, который удостоверил важное археологическое значение этих находок и предложил Шишкину провести раскопки на кургане. Однако крестьяне не дали чужому для удела человеку копать на удельных землях. Шишкин несколько раз обращался в удельную контору, но получал отказы. «А так как настойчивым домогательством означенного лица и частыми поездками многих для осмотра кургана, невольно обратилось на него внимание окрестных жителей; равно принимая в соображение, что ежегодно разливом Камы могильник более и более разрушается, Вятская контора решила, чтобы предупредить потерю, какую может понести наука или от невежественного покушения кладоискателей, или от разрушения кургана водою, немедленно произвести поиск на этом кургане. Честь этого дела была поручена мне», - писал позже П.В. Алабин²⁵.

В июне 1858 г., взяв в помощники И.В. Шишкина, Алабин провел раскопки Ананьинского могильника. Конечно, оба они не были специалистами - археологами, поэтому они, как потом написал К.И. Невоструев, «запасшись руководствами по курганной части, тщательно и осторожно вели дело «с Фундуклеем в руках», - как писал мне г. Шишкин, - все наблюдали, записывали и сообщали»²⁶.

Спустя многие годы казанский археолог П. А. Пономарев попробовал восстановить, как проходили раскопки. «40 человек рабочих сделали в один день ров около 60 метров длины и два с половиной метра ширины и глубины», - записал г. Аспелин, посещавший лично могильник... Мне лично довелось выслушать от местных крестьян - непосредственных участников в раскопке г.

Алабина - еще более решительную а, быть может, даже несколько преувеличенную характеристику той быстроты, с которой производилась работа. «При г. Алабине, - рассказывали они, - согнали народ из трех удельных деревень - из нашей Ананьинской, из Мальцевой и Пospelовой, собралось нас человек со-сто и копали мы целый день, а г. Алабин с корзиной ходил, находки собирал и запись вел»²⁷. Это было напечатано в 1892 г.

В траншее был вскрыт 51 костяк, по нумерации Алабина - 46, и собрано 150 погребальных предметов. Находки П. В. Алабин отправил в Департамент уделов, однако, незначительную часть их оставил себе, позднее передав в создаваемый им Вятский музей.

В сентябре Петр Владимирович написал своеобразный отчет о проделанной работе, в которой он попытался описать и определить время находок, их принадлежность. Он довольно правильно угадал, что предметы относятся к добулгарскому периоду (первые века н.э. или до н.э.), и предполагал, что этот могильник скифский. Этот отчет под названием «Ананьинский могильник» в 1859 г. был опубликован в «Вятских губернских ведомостях» (с нашей точки зрения довольно неожиданно, что по существу научная статья публикуется в официальной газете, но, видимо, Алабин решил, что местное население должно знать свою историю, и смог убедить руководство губернией). В 1860 г. эта работа вышла и в «Вестнике Императорского Русского Географического общества»²⁸. Обществу была передана для изучения и сама коллекция с могильника. Публикация Алабинского материала вызвала большое оживление в научных кругах России, породив много споров и суждений. Впоследствии многие ученые-археологи посещали Ананьинский могильник: одни просто знакомились, другие проводили раскопки. На сегодняшний день существуют десятки, а может, и сотни статей об этом могильнике. Появился специальный термин «ананьинская культура». А это все говорит, что Алабин своими раскопками вошел в историю науки археологии. Для нас важно еще и то, что Алабин был первым, кто начал археологические раскопки в Вятской губернии. В ряде научных работ раскопки Алабина подвергнуты серьезной критике. Но вот мнение современного Кировского археолога Л.А.Сенниковой: «Ананьинский могильник - первый археологический памятник в восточной России, подвергнутый правильным раскопкам. В ходе работ П. В. Алабин вел дневник раскопок, делал записи, составлял опись находок по мере их выявления. Однако при этом не было сделано рисунков, чертежей и карт, но их в то время не делал никто. Методика полевых работ, использованная на могильнике, соответствовала тем требованиям, которые рекомендовалось применять при раскопках археологических памятников»²⁹.

Заканчивая свою статью о могильнике, Петр Владимирович указывал, что за неполный год, проведенный на Вятской земле, он уже осмотрел семь памятников древности, и дает их краткое описание, призывая к изучению истории края.

ВО ГЛАВЕ УДЕЛЬНОГО ВЕДОМСТВА

29 октября 1858 г. Императором Александром II было подписано распоряжение «Об упразднении Пермской и образовании Сарапульской и Вятской удельной контор». Согласно Высочайшему Повелению, удельные приказы Пермской губернии и входившие в Мостовинское отделение Вятской губернии объединялись и образовывали Сарапульскую удельную контору. Вятская же контора оставалась в составе семи приказов: Петропавловского, Кукарского, Лебяжского, Водозерского, Пиштанского, Ильинского и Большепольского. Утверждались и новые штатные расписания. Для Вятской удельной конторы они были утверждены в 19 единиц (всего!): управляющий конторой, два помощника, четыре столоначальника и соответственно четыре их помощника, землемер, помощник землемера, архитектор, медик, ветеринар и четыре удельных депутата (своего рода руководители на местах)³⁰.

Начались и кадровые изменения. Управляющим Вятской удельной конторой служил А.И. Назимов, который только «исправлял должность», т.е., говоря современным языком, временно исполнял обязанности. Поэтому, когда встал вопрос, кто будет возглавлять Вятскую контору, естественно, всплыла кандидатура П. В. Алабина, служившего по существу заместителем управляющего. Наверняка, была запрошена и служебная характеристика на Алабина и дана соответствующая аттестация. В конце 1858 г. Департаментом уделов Петр Владимирович назначается заведующим Вятской удельной конторой (канцелярский штрих того времени - «заведующим», а не «управляющим», т.е. временно, с испытательным сроком).

Закончив все дела с Мостовинским отделением, Алабин приезжает в Вятку. Сразу же встал вопрос, где жить. Казалось бы, проблемы быть не должно. Существовала служебная квартира управляющего конторой, но Алабин назначен пока только заведующим. Вот такая бюрократическая заковырка! И вятский губернатор Н.М. Муравьев вынужден писать в Департамент Уделов: «Господин титулярный советник Алабин 16 января прибыл в Вятку и согласно распоряжению

Департамента Уделов принял управление Удельной конторой на законном основании, т.к. г. Алабин вынужден был переезжать из Вятки в г. Сарапул и обратно, что сопровождалось большими материальными потерями при продаже заведенных книг, вещей, то, имея в виду обещание г. начальника уделов оставить Алабина управляющим Вятской конторой и также принимая во внимание стесненное его положение при значительных расходах, прошу разрешить ему занять квартиру управляющего конторой.

Сообщая об этом Вам, милостивый государь, имею честь покорнейше просить Вас доложить также Его Высокопревосходительству, что г. Алабин во время своих разъездов изучивший надлежащим образом быт и жизнь удельных крестьян и как человек весьма способный, деятельный и совершенно бескорыстный был бы весьма полезен для занятия места управляющего, чего он по своим умственным и нравственным способностям вполне достоин»³¹.

Вот такое ходатайство и одновременно характеристика чиновника, служившего всего один год в далеком от Вятки Сарапуле!

Вскоре семья Алабиных поселилась в доме по улице Московской, в здании Вятской удельной конторы. Дом сохранился - сейчас это здание школы № 22 на Театральной площади. Правда, оно изменилось: к нему сделаны пристрой с двух сторон, надстроены два верхних этажа. А в середине XIX в. это был двухэтажный особняк, на первом этаже которого располагалась контора, а весь второй этаж был отдан под жилые комнаты управляющему. Сегодня это кажется роскошью, но для Алабиных, наверно, было даже маловато. Сохранившиеся документы помогают нам восстановить вид квартиры Алабиных, ее планировки³². Там были рабочий кабинет Петра Владимировича, его спальня, спальня жены, гостиная, зала, диванная, комната старших девочек, комната младших девочек, комната мальчиков, комната няни и т.д. Прислуга жила во флигеле. Семья была большая. Перед отъездом из Вятки у них уже было семь детей. В этом доме на Московской Алабины жили все время с 1858 по 1866 гг., пока находились в Вятке.

1859 г. для Петра Владимировича был годом напряженнейшей работы, он «входил» в новую должность. «Вятские губернские ведомости» несколько раз сообщали, что Алабин выезжал из Вятки то в Сарапул, то в Кукарку, то в Яранск, то в Нолинск³³. Он объезжал удельное имение, знакомился с делами, с людьми, вникал в проблемы. Выявленные архивные документы показывают, чем занимался Алабин в то время: это и освобождение крестьянина от рекрутчины, и разрешение вопроса с подводной повинностью, и организацией случного пункта в Кукарке (важнейший был вопрос - разведение племенных лошадей) и др. По документам видно, что буквально через полгода, разобравшись в обстановке, Алабин активно проводит свою политику, свое понимание, как увеличить доходность имения, одним из путей к которой является увеличение грамотности среди крестьян.

В губернской газете Алабин пишет: «... как управление государственных имуществ, так и удельные в среде своих действий стремятся к улучшению быта подведомственных им крестьян, к возможному усовершенствованию своих ведомств..., трудятся для возвышения дохода казны без утеснения податного сословия, трудятся над развитием просвещения, промышленности, ремесел, торговли, земледелия, над улучшением домашнего хозяйства крестьян, устройством их лесов, над ознакомлением их с современными изобретениями, клонившимися к облегчению их тяжелого труда, над устройством врачебной части, над искоренением пороков, предрассудков, суеверий, над возвышением нравственности народной и проч., и проч.»³⁴.

До прихода к управлению Алабина в Вятском удельном имении имелось 6 школ для обучения детей грамотности³⁵. Они существовали с 1841 г. по одной на каждый удельный приказ, и, видимо, считалось, что это нормально. Петр Алабин сразу же сломал эту традицию. Он считал, что школы должны быть в каждом крупном селе. И вот только за первый год своего руководства он открыл 19 школ для крестьянских детей в селах: Троицком, Ишлыке, Липове, Ижевском, Шевнине, Колобове, Лебязье, Архангельском, Шошминском и Салобеляках³⁶. Причем в некоторых селах были открыты две школы: для мальчиков и девочек отдельно. И это примечательно: женского образования в Вятском удельном имении ранее вообще не было. Школы были временно открыты в общественных зданиях или домах учителей, и Алабин хлопочет перед Департаментом Уделов о разрешении построить для школ отдельные здания. Это начинание Петра Владимировича поддержало и местное духовенство, и крестьяне. Сельские священники начали бесплатно вести обучение чтению, письму, арифметике и Закону Божьему. Помещения под школы чаще всего тоже предоставлялись бесплатно. Расходы на оборудование, «учебные припасы», частичные наем и отопление удельная контора взяла на себя.

Центральным учебным заведением Вятского удельного имения было Кукарское училище, потому что оно учило не только грамоте, но и ремеслу, т.е. готовило специалистов, хотя и низшей, но квалификации. Оно было создано в 1840 г., успешно функционировало, достаточно только вспомнить, что изделия учащихся этого училища получали призы на проходивших в Вятке

сельскохозяйственных выставках. Алабин внес изменения и в жизнь училища. Вот, как написал об этом, основываясь на воспоминаниях современников, учитель этого учебного заведения И.М.Осокин, впоследствии видный вятский историк: «... Перед началом полевых работ, в июне, для приготовленных к выпуску делались испытания. Последние всегда проводились Управляющим удельной конторой, который заблаговременно предупреждал о времени своего приезда и вместе делал внушения учителям, чтобы они как можно усерднее и внимательнее занялись в это время своим делом...

На правах нынешнего директора или инспектора народных училищ Управляющий ревизовал училище, производил выпускные испытания, делал замечания по поводу слабых успехов в известных предметах или, наоборот, высказывал благодарность за хорошие успехи, просматривал третные и годовые отчеты по училищу, лично распорядился делами по выписке книг, переписке их, уничтожении старых и замене их новыми и прочее. Он же обязан был следить за ходом учебного дела и руководить занятиями учителей. Некоторые из управляющих отправляли эту обязанность не хуже, пожалуй, современных инспекторов. Таков был Петр Владимирович Алабин, теперешний самарский городской голова (написано в 1890 г. - В.Ж.). В документах училища хранятся два его предписания, по мысли и по тексту не лишённые и теперь интереса и практического значения. Одно из них от 24 августа 1859 г., другое - от 25 июля 1860 г. В том и другом сделано несколько очень дельных замечаний по поводу преподавания каждого предмета в сельском училище. Он настаивает на том, «чтобы ничего из преподаваемого ученикам не было заучиваемо ими наизусть. Прежде нужно, - советовал он, - рассказать и объяснить мальчикам урок, заставить несколько раз тут же повторить рассказанное, а потом предоставить им дома припомнить все сказанное при помощи (помощи - В. Ж.) учебника, а затем на другой день требовать изустного ответа собственными словами ученика». При этом учитель обязывается «стараться развивать мыслительные способности детей. Для этого он должен как можно больше говорить и читать с ними, позволяя им при этом задавать себе вопросы и даже возражать себе, заставлять рассказывать прочитанное и внимательно выслушивать их рассказ, вообще внушать ученикам более доверия к себе, искренности и простоты». Осокин делает вывод: «Эти гуманные замечания были громадным шагом вперед в сравнении с прошлым временем, где зубрежка учебника «от сих до сих» и чисто начальнические сухие отношения учителя к ученику были синонимом школы»³⁷. Вот так оценивалась педагогическая деятельность Петра Владимировича спустя 30 лет.

Уделяет внимание Алабин и развитию здравоохранения в уделах. В отчете о работе за 1859 г. он пишет: «За последние три месяца с прибытием в больницу нового медика - надворного советника Иванова - при его усердии и стремлении к пользе ближнего, число пользовавшихся медицинским пособием (помощью, по-современному - В. Ж.) в больнице значительно увеличилось... Особое внимание уделялось прекращению венерических болезней»³⁸.

Если в 1858 г. Петр Владимирович приобщал к садоводству сарапульских крестьян, то, начиная с 1859 г., разведением садов по его указанию стали заниматься и в других уделах Вятской губернии. В первый же год Алабинского управления был разбит сад при доме Пиштанского приказа (с.Пиштань Яранского уезда), где были посажены дикорастущие деревья и до 20 яблонь разных сортов³⁹.

С присущей ему энергией Алабин старается вникнуть во все проблемы Вятского удельного имения. Насколько хорошо и обстоятельно он разобрался с делами, можно судить по его большой статье, напечатанной в октябре 1859 г. в трех номерах «Вятских губернских ведомостей», - «Сведения о скотоводстве в Вятском и Сарапульском удельном имениях». Здесь мы видим и умение пользоваться статистическими данными, и знание материала, и сравнение, и выводы. Однако автор этим не ограничивается, а дает ряд насущных практических рекомендаций. Интересно, что, рассказав о делах Вятской удельной конторы, Алабин в статье предлагает и другим губернским учреждениям публиковать в газете «свои годовые отчеты, хотя бы только по хозяйственной части»⁴⁰. Он пишет, что тогда эти отчеты содержали бы в себе больше правды. Идея эта претворилась в жизнь, и вскоре на страницах газеты заpestряют отчеты различных учреждений. Возможно, что эта идея пришла по душе вятскому губернатору, и он потребовал печатать отчеты. Как бы то ни было, но идея прижилась. Следовал ей всегда и Алабин, стремившийся о своей деятельности, особенно общественной, рассказать жителям губернии через газету.

Деятельность Петра Владимировича Алабина в должности заведующего Вятской удельной конторой была оценена Департаментом Уделов. В апреле Алабин был произведен в очередной чин и стал коллежским асессором «за отличие по службе»⁴¹, а в октябре утвержден управляющим конторой.

Став одним из высших чиновников губернской Вятки, Алабин почти автоматически, по должности, становится членом самых разных комитетов: по конезаводству, по оспопрививанию, по общественному здравью, статистического, попечительного о тюрьмах; членом присутствия о земских повинностях, чуть позже и по крестьянским делам. Участие во всех этих комитетах и присутствиях входило в служебную деятельность Алабина, везде ему давались поручения, о

выполнении которых он был обязан отчитываться. В Государственном архиве Кировской области хорошо сохранились фонды этих комитетов и комиссий, в них десятки дел, где можно прочитать о деятельности в них Петра Владимировича.

На наш взгляд, очень интересны материалы об участии Алабина в проверке Яранской и Нолинской тюрем, проведенной по линии попечительного о тюрьмах комитета в декабре 1859 г. Служебный отчет о командировке получился у Алабина по существу литературным произведением о быте арестантов середины XIX в. Вот Яранская тюрьма: «Пол моется раз в две недели и довольно опрятен, в окна одинокие рамы с тусклыми закопченными стеклами с постоянной сыростью и мокротой, вбираемую грязными тряпками, положенными на подоконник для предохранения от течи на изголовье нар, все комнаты освещаются свечами, горящими в самих камерах, стены мрачны, по-видимому, с незапамятных времен не белены; начиная с нар, стены, насколько можно достать рукою, запачканы раздавленными клопами... Камеры нижнего этажа отличаются от верхних только необыкновенным мраком, удушающим зловонным воздухом, совершенною чернотой стен, потолка, окон, сквозь стекло которых едва пробивается тусклый свет... Простыней, подушек, наволочек, войлоков казенных ни у кого не состоит. Спят арестанты или на голых нарах, или на своих постелях»⁴². Не лучшее положение дел нашел Алабин и в Нолинске.

В заключении, обобщая материалы проверки, он пишет: «Изложив во всей подробности осмотренные мною тюрьмы, нолинскую и яранскую, долгом своим считаю представить свои мысли о том, как необходимо и возможно было бы губернскому комитету о тюрьмах принять меры, чтобы хоть в некоторой степени, с одной стороны, удовлетворить требования закона относительно содержания арестантов, с другой, успокоить свою совесть убеждением, что нами употреблены все усилия к облегчению судеб несчастных, порученным нашим заботам, настояв с тем вместе, чтобы эти усилия непременно достигли желаемого результата»⁴³.

Далее П.В. Алабин пишет: «Но главнейшим занятием для арестантов, самым полезным для них и удобным для большинства, я считаю изучение грамоты и чтение книг. Давать арестантам книги для чтения, а также необходимые учебные припасы для научения грамоты. Но так как ни в одной из двух осмотренных тюрем не имеется потребных для этого книг и, сколько мне известно, не имеется таковых и в других тюрьмах, то я полагаю необходимым завести для каждой тюрьмы библиотеку книг - содержания, соответствующего назначению. В Вятке должна быть устроена центральная библиотека, которую надлежало бы поручить для единства действия и большого порядка одному из директоров комитета, в ведении которого оставить и тюремные библиотеки»⁴⁴.

Эта идея была поддержана комитетом о тюрьмах. Уже в смете на содержание Вятского тюремного замка на 1860-й год появилась строка, которой в предыдущих сметах не было, - «приобретение книг». С этого же года в отчетах о деятельности попечительского комитета появился раздел «Тюремные библиотеки». Книги в места заключения поступали, в первую очередь, как пожертвования. Пример подавал сам Петр Алабин. Из отчетов видно, что он почти ежегодно дарил книги для тюремных библиотек. Активно участвовали в этом деле и его подчиненные - чиновники Вятской удельной конторы и даже удельные крестьяне (среди них были и весьма богатые люди), которые только в 1860 г. подарили 40 книг⁴⁵.

Само время: конец 1850-х - начало 1860-х гг. для России было переломным. Поражение в Крымской войне после длительного периода военных побед всколыхнуло страну, заставив многих задуматься о его причинах. Новая политика, начатая Александром II и направленная на совершенствование экономики страны, изменение различных сторон российской жизни, в первую очередь, начало обсуждения крестьянского вопроса - все это способствовало обращению многих образованных людей к народу. В это время появляется много различных изданий для крестьян, идеи просвещения крестьян постоянно в центре внимания журналов этого времени. Яркий пример тому - журнал «Современник» со статьями Чернышевского и Добролюбова.

Петр Владимирович Алабин, пожалуй, являлся самым ярким воплощением идеи просвещения народа в Вятской губернии того времени. Открытие школ для крестьянских детей, обучение грамоте арестантов и создание для них библиотек были только первыми шагами к этой цели. Следующим шагом была публикация его собственной программы издания книг для крестьян и ее осуществление.

В декабре 1859 г. в губернской газете появилась очередная (можно сказать уже так) статья Алабина «Ответ на письмо г.г. Оболонского и Щербачева о продолжении журнала «Народное чтение». В ней он пишет: «... мы приобрели... 300 экземпляров азбуки с лубочными картинками, несколькими молитвами, несколькими нравственными правилами, таблицею умножения... и таковые книжки поручили нескольким крестьянам Вятского удельного имения продавать»⁴⁶. Однако Петр Владимирович не был удовлетворен имевшейся литературой для крестьян, поэтому он со своими единомышленниками собирался «написать понятным простолудину языком ряд статей о предметах, знание коих составляет существенную потребность каждого человека и гражда-

нина», в частности, о пользе грамотности и чтения, о правильном лечении болезней, о пагубном влиянии пьянства, об отношении к чиновникам. Статьи на эти темы после разрешения правительства авторы хотели «печатать в местной типографии почтенного г. Блинова на полубелой бумаге и пустить в продажу брошюрками в особой цветной обертке ценою от 3 до 5 коп. серебром каждую»⁴⁷.

Как один из примеров выполнения широкой программы просвещения крестьян можно рассматривать статью Петра Алабина «По поводу лечения сифилиса киноварью», опубликованную в

Здание богадельни, основанной П.В.Алабиным в Кукарке (Советске). Фотография 2000 г.

мае 1860 г. в «Вятских губернских ведомостях», где он описывает дикий случай, происшедший в Новом Торжке, когда две крестьянки погибли, занимаясь лечением киноварью. Автор пишет, что подобное самолечение наблюдается и в Вятской губернии: в Кукарской больнице, например, едва спасли женщину, которая лечила киноварью себя и своих четырех малолетних детей. Описывая эти случаи, Алабин показывает, что сифилис излечим, особенно в начальной стадии, но надо вовремя обращаться к врачу. Далее Петр Владимирович рассказывает, как в Вятском удельном имении начали бороться с этой болезнью, которую в основном крестьяне приносят с Сибири или Волги, куда они отправляются на заработки. Фельдшеры и удельный медик делают осмотры крестьян по деревням, всех больных в обязательном порядке направляют в больницу на излечение. В заключение статьи Алабин писал: «Лечась киноварью, сам делаешься самоубийцею; решаясь лечить этим средством других, следуя указаниям знахарей и знахарок, делаешься в ответе перед Богом и законом как самый тяжкий преступник. Со своей стороны мы сделали распоряжение об объявлении случая в Новоторжском уезде крестьянам Вятского удельного имения на мирских сходках и полагаем, что таковой случай полезно было бы объявить в виде предостережения вообще по всем деревням этого края, где существует способ лечения сифилиса киноварью»⁴⁸.

Вообще в 1860 г. П.В. Алабин много занимался вопросами здравоохранения. Удельная больница в слободе Кукарка постоянно была заполнена больными, за год там прошли лечение 608 человек. Особое внимание управляющий уделами направил на прекращение венерических болезней. В целях противодействия их распространения Алабин отдал специальное распоряжение, по которому обязал:

«1. Медику, фельдшерам и повивальным бабкам осматривать всех крестьян, «наводящих подозрение на болезни».

2. Всех возвращающихся с промыслов крестьян подвергать медицинскому осмотру при сдаче ими билетов в приказ (разрешение на отхожие промыслы).

3. Под опасение строжайшего наказания старосты обязаны заносить в приказ о всех подозрительных на венерические заболевания»⁴⁹.

В годовом отчете за 1860 г. Алабин доложил в Департамент Уделов, что за год были вылечены 120 венерических больных.

Убедившись в том, что Кукарская удельная больница не может принять всех нуждающихся, Алабин распорядился открыть приемные покои - своеобразные филиалы больницы - в селах Лебяжье Уржумского и Пиштани Яранского уездов, тем самым увеличив возможность лечения для крестьян⁵⁰.

Другим важным новшеством для крестьян стала учрежденная Алабиным богадельня, на что было получено специальное разрешение Департамента. Вот что писал об этом сам Петр Владимирович: «Для призрения крестьян приказов Кукарского, Ильинского, Петропавловского, Водозерского и Лебяжского, которые по физическому и нравственному недугам не могут существовать без постоянной помощи и служат обременением своим семействам и обществам, не принятыми на свое попечение, учреждается близ слободы Кукарка богадельня на 35 человек обоего пола... Учреждение богадельни нашло всеобщее сочувствие всех удельных крестьян, и из них удельный крестьянин Дмитрий Якимов изъявил желание построить на свой счет в виде жертвы обществу дом со службами для богадельни по плану и фасаду архитектора, который обойдется по примерному исчислению до шести тысяч рублей серебром, а другие крестьяне

пожертвовали на эту богадельню холстом 3684 аршина, деньгами 44 руб. 42,5 коп., 3 женских рубахи, 3 пуда льна, 4 фунта волокна. Кроме того, устроены для нищих при двух магазинах Ильинского и Водозерского приказов закрома, куда удельные крестьяне при взятии взаимообразно хлеба и при возврате такого дают посильные приношения хлебом»⁵¹. Здание богадельни было построено в Кукарке, рядом с церковью, и, что самое удивительное, оно стоит и сейчас. Богадельня существовала многие годы, и за нее крестьяне были очень благодарны Алабину.

Петр Владимирович стремился немного облегчить сам крестьянский труд, для чего он организует закупку новых земледельческих орудий: улучшенных плугов, вместо кос-горбуш он вводит косы-литовки, причем даже запрещает первые изготавливать в ремесленном училище; для очистки хлеба закупает веялки и сортировки. Алабин следит за новинками и старается сразу же вводить их в Вятском Удельном имении. Так, начали распространять среди крестьян новые втулочные улья системы Прокоповича, которые стали применять вместо обыкновенных.

Большое внимание Алабин уделяет огородничеству и садоводству. В Вятском удельном имении существовало шесть общественных огородов. В 1860 г. к ним добавилось еще два. Слово самому Петру Алабину: на огородах «производятся опыты выращивания различных овощей с целью акклиматизации их в здешнем крае и распространению между крестьянами лучших сортов. Семена мною выписывались из Риги от известного садовода Вагнера и из Центрального депо общества любителей садоводства в Москве. В 1860-м году овощи хорошо уродились в Ильинском, Лебяжском и Петропавловском приказах. Значительная часть овощей, особенно удачно произросших, и лучших сортов, мною оставлены на семена и разосланы по другим приказам для раздачи крестьянам безденежно и для посадки на общественных огородах»⁵².

В том же году Алабин разбивает сад в слободе Кукарке, в котором сядят 150 яблонь, выпиленных специально для этой цели из Казани, а также кусты жимолости татарской, акации низкорослой, бузины, крыжовника, смородины разных сортов и тополя⁵³.

Не забывает Петр Владимирович и данного им обещания издавать книги для крестьян. В октябре 1860 г. в газете появилось объявление: «Вышла в свет и продается в публичной библиотеке А.А. Красовского в Вятке книга «Сборник русских стихотворений для чтения простолюдином с краткими жизнеописаниями Ломоносова, Кольцова и Слепушкина», составленный П.А.—м в Вятке, в типографии Блинова. Цена на полубелой бумаге 25 коп., на белой - 35 коп. за экземпляр»⁵⁴. В этой небольшой по объему книге (111 страниц) собраны стихотворения 29 русских поэтов XVIII-XIX вв. Здесь представлены все классики русской литературы того времени. Подбор текстов для нас кажется непривычным, и только потом понимаешь, что в основу сборника Алабин взял принцип простоты формы и содержания. Сам он так объясняет это: «Хотя у многих наших стихотворцев и есть сочинения, написанные как бы собственно для народа, но эти сочинения разбросаны по толстым книгам, которые по дороговизне своей недоступны для всех грамотных русских людей. Вот причины, побудившие нас собрать несколько таких сочинений в одну эту дешевую книгу, авось крестьянин, казак, мещанин, солдат прочтут эти песнопения, поймут их умом и сердцем и добрым словом помянут тех, кто сложил эти песни»⁵⁵.

Однако Петр Алабин не ограничился только подбором стихотворений, по его мнению, понятных для простого народа. Он включил еще и биографии М.В. Ломоносова, А.В. Кольцова, Ф.Н. Слепушкина и Е.И. Кострова, подчеркивая народность их происхождения и творчества. Он писал: «В этой же книжке мы рассказали жизнь нескольких наших песнопевцев, вышедших из простого звания; пусть видит наш православный люд, что и между ним были и есть люди, которым дала мать — природа «песен дивный дар и голос шуму вод подобный»⁵⁶.

Вот, например, как дается биография Ломоносова: «Первый знаменитый стихотворец Михайло Васильевич Ломоносов произошел из крестьян бедной деревушки Болото (Денисово поле) Холмогорского уезда Архангельской губернии». Затем приведены его биографические данные и его основные заслуги перед Россией. Заканчивается так: «Наконец в недавнее время Ломоносову поставили памятник в г. Архангельске во свидетельство великих заслуг этого человека и на вечную о нем память. Вот, братцы, до какой славы доводит человека изучение грамоты! Вот как взывает своими милостями Господь Бог того, кто не зарывает в землю данного ему таланта, а правильно его разрабатывает! Господь не только награждает и родных их, да и самому память о них делает любезною их землякам и всем добрым людям, которые дорожат той памятью даже и по смерти великого человека»⁵⁷.

Вятчанам было приятно увидеть в алабинском сборнике и биографию земляка Кострова, тем более, что это была, пожалуй, первая публикация и его стихов, и его биографии на родине. Вот как оценивал его Алабин: «Ермил Иванович одним из ученейших был человек в свое время на Руси, сколько он одних языков иностранных знал!... Царство тебе небесное, Ермил Иванович, вятский ясачный крестьянин, а здесь на земле Россия - мать не забудет навеки твоего имени и будет всегда становить тебя в рядах с лучшими своими детьми»⁵⁸.

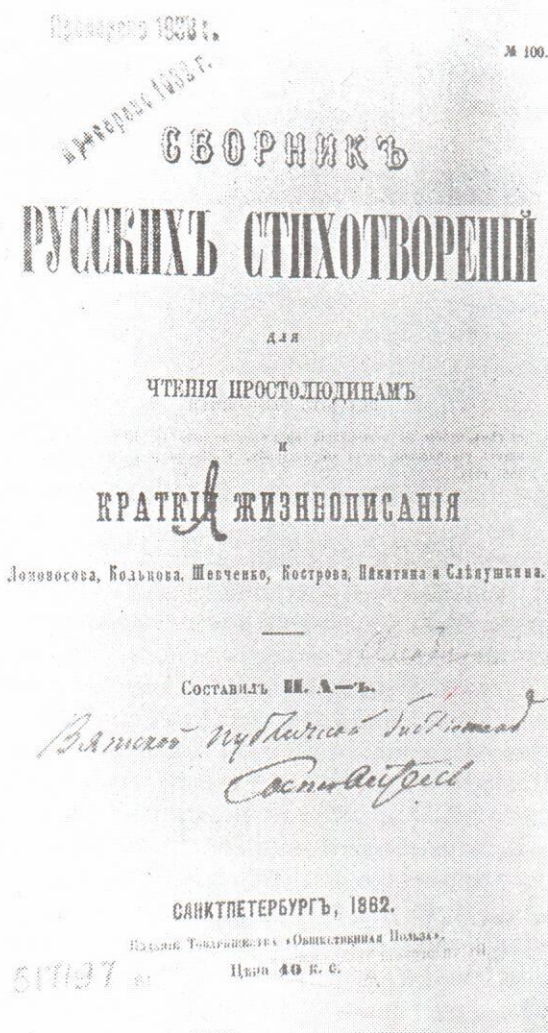
Тираж книги быстро разошелся, и Петр Алабин подготовил второе, несколько дополненное издание, которое вышло в Санкт-Петербурге в 1862 г. в издательстве «Общая польза». В новую книгу дополнительно вошли вновь написанные биографии Шевченко и Никитина.

Так началась издательская деятельность П. В. Алабина. Конечно, хотелось бы знать, как складывалась его личная жизнь, ведь он жил не одной службой. К сожалению, из найденных документов известно немного. 26 сентября 1859 г. у Алабиных родился сын Андрей, однако крещен он был в Знаменской церкви г. Вятки (приходской для их семьи) только 29 мая 1860 г. Восприемниками были генерал-майор Иван Петрович Голев, друг и соратник Петра Владимировича по Крымской войне, и жена инспектора Вятской врачебной управы Н. И. Розова Елизавета Ивановна⁵⁹. Кировский краевед В. А. Любимов написал об этом: «Присутствие в крестных «врачи» и отложение на полгода крещения предполагало изначальную болезненность ребенка»⁶⁰.

ВОЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Несмотря на большую занятость на службе, Петр Владимирович находил время и для литературной деятельности. И вот 14 мая 1860 г. в «Вятских губернских ведомостях» печатается извещение: «В непродолжительном времени здесь, в Вятке, выйдет в продажу поступившее уже в печать сочинение П. В. Алабина «Походные записки в войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годов». Подписка принимается в Вятке у автора «Записок», в библиотеке для чтения А. Красовского и в типографии К. Я. Блинова»⁶¹.

Эта книга в двух томах представляет собой мемуарные записки о военной кампании, в которой Алабин принимал участие. На протяжении многих лет он вел дневник, который и лег в основу книги. Рецензент А. Пятковский в «Северной пчеле» писал: «Записки» г. Алабина ведены им в пороховом дыму, во время бивачной жизни, в минуты упоения битвой или в ожидании ее»⁶². Сам автор в предисловии объясняет читателям: «Ни одной черты не решился я убавить или прибавить к строкам моего дневника, не решился изменить ни одного взгляда, ни одной мысли»⁶³. И он описывает события Крымской войны, очевидцем которой был он сам. В первом томе речь идет о Дунайском походе, во втором - об обороне Севастополя. Однако это не сухой рассказ о виденном и пережитом, а эмоциональное прочувствованное слово, великолепное художественное произведение, говорящее о писательском таланте автора. Вот, например: «Какую величественную картину являет собой Малахов курган, возносясь над окрестным пространством! Как некий великан, одетый страшной броней батарей, он гордо встряхивает могучею головою, убранною густыми кудрями дымных облаков. Будто шлемом, прикрытый белыми остатками знаменитой круглой башни, он с гордым спокойствием посылает перуны во все стороны»⁶⁴. Великолепно написаны батальные сцены. «Момент самого решительного приступа! Несутся, как разъяренные львы, наши пароходы, оставив за собой полосу черного дыма, страшным ревом своих огромных орудий знаменуя свое приближение. «Владимир», «Громносец», «Херсонес», «Крым», «Бессарабия» и «Одесса» налетели и начали осypать корабельной картечью тыл и фланг неприятеля, атакующего первый и второй нумера»⁶⁵. Или: «Что зевать, ребята!» - грянул удалой штабс-капитан Островский, - «Вперед!». И бросился к одному из первых домиков... Солдаты не выдали. Как ни строчили французы со всех сторон, как ни валились наши, в числе которых повалился и

Книга П. В. Алабина «Сборник русских стихотворений» с автографом автора. Кировская областная научная библиотека им. А. И. Герцена.

герой Островский, но солдаты по шепке разнесли занятый французами домик и побили в его гарнизоне всех до одного!»⁶⁶.

Одним из главных достоинств этой книги является введение в число действующих лиц очень большого количества конкретных офицеров, солдат, матросов, иногда настоящих героев, иногда просто обыкновенных людей, с которыми встречался автор. Благодаря этому книга Алабина стала прекрасным историческим источником, которым пользуются все историки, изучающие Крымскую войну и ее героев. На страницах «Походных записок» действуют и легендарный матрос Кошка, и командир батареи Будищев, «храбрый из храбрых»; и штабс-капитан якутского полка «Лютер», который, будучи простреленный пулей в ногу, шел вперед и, показывая солдатам кровь, лившуюся из сапога, повторял: «За мной, ребята, видите: кровь моя течет: за мной, иду вперед, пока не вытечет вся!»⁶⁷ и многие другие.

С любовью Алабин описывает руководителей Севастопольской обороны Корнилова, Нахимова, Истомина, Тотлебена, оставив нам яркие портреты этих людей. Так, о Нахимове говорится в одном из эпизодов: «Как этой оригинальностью, так мужеством и простотою обращения он заслужил популярность между моряками, которые никогда иначе и не называют его как «Павел Степанович», никогда его не величают «вашим превосходительством»: во многих нуждах прямо к нему обращаются лично, никогда перед ним здесь не снимают шапки... Нахимова матросы любят как отца и своего брата и надеются как на каменную стену»⁶⁸. А о смерти адмиралов Алабин пишет вообще очень прочувственно, как о личном горе, поднимаясь до высокой патетики: «Плачь, родная отчизна, твоих слез достоин этот прах»⁶⁹. Это о гибели Истомина.

Рассказывая о событиях и людях того времени, Петр Алабин говорил и о себе: где он был, что видел, что чувствовал. Сам выбранный жанр - дневниковые записи - является автобиографическим. Поэтому «Походные записки» - это книга и о самом Алабине. Внимательно читая ее, видишь, что вся деятельность Петра Владимировича в Вятке стала проявлением его характера, его взглядов и убеждений. Читая, как в Дунайском походе Алабин возмущается тем, что в Молдавии очень мало занимаются просвещением народа, не открывают народные училища, даже в столице издают всего «одну или две газеты на отечественном языке и те что-то вроде наших «губернских ведомостей»⁷⁰, понимаешь, почему с таким пылом он занялся этой работой в Вятской губернии. Алабин старается в рассказе об увиденном дать исторические справки: в этом видится будущий историк Вятки и Самары. Его тянет к изучению древностей, с увлечением он разыскивает знаменитое поле сражения под Рымником, где отличился Суворов. С такой же увлеченностью он будет разыскивать следы прошлого и в Вятской губернии, проводя археологические раскопки найденных городищ и курганов.

Ярко проявляются в книге и черты характера Алабина: его добросовестное отношение к делу, его оптимизм, любовь к людям. В обоих томах описано много разных батальных сцен. Созданы они очень ярко, чувствуется, что автор сам в них участвовал или был свидетелем. Однако Алабин нигде не пишет о своем геройстве, хотя по свидетельству очевидцев известно, что он, хотя и был адъютантом командира дивизии, часто участвовал в боевых действиях не по приказу, а по собственной инициативе. Об этом говорят и ордена, полученные Алабиным за храбрость.

Петр Владимирович был человеком верующим, поэтому через всю его книгу проходят такие, например, фразы: «Святая воля твоя да будет, о Боже! Ты видишь душу мою: с восторгом иду на брань за дело отчизны»⁷¹. Искренне верил он и в царя, поэтому с горем в сердце он описывает, как встретили севастопольцы известие о смерти Николая I: это была всенародная трагедия.

Искренность, с которой написаны «Походные записки», подкупает читателей. Видя переживания автора, поневоле веришь и всему сказанному. Одни из самых лирических страниц посвящены описанию встречи Алабина с женой Варварой Васильевной в осажденном Севастополе, куда она приехала сестрой милосердия. Об их любви, отношении друг к другу, Алабин не побоялся рассказать всему миру. И это тоже привлекает в книге.

Не ставя цели литературоведческого и исторического анализа «Походных записок», ограничимся этим перечислением ее достоинств. Каждый интересующийся может сам ознакомиться с этим «памятником минувшего времени, сохранившего в целостности все свои типические черты», как сказано в рецензии⁷².

Так в Вятке родился писатель Алабин. Интересно, что книга «Походные записки» П. В. Алабина была одной из первых, изданных в Вятке, где книгоиздательство началось лишь в 1850-е гг. Поэтому не удивительно, что издатель книги Константин Яковлевич Блинов, владелец типографии, направил алабинскую книгу на Петербургскую выставку 1861 г., где был удостоен малой серебряной медали⁷³. Из истории издания этого произведения надо отметить еще такой факт, выявленный кировским литературоведом Н.П. Изергиной: Санкт-Петербургский цензурный комитет разрешил к печати произведение Алабина только с дозволения Министерства Императорского Двора и Министерства иностранных дел⁷⁴. Дело в том, что Алабин писал и о членах Императорской семьи: сыновьях Николая I - Николае Николаевиче, главнокомандующем рус-

ской армии, и Михаиле Николаевиче, кураторе Генштаба. Не случайно Петр Владимирович выслал Великим князьям по экземпляру своей книги. Полученные ответы он бережно хранил у себя. И сейчас эти слова благодарности можно прочитать в Самарском областном историко-краеведческом музее, где находятся эти подлинники вместе с ответом - благодарностью за присланную книгу от руководства коммерческого училища, альма-матер Алабина, куда он не забыл также выслать свой труд. А четыре экземпляра книги, причем один с дарственной надписью, были подарены автором Вятской публичной библиотеке⁷⁵.

Любопытен тот факт, что в годы Великой Отечественной войны в Кирове, в нашей областной библиотеке, занимался выдающийся историк Евгений Тарле. Он работал над книгой «Крымская война» и внимательно изучал алабинские «Походные записки», назвав их «правдивыми и драгоценными для историка»⁷⁶.

В своей работе Е. В. Тарле неоднократно цитировал Алабина, ссылаясь на него и по существу даже типизировал, говоря о русском армейском офицерстве, чьи взгляды отразил Алабин.

Позднее Петр Алабин вернулся к своим «Походным запискам» и, готовя их второе издание, значительно дополнил, включив отдельный том о венгерской кампании и подготовив том о войне за освобождение Болгарии. Эта книга под названием «Четыре войны» вышла в 1888-92 гг. в Санкт-Петербурге. К сожалению, четвертый том ее не был опубликован и судьба его рукописи не известна. Будем надеяться, что она не пропала. Ведь нашлась же в 1966 г. рукопись «Походных записок» в Севастополе, в фондах Морской библиотеки⁷⁷.

Больше книга Алабина «Походные записки» не переиздавалась ни в XIX, ни в XX веках, только отдельные отрывки из них помещались в разных изданиях, например, в 1990-х гг. были опубликованы в журнале «Родина», в «Энциклопедии Земли Вятской»⁷⁸. Однако материалом из «Записок» широко пользовались многие советские писатели, работавшие над историческими произведениями на тему обороны Севастополя. Но пора вернуться в век девятнадцатый.

КРЕСТЬЯНЕ - БРАТЯ

Год 1861 навсегда вошел в историю России как год крестьянской реформы. Освобождение крестьян всколыхнуло всю Россию. Никто не мог остаться равнодушным к такому событию.

Петр Алабин откликнулся на него статьей под очень выразительным названием «Крестьяне-братья», уже самим заголовком показывая свое отношение к реформе, к ожидаемым результатам. Статья была написана 31 марта, а опубликована лишь 6 мая 1861 г. в «Вятских губернских ведомостях»⁷⁹. Статья начиналась следующими словами: «Великое дело свершилось! Помещичьим крестьянам дарованы гражданские права! Само слово «крепостной» уничтожилось: все сделались одинаково любимыми, равноправными детьми одного общего любезного Отца!»⁸⁰

В своем произведении Алабин обратился к образу Александро-Невского собора, уже много лет строившегося в Вятке. «Кто из вас, братцы, не любовался в Вятке на великолепный новый соборный храм, что на верхней площади, построенный по плану одного из даровитейших мастеров своего времени А. Л. Витберга. Кто из вас, видевший этот соборный храм, не сожалеет, что днем в нем не отправляется богослужение, что он лет тридцать стоит и все еще не достроен по недостатку денежных средств?»⁸¹. И далее Алабин предлагает: «Для достойного приготовления храма к освящению потребны деньги, в коих нуждается собор. Миллион ли вятчан затруднится дать некоторую сумму для прославления имени осчастливившего их Государя»⁸². И он говорит, что если бы каждый пожертвовал хотя бы по 1-2 копейки, то уже в том же году собор можно было бы освятить, «и Александровский храм на веки веков будет возноситься живым глаголом незабвенного события, озарившего лучезарным светом 1861 год!»⁸³

Сам Алабин, казалось бы, с новой энергией взялся за улучшение жизни подопечных удельных крестьян. В то время в губернии была не развита банковская система, по существу, кредиты можно было получить только в Анфилатовском общественном банке в г. Слободском, что для богатых крестьян было затруднительно. И вот с разрешения Департамента Уделов Петр Владимирович в 1861 г. открывает при Вятской удельной конторе торгово-промышленный банк⁸⁴. В основание было положено 15 тысяч рублей. Через год, как следует из отчета конторы за 1862 г., на счету в банке было 18555 рублей 53 коп.⁸⁵

Как управляющий удельным имением Алабин продолжает стремиться к улучшению условий крестьянского труда, внедрению новых орудий производства. В отчете он пишет, что за год было продано крестьянам 81 коса-литовка. «Это незначительно, так как крестьяне неохотно расстаются со своими привычками, не скоро принимают нововведения, несмотря даже на их очевидную выгоду. Если коса-литовка и вводится, хотя и понемногу в употребление, то этим обязана отставным и отпускным солдатам, ознакомившихся с употреблением этой косы на службе и употребляющими ее здесь, чем приучают употреблять ее и своих односельчан»⁸⁶.

№ 14 Сл. 1 р.

В.К.К. Управляющему Вятской
Удельной Конторою г. Рылов
Самарской Консистории г. Самары
1 Декабря 1862 года.

№ 12914

Алабин
Петр

Удольной

Святтейший Правительствующий Синод, во исполнение пред-
ставления Преосвященнейшего Самарского
Епископа Вятского и Сло-
бодского, указавши от 20 Октября
текущего года за № 5181, предписав,
Вам Управляющему Вятской
Удельной Конторою П.В. Алабину, за
попечение Ваше об устройстве
храмов, в уделных имениях
и образовании поселянских детей,
преподать Единогласно Святей-
шему Синоду.

О чем Вятская Удельная
Консистория имеет честь уведомить
Вас.

Президиум Самарской Консистории

Секретарь Р.И.И.

Отослано в Самару

Письмо Вятской духовной консистории П.В.Алабину о
прислании ему благословения Святейшего Синода. Из
личного альбома П.В.Алабина. Самарский областной ис-
торико-краеведческий музей им. П.В.Алабина.

Вятская Духовная консистория имеет честь уведомить Вас⁸⁹. Так была оценена деятельность
Алабина церковными властями.

Стараясь распространять просвещение среди крестьян, Петр Владимирович открывает в сло-
бодке Кукарке библиотеку. Об этом он сам писал: «Чиновники Вятской удельной конторы согла-
сились между собой в 1861 году образовать при Кукарском сельском училище библиотеку для
чтения, чтобы доставить, как самим себе, возможность посредством незначительного пожерт-
вования читать полезные книжки и журналы, так и удельным крестьянам, чувствующим в этом
потребность, но не имеющим возможность удовлетворить. К чиновникам присоединились неко-
торые из должностных лиц приказов, составилась подписка, и на собранную по оной сумму
были выписаны в 1861 году 12 журналов и газет, в 1862 году 17 периодических изданий и, кроме
того, приобретено и пожертвовано чиновниками разных книг 118 наименований.

Таким образом, в два года составила маленькая библиотека, но, получив основание, она
будет понемногу увеличиваться, а что она принесла и теперь уже пользу - нет сомнения, дока-
зательством служит то, что некоторые из крестьян с легкой руки получили охоту к чтению,
именно познакомившись с этой библиотекой»⁹⁰.

Петр Алабин последовательно выполнял намеченную перед собой программу и создал целую
сеть книжных магазинов, по одному в каждом удельном приказе. Он писал: «В видах содействия
развитию грамотности в народе и снабжения крестьян книгами, полезными и занимательными,
по цене им доступной, с возможностью приобретения оных на местах учительству крестьян
учреждено 7 библиотек продажных книг»⁹¹.

Интересно проследить, какие книги продавались. За 1862 г. всего было продано в этих магази-
нах 1239 книг. Больше всего купили букварей - 69 штук, затем шло «Житие Святой Великомуче-

Так же медленно внедряются и дру-
гие нововведения. «Улучшенный плуг для
пашни земли под картофель если и на-
чал вводиться, то только между крестья-
нами, занимающимися разведением карто-
феля»⁸⁷. Мало приобреталось сеялок и
сортировок.

Однако активно стало развиваться
садоводство. Отдельные крестьяне стали
сами разводить сады, подавая пример
другим. Так, крестьянин Водозерского
приказа Василий Соломин заложил сад в
починке Расцветово, крестьянин Лебяз-
ского приказа Рылов - в деревне Вась-
киной, Андрей Старостин - в слободе
Кукарке, крестьяне Петуховы Ильинско-
го приказа - в деревне Косогор и т.д.⁸⁸
Алабин этому всячески помогал, продол-
жал выписывать для крестьян саженцы и
семена.

Забываясь о распространении грамоты
среди крестьян, Петр Алабин в период с
1859 по 1862 годы открыл в Вятском
удельном имении 16 приходских школ:
одиннадцать мужских и пять женских.

11 декабря 1862 г. он получил изве-
щение из Вятской консистории следую-
щего содержания: «Святейший Прави-
тельственный Синод вследствие пред-
ставления Преосвященнейшего
Агафангела, Епископа Вятского и Сло-
бодского, указом от 20 октября текущего
года за 5181, предписал Вам, Управ-
ляющему Вятской Удельной Конторою г.
Алабину, за попечение Ваше об обу-
стройстве храмов в удельных имениях и об-
разовании поселянских детей преподать
благословение Святейшего Синода. О чем

ницы Екатерины» - 62 штуки, «О Луне» - 50 штук. Хорошо покупались пушкинские книги: «Сказка о попе и его работнике Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане». Их распространили 75 штук. Продавались и сборники стихотворений, изданные Алабиным. Их в магазинах продали 40⁹².

Эти сборники пользовались популярностью, недаром потребовалось и их второе издание. Однако Алабин решил не ограничиваться одной поэзией. И вот в 1862 г. он выпускает «Сборник некоторых понятных народу повествований, рассказов и описаний» (хрестоматия для простолюдинов), изданный в Санкт-Петербурге издательством «Общественная польза».

Как писал составитель, «цель этого издания - ознакомить русский народ по возможности скорее с некоторыми из произведений наших писателей доступными в настоящее время его понятиям»⁹³. Как и в предыдущем сборнике, Алабин включил произведения лучших русских писателей, только на сей раз не стихи, а прозу. Для нас, вятчан, интересен тот факт, что в этом сборнике есть материалы и о Вятке: там опубликована глава из «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина «Христос-Воскрес!» Это издание, отпечатанное тиражом в 6 тысяч экземпляров, так же довольно быстро разошлось, как и сборник стихотворений. Однако второе, дополненное издание вышло только в 1869 г., когда Алабин уже жил в Самаре.

Деятельность П.В. Алабина не осталась незамеченной. В «Вятских губернских ведомостях» за 26 августа 1861 г. мы читаем: «Государь Император в награду отлично усердной, ревностной службы и особых трудов, всемилостивейше соизволил пожаловать Управляющему Вятской Удельной конторой Коллежскому асессору Алабину орден Святой Анны II степени, с мечами над орденом»⁹⁴.

Через короткий промежуток времени последовало повышение в чине - Алабин был произведен в надворные советники⁹⁵.

УПРАВЛЯЮЩИЙ ВЯТСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ

Петр Владимирович Алабин, когда поселился в Вятке и обустроился, сразу же пошел в Вятскую публичную библиотеку и, заплатив за право чтения полагающиеся 7 рублей 15 копеек, стал ее читателем⁹⁶. А 18 августа 1859 г., в соответствии с должностью управляющего Вятской удельной конторой, Алабин становится членом Попечительного комитета библиотеки⁹⁷. Этот комитет, состоящий из 9-11 высших чиновников Вятки во главе с губернатором, занимался всеми вопросами библиотеки, в первую очередь финансовыми и хозяйственными. Протоколы комитета сохранились почти за все годы существования библиотеки, и это бесценный источник исторических сведений о жизни библиотеки. Листаешь эти пожелтевшие листы и видишь, что Алабин сразу активно включился в выполнение новых обязанностей. Он аккуратно посещал заседания Попечительного комитета, выполнял все даваемые ему поручения. В частности, он постоянно участвовал в свержках денежных средств библиотеки. Алабин с уважением относился к библиотеке и своим долгом считал дарить ей книги. Первую же свою работу «Сборник русских стихотворений» он подарил библиотеке в двух экземплярах (судя по цене, в разных переплетах или обложках)⁹⁸. Затем в библиотеку поступили «Походные записки», а потом по мере выхода из печати и последующие его произведения. Надо подчеркнуть, что Алабин подарил Вятской публичной библиотеке все свои книги, вышедшие отдельными изданиями, и оставался ее другом до конца жизни.

Конечно же, алабинское отношение к книгам, к библиотеке не осталось незамеченным. В протоколе заседания Попечительного комитета от 12 октября 1861 г. читаем: «... будучи известно, что близкое участие в делах библиотеки принимает г. Управляющий Вятской Удельной конторой Петр Владимирович Алабин, его превосходительство (губернатор М. К. Клингенберг - В. Ж.) обратился к нему с предложением, не признает ли он возможность принять на себя заведование делами Вятской публичной библиотеки, на что Алабин изъявил свое согласие»⁹⁹. А вот как написал об этом неизвестный автор, напечатавший корреспонденцию «Вести из Вятки» в «Журнале министерства народного просвещения» и подписавшийся «Доброжелатель»: «Губернатор Клингенберг на заседании комитета сказал о библиотеке: «... стыдно и грешно оставлять ее в том положении, до которого она дошла в последнее время, а еще более стыдно будет совсем закрыть, когда потребность к чтению в публике с каждым годом все более и более растет». Он предложил кому-нибудь из членов заняться устройством дел библиотеки. «И тогда П. В. Алабин не замедлил со своей стороны добровольно вызваться на этот бескорыстный и хлопотливый подвиг. Что же? Откуда взять и терпение, и время в П. В. - глядишь - везде и все сам!»¹⁰⁰

Деятельность по управлению библиотекой началась с того, что по поручению губернатора он вместе с членом Попечительного комитета Ф. С. Глазыриным разбирается с фондом библиотеки, делает его ревизию. О результатах проверки библиотеки Алабин писал: «... оказалось, что она не имеет не только почти ни одного современного замечательного литературного или ученого про-

изведения, кроме трех-четырех журналов, ею постоянно приобретаемых, но что в ее стенах нельзя найти почти ни одного полного собрания сочинений русских авторов и что ее доходы материальные едва покрывают ее расходы»¹⁰¹.

Обреживовав книжный фонд библиотеки, Алабин вышел с неординарным предложением: «газеты и дефекты (т.е. издания с дефектами - В. Ж.) продать с аукциона, а дуплеты и бесполезные для библиотеки книги разыграть в лотерею», на вырученные деньги купить новые книги¹⁰².

Кроме этого, по инициативе Алабина решили «обратиться к различным лицам Вятского края с предложением принять участие в деле восстановления библиотеки и помочь ей материальными средствами, столь необходимыми в настоящем деле»¹⁰³. Обращения подписывал сам губернатор Михаил Карлович Клингенберг. «Вызов этот нашел живое сочувствие в обществе, доказательством чего в продолжение пяти месяцев с начала этого дела отозвалось на предложение г. Председателя 80 лиц и принесли в дар 1781 руб. серебром и 97 сочинений. Кроме того, сам г. Председатель принес в дар библиотеке 78 сочинений в 214 томах преимущественно лучших французских писателей, а 6 лиц обязались ежегодно вносить в капитал библиотеки известную сумму... всего 105 рублей в год»¹⁰⁴.

Жертвовали на библиотеку чиновники, учителя, купцы и люди других званий и сословий, зачастую небогатые, поэтому некоторые жертвователи вносили от 50 копеек до одного рубля. Можно утверждать: идея Алабина о возрождении Вятской публичной библиотеки была принята в обществе благосклонно, потому что отвечала потребностям времени.

Много писем о помощи Вятской публичной библиотеке было подготовлено Алабиным в крупнейшие библиотеки страны, редакции журналов и известным лицам¹⁰⁵. Эти обращения тоже имели отклик. Императорская публичная библиотека (г. Санкт-Петербург) прислала в дар 249 наименований (480 томов), дары поступили от Императорского Географического Общества, Императорской археологической комиссии, Вольного Экономического Общества и т.д. Редакции некоторых журналов выразили пожелание бесплатно снабжать вятскую библиотеку своими изданиями. Известный книгоиздатель Вольф подарил библиотеке 15 сочинений, писательница А.Ишимова прислала в дар 46 томов, в том числе и свои собственные¹⁰⁶.

«Такое расширение материальных средств библиотеки дало ей возможность совершить свое преобразование, обновиться, сделаться учреждением вполне современным, могущим удовлетворить потребность общества, - писал Алабин. - Так как современное литературное движение выражается преимущественно в журналистике, то Публичная библиотека выписала на этот год (1862-й - В. Ж.) 26 газет и журналов, в том числе 2 иностранных, а капитальнейших и наиболее читаемых - 4 журнала - в двух экземплярах»¹⁰⁷.

Полученные деньги позволили Алабину в январе 1862 г. съездить в Санкт-Петербург и закупить там книг на сумму 1619 рублей, причем 138 наименований книг было рассчитано на пополнение фондов, а 116 - на проведение лотереи в пользу библиотеки. Были приобретены собрания сочинений Пушкина, Писемского, Кострова, Батюшкова, Грибоедова, Достоевского, Аксакова, Ломоносова, Богдановича, Киреевского, издания зарубежных авторов, комплекты журналов «Современник», «Библиотечки для чтения», книги по химии, биологии, истории и другим наукам¹⁰⁸.

Весной Петр Владимирович организовал пять литературно-музыкальных вечеров в пользу публичной библиотеки, где сам выступал с чтением стихов Томаса Вуда, познакомил слушателей с биографией Адама Мицкевича и его поэмами «Гражина» и «Конрад Валленрод». А 6 мая на литературном вечере Алабин читал «От себя не убежишь», повесть Марко Вовчок в собственном переводе с «малороссийского»¹⁰⁹.

20 марта 1862 г. Вятская публичная библиотека после значительного перерыва, вызванного сменой управляющего делами, возобновила свою деятельность. Она стала работать ежедневно, а не три раза в неделю, как прежде. Был приобретен новый инвентарь: книжные шкафы, столы, стулья, светильники. Значительно обновленный книжный фонд вызвал резкое увеличение числа посетителей. «Без преувеличения можно сказать, что большая часть хороших сочинений, находившихся в то время, появилась при г. Алабине на столах библиотеки»¹¹⁰, - писал позже современник.

Деятельность Вятской публичной библиотеки возрождалась во многом за счет пожертвований населения, поэтому Алабин посчитал нужным все свои действия по обустройству библиотеки, все затраты сделать достоянием гласности. И вот 24 марта 1862 г. в «Вятских губернских ведомостях» появляется «Записка заведующего делами Вятской публичной библиотеки г. Алабина о мерах, принятых к ее обустройству». А, начиная с 7 апреля, с номера четырнадцатого, Алабин из номера в номер помещает «Летопись Вятской публичной библиотеки». В первом из них он поясняет свои намерения: «Библиотека признает уместным придать своим действиям самую широкую гласность, находя возможным вследствие просвещенного содействия редакции местной губернской газеты исполнить свою задачу посредством помещения в каждом будущем номере этой

газеты «Летописи Вятской публичной библиотеки», в которую будут заноситься все без исключения явления внутренней ее жизни»¹¹¹. Эти «Летописи» печатались все время, пока Алабин жил в Вятке, и еще полтора года после его отъезда.

Возобновленная деятельность Вятской публичной библиотеки привлекла пристальное внимание к ней всех заинтересованных лиц. Не все были согласны с такими действиями П.В. Алабина. Владелец частной библиотеки А.А. Красовский сразу увидел, что действующая на новой основе публичная библиотека станет для него серьезным конкурентом, и в «Вятских губернских ведомостях» он стал критиковать правила, установленные П.В. Алабиным для работы библиотеки. Развернувшаяся затем на газетных страницах полемика между двумя образованнейшими людьми Вятки, занимавшихся просвещением народа, позволила им выразить свои взгляды на роль и задачи библиотек перед обществом. Петр Владимирович писал: «... капитал библиотеки должен заключаться преимущественно не в деньгах, а в книгах и... библиотека сама по себе будет служить капиталом для общества, которое всегда с него получит большой нравственный процент. ... ныне из публичной библиотеки самый недостаточный человек за самую умеренную плату 45 коп. в месяц может взять любой журнал или книгу из существующих в библиотеке по всем отраслям знаний и заниматься ею где угодно: в библиотеке или дома в свободные от служебных дел минуты»¹¹².

Как мы видим, снова Алабин проводит свою мысль, что знания через книги и журналы нужны всем людям, как обеспеченным, так и бедным. Любимая идея Петра Владимировича!

Библиотека работает, и П. В. Алабин решил довести до конца начатую работу по составлению каталога библиотеки. Занимаясь ревизией книг, он уже составил список имеющихся изданий. Теперь он добавляет вновь приобретенные и систематизирует их. В 1863 г. в губернской типографии был напечатан «Каталог Вятской публичной библиотеки, составленный попечителем ее П.В. Алабиным в 1862 году». Это был первый печатный каталог нашей любимой «Герценки». На 210 страницах в тематическом порядке были указаны все книги библиотеки, для удобства пользования был дан алфавитный указатель отдельно для изданий на русском и иностранных языках. Всего в каталоге числилось 3692 номера, причем под одним номером могло быть целое собрание сочинений и годовой комплект периодического издания.

В книге два приложения к каталогу: «Правила для занятий в Вятской публичной библиотеке» и «Правила для получения книг на дом из публичной библиотеки». Вот выдержки из первого из них: «По прошествии часов, назначенных для занятий в зале, время закрытия библиотеки возвещается звонком колокольчика, после чего посетители благоволят расходиться. ... Чтобы занимающиеся не были развлекаемы, в общей зале запрещается всякий шум, стук или отодвигание стульев, топот при ходьбе и громкий разговор. Если бы кто из посетителей, вопреки напоминанию библиотекаря стал упорствовать в подобном нарушении тишины и порядка, то таковое лицо будет приглашено впредь не посещать библиотеку»¹¹³.

Читаешь их и видишь, что многое из написанного в «Правилах» Алабиным не устарело и сегодня, а уважению к читателям можно еще и поучиться.

Говоря о деятельности Петра Владимировича Алабина в Вятской публичной библиотеке, никогда не надо забывать, что это была его, по современному выражению, общественная нагрузка, и она была не единственной. Алабин всегда был в центре самых разных дел и событий.

В августе 1862 г. в городе Вятке состоялась первая выставка садоводства, цветоводства и огородничества. Инициатором ее и распорядителем был опять же Петр Владимирович Алабин. В объявлении, помещенном в газете, комитет по проведению выставки объяснял ее цели: «лучшими экземплярами своих цветов и растений дать Комитету средство представить обществу по возможности полную картину настоящего состояния садоводства, цветоводства и огородничества на Вятке»¹¹⁴. Интересно, что, приглашая принять участие в выставке, организаторы обещали: «Растения будут сохранены с величайшей тщательностью и уход за ними во время пребывания на выставке будет самым внимательным, и потому комитет надеется, что они будут возвращены экспоненту в совершенной сохранности»¹¹⁵.

В том же 1862 г. Алабин показал себя и как человек, видящий события и стремящийся их запечатлеть для потомков. 15 сентября в Вятке наблюдалось необычное атмосферное явление, описанное П. В. Алабиным в «Вятских губернских ведомостях»: «... на северо-западной стороне неба под углом отклонения от севера до 23 градусов видима была простым глазом вначале слабо, а потом ярко сиявшая светлая полоса, имевшая вид большой стрелы. Спустя минут 10 или 15 после момента видимого появления этой полосы на горизонте, в точке, которая бы соответствовала продолжению этой полосы, появилось мерцающее дерево как будто начинающегося отдаленного пожара. По прошествии минут 15 дерево это стало тускнеть, светлая полоса начала мерцать и меркнуть, в 10 с четвертью часа все явление исчезло»¹¹⁶.

Не знавший, наверное, природы этого явления, Алабин не стал его комментировать, а дал его как сухой хроникер.

ГОД 1863. ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ. РЕФОРМА УДЕЛЬНОГО ВЕДОМСТВА

1863 г. начался с приятных хлопот. 4 декабря прошедшего 1862 г. у П. В. Алабина родилась дочь Мария. И вот 1 января в Знаменской церкви г. Вятки было проведено ее крещение. Крестными родителями стали генерал - майор И. П. Голев и жена подполковника Ошмана Мария Саввишна¹¹⁷. Это был пятый ребенок в семье Алабиных.

После праздников Петр Владимирович занялся составлением отчетов. Кроме ежегодного отчета о деятельности Вятского Удельного имения, ему сейчас пришлось составлять и отчет о Вятской публичной библиотеке, который он также каждый год будет направлять губернатору. В отчетах он анализирует, что удалось добиться за прошедший год, что еще остается решить. Отчеты написаны хорошим литературным языком, легко и с интересом читаются. В них чувствуется, что Петр Владимирович за пять лет, проведенных в Вятке, прикипел к этому суровому краю, полюбил его. Алабин стремится изучать Вятский край во всех отношениях и хочет привлечь к этому всех вятчан.

В апреле 1863 г. Петр Алабин публикует в «Вятских губернских ведомостях» свое обращение «К сельским хозяйствам и любителям природы Вятского края». В нем он писал, что еще в 1860 г. редакция журнала «Сельское хозяйство» выступила с инициативой составить сравнительную картину развития растительности в разных районах России. «Изложенная мысль нас крайне заинтересовала, и мы теперь же приступили к наблюдениям над развитием растительности не только в Вятке, где живем сами, но и в нескольких местностях губернии через посредство нескольких лиц, выразивших готовность помочь нашему делу своим содействием»¹¹⁸. И вот Алабин обращается «с просьбой о содействии к просвещенным и благожелательным лицам всех сословий Вятского края... всепокорно принять на себя труд наблюдать хоть несколько дикорастущих или разводимых растений (деревьев, цветов, трав, кустов, хлебных растений - все равно)»¹¹⁹. В конце обращения Петр Владимирович дал конкретные советы, как организовать наблюдения, как записывать увиденное. Через месяц газета поместила интересный отклик на призыв Алабина: «В № 90 газеты «Народное богатство» напечатана статья «Добрый пример из Вятского края» следующего содержания: «В номере 15 «Вятских губернских ведомостей» с большим удовольствием мы прочитали статью г. Алабина «К сельским хозяйствам и любителям природы Вятского края». Мы перепечатаем ее, надеясь, что, может быть, и в других концах нашей родины найдутся люди, готовые последовать доброму примеру... Мы решаемся просить все редакции губернских ведомостей перепечатать как вызов г. Алабина, так и нашу настоящую заметку»¹²⁰. Комментарии здесь излишни.

Год 1863-й был для России годом беспокойным. На западе страны вспыхнуло польское восстание, охватившее всю территорию бывшей Речи Посполитой: Литву, Польшу, Белоруссию, Западную Украину. Как позже посчитают историки, в восстании участвовало более 30 тысяч человек. На борьбу с восставшими были направлены регулярные войска под командованием М.Н. Муравьева. В Польше началась самая настоящая война со сражениями, штурмом городов, сожжением деревень, в общем, со всеми атрибутами военного времени. Польские события всколыхнули всю Россию, отголоски их достигали и Вятки. Газета регулярно сообщала сводки с мест боев, а когда в губернию стали поступать раненые, взволновалось и общество. Конечно, симпатии большинства людей были на стороне российских солдат. Например, «Вятские губернские ведомости» извещали в мае месяце, что в ближайшие дни состоится спектакль-концерт любителей «в пользу раненых в делах против польских мятежников», будет показана пьеса А.Н. Островского «Не в свои сани не садись»¹²¹. Каково же было отношение П.В. Алабина к польскому восстанию? Как человек общественно активный, он, конечно же, не мог быть сторонним наблюдателем, его душе нужно было действие. Можно предположить, что именно Петр Владимирович инициировал написание письма кукарских удельных крестьян царю с одобрением политики в Польше: «Крестьяне Вятского Удельного имения не остались равнодушными при общем стремлении высказать возлюбленному своему Государю свои задушевные помыслы, рожденные настоящими обстоятельствами. Но, желая не одними только словами заявить свои чувства и свою готовность, крестьяне нашли наиболее приличным в настоящие минуты не оставить без внимания первый представляющийся случай помочь общему делу отечества - обеспечить семейства тех призванных ныне на службу бессрочных и временно-отпускных солдат, которые не имеют собственных средств к жизни... крестьяне выразили в особых приговорах..., чтобы знал Царь-отец, что и вятские удельные крестьяне, как и все другие дети Его, чтобы при первом представившемся случае служить делу отечества, чем могут»¹²².

Это верноподданническое послание, которое мы привели частично, управляющий удельной конторой П.В. Алабин направил в Департамент Уделов по инстанции, а оттуда его передали

царю Александру II. Вскоре в Вятку пришла «телеграфическая депеша», что царь примет делегацию кукарских крестьян, которые хотели собственноручно вручить свое письмо государю. Несомненно, что Алабин искренне разделял взгляды, изложенные в этом письме.

Любопытен и еще один эпизод, связанный с польскими событиями. Алабину как одному из директоров Попечительства над тюрьмами периодически приходилось бывать в Вятском тюремном замке с ревизией. И вот, проводя очередную, он вносит предложение, что арестантов можно занять полезным делом - пусть они «непригодные к употреблению вещи переделывают на корпию», потому что во время военных действий всегда не хватает перевязочных материалов (это, видимо, сказывался севастьяпольский опыт)¹²³.

26 августа праздновали очередную годовщину коронации - «День тезоименитства Государя Императора Александра Николаевича». Вятка торжественно отмечала это событие, дома были празднично оформлены, а вечером была зажжена иллюминация. Газета «Вятские губернские ведомости», рассказывая о празднествах, отмечала, какие дома в городе были особенно украшены, выделив и квартиру управляющего Вятским удельным имением П.В. Алабина: «... на балконе среди цветов, зелени, разноцветных фонарей и флагов, освещенное с боков двумя звездами находилось большое вензельное изображение имени Его Величества, составленное сплошь из живых георгинов и других подобных цветов, а в окнах горели разноцветные фонари»¹²⁴.

Вечером в Вятском благородном собрании был дан бал по случаю праздника, «на котором, за неимением здесь дворян-помещиков и за отлучкой купечества на Нижегородскую ярмарку, большинство участвовавших составляли семейства служащих военных и гражданских чиновников»¹²⁵. Между танцами подавали шампанское. Сначала, как положено, Вятский губернатор В. Н. Струков предложил тосты за императора, за здоровье императорской семьи. Потом пили «за здоровье войск, льющих за нас свою кровь в Виленском и Киевском военных округах и в Царстве Польском»¹²⁶. Со следующим тостом встал Алабин: «Всем известна та дипломатическая война, которая в последнее время поднята против нас западными державами - за здоровье князя Горчакова, вышедшего из нее победителем! Чье сердце из нас, верных сынов России, не сжималось страданием при виде той кровавой борьбы, которую ведут с нами поляки - за здоровье генерала Муравьева, вышедшего из нее победителем!»¹²⁷

Тут же были составлены и отправлены телеграммы Горчакову, Муравьеву и редактору «Московских ведомостей» Каткову с сообщением о провозглашенных тостах в честь них. Через несколько дней в адрес П.В. Алабина и П. А. Зубова (управляющего питейно-акцизным управлением), инициаторов этого дела, пришли ответные телеграммы:

«Сочувствие Вятского общества глубоко меня тронуло, благоволите передать изъявление сердечной моей благодарности за оказанную мне честь. Горчаков».

«Душевно благодарю почтенное Вятское общество за добрую память и лестный для меня привет, выраженный в телеграмме, сейчас только полученной. С помощью Божией и при сочувствии моих соотечичей надеюсь оправдать доверие Государя. Генерал Муравьев».

«Благодарю за высокую честь, оказанную мне вятским обществом, чувствую всю ответственность, возлагаемую на меня этими заявлениями и искренне желаю, чтобы нашлись люди, более меня способные для общественного служения в нынешнее трудное время. Катков».

Тексты этих телеграмм были представлены Алабиным и Зубовым для публикации в газете, потому что адресовались всем вятчанам¹²⁸. Оригиналы двух из них, от Горчакова и Каткова, мы обнаружили в семейном альбоме Петра Владимировича, хранящемся сейчас в Самарском историко-краеведческом музее. Видимо, Алабину они были очень дороги, поэтому он их и сохранил.

Однако это еще не все про тот день тезоименитства 26 августа 1863 г. Документы Государственного архива Кировской области показывают, что вятское общество не было таким единым в отношении польского вопроса. В сентябре 1863 г. П. В. Алабин был вынужден писать объяснительную записку губернатору В. Н. Струкову по поводу происшедшего в праздничный день. Приведем цитату из нее: «Вслед за тостом, предложенным мною в честь князя Горчакова и генерала Муравьева, несли шампанское, чтобы предложить тост, сколько припоминаю, по желанию г. Зубова в честь редактора «Московских ведомостей» Каткова. Я шел за людьми с подносами чрез читальную комнату, в которой у стола сидели г. Кен и г. Пьянков и стоял г. Батуринов. Проходя, я сказал этим господам: «Пойдемте, господа, в залу, хотя бы предложить еще тост». Г. Батуринов отвечал: «Да, вот, зову, а Федор Семенович (Кен - В. Ж.) не хочет идти». «Отчего?» - спросил я. - Полноте, господа, пойдемте». Тогда г. Кен сказал: «Да вы, пожалуй, опять за здоровье этого палача, подлеца Муравьева предложите пить!».

- «Образумьтесь, Федор Семенович, - возразил я. - Подумайте, что Вы говорите, ведь Вы за такие слова и из службы-то рискуете кубарем полететь, а у Вас дети!».

- «Что же Вы, пойдете на меня доносить, что ли?».

- «Не, я доносить не пойду, но я Вам сам скажу, что нося с нами один русский мундир, говорить о таких людях, как Муравьев, такие слова в настоящее время подло».

Телеграфъ въ *Вятка*

30. Июня 1863 года

Изъ *Самары* Телеграммъ № *2175*

№	СЧЕТЪ СЛОВА	ПОДАТЬ				ПОЛУЧЕНЪ				СЛУЖЕНЫЯ ОЗНАЧЕН.
		ЧИСЛО	ЧАСЪ	МИН.	СЕК.	ЧИСЛО	ЧАСЪ	МИН.	СЕК.	
	26.	30.	10.	29.	и.	30.	5.	50.	д.	

Вятка.

*Господам: Статскому Советнику
Будову и Надворному Советнику Алабину,
Собравшиеся в Вятку Обществу
выбравъ членъ троицы, благодарите, пере-
дать изъвѣщеніе секретной mailъ благодар-
ности за оказаніе мнѣ гостѣ.*

Горчаковъ.

Върно: *Горчаковъ*

Телеграмма канцлера А.М.Горчакова П.В.Алабину. Из личного альбома П.В.Алабина. Самарский областной историко-краеведческий музей им.П.В.Алабина.

Заканчивая рассказ об отношении Алабина к подавлению польского восстания, надо иметь в виду, что Петр Владимирович безоговорочно одобрял политику властей в 1863 г. В то же время ни тогда, ни в другое время он не испытывал никаких враждебных чувств к польскому народу. Выросший в Белоруссии, он свободно владел польским языком, интересовался польской культурой. В Вятке он знакомил местное общество с творчеством Мицкевича, а фотографию композитора Варыньского он вообще хранил в своем альбоме. В личной библиотеке у него были и польские книги, а свой самоучитель польского языка он подарил Вятской публичной библиотеке¹³¹. А позже, в Самаре, он напишет биографию польского поэта Трембицкого, издав ее в «Русской старине»¹³².

Важнейшим направлением служебной деятельности Петра Алабина 1863 г. стала работа по претворению в жизнь «Положения о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных», подписанное Александром II 26 июня 1863 г. По сути, оно явилось продолжением крестьянской реформы 1861 г. Согласно закону земельные наделы удельных крестьян подлежали обязательному выкупу. Условия выкупа земли определялись уставными грамотами, которые заключались между крестьянами и удельными учреждениями.

Алабин с присущей ему энергией принялся за новое дело. В первую очередь требовалось провести большую разъяснительную работу среди крестьян. Дело было новое, и крестьяне не сразу поняли, зачем нужны уставные грамоты, поэтому нередки были случаи отказа крестьян от выкупа грамот. Возникло много спорных вопросов о земле, ее принадлежности. Правительством были определены сроки для проведения этой реформы, поэтому и Алабин, и другие чиновники Вятской удельной конторы постоянно выезжали на места для разрешения возникающих проблем. Вся работа проходила по плану, начали ее в Кукарском приказе, потом продолжали в других.

Наверное, Петр Владимирович, разобравшись в сути проводимой работы, понял, что в перспективе идет ликвидация Вятского удельного имения. Выкупив уставные грамоты, крестьяне переставали быть удельными, не надо было ими управлять, и уже к концу 1863 г. ликвидируются Кукарский, Петропавловский и Лебяжский приказы. Кукарка перестает быть удельной слободой. Однако, ни в документах, ни в печатных работах у Алабина не проскальзывает ни сомнения в проводимой работе, ни уныния. Наоборот, он полон энергии и новых замыслов.

- «Как, - закричал Кен, - подло? Подло? Подло? Нет, подло предлагать такие то-сты, подло их пить».

Разумеется, после этого я не мог воздержаться, чтобы не сказать г. Кену, какой расправы он заслуживает за такое заключение, и вышел из комнаты. Затем ко мне подошло несколько лиц и просили меня оставить происшедшее в четырех стенах нашего собрания, чтобы не омрачать праздник в честь Государя. Я дал обещание и, если настоящим рассказом нарушаю его, то единственно потому, что не считаю себя вправе своим дальнейшим молчанием дать возможность ложного толкования случая, со мной происшедшего».¹²⁹

В архивном деле приведены объяснительные и других участников и свидетелей этого происшествия. Собрав все свидетельства, губернатор В.Н. Струков не принял никакого решения, а обратился к генерал-губернатору Казанской, Пермской и Вятской губерний с вопросом, что делать. Ответ был коротким: особенного внимания этот случай не заслуживает¹³⁰. Никаких последствий поэтому происшедшее столкновение не имело. Хотелось бы обратить внимание на подчеркивание Алабиным в своем объяснении, что все они носят русский мундир, а потому и должны одобрять действия русских генералов. Для Петра Владимировича, боевого офицера, это было важно.

И еще одним интересным моментом в жизни Алабина проявился 1863 год. Попечительный Совет Вятского женского училища 1-го разряда на своем заседании 30 сентября 1863 г. решил: «Совет, желая избранием в среду свою нового члена содействовать пользам заведения и зная горячее сочувствие к делу народного образования г. Управляющего Вятской удельной конторой П.В. Алабина, определил: избрать г. Алабина в члены Совета и пригласить его письмом принять на себя это звание»¹³³. Петр Владимирович «изъявил на то свое согласие» и с 4 октября 1863 г. «вступил в звание члена Попечительного совета женского училища»¹³⁴. Попечителем этого учебного заведения - будущей женской Мариинской гимназии - Алабин был до своего отъезда из Вятки. Он организовывал вечера, лотереи-аллегри в пользу училища, помогал книгами.

«МУЗЕУМ»

13 июля 1863 г. Алабин опубликовал статью «О необходимости устроить при Вятской публичной библиотеке публичный музей», где рассказал о музеях в европейских странах, их пользе для народа¹³⁵. От отмечает, что «в Вятском крае положительно не существует ни одного хранилища вспомогательного для изучения естественных наук, технологии, механики, к которой весьма многие из здешних крестьян имеют инстинктивное стремление»¹³⁶. Для удовлетворения этих потребностей, по мысли П.В. Алабина, надо создать в городе Вятке музей при публичной библиотеке, потому что это «место, наиболее доступное во всякое время и без малейших затруднений для всех членов общества изучая в стенах библиотеки науку по книгам, всего полезнее было бы изучающему тут же поверять читаемое по книге самой природы»¹³⁷. Для П.В. Алабина главное предназначение музея — просветительское. Он писал: «публичные музеи более всякого другого средства возбуждают и развивают в обществе интерес к предметам науки тем живым впечатлением, какое выносит из музея, толком составленного, посетитель»¹³⁸. Таким образом, создание музея в Вятке для П.В. Алабина явилось естественным шагом, продолжившим его просветительскую деятельность.

Идея создания музея была одобрена Попечительным комитетом Вятской публичной библиотеки, и единогласно было принято предложение П.В. Алабина о приобретении дома, в котором бы разместилась библиотека с музеем¹³⁹. Вскоре, взяв ссуду в размере 3000 рублей в Анфилатовском банке, Попечительный комитет приобрел дом Машковцева по улице Копанской. Это здание считалось одним из лучших в городе, в нем одно время размещалась удельная контора, позже жили вятские губернаторы Н.Н. Семенов и Н.М. Муравьев. Первоначально предполагалось, что библиотека и музей займут первый этаж, а второй будет отдаваться внаем, что позволит постепенно расплатиться с долгом¹⁴⁰. С легкой руки П.В. Алабина с 1863 г. и по настоящее время в этом доме располагается Вятская публичная, сегодня Кировская областная научная библиотека имени А.И. Герцена. Правда, к дому сделан пристрой справа и слева). В библиотеке хранится купчая 1863 г., подтверждающая покупку этого дома и участие в этом деле Алабина.

Для оборудования музея нужны были деньги. Они стали поступать в виде пожертвований уже в ходе обсуждения идеи музеума. Первым 28 июля 1863 г. прямо на заседании комитета пожертвовал на музей 5 рублей А.А. Пьянков, член Попечительного комитета библиотеки¹⁴¹. Этому примеру последовали многие вятские купцы и чиновники. В «Летописях Вятской публичной библиотеки» П.В. Алабин постоянно сообщал о жертвователях, их взносах на устройство музеума и от имени Попечительного комитета библиотеки выражал им благодарность. Чтобы привлечь средства, П.В. Алабин готовит подписной лист «Подписка, устраиваемая в г. Вятке для публичного музеума», который за подписью губернатора В.Н. Струкова был направлен во все уезды¹⁴². Сохранившиеся в архиве заполненные листы свидетельствуют, что в этом деле принимали участие лица из всех сословий губернии: купцы, чиновники, священнослужители, крестьяне и др.¹⁴³. Пожертвования поступали от 50 коп. до 150 руб. Самым крупным меценатом музея стал слободской купец В.В. Александров - основатель известного на Вятке спиртоводочного завода. Он ежегодно посылал в музей по 100-150 рублей. Всего за три года добровольных поступлений было 2046 руб. 69 коп. Кроме этого, П.В. Алабин организовал в пользу музея две лотереи-аллегри, выручив 402 руб. 25 коп., и представления гос. Кроссо «Геологические картины», сопровождаемые собственным «громким и внятным объяснительным чтением»¹⁴⁴.

Все необходимое оборудование для музеума изготовляли вятские кустари и арестанты Вятской арестантской роты, попечителем которой был П.В. Алабин¹⁴⁵.

Коллекции музея начинались с «энтомологического кабинета собственно из насекомых, живущих в Вятском крае»¹⁴⁶. Когда была поддержана инициатива по созданию музея, П.В. Алабин обратился через газету к тем, кто «желал бы помочь делу устройства музеума доставлением различных предметов», указав, что именно нужно для музеума: инструменты, «могущие служить для изучения трех царств природы», образцы изделий местного производства, ископаемые и

ВЯТКА.

МАРТА 25-ГО ДНЯ 1862 ГОДА.

ВЪ ЗАЛѢ БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ
ДАТЬ БУДЕТЬ:

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Сборъ назначается для Женской Гимназіи и Публичной Библіотеки.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Собръ изъ оперы «Норма» Беллини. | Г. Т. Кривцевъ.
 | В. Н. Азеницынъ.
Три стихотворенія: «Въ деревнѣ»,
«Испрошенье» и «Ты ли ночью по
улицѣ твоей» Некрасова. | В. П. Москвинъ.
«Самбало» романсъ, муз. Глинки . . . | И. И. Фонъ-Циглеръ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Мелодія, соч. В. Азеницына | В. И. Азеницынъ.
«Сонъ» романсъ, слова Лермонтова,
музика Брудакова | И. И. Беневитскій.
Два стихотворенія: «Родина» Лер-
монтова и «За городомъ» М. Рови-
нскія | В. А. Кандауровъ.
Драматическій дуэтъ на мотивы изъ
оперы «Elixir d'amore» Доницетти,
соп. Васильева | К. П. Клингсбергъ.
 | В. И. Азеницынъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

«Битва-бы оуъ зналъ» романсъ кня-
зяа Коуубей | И. И. Фонъ-Циглеръ.
Три части поэмы Мицкевича «Конрадъ
Валленбергъ» въ переводахъ Пушкина,
Шелера, Берга и Бенедиктова . . . | П. В. Алабинъ.
Переложенье изъ оперы «Guillaume Tell»
Россини | К. П. Клингсбергъ.
 | В. И. Азеницынъ.

НАЧАЛО ВЪ 7 1/2 ЧАСОВЪ.

ВЯТКА.

6-ГО МАЯ 1862 ГОДА.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧТЕНІЕ

ВЪ ЗАЛѢ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ.

Сборъ предназначается на составленіе необходимой суммы
для напечатанія каталога библіотеки.

ОТДѢЛЕНІЕ I в.

О судѣ и слѣдствіи въ Россіи П. О. Шиманскій.

ОТДѢЛЕНІЕ II в.

«Отъ себя не убьжишь» повѣсть Марка
Вовчка, съ Малороссійскаго П. В. Алабинъ.

НАЧАЛО ВЪ 7 ЧАСОВЪ.

Цѣна мѣстамъ:

Стулъ 1-го ряда	1 р.
— 2 и 3 рядовъ	— 50 к.
— 4 и 5 рядовъ	— 30 к.
— прочихъ рядовъ	— 15 к.

Билеты можно получать въ Публичной Библіотекѣ.

*Программы литературных вечеров. Из личного альбома П.В. Алабина.
Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина.*

окаменелости, древние монеты, предметы истории и т.д.¹⁴⁷. В распространяемом подписном листе П.В. Алабин уже конкретно указал, что предполагается составить 8 коллекций и кабинетов, которые укомплектовать могли бы помочь все желающие¹⁴⁸. И он сам активно занимался, говоря по-современному, целенаправленным комплектованием фондов.

Он пишет письма в те учреждения, которые могли бы выслать для музея необходимые предметы. Так, для сбора коллекции образцов руд и изделий он обратился к управляющим вятских, уральских и сибирских заводов, и те выслали все требуемое бесплатно. Вот как откликнулся на это предложение управляющий Холуницкими заводами Василий Пятов, тот самый знаменитый изобретатель броневого проката: «Сочувствуя к предполагаемому устройству в городе Вятке публичного музея и публичной библиотеки, я готов содействовать к этому общепользному предприятию всем, что от меня зависит, а потому предложил лицам по всем заводам, состоящим в моем управлении, подписку на приложенном листе. Также распорядился присылкою в состав музея образцов всех изделий, производящихся в Холуницких заводах; материалов, употребляемых при этом производстве, и добываемых железных руд»¹⁴⁹. П.В. Алабин сумел сосредоточить в музее предметы и коллекции, собранные предшественниками для музеев Палаты государственных имуществ, Сарапульской публичной библиотеки и Вятской гимназии. П.В. Алабин подходил к этому вопросу очень дипломатично. Например, он подготовил письмо за подписью губернатора управляющему Вятской палаты государственных имуществ А.А. Глотовскому о хранящейся у них коллекции: «Из этих предметов предполагалось образовать музей, который бы облегчил изучение Вятского края. Между тем под влиянием неблагоприятных обстоятельств, между прочим, по недостатку помещений, оно не состоялось, и собранные в палате предметы не представляя ничего целого своими собраниями, остаются без возможности принести кому-либо пользу, а, напротив, еще, вероятно, обременяют собою Палату, требуя за собою присмотра, составляя некоторый предмет отчетности, занимая собою много места»¹⁵⁰. Таким образом, в музей попали экспонаты с выставок, проводившихся в Вятке с 1837 г., ряд естественнонаучных, этнографических, нумизматических и других предметов. П.В. Алабин обратился в столичные учреждения, которые могли бы помочь музею: Московский публичный музей, Императорскую публичную библиотеку, Сельскохозяйственный музей при Министерстве государственных имуществ, Музей горного института, Центральный статистический комитет, Императорскую Академию художеств. Для комплектования нумизматической коллекции направляются обраще-

ния в Санкт-Петербургский и Екатеринбургский монетные дворы, Казанский университет. П.В. Алабин посылал много персональных писем вятским заводчикам, купцам, чиновникам, преподавателям с конкретными просьбами о присылке тех или иных вещей, обращался к коллекционерам с просьбой поделиться с музеем своими предметами.

Интересно, как он искал таких людей. Вот П.В. Алабин пишет орловскому исправнику: «Дошло до нашего сведения, что у кого-то из жителей г. Орлова имеется достойного внимания коллекция раковин и чучела птиц, вывезенные из г. Архангельска. Прошу Вас собрать сведения, у кого именно находятся таковые и нельзя ли осмотреть ее и, если она действительно заслуживает внимания, войти с этим господином в отношение»¹⁵¹. Вскоре пришел ответ, что коллекция раковин и минералов имелась у купца Филиппа Степановича Изергина¹⁵².

Идею музея в г. Вятке горячо поддерживал губернатор В.Н. Струков, поэтому многие письма и обращения шли за его подписью, что давало свои результаты. До нас дошли черновики 49 писем по музею, подготовленных П.В. Алабиным, что позволяет оценить его собирательскую деятельность¹⁵³.

Учитывая специфику комплектования естественной коллекции, П.В. Алабин написал статью «Приглашения помочь Вятскому публичному музею в составлении коллекции птиц, их гнезд и яиц»¹⁵⁴, которая в том же 1864 г. вышла отдельным изданием. В этой работе, кроме указаний, как составлять коллекции, дан перечень птиц, обитающих в Вятском крае, и отмечены отсутствующие виды. Вское «Вятские губернские ведомости» отметили, что в музей поступило чучело беркута от уржумского городского головы О.И. Палентрейтера, птицы от помощника управляющего Вятской удельной конторы А.И. Фадеева, коллекция яиц от 44 птиц от слободского медика П.П. Ворожцова, гнезда птиц от священника Ф.П. Мышкина и Рукавишников¹⁵⁵. Не забывал устроитель музея и публично благодарить дарителей. Например, вот как в газете он сообщает о присланной «от слободского городского медика г. Ворожцова энтомологической коллекции из насекомых Вятского края. Коллекция эта вследствие основательного знакомства с наукой ее составителя, так же, как вследствие его страстной любви к своему предмету составлена с большою тщательностью и знанием дела. Коллекция г. Ворожцова достойна полного внимания как собранная собственно в северо-восточной части Вятского края, который, особенно в Кайской стороне, представляет много интересного для естествоиспытателя. Этою-то замечательною коллекцией, плодом многолетних добросовестных трудов, г. Ворожцов поделился с нашим музеем, прислав три ящика бабочек, отлично сохранившихся и приведенных в систему по Эверсману»¹⁵⁶. Здесь и сообщение, и одновременно оценка полученного.

Некоторые предметы, например, часть клада монет, найденного в Слободском уезде, палаш времен Петра I были переданы П.В. Алабину губернским статистическим комитетом, активным членом которого он был¹⁵⁷. Палаш, хранящийся в Кировском областном краеведческом музее, имеет очень интересную историю. Это оружие было взято в бою у шведов во время Северной войны, в честь чего на нем выбиты слова «Виват, царь Петр Алексеевич!», а на другой стороне — двуглавый орел с короною. Этот палаш хранился у слободских крестьян Верстаковых и передавался из поколения в поколение как семейная реликвия. И вот эту вещь они передали в музей через священника села Лекомского И.Г. Кибардина, члена статкомитета¹⁵⁸.

В основу археологической коллекции легли предметы, найденные П.В. Алабиным при его археологических раскопках Ананьинского могильника, Пижемского и Нижневоотского городищ¹⁵⁹. Это была незначительная часть находок, не отправленных через Департамент уделов в Императорскую археологическую комиссию. Их дополняли коллекция каменных орудий, переданная священником Ф.П. Мышкиным, о которой П.В. Алабин рассказал вятчанам в статье «Новое приобретение каменных орудий, сделанное Вятским музеем»¹⁶⁰, и дар археолога Раевской. Зная характер Петра Владимировича, можно предположить, что он отдал музею много лично ему принадлежавших вещей.

В СТАТКОМИТЕТЕ

Не стоит думать, что Петр Владимирович Алабин занимался только одним музеем. В 1864 г. он много работает в Вятском губернском статистическом комитете, членом которого он был. Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, посмотрим, что собой представляла эта организация в середине XIX в.

26 декабря 1860 г. император Александр II утвердил новое «Положение о губернских и областных статистических комитетах», по которому они должны были состоять из председателя (губернатора), его помощника, членов: непременных, действительных, почетных — и секретаря. В Положении четко было регламентировано, кто входит в члены комитета. «Непременными членами являются: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, председатель казенной палаты, управляющие палатой государственных имуществ и удельной конторой, инспектор вра-

*Топор начал XVIII в. - один из первых экспонатов Музеума.
Баринский областной краеведческий музей.*

чебной управы, губернский директор училищ и член православной духовной консистории»¹⁶¹. Действительными членами статистического комитета приглашались и избирались лица, которые своими трудами могли участвовать в деятельности комитета.

Почетными членами избирались лица за свои заслуги по изучению края, за свой вклад в развитие статистики.

В феврале 1861 г. в Вятку пришел циркуляр Министерства внутренних дел «О приведении в исполнение Положения о губернских и областных статистических комитетах», после которого П.В. Алабин, как и другие высшие чиновники Вятки, получил уведомление, что в соответствии с указанным Положением он стал неперенным членом губернского статистического комитета¹⁶².

П.В. Алабин активно посещает заседания комитета, принимает участие в обсуждении различных вопросов. Однако, по-видимому, он был не удовлетворен деятельностью статкомитета и, проанализировав существовавшее положение дел, он составил программу действий комитета на ближайшее время. 3 марта 1862 г. П.В. Алабин выходит с предложением о назначении «гонорария» за «статьи, касающиеся изучения Вятского края в статистическом и этнографическом отношении, и кои будут заслуживать внимания, принесут статистическому комитету свою долю пользы и признаны будут достойными помещения в губернской газете»¹⁶³. Деньги можно будет взять, когда утвердят новую смету земских повинностей, то есть через полтора года. «Статьи, коих ожидает наука о Вятском крае, - пишет далее П.В. Алабин, - не могут быть составлены, как литературные статьи, в один присест»¹⁶⁴. Они требуют много времени, поэтому срок в полтора года вполне нормальный. Однако надо руководить этой работой и статистический комитет должен составить ряд вопросов и тем, необходимых для изучения. Алабин предложил за лучшие статьи выплачивать премии в 200, 300 и 500 рублей.

7 марта 1862 г. статистический комитет рассмотрел предложение П.В. Алабина, одобрил его и решил составить общий план статистических работ, предварительно обсудив выполнение программы 1836 и 1850 годов¹⁶⁵. Составленная новая программа была опубликована в «Вятских губернских ведомостях» в сентябре того же года. А 20 апреля 1863 г. член Вятского особого о земских повинностях присутствия П.В. Алабин известил статистический комитет, что на содержание комитета в текущем году выделено 1700 рублей¹⁶⁶. Появились деньги для выплаты «гонорария» за работы по изучению Вятского края.

В течение года поступали работы от действительных членов комитета по этнографии, истории, статистическому описанию губернии. Для рассмотрения их 24 февраля 1864 г. была избрана комиссия статкомитета под председательством П.В. Алабина, куда вошел директор училищ Вятской губернии И.М. Глебов, врач Н.С. Тучемский, учителя гимназии М.С. Косарев и А.С. Верещагин, секретарь комитета В.А. Короваев. Задачей комиссии было рассмотреть присланные статьи, «разобрать их достоинства и недостатки и постановить заключение о том, могут ли труды наименованных лиц вполне или в извлечениях быть напечатанными в «Вятских губернских ведомостях»¹⁶⁷.

Всего в комиссию за 1864-65 гг. поступило 14 работ. Все они раздавались членам комиссии для составления письменного отзыва, а затем на заседаниях принималось решение о публикации или отказе в этом.

На первом же заседании комиссии 15 апреля 1864 г. рассмотрели 7 отзывов, по которым признали нужным напечатать 5 работ. Сам П.В. Алабин также принимал участие в рецензировании. В областной научной библиотеке имени А.И. Герцена сохранилась рукопись священника Г. Овчинникова о селе Куменском Вятского уезда. На ней правки П.В. Алабина, пометки о том, какие места из работы следует опубликовать. Она вышла в газете в извлечении под названием «Заметка о приходе-расходах крестьянской семьи в третьем Куменском приходе»¹⁶⁸. Не все присланные работы были одинаковы, некоторые были совсем слабыми. Отказы в публикации были обоснованы. Например, о работе священника Попова «О состоянии народного образования в селе Куменском Вятского уезда» было сказано: «За сим, как статья О. Попова, кроме изложенного факта, вероятно, ошибочного, не представляет никакого интереса, то и не подлежит напечатанию в «Губернских ведомостях» даже и в извлечении»¹⁶⁹.

П.В. Алабин рецензировал в 1864 г. большой труд учителя Вятской мужской гимназии, своего коллеги по комиссии М.С. Косарева «Материалы к истории развития пермяков». Этот отзыв на 12 страницах сохранился в Государственном архиве Кировской области. Он позволяет нам увидеть, как доброжелательно и в то же время строго оценивает Алабин работу хорошо знакомого ему человека. «Мы слишком высоко ценим каждый добросовестный труд, а таковой труд мы видим и в статье Косарева, чтобы относиться к нему легко, без должного внимания и при оценке его, чтобы искать в нем одни достоинства, оставив без внимания те недостатки, недосмотры и ошибки, которым он может быть причастен как произведение человеческое»¹⁷⁰. Петр Владимирович подробно разбирает работу Косарева, сравнивая приведенные факты с уже опубликованными ранее статьями Блинова и самого Косарева, отмечает ошибки в цифрах, дает рекомендации, как лучше переделать работу, он делает вывод: «Мы полагаем, что статья Косарева должна получить полную денежную премию, обещанную за печатанный лист по высшей норме и подлежать напечатанию в местной губернской газете, но с некоторым сокращением и пересмотром»¹⁷¹. К сожалению, Косарев вместо того, чтобы довести работу до конца, написал «Объяснения на замечания П.В. Алабина», где по каждому пункту отзыва дал свои объяснения¹⁷². В результате труд, которым Косарев занимался на протяжении целого ряда лет, так и не был закончен и опубликован.

Другой сохранившийся отзыв П.В. Алабина относится уже к 1865 г. Он сделан на работу священника Рязанова «Об училищах при церквях Вятской епархии» и не такой подробный, как предыдущий, всего на 4 страницах. Алабин при положительной оценке «добросовестного труда» обратил внимание, что автор сделал много фактических ошибок «в отношении к учащимся Вятского удельного имения, положение которых, как состоящих доселе в моем управлении, мне основательно известно»¹⁷³. Главной ошибкой автора, указывает Алабин, было то, что тот не учел факта деления удельного имения в 1858 г. на Вятское и Сарапульское, поэтому выводы оказались ошибочными. По мнению Алабина, при исправлении этот труд будет с удовольствием напечатан в «Вятских губернских ведомостях». Однако Рязанов предпочел другое издание и опубликовал свою статью, немного переделанную, в «Вятских епархиальных ведомостях»¹⁷⁴.

На опубликованную в «Вятских губернских ведомостях» статью П.В. Алабина «К сельским хозяевам и любителям природы»¹⁷⁵, в которой он предложил с началом весны делать наблюдения над развитием растительности в Вятской губернии и присылать их ему для обобщения, за год откликнулось всего 2 человека. Поэтому П.В. Алабин решил повторить свое предложение и обратился в статистический комитет с просьбой, чтобы через комитет, его действительных членов собрать данные о развитии растительности по прилагаемым формам. На заседании губстаткомитета 1 июня 1864 г. предложение Алабина было рассмотрено и одобрено. Как отмечено в решении комитета, предполагаемая работа послужит частью изучения природы Вятского края и потому необходима. Было разослано письмо ко всем действительным членам комитета об организации наблюдений за развитием растительности с приложениями, данными Алабиным. В письме указывалось, что присланные работы будут публиковаться, и за них будут выплачивать гонорары¹⁷⁶.

Однако этим не ограничились и дали объявление в газете: «Вятский губернский статистический комитет покорнейше просит сельских хозяев и всех любителей естественных наук заняться наблюдением над развитием растительности в Вятской губернии и о результатах своих трудов сообщить комитету не позже ноября будущего 1865 года»¹⁷⁷.

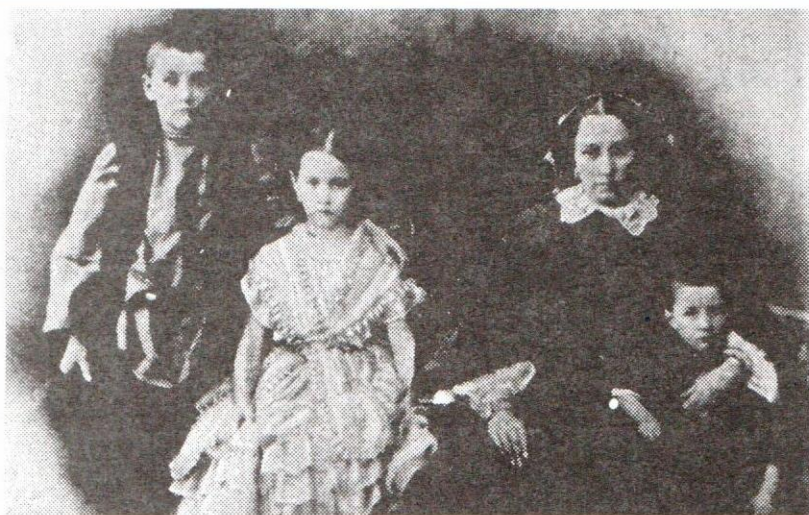
Интересно, что все усилия и самого Алабина, и статистического комитета не принесли желаемых результатов. Было получено только 2 работы от священников: И.Г. Кибардина из села Леконского Слободского уезда и И. Каменецкого из села Арбажского Котельничского уезда. Но их труды даже не были опубликованы и хранятся в рукописях в Государственном архиве и областной библиотеке имени А.И. Герцена.

1 декабря 1864 г. было решено провести в Вятке однодневную перепись населения. П.В. Алабин откликнулся на это письмом: «Разделяя убеждение комитета в необходимости и пользе производства однодневной переписи г. Вятки, долгом считаю заявить свою полную готовность лично содействовать к исполнению этой мысли, а также предлагаю в число счетчиков служащих во вверенной мне конторе помощника столоначальника г. Штина и г. коллежского регистратора Большакова, лиц, вполне благонадежных и способных к исполнению этого поручения»¹⁷⁸. Статистический комитет для проведения переписи организовал специальную комиссию из своих членов, «изъявивших желание принять на себя личное участие в этом деле»¹⁷⁹. Председателем был назначен А.А. Родзевич, а в состав комиссии вошли: П.В. Алабин, С.П. Щепкин, М.С. Косарев, А.С. Верещагин и В.А. Короваев.

Обязанности комиссии были обширные. Надо было разбить город на счетные участки, подобрать счетчиков, провести с ними инструктаж. Во время переписи надо было следить за работой счетчиков, проверять правильность записей их в счетные книги, разрешать возможные недора-

зачинание. А по окончании переписи составил статистические таблицы о числе жителей и подготавливал их к публикации в газете.

Сам П.В. Алабин непосредственно участвовал в переписи. Вместе со счетчиками Покрышкиным, Васнецовым, Изергиным, Курбановским он проводил перепись населения в районах между Монастырской набережной, Гласисной, Пятницкой, Владимирской, Ивановской, Никитской и Царевской улицами (современный район от ул. Дрелевского до ул. Ст. Халтурина и от Октябрьского проспекта до ул. Свободы)¹⁸⁰.

В.В. Алабина с детьми. Вятка. 1860 г. (?). СОИКМ.

Перепись населения г. Вятки прошла успешно. Результаты ее были опубликованы. В городе Вятке на 1 декабря 1864 г. было 1728 жилых зданий (один каменный дом приходился на 9 деревянных). Всего населения в городе — 17547 душ, в том числе мужчин — 9637, или 54,3%, женщин — 7910, или 45,7%. Значение проведенной в 1864 г. переписи населения трудно переоценить. Напомним, что регулярно переписи в России стали проходить лишь с конца XIX в., поэтому ее результатами пользовались, внося поправки, десятки лет. Материалы переписи сегодня являются одним из главных источников знаний о людях того времени. Например, о семье Алабиных там записано, что она живет в третьем квартале города Вятки по улице Московской в доме 26, при котором было три флигеля. Дом принадлежал удельному ведомству. В переписном листе перечислены все члены семьи Алабиных: Алабин Петр Владимирович, 1824 г.р., потомственный дворянин, управляющий удельной конторой, родился в г. Подольске Московской губернии, живет постоянно, православный; Алабина Варвара Васильевна, 1832 г.р., потомственная дворянка, жена П.В. Алабина, родилась в г. Брянске Орловской губернии, живет постоянно, православная. Дети: Василий 14 лет, Елена 12 лет, Иван 7 лет, Андрей 5 лет, Мария 2 года, Ольга 5 месяцев¹⁸¹.

Проведение переписи — это большая заслуга губернского статкомитета и лично Петра Владимировича Алабина. Вятский губернатор В.Н. Струков распорядился: «Членам комиссии, участвовавшим в деле переписи объявить благодарность за их труды и распоряжения, вследствие которых однодневная ревизия населения г. Вятки была произведена с удовлетворительным успехом»¹⁸². Полученную письменную благодарность Алабин хранил всю жизнь.

Отчеты о деятельности губернского статистического комитета в 1860-е гг. ежегодно печатались в «Вятских губернских ведомостях» и начали выходить отдельными изданиями. В каждом из них был раздел о деятельности членов комитета. В 1862-65 гг. о неперемненном члене П.В. Алабине писалось, что он еженедельно публикуется в газете «Летопись Вятской публичной библиотеки», указывались все его опубликованные статьи, рассказывалось о создании музея. Получалось, что просветительская деятельность П.В. Алабина укладывалась в понятие «член статистического комитета». Тем более к этому относились его археологические разыскания. Неудивительно, что в 1865 г. губернский статистический комитет издал отдельными брошюрами работы Алабина по археологии: «Заметки относительно древностей Вятского края», «Марьин кокошник», «Новые приобретения каменных орудий музеем».

«АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ СОБОР В ВЯТКЕ»

8 октября 1864 г. в Вятке готовились отметить 40-ю годовщину посещения города императором Александром I. Именно к этой дате было приурочено торжественное освящение возведенного Александром-Невского собора. Горожане давно ждали этого события: храм строился почти 30 лет, во многом на народные пожертвования. Петр Владимирович Алабин по-своему тоже готовился к юбилею: он собирал материалы о строительстве, изучал документы, расспрашивал очевидцев. Результатом работы стало новое произведение Алабина «Александр-Невский собор в Вятке». Оно было напечатано в 3-х номерах «Вятских губернских ведомостей» за 24 сентября, 3 и 10 октября 1864 г., т.е. как раз в дни празднеств. Позже, в том же 1864 г., оно вышло отдельным

изданием в 66 страниц. Издатели книги, видимо, спешили, потому что даже не исправили опечатки, допущенные в газете, а дали их в конце, как в газетной публикации. Похоже, что набранный в губернской типографии текст использовали дважды: один раз для газеты, другой - для книги. Сегодня «Алекса́ндро-Невский собор в Вятке» Петра Алабина - библиографическая редкость. Автор этих строк не мог в городе Кирове найти ни одного экземпляра: его нет ни в областной библиотеке, ни в музеях, ни в архивах, ни в учебных заведениях. После долгих поисков один экземпляр удалось найти в Самаре, в областной библиотеке. Можно предположить, что туда он попал через Алабина, который много книг дарил библиотеке. К сожалению, на найденной книжке отсутствует обложка, поэтому нет дарственной надписи.

В этой книге Алабин предстает перед нами как историк, как вятский летописец. Он подробно, год за годом описывает историю строительства храма, называет людей, которые были причастны к этому. На страницах мы видим Ивана Степановича Машковцева, городского голову, который выбрал место для сооружения собора, а позднее возглавил комитет по строительству. С одобрением пишет Алабин о губернаторе Тюфяеве (для нас сейчас он более знаком как персонаж книги «Былое и думы» Герцена). Именно он предложил обществу открыть подписку на строительство храма. Называются в книге и люди, сделавшие большие пожертвования на стройку: советник губернского правления Иван Падерин, первый пожертвовавший на храм 5 тысяч рублей; вятские купцы Машковцевы, Прозоровы и другие. Перечислены все председатели комитета по сооружению Александро-Невского собора.

Одно из центральных мест в книге Алабина занимает Александр Витберг. Петр Владимирович пишет, что имя Витберга, «если и не вполне известно всей России, то потому, собственно, что великому дарованию, его носившему, выпала горькая доля не видеть при своей жизни осуществленную ни одной из своих идей. Витберг ждет своего биографа. Не нашему слабому перу обрисовать с должной рельефностью такую величавую личность, а если мы и решились коснуться ее, то, собственно, с тем, чтобы при настоящем случае, когда мы стоим лицом к лицу с единственным и великолепным олицетворением мысли великого художника, напомнить о нем хоть несколькими словами все забывающему человечеству»¹⁸³.

Рассказывая о вятском периоде жизни Витберга, Алабин отмечает заслуги художника перед городом: «Витберг сделал план решеток и ворот городского сада, называемого Александровским, план на здание публичной библиотеки, которую предполагали в его время построить на южном углу Хлебной площади и Московской улицы» (современная Театральная площадь)¹⁸⁴.

Говоря о Витберге, Алабин дает полную биографию художника, подчеркивая его трагичность, вплоть до последних дней жизни; пишет о его детях, о вятском друге, тоже художнике, Чарушине. Петр Владимирович со страниц книги обращается с призывом: давайте напишем подробную биографию Витберга, пока живы люди, знавшие его, пока известны его дети; давайте опубликуем воспоминания Дмитрия Чарушина; нельзя терять время.

Закончив рассказ об истории строительства собора, Алабин дает свою оценку произведению архитектуры: «Алекса́ндро-Невский собор возносится перед нами во всей своей красе и законченности величественным памятником двух незабвенных царственных посещений Вятского края и единственной воплощенной идеей художника, бессмертного в истории отечественного искусства»¹⁸⁵. А ниже еще подчеркивает: «Храм Александро-Невский находится в положении, совершенно исключительном: он — народный памятник»¹⁸⁶.

Затем Петр Алабин дает полную раскладку всех затрат на строительство (как тут не вспомнишь о его бухгалтерском образовании).

Заканчивается книга словами: «Им, этим храмом, Вятка остается навсегда в памяти ее посетившего, - он самый замечательный предмет в нашей стране, он один из лучших произведений искусства в нашем отечестве, он наша гордость, наша слава!»¹⁸⁷.

Интересно, что одновременно с книгой Алабин издал и «фотографический рисунок храма», говоря его же собственными словами. Вероятнее всего, это фотография мастера Лихова, хотя документального подтверждения нет. Просто известно, что Алабин сотрудничал с этим фотографом, заказывал ему работы для музея. Нам удалось разыскать один из этих снимков в Государственном архиве Кировской области¹⁸⁸, хотя он не самого лучшего качества, но дает представление, какой вид собора распространял Алабин. Вообще, по нашим сведениям, это, кажется, первый пример организации продажи художественной фотографии населению в нашем городе.

Но и это еще не все. Пользуясь покровительством губернатора В.Н. Струкова, Алабин сумел организовать дело так, что доходы от продажи книги и фотографии шли на Вятскую публичную библиотеку и музей. В фондах архива сохранились докладные уездных исправников, отдельных чиновников, в которых говорится, сколько экземпляров книги «Алекса́ндро-Невский собор в Вятке» продано и какая сумма перечислена в пользу библиотеки¹⁸⁹. Вот что значит — организаторские способности у человека!

Александр-Невский собор в г.Вятке. Архитектор А.Л.Витберг. XIX век.

Он стал исключительным достоянием вашего города, в нем лишь одним найдя себе достойное прование»¹⁹⁰. И далее Петр Владимирович рассказал собравшимся о жизненном пути Витберга. А в заключение он предложил собрать деньги на могильный памятник художнику. В первый же день Алабину вручили 290 рублей, в дальнейшем они продолжали поступать.

Любопытна судьба этих денег. В 1865 г, когда хотели уже приступить к практическому воплощению алабинской идеи, узнали, что на могиле Витберга, на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге, уже есть, хотя и скромный, памятник. Не найдя сразу применения собранному капиталу, деньги были положены в банк на счет Вятской публичной библиотеки, то есть под контроль П.В. Алабина. А через год, в 1866 г, было, наконец, найдено применение этим деньгам: Попечительный комитет библиотеки передал их Мариинской женской гимназии, где была учреждена стипендия имени Витберга¹⁹¹. Так была сохранена память об этом замечательном человеке. Витбергская стипендия выплачивалась в гимназии вплоть до революции, и было бы совсем неплохо возродить эту традицию.

Надо отметить, что труды Петра Владимировича Алабина по увековечиванию памяти А.Л. Витберга не пропали даром. Он прочно вошел в историю культуры как исследователь жизни и творчества Витберга. Достаточно сказать, что авторы всех серьезных исследований о художнике цитируют алабинскую работу «Александр-Невский собор в Вятке». Так было и до революции 1917 года и после. Назову лишь отдельные книги: «Участие академика Александра Лаврентьевича Витберга в постройке Александр-Невского собора на Вятке» (Вятка, 1894 г.); «Александр-Невский собор в городе Вятке» (Вятка, 1903, два издания); В.Л. Снегирев «Архитектор А.Л. Витберг. Жизнь и творчество» (М.-Л., 1939); Е.С.Москалец, Л.В. Пешкина «А.Л. Витберг в Вятке» (Киров, 1975) и другие.

ПОПЕЧИТЕЛЬ АРЕСТАНТОВ

На протяжении всей своей деятельности в должности управляющего Вятской удельной конторой Петр Алабин продолжал оставаться одним из директоров попечительного о тюрьмах комитета, выполняя его различные поручения. В апреле 1863 г. он проверял жалобы арестантов Вятского тюремного замка и в справке написал: «В тюремном замке допускаются смотрителем Лысовым большие беспорядки. Сам смотритель ведет нетрезвую жизнь и весьма часто напивается. В тюрьме нечистота. Ларь со съестными припасами, с самой постройки его, вероятно, не чиненный, до того покрылся внутри гнилью и плесенью, что она отделяется от стен пластинами; будучи открыт, на несколько шагов от себя распространяет зловоние, а между тем, в нем хранятся припасы для продовольствия людей. Пища составляет предмет общей жалобы со стороны арестантов. Приготовленная 23 апреля каша была отвратительна, но, по словам арестантов, это еще праздничная пища, а постоянно бывает пища гораздо хуже»¹⁹².

Часто обманывают лиц привилегированных сословий: «Смотритель на кормовые деньги по требованию арестантов покупал им продукты. Между тем, хлеб у дворянской камеры тот же, что и у прочих арестантов. Воду речную этим арестантам не дают, а заставляют покупать, говоря,

Однако вернемся к 8 октября 1864 г. После торжественного освящения Александр-Невского собора состоялся, как и полагается, званый обед. «Вятские губернские ведомости», рассказывая об этом, упомянули и Алабина: «В заключение обеда А.И. Машковцев от лица общества обратился к П.В. Алабину с просьбой сказать несколько слов о знаменитом А.Л. Витберге, по плану которого устроен новый собор. Исполняя желание общества, П.В. Алабин обратился к присутствующим со следующей речью: «Господа вятские граждане! Вам предстоит честь воздать долг тому человеку, столь незабвенному в истории отечественного искусства, гений которого как

что полагается от казны колодезная вода. Словом, дух меркантильности и торговли в тюремном замке чрезвычайно развит»¹⁹³.

По итогам проверки были приняты соответствующие меры: тюремный смотритель и эконом были освобождены от должности, был налажен порядок в обеспечении продовольствием арестантов.

Однако через год Алабин вновь докладывал губернатору В.Н. Струкову о беспорядках в Вятском тюремном замке: «Врачи нерегулярно осматривают арестантов, в камерах рано запирают и поздно отпирают двери. В квас не кладется мята, отчего квас не имеет достаточной силы и остроты»¹⁹⁴.

Уже через три дня после докладной П.В. Алабина заведующий хозяйственной частью тюрьмы Смирнов доложил, что все замечания исправлены. Как видно из приведенного, отмеченные неполадки уже совсем не те, что год назад. Положение в вятской тюрьме значительно улучшилось.

Выполнял Петр Владимирович и другие поручения попечительного о тюрьмах комитета: наблюдал за приготовлением пищи арестантам, за хранением денег, составлял сметы на содержание тюрьмы.

В 1864 г. по решению Сената в ведение губернаторов были переданы арестантские роты — «один из видов исправительных наказаний, замененный впоследствии так называемыми исправительно-арестантскими отделениями»¹⁹⁵, как записано в словаре Брокгауза и Ефрона. В Вятке была размещена одна из 32 арестантских рот в России, где в основном содержались поляки, арестованные за участие в восстании 1863 г. В мае 1864 г. было открыто особое попечительство над Вятской арестантской ротой, на которое было возложено «ближайшее наблюдение за нравственным исправлением арестантов, постоянным занятием их работами и приисканием оных, а также за благоустройством вообще роты»¹⁹⁶, — писала газета «Вятские губернские ведомости». Попечительство было утверждено под председательством вице-губернатора Д.И. Батурина и попечителей — директоров Вятского попечительного о тюрьмах комитета Алабина, Шмелева и вятского градского головы.

Петр Владимирович с присущей ему энергией взялся за новое дело. Уже на второй день после назначения он ознакомился с положением арестантов и начал организовывать их жизнь. Как показывают документы, он регулярно посещал роту от 2 до 16 раз в месяц¹⁹⁷. При этом не будем забывать, что это был один из высших чиновников Вятки (в его ведении было 40 тысяч удельных крестьян) и, кроме тюремного, он был членом еще 7 комитетов, где также активно работал.

П.В. Алабин беспокоился о санитарном состоянии помещения, организации быта арестантов, рационе их питания, расходовании средств на содержание роты, не забывая и о покупке книг для заключенных. Много времени отнимала организация работ: арестанты широко привлекались к общественному труду. Они занимались уборкой города, исправлением дорог, постройкой решетки для сада, посадкой кустов шиповника в городском саду и т.д. По инициативе Алабина при роте были организованы столярные мастерские. Интересно, что в это время Петр Владимирович занимался созданием музея при Вятской публичной библиотеке и привлек арестантов к изготовлению оборудования для будущего музея, организовал оплату их труда через библиотеку.

П.В. Алабин по-отечески заботился о заключенных: ходатайствовал перед Городской Думой о выделении им земли под огород, протестовал против привлечения их к строительным работам во внеурочное время. Постоянно приходилось ему заниматься и текущими делами: составлением смет расходов, ремонтом водовозной тележки, организацией поимки сбежавшего арестанта и т.д.

Деятельность П. В. Алабина как попечителя арестантской роты была высоко оценена губернатором Струковым, который в письме от 10 августа 1865 г. писал Петру Владимировичу: «Имея в виду, что в минувшем июле месяце окончился годичный срок состояния Вашего в звании попечителя роты, я считаю долгом покорнейше просить Ваше Высокоблагородие сохранить за собой это звание и на наступивший 1865-1866 год. Постоянная Ваша заботливость о пользах роты, об улучшении нравственного быта арестантов и их работах дает мне право желать, чтобы в звании попечителя арестантской роты Вы находились сколь возможно большее число лет и чтобы труды Ваши, подъятые на пользу заключенных, были всегда для них благотворны и поставили исправительное заведение сие на такую степень благоустройства, на которой правительство желает его видеть.

Оставаясь в надежде, что обязанности попечителя арестантской роты Вы не сложите с себя в наступившем году, я ожидаю от Вас ответа в возможно непродолжительном времени»¹⁹⁸.

Письмо это, видимо, было дорого для Алабина, поэтому он хранил его до конца жизни, и через много лет его внук передал письмо в Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина, где оно хранится сейчас.

Пожеланиям вятского губернатора не суждено было осуществиться в полной мере. Алабин дал свое согласие и продолжал попечительскую деятельность до ноября 1865 г., когда был вынужден уйти в отставку в связи с упразднением Вятской удельной конторы.

В.В. Струков - вятский губернатор (1863-1866). Почетный гражданин города Вятки. Кировский областной краеведческий музей.

УДЕЛЬНАЯ РЕФОРМА БУКСУЕТ

Главным же, конечно, в деятельности Алабина-чиновника продолжало оставаться управление Вятской удельной конторой. В соответствии с требованиями Департамента Уделов он активно включился в реализацию удельной реформы, которую предполагалось завершить за 2 года, то есть в 1865 г. все удельные крестьяне должны были подписать уставные грамоты, которыми определялся размер их участка, и выкупить землю. Как показала практика, эти сроки оказались нереальными по всей России, в том числе и в Вятской губернии. Удельная система не ликвидировалась, она только видоизменялась: удельные крестьяне становились собственниками земли, но не всей, потому что часть ее и, как правило, лучшая, а часто и большая, оставалась за уделом. Поэтому крестьяне нередко противились подписанию уставных грамот, не соглашались с предложенными вариантами передела земли. Петру Алабину по-прежнему вместе со своими подчиненными приходилось много ездить по селениям удельного имения, чтобы разъяснять, а иногда уговаривать крестьян подписывать уставные грамоты.

Все знали, что в перспективе контора должна ликвидироваться, и чем больше они проявят служебного рвения, чем раньше закончат с уставными грамотами, тем быстрее останутся без работы. С такой невеселой перспективой жил и сам управляющий Петр Алабин. Уже через полгода после начала реформы было упразднено 3 из 7 уделов, входивших в Вятское имение, впереди было дальнейшее сокращение. Надо было думать о будущем. Наверняка, об этом шли и разговоры с губернатором Владимиром Николаевичем Струковым. Оба - участники Севастопольской обороны, имевшие, без сомнения, много общих знакомых, они довольно близко сошлись в Вятке. Струков во всем помогал начинаниям Алабина, всячески его поддерживал. Не остался он в стороне и от вопроса о будущем трудоустройстве Петра Владимировича. В Кировском государственном архиве нам попалось довольно интересное письмо вятского губернатора начальнику Департамента уделов графу Юлию Ивановичу Стенбоку от 27 сентября 1864 г. (обратите внимание на дату: за год до ликвидации Вятской удельной конторы!). Оно ни разу не печаталось, поэтому приведем его полностью.

«С введением в действие уставных грамот в имениях государевых, дворцовых и удельных должна совершиться реформа с настоящим удельным управлением, причем, как я слышал, управления удельными имениями сократятся и затем лица, занимающие эти должности в местах, где оные будут упразднены, должны остаться за штатом.

При совершении такой реформы и при выборе лиц для замещения должностей управляющих там, где таковые будут оставлены, я поставляю себе справедливым долгом обратить благосклонное внимание вашего сиятельства на истинно деятельную, опытную и, несомненно, полезную службу управляющего Вятской удельной конторой надворного советника Алабина. (Не буду говорить Вам о совершенном порядке, существующем в удельной конторе и имениях, подчиненных управлению г. Алабина. Вам это лучше известно, сколь только он умеет заслужить любовь доверенных удельных крестьян). В продолжение двухлетнего управления губернией я успел хорошо познакомиться с г. Алабиным и скажу смело, что более способного, деятельного и полезного чиновника трудно найти. Независимо от прямых обязанностей своих он всегда с полной, искренней готовностью помогал мне во всяком полезном деле и его труды по устройству в Вятке Публичной библиотеки, музеума, по обязанности директора тюремного комитета и попечителя арестантской роты из польских уроженцев всегда будут памятны в Вятке. Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности. В. Струков»¹⁹⁹.

Ну, как? Почувствовали канцелярский стиль XIX века? А сквозь него глубокое уважение к Петру Владимировичу и высокая оценка его труда. На наш взгляд, вполне могли быть подобные письма и в другие министерства.

К осени 1864 г. стало ясно, что удельная реформа в Вятской губернии начала пробуксовывать, ее сроки совершенно не выполнялись. Уже в XIX в. демократически настроенные исследователи писали, что реформа «не пошла» из-за ее грабительского отношения к крестьянам. Так, в «Памятной книжке Вятской губернии на 1870 год» приводились данные, что одну десятину земли удельные крестьяне должны были выкупать по цене, вдвое превышающей рыночную, причем платежи вносить ежегодно в течение 49 лет²⁰⁰. Не были удовлетворены крестьяне и отведенной им землей, и тем, что большое количество сенокосов, рыболовных угодий, выгонов оставалось в распоряжении уделов. Крестьяне по-прежнему оставались в зависимости от удельного начальства. Все эти причины, по мнению кировского историка В. Г. Авдеевой (см. ее работу «Крестьянское движение в Вятской губернии в пореформенный период 60-70-е гг. XIX века»²⁰¹), вызвали крестьянские волнения. Начались они осенью 1864 г. в Сарапульском удельном имении, причем в разных волостях. Крестьяне отказывались подписывать уставные грамоты, не допускали землемеров на поля, грубо вели себя с удельными чиновниками. Весной 1865 г. волнения в ряде мест стали перерастать в бунт, в отказ от работы. Обеспокоенные обстановкой в Сарапульском удельном имении губернские власти стали просить на подмогу войска.

В Вятском удельном имении пока было спокойно. Однако губернатор В. Н. Струков 12 апреля 1865 г. писал П. В. Алабину, что если крестьянские беспорядки, такие же, как в Сарапульском, начнутся в Вятском имении, то надо немедленно известить губернатора, а «несколько особо виновных крестьян можно удалить из губернии»²⁰².

Вскоре губернатор получил известие, что по его просьбе в Вятскую губернию направляются войска для усмирения удельных крестьян, и решил часть из них, на всякий случай, направить в Вятское удельное имение, о чем известил Алабина. Тот прореагировал незамедлительно и 12 мая 1865 г. отвечал: «имею честь уведомить, что я со своей стороны не вижу никакой необходимости в настоящее время вводить войска в Вятское удельное имение вообще, но если таковое расквартирование войск признается необходимым, то во всяком случае я полагаю бы избавить от воинского постоя те волости, в которых не только не предвидится возможности каких-либо беспорядков. Но, которые, напротив, с величайшей готовностью приняли новое положение и без малейшего прекословия подчинились всем его условиям. Таковы волости Кукарская, Петропавловская и часть Водозерской волости»²⁰³.

И далее Алабин писал, что батальон, который должен был разместиться на постой в Яранском уезде, можно расквартировать по полубатальонно в Пиштанской волости со штаб-квартирой в с. Пиштаны и Ильинской с Водозерской волостях со штаб-квартирой в д. Верхнепижемской.

Владимир Николаевич Струков с предложением Алабина согласился, и уже на следующий день в Казань, к генерал-губернатору, ушла телеграмма о предполагаемом размещении войск. Скоро в Вятскую губернию прибыло 2 батальона пехоты: один был направлен в Сарапул, второй – в Яранский уезд. Их целью было, как указывал В. Н. Струков, не экзекуция, а постой, чтобы своим присутствием они удержали крестьян от выступлений.

Интересно, что жизнь вскоре подтвердила правоту и Струкова, и Алабина, знание своей службы у обоих. Валентина Георгиевна Авдеева в Центральном историческом архиве в Москве нашла любопытные документы о поездке Петра Алабина весной 1865 г. (видимо, во второй половине мая) в Пиштанскую волость. Он предложил крестьянам подписать уставные грамоты, однако ни одной из 42 грамот не было подписано. Петр Владимирович информировал об этом губернатора, подчеркивая, что крестьяне «даже не вошли с ним в соглашение о том, где именно делать отрезки земли, не приняли в пользование ни одной запашки, ни одного лесного заполоска и в ответ на все его предложения или упорно молчали, или отвечали: «Воля Ваша, делайте, как знаете, а мы желаем, чтобы все было по-старому»²⁰⁴. В течение 1865-го и последующего 1866-го годов так и не смогли произвести размежевание у удельных крестьян Пиштанской волости. Наверное, солдаты предотвратили более сильные беспорядки в этих местах и, верно, Алабин не случайно штаб-квартиру разместил именно в Пиштани. А не так давно по предложению Алабина в этом селении открывали школу для крестьянских детей, приемный покой удельной больницы. А вот передел земли не поддержали!

Служака до мозга костей, Алабин переживал, что в сроки, определенные реформой, он не укладывается. В Вятское губернское по крестьянским делам присутствие он сообщал: «6 июня сего года оканчивается срок для введения в действие уставных грамот по удельным имениям, но по настоящее время не введено в действие уставных грамот в 293-х селениях, хотя грамоты эти переданы мировым посредникам преимущественно в минувшем [1864-м] году»²⁰⁵.

Сам Алабин считал, что он в деле проведения удельной реформы сделал все возможное. Неудивительно, что позже, когда известный экономист В.П. Безобразов, побывавший в Вятской губернии для сбора материалов для своей работы о торговле хлебом в северо-восточной России, публично заявил, что реформа в Вятском удельном имении проведена с большим ущемлением крестьян, Петр Владимирович выступил с большой статьей, опубликованной в столичной газете «Голос» под названием «За и против: письмо редактору» (1867, 30 августа, № 239).

В ней Алабин писал, что удельная реформа — «дело, исполнение которого потребовало в свое время много тяжкого и продолжительного труда, и была исполнена, — говорю смело, — перед лицом всех свидетелей ее исполнения с величайшим беспристрастием и полным сочувствием к крестьянам».²⁰⁶

А дальше Петр Владимирович рассказал, как он проводил реформу. «При введении в действие Положения от 26 июня 1863 года по Вятскому удельному имению я не отступил от него ни на шаг, да и не мог отступить, будучи во всех своих действиях контролируем Департаментом уделов. В большей части деревень Вятского удельного имения крестьянам оставлена без малейшей отрезки вся та земля, которая состояла в их пользовании до введения Положения Обрезка у нас делается следующим образом: все уставные грамоты я составлял лично сам в две, иногда в три руки с помогавшими мне лицами для того, чтобы не могли вкрасья в грамоту по возможности ни одной ошибки. Составив грамоту, но еще ее не кончая, я собирал крестьян той деревни, на которую была составлена грамота, в приказ и там публично при старшинах, при посторонних свидетелях и непременно при мировом посреднике показывал крестьянам на планшетном плане их землю, убеждался по их показаниям в правильности составления плана, в действительности нахождения в их пользовании числящейся за ними земли, объясняя им, сколько земли и на каком основании должно поступить им в надел и сколько подлежит в обрезку уделу, предлагая им тут же указать, какую именно землю, в каких именно границах они соглашаются отдать в обрезку. Затем я уже кончал грамоту, тут же при крестьянах она переписывалась и подписанная мною предъявлялась крестьянам окончательно. Составление грамоты таким образом иногда длилось несколько дней, а окончательный ответ крестьян отсрочивался до осмотра земель в натуре».²⁰⁷

В заключении Алабин делал вывод, что «решение крестьянского вопроса в Вятском удельном имении не могло быть неудовлетворительным».²⁰⁸

Однако критика действий Алабина продолжалась, и он был вынужден дать «Еще ответ г. Безобразову», опубликованный в «Голосе» 12 января 1868 г. Здесь Петр Владимирович провел самооценку своей деятельности по проведению реформы: «Мы повторяем, все до одной уставные грамоты, бывшие в Вятском удельном имении, составлены нами по взаимному соглашению с крестьянами. Более 2/3 грамот подписаны крестьянскими обществами. Крестьянам был дан самый широкий простор, крестьянам была дана полная свобода указывать на свои интересы и отстаивать их, и, наконец, вся операция совершена в интересах крестьян, так как в противном случае ни к одному акту они не приложили бы рук».²⁰⁹

Деятельность П. В. Алабина по проведению крестьянской реформы была оценена положительно, и он был награжден знаком отличия «За введение у удельных крестьян Высочайше утвержденного положения 26 июня 1863 года».

ЛЮБЕЗНЫЕ СЕРДЦУ ДРЕВНОСТИ

Мысли о возможном отъезде из Вятки, наверно, нет-нет да и посещали Петра Владимировича. Задумывался он и о том, сколько еще неизвестного и загадочного таит Вятская земля. Размышления его вылились в работу «Заметка относительно некоторых древностей Вятского края», опубликованную в «Вятских губернских ведомостях» в сентябре-октябре 1865 г. в пяти номерах газеты²¹⁰. В том же году она вышла отдельным изданием. Эта книга — итог археологической деятельности П.В. Алабина, именно в ней он описывает свои раскопки, свои мысли по поводу обнаруженного. Он четко обозначил цель написания своей работы: «Чтобы облегчить труд будущим исследователям доисторических древностей нашего края, мы намерены в настоящей статье изложить те сведения, какие мы успели собрать по этому предмету, независимо от сообщенных уже нами в статье о развитии Ананьинского могильника»²¹¹.

И далее Алабин пишет: «Скитаясь по удельным деревням Уржумского и Яранского уездов, мы заметили три городища, возвышавшиеся на берегах рек и подвергли два из них с разрешения Департамента уделов правильной раскопке»²¹². Речь идет о Лебяжском, Пижемском и Нижневотском городищах. Первое из них он только описал, два других раскопал. Описание алабинских раскопок не раз цитировалось и учеными, и краеведами, но оно все равно привлекает каждое новое поколение. Прочитаем еще раз: «На площади [Пижемского — В.Ж.] городища, между

валом и обрывом берега, открыт мною полузаваленный колодец, при разработке его обнаруживший тщательно выложенные стены из огромных правильной формы каменных глыб, впрочем без известковой или цементной связки. Предание говорит, что древние жители этого городища имели отсюда подземный ход в слободу Кукарку (до 8 верст по прямому пути), где также жили их одноплеменники и что этот ход из городища был открыт при перестройке Покровской церкви в слободе Кукарке, но почему-то тотчас зарыт»²¹³. Судя по материалам районной газеты «Вести Трехречья», выходящей в Советске, этот подземный ход и сегодня ищут энтузиасты²¹⁴.

Петр Владимирович подробно описал свои действия при раскопках, предметы, обнаруженные им. Их он отправлял в Департамент уделов, лишь незначительную часть оставлял для вятского музея. Очень ценным, на наш взгляд, является то, что Алабин записал предания и легенды о тех памятниках старины, которые он обнаружил. Здесь речь идет и о чуди белоглазой, обитавшей на Лебяжском городище, и об огненном змее из Нижнеботского городища, и о богатырях Подчуршинского городища; приводятся в книге легенды о селе Сернур и походе царя Ивана Грозного на Казань, легенда об истории Раздерихинского оврага в городе Вятке и празднике Свистопляске.

Заканчивается работа Алабина призывом к населению помогать создающемуся музею и приносить найденные древности. В качестве примера Петр Владимирович дал описание подаренной музею священником Мышкиным коллекции каменных орудий. Еще Алабин попросил жителей Вятского края о помощи в создании этнографической коллекции, в которую «должны войти все предметы, обрисовывающие народную жизнь не только инородцев, но и чисто русских обитателей Вятского края, все вещи, составляющие принадлежность быта этих племен и находящиеся у них в домашнем употреблении. Такое собрание необходимо, чтобы сохранить для будущих времен памятники исторической нашей жизни и чтоб сберечь многие из выходящих из употребления и совершенно забываемые, несмотря на их характерность, изящество или значительность»²¹⁵.

Вот так, начав с описания своей археологической деятельности, Алабин переводит разговор на насущное, на то, что его беспокоило в тот период.

Стремясь обнародовать то, что он успел собрать по истории Вятской земли, Алабин буквально через неделю публикует статью «Относительно обнародования некоторых исторических документов»²¹⁶. В ней Петр Владимирович дословно приводит документы, найденные им, о споре Вологодской и Вятской епархий по поводу Усть-Вымской пустоши в 1659-1676 гг.

А еще через месяц новая публикация из истории Вятки — «Марьин кокошник», названная так по имени городища, «лежащего вверх по течению реки Вятки на левом, весьма крутом, ее берегу, в полутора верстах от г. Вятки, за деревней Кузнецовой, что первая деревушка за селом Хлыновка»²¹⁷. Современные археологи называют это место Чижевское городище, находится оно сейчас в городской черте.

Алабин пишет: «Лишь на днях мы узнали о существовании городища от здешнего цехового мастера Шатрова, принявшего на себя труд указать нам эту замечательную местность; но по позднем времени года, а в особенности за наступившими заморозками, не могли приступить к развитию этого городища и отложили эту работу до лета будущего года, удовольствовавшись его наружным тщательным осмотром»²¹⁸. Обратите внимание на фразу «отложили до лета будущего года». Значит, Алабин думал о том, что останется в Вятке, надеялся, что представят какую-нибудь должность после ликвидации удельной конторы.

В этой работе Петр Владимирович показал себя как историк Вятки, знающий многие источники. Он пересказывает нам три версии возникновения города Вятки, изложенные в «Вятском летописце», «Истории вятчан» Вештомова и «Хронографе», изданном в Казани в 1824 г. «Таким образом, из трех выше перечисленных, друг другу противоречащих сказаний нельзя вывести окончательного заключения, который именно пункт был первым поселением новгородских выходцев. Мы полагаем, что наш Марьин кокошник решает своим существованием эту задачу по нашему убеждению, Марьин кокошник по всем правам может назваться ядром Вятки как местожительством древнейших обитателей этой страны еще до прихода новгородских колонизаторов и потом местом первой новгородской колонии, близ реки Хлыновки»²¹⁹.

Эта работа также позже вышла отдельным изданием, но, к сожалению, ни одного экземпляра ее в Вятке пока не удалось найти.

В ноябре 1865 г. Алабин опубликовал в газете также заметку «Новое приобретение каменных орудий, сделанное Вятским музеем», в которой он подробно остановился на коллекции священника Ф.П. Мышкина²²⁰. По существу, эта работа стала дополнением его «Заметки относительно некоторых древностей Вятского края», расширяя описание уже названной коллекции.

Анализируя работы Петра Владимировича Алабина 1865 г., видно, что перед нами предстает человек, хорошо изучивший историю Вятского края, владеющий методикой исследования, проводящий самостоятельные археологические раскопки, записывающий древние предания и ле-

предметы, собирающий и научно классифицирующий для музея предметы старины, постоянно информирующий общественность о своих находках и результатах исследований. Именно на Вятке родился историк Алабин, позднее блеснувший своими работами «Двадцатипятилетие Самары как губернского города» и «Трехвековая годовщина Самары», капитальными трудами по истории. И как жалко, что они были не по истории Вятки!

ПОСЛЕДНИЕ ДЕЛА

Последний год в Вятке был для Алабина очень насыщенным: для него всегда находились дела. Несмотря на обилие служебных обязанностей, он умудрялся быть в центре всех важнейших событий в провинциальной Вятке. В 1865 г. «Вятские губернские ведомости», как никогда, часто писали о Петре Владимировиче. Например, в номере за 5 февраля было помещено такое любопытное объявление: «В зале благородного собрания назначен 7 февраля семейный вечер, 11-го — маскарад, 13 — пикник. Во время маскарада все дамы должны быть в масках. Билеты на пикник по 1 руб. с кавалера можно получить в библиотеке А.А. Красовского, у П.В. Алабина и А.А. Фок»²²¹. Несомненно, он был на всех этих мероприятиях и не сидел скромно в уголке: ведь, судя по объявлению, он был одним из устроителей.

В марте Алабин организовал очередной литературно-музыкальный вечер, на котором выступил с чтением «Шекспир по Гюго». Вырученные средства пошли на помощь Вятской женской гимназии, за что Петру Владимировичу была выражена публичная признательность²²².

Именно в 1865 г., как писал И. Осокин, Алабин решил организовать подобный вечер в Кукарке²²³. Опыт удался, и литературные вечера стали проходить там регулярно. В отличие от Вятки на них присутствовали и крестьяне, порой, по своей многочисленности не попав в помещение, стоя у открытых дверей.

В апреле в Вятке торжественно отмечали 100 лет со дня смерти М.В. Ломоносова. К этому событию готовились заранее, была создана особая комиссия по проведению торжества из 6 человек во главе с губернатором В.Н. Струковым, в которую вошел, конечно, и П.В. Алабин. Интерес к личности Ломоносова у Петра Владимировича был уже давно, недаром он написал биографию поэта и поместил ее в своей «Хрестоматии для простолюдинов» еще в 1860 г. Не случайно, что именно Алабину было поручено выступить с докладом. Вот как описывает торжество газета: «Составленная биография Ломоносова была прочитана попечителем публичной библиотеки и музеума П.В. Алабиным и принята с особым одобрением всем обществом. Петр Владимирович прекрасно развил в своей речи, между прочим, каким образом географическое и общественное положение русского северного побережья, семейное состояние, знакомство с духовенством, сношения с раскольниками могли приготовить богатую натуру Ломоносова к развитию при тех условиях, которые он впоследствии нашел в Москве, Киеве, Петербурге и за границей»²²⁴. Даже по этому отзыву видно, что Алабин значительно переработал свой первый вариант биографии Ломоносова, углубил ее. Нам остается только пожалеть, что эта речь не была опубликована.

8 мая «Вятские губернские ведомости» опубликовали в официальной части сообщение «Высочайшая награда»: «Государь император в 17 день минувшего апреля Всемилостивейше соизволил наградить управляющего Вятской удельной конторой надворного советника Алабина за отлично усердную и ревностную службу чином коллежского советника со старшинством с 17 апреля 1864 года»²²⁵. Таким образом, мы видим, что, приехав в Вятку титулярным советником, за 7 лет он вырос до коллежского советника, то есть с чиновника 9 класса до чиновника 6 класса. Напомним, что согласно Табели о рангах в России было 14 классов чиновников. Согласитесь, что Алабин сделал неплохую служебную карьеру, поднявшись на 3 ступени вверх.

Еще в 1865 г. Петр Алабин дарил книги в публичную и тюремную библиотеки, проводил лотерею-аллегри в пользу женской гимназии, читал лекции.

15 апреля в числе других приглашенных Петр Владимирович присутствовал на освящении каменного храма во имя Сошествия Святого Духа в слободе Демьянке близ Слободского²²⁶. Надо сказать, что на это торжество, проходившее в течение 3-х дней, ездили архиепископ Вятский и Слободской Агафангел, губернатор В.Н. Струков и другие высшие чиновники Вятки. Дело в том, что на строительство церкви внес большие деньги известный слободской купец В.В. Александров (сейчас, благодаря рекламе Слободского спиртоводочного завода, основанного им, его имя и портрет хорошо известны жителям области). Алабин был близко знаком с Александровым, ведь это был самый крупный меценат Вятской публичной библиотеки и музеума, поэтому, наверняка, с удовольствием принял приглашение и съездил в Слободской. А в августе он снова посетил этот уездный город, когда ездил осматривать вместе с археологом П.И. Лерхом Подчуршинское городище, расположенное недалеко от современного поселка Первомайский.

Однако все эти события не были главными для Алабина в тот последний вятский год. Завершение крестьянской реформы, о чем говорилось выше, и устройство музеума — вот основные проблемы, решаемые Петром Владимировичем. Он продолжает переписку по комплектованию музейных коллекций, контролирует изготовление и приобретение витрин, шкафов, столов и прочего оборудования, заказывает фотографии, модели для наглядного отображения задуманного. Одновременно с этим он работает над каталогом экспонатов музея. Объем проделанной работы был просто колоссальный.

22 января 1866 г. состоялось торжественное открытие Вятского публичного музеума, где П.В. Алабин сказал: «почти трехлетние усилия местного общества увенчались успехом, новый светоч науки затеплился в глуши северо-востока России»²²⁷. И далее он доложил собравшимся, куда были израсходованы деньги, отметил наиболее щедрых дарителей, рассказал о коллекциях, постоянно подчеркивая просветительную роль музея для общества. В 1887 г. П.В. Алабин написал воспоминания о вятском музее для А.А. Спицына, дав подробное описание экспозиций музея²²⁸.

Музеум занимал весь второй этаж дома, экспонаты располагались в восьми залах. В передней по стенам были развешены рисунки и чертежи мебели, возле которых постоянно толкались вятские кустари. В большом зале висели портреты императора Александра II, вятских губернаторов — попечителей публичной библиотеки, архиереев, а по углам были расставлены древние артиллерийские орудия и каменные ядра. В середине зала располагалось пять шкафов с минералогической коллекцией. В отдельных комнатах находились энтомологическая, зоологическая и ботаническая коллекции, а также сельскохозяйственный отдел и художественная коллекция. В последнем помещении были отделы: исторический, археологический, археографический, этнографический и нумизматический. Таким образом, мы видим, что половина площадей была отдана под естественно-научные коллекции. Это не был музей местного края, в нем широко представлялись экспонаты из других регионов.

Музеум имел в некоторой степени прикладной характер: те же рисунки мебели не представляли ни художественной, ни исторической ценности; для пользования посетителей были установлены различные приборы, например, микроскоп с камер-лучевой и др. Музей, созданный П.В. Алабиным, являлся действительно «учреждением, прежде всего образовательным»²²⁹. В дальнейшем при нем предполагалось открыть классы рисования, проводить публичные беседы для народа, выдавать посетителям нужные им образцы и рисунки всего за 5 копеек на неопределенное время. Музеум был создан на научной основе с учетом принятой на тот момент классификацией, все экспонаты были снабжены этикетками, был составлен рукописный каталог коллекций музея, который предполагалось издать.

Через двадцать лет, оценивая детище П.В. Алабина, А.А. Спицын в статье «Исторический очерк Вятского публичного музея» писал: «Мы, вятчане, имеем право гордиться, что наш музей был почти первым среди других, создававшихся в это время, и что по своему богатству и целесообразности своей деятельности он был едва ли не лучшим из тогдашних музеев»²³⁰.

ПРОЩАЙ, ВЯТКА!

9 ноября 1865 г. «Вятские губернские ведомости» опубликовали в разделе «Разные известия и заметки» сообщение о том, что скоро покинет Вятку г. Алабин и у многих лиц общества есть «желание продлить память об этом деятеле в нашем городе каким-нибудь прочным образом и этим показать г. Алабину, что его деятельность на пользу общества, для которого он так много трудился, понята и оценена многими здесь»²³¹.

Действительно, 1 октября было «Высочайше утверждено» Положение о преобразовании удельного ведомства. Согласно этому документу Вятская удельная контора упразднилась, а все, находившееся в ее ведении, передавалось Казанской удельной конторе. На завершение всех дел и передачу отводилось 2 месяца, то есть до 1 января 1866 г. все должно было быть закончено. Петр Владимирович с делами справился раньше срока, все передал и со спокойной совестью 16 декабря 1865 г. вышел в отставку. Расставаясь с сослуживцами, наверное, сам Алабин предложил сфотографироваться на память. И вот на снимке, который сейчас хранится в Кировском областном краеведческом музее, запечатлены чиновники Вятской удельной конторы со своим управляющим в центре. Это единственная фотография Петра Владимировича вятского периода, сохранившаяся до наших дней.

А 19 ноября прошло собрание городского общества, которое «постановило приговор следующего содержания: Городское общество признательно статскому советнику Петру Владимировичу Алабину за оказанное им участие в делах общества, за устройство музеума и приведение публичной библиотеки в наилучшее состояние и подносит ему звание Гражданина г. Вятки. Независимо от сего желая оставить память о пребывании его в г. Вятке полагает и оставить портрет его в публичной

*Служащие Вятской удельной конторы. В центре - П.В. Алабин. 1865 г.
Кировский областной краеведческий музей.*

библиотеке»²³². (Канцелярский язык той эпохи немного сложен для нас, но он передает колорит самого времени).

27 ноября Вятская городская Дума утвердила это постановление и передала по инстанции в канцелярию губернатора, а оттуда бумага отправилась в Санкт-Петербург, в канцелярию императора.

Пока ходили бумаги, городская управа заказала портрет П.В. Алабина. По мнению писателя и краеведа Е.Д. Петряева, этот портрет был выполнен вятским художником Евгением Кирилловичем Макаровым (1842-1884 гг.). Эта картина сейчас хранится в Кировском областном краеведческом музее, куда попала после разделения библиотеки и музея. На полотне Алабин изображен в парадном мундире, с орденом Святой Анны 2-й степени, так называемой «Анной на шее», по которому четко определяется время написания портрета, потому что позднее, в Самаре, Алабин получит орден Святой Анны уже 1-й степени. Если сравнить портрет с фотографией, можно убедиться в большом сходстве изображения с оригиналом. Всмотревшись в портрет, видишь сочетание воли, ума, целеустремленности с доброжелательностью. И, как нам кажется, это лучшее изображение Алабина из всех, дошедших до нас.

Сам Петр Владимирович, выйдя в отставку, всего себя посвятил созданию музея. 22 января 1866 г. Вятский музей открыл свои двери для посетителей. Еще одно доброе дело было доведено до конца. Теперь можно было и уезжать: приказом по Министерству государственных имуществ от 24 января 1866 г. П.В. Алабин назначался управляющим Самарской палатой²³³.

25 января «вятское городское общество и вместе с ними и служащие, и другие обыватели нашего города, желая перед отъездом Петра Владимировича выразить ему свое сочувствие, дали ему прощальный обед в зале здешнего благородного собрания» (современная улица Ленина, 82, здание краеведческого музея)²³⁴. Так начинался отчет о прощании с П.В. Алабиным, помещенный 1 февраля 1866 г. в «Вятских губернских ведомостях» и занявший две (!) страницы. Информации такого объема, надо сказать, вообще в газете печатались очень редко: видимо, Алабина действительно уважали, поэтому и прощальные речи опубликовали с небольшими только сокращениями. Они очень колоритные, поэтому позволим себе большую цитату из газеты, тем более, что больше этот материал нигде еще не приводился. Итак, слово корреспонденту газеты: «Торжественный обед этот долго будет памятен присутствующим: отсутствие всякой официальности давало этому празднику почти семейный душевный характер.

Обед начался в 5 часов вечера при звуках оркестра Ревельского полка и продолжался до 9-го часа. Г. начальник губернии [В.Н. Струков] обратился к присутствующим со следующими словами:

«Господа! Вятское общество прощается с П.В. Алабиным, который оставляет нас, будучи призван к новой обширнейшей деятельности. Мы собрались здесь, чтобы выразить свою искреннюю и глубокую признательность этому человеку, которого продолжительное и разностороннее служение общественным интересам принесли столько пользы здешнему краю.

За что только ни принимался у нас в Вятке Петр Владимирович по обязанностям ли службы или вне ее, все при его рвении и неутомимой энергии в преследовании раз задуманной цели достигало желаемых результатов.

Приглашенный принять участие к восстановлению публичной библиотеки — он воскресил ее в полном смысле слова. Затем, не ограничиваясь одним этим делом, он задумал образовать при ней музей как постоянное вспомогательное учреждение для научного и наглядного знакомства с некоторыми специальными отраслями человеческого знания.

Стремясь к исполнению этой мысли, Петр Владимирович при отсутствии всяких определенных средств создал здесь музей, которым, сколько мне известно, немногие из других губернских, даже университетских, городов России могут похвалиться.

Взявшись за дело, он выполнил его с любовью и знанием. С терпением и настойчивостью, заслуживающими удивление и уважение, Петр Владимирович просиживал в этих пустых комнатах многие часы, отрывая их у семейства и службы. Как муравей, работал он здесь без усталости: хлопотал, просил, писал, собирал и устроил нам музей, которым Вятка может смело гордиться.

За этим мне остается прибавить, что и вне общественной деятельности я, как начальник губернии, видел в Петре Владимировиче всегда готового и всегда полезного сотрудника в делах правительственной администрации и мне приятно выразить теперь Вам, Петр Владимирович, мою искреннюю признательность за Ваши труды и не менее искреннее сожаление, что мы лишаемся в Вас дорогого для нашего края деятеля и любезного знакомого».

А вот что сказал товарищ Алабина по многим делам П.А. Зубов: «Петр Владимирович! Вы с бою завоевали себе на Вятке благодарную память не одних современников, но и грядущих поколений».

Затем выступил учитель словесности гимназии Я.Г. Рождественский: «не было в Вятке общественного предприятия: концерта, спектакля, литературного вечера, выставки местных произведений и прочего, в которых бы ни принимали Вы самого живого участия, или которых не были Вы главным распорядителем.

Прекраснейшая же черта Вашей деятельности во всех подобных обстоятельствах состояла в том, что Вы не старались сблизиться с людьми всех званий и состояний, Вы поощряли и ободряли каждого к полезному общественному делу, Вы, Петр Владимирович, своею деятельностью весьма много способствовали этому слиянию сословий, в котором заключается залог будущего благоденствия нашего общества».

Последним выступил директор вятских училищ И.М. Глебов: «Припомните, Вы первый почти подали руку помощи здешнему начальному женскому училищу, когда оно в крайне затруднительном положении нуждалось в необходимых средствах своего существования.

Сельские школы, до сего времени состоящие в ведении Вашем, — знаю я, — были приняты и найдены Вами не в утешительном положении, передаются ныне, пока до учреждения земства под наблюдение дирекции [самого Глебова и смотрителей — В.Ж.] — в благоустроенном виде: одни из них открыты вновь, другие обогащены библиотеками разумного выбора книг, доставляющих молодому поселянину продолжить посильное свое образование, начатое в оставленной им школе.

Ваши постоянные заботы и неутомимые труды оставляют после Вас нашим преподавателям и воспитанникам гимназии богатое пособие к развиваемому образованию последних в рационально организованной библиотеке, которой заведуют слушатели университетской академии и дорожат временем для серьезного чтения в кратковременный срок их здесь пребывания»²³⁵.

Конечно, приведенные цитаты великоваты по размеру, но, на наш взгляд, они дают понять, как оценивали деятельность П. В. Алабина его современники, за что его ценили. И если сравнивать эти оценки с мнением потомков, то видно, что большинство из писавших об Алабине, просто не изучали его деятельности, из-за чего получались весьма односторонние характеристики.

Однако вернемся к нашему герою. Распрошавшись с Вяткой, Алабин едет в Кукарку, в «столицу» своего уже бывшего удельного имения. 29 января там тоже проводится прощальный обед. Кукарский купец И.Ф. Самоделкин, выступивший на нем, как бы дополнил коллег Алабина: «Петр Владимирович! Будучи управляющим Вятской удельной конторой и нашим начальником, Вы постоянно заботились и неутомимо, горячо, без усталости трудились над устройством нашего благосостояния. Нельзя рассказать всего сделанного Вами, но упомянем некоторое. Вы открыли у нас в селениях женские школы — этот лучший залог народного образования, тогда как еще в то время даже в иных городах едва ли на ум кому приходило о необходимости и пользе подобных

учреждений. Будьте уверены, что мы высоко ценим существование этих учреждений и всегда поддержим их. Вы положили начало нашей публичной библиотеке [Кукарской – В. Ж.] и далеко развили ее, Вы учредили при конторе торгово-промышленный банк для поддержания нашей торговой и заводской промышленности, Вы заботились об улучшении сельского хозяйства крестьян и их ремесел. Вы сподобили нас чести лично выразить Государю Императору верноподданные чувства во время польской безурядицы, Вы заботились об уничтожении нищенства и о приращении престарелых и увечных крестьян и вот, Вашим старанием, у нас устроена в Кукарке богадельня. Словом, все, ведущее народ к образованию, богатству и благополучию, было Вами применено к нашему состоянию или введено и существует, или предпринято»²³⁶.

Были там и другие речи, но менее выразительные. В заключительном слове Алабин произнес: «Да цветет Кукарка торговлей, благосостоянием жителей и их образованием, да принесут ей земство и гласное судопроизводство сугубые пользы!»²³⁷.

Чуть позже описание этого вечера было опубликовано Николаем Золотницким в Казани в книге «1 января 1866 года в Кукарке и краткий очерк слободы Кукарки». В стихотворной форме автор так говорит об Алабине:

«Да здравствует же он!
Кого мы помнить будем,
Кто нами семь лет управлял
С такою любовью и заботой,
Кто вел вперед нас, кто работой,
Кто жарким словом жизнь давал!
Ему – наш долг и наше право,
Святая память, честь и слава!
И нам сюда просить пора
Его портрет – ура! Ура!
Тому всегда от нас почтенье,
Кто заслужить его умел
Трудом, запасом добрых дел,
Кто в славном деле обновленья
Земли родной царю служил,
Кто правдой крепко дорожил,
Чья, очевидно, сила воли
Устремлена на путь добра,
На помощь людям бедной доли,
Таким от нас – ура! Ура!»²³⁸

Конечно, приведенные стихи – не литературный шедевр, но они искренни.

Алабин держал путь в Санкт-Петербург за назначением, а только потом уже в Самару, к месту новой работы. Он ехал без семьи, взяв с собой сына кукарского купца Павла Лукояновича Бердникова, как писала газета, «для помещения его в коммерческое училище, вызвавшись на это потому, что ему легче устроить это дело, чем самому отцу, не имеющему там знакомых»²³⁹. Вспомним, что Алабин закончил именно это училище, никогда не забывал его и посылал в дар свои книги. Такой уж был этот человек, Петр Владимирович Алабин.

А семья его еще до лета жила в Вятке. Причина была житейская: Варвара Васильевна ждала ребенка. 8 февраля 1866 г. у Алабиных родилась дочь Александра. Крещение проходило в Знаменской церкви, и восприемниками были генерал-майор И.П. Голев и дочь губернского почтмейстера А.И. Лобанова. Из жизни семьи Алабиных этого периода еще известно, что их дочь Елена 18 марта выступала в концерте любителей, а 15 июня 1866 г. была награждена похвальным листом и книгами в связи с успешным окончанием 5-го класса Вятской Мариинской женской гимназии, которая, кстати, разместилась в доме бывшей удельной конторы, где жили Алабины. Интересная деталь: учебное заведение, которому Петр Владимирович отдал столько сил, помогая его становлению, переехало в дом, связанный с ним. В этом есть что-то символическое!

Все это время продолжалась бумажная канитель с присвоением П. В. Алабину звания «Почетный гражданин города Вятки». 26 января министр иностранных дел П. В. Валуев направил вятскому губернатору уведомление, что царь Александр II дал согласие на присвоение звания. 12 февраля В. Н. Струков письменно сообщил об этом городскому голове Ф. М. Клячину. Собрание городского общества состоялось 26 апреля. На нем, выражаясь языком документа, приговорили: «Согласно с Высочайшим соизволением коллежскому советнику Алабину присвоить звание почетного гражданина города Вятки и поставить портрет его в публичной библиотеке, о чем его, г. Алабина, известить»²⁴⁰. Подписали 19 человек. 24 мая в протоколе заседания Вятской городской Думы гласный Ухов,

заведовавший делопроизводством, записал решение: «О постановлении общества известить г. Алабина, препроводить к нему грамоту на звание гражданина г. Вятки»²⁴¹.

Петр Алабин уехал, но в «Вятских губернских ведомостях» первое время все еще публикуется материал о нем. Помещаются отчеты за 1865 год Публичной библиотеки, Губернского статистического комитета. Мариинской женской гимназии — учреждений, милых сердцу Петра Владимировича. В каждом — о делах Алабина, его пожертвованиях и сожаление об его отъезде. Например, «библиотека много утратила в лице главного, неутомимого деятеля своего, попечителя и учредителя — П.В. Алабина», который перед отъездом пожертвовал библиотеке «31 наименование книг в 175 томах»²⁴². Читаем мы и том, что посетивший Вятскую губернию петербургский археолог П.И. Лерх ездил на Ананьинский могильник, «раскопанный до него П.В. Алабиным, и окончательно разрыл его»²⁴³. Поместила газета и заметку о Кукарской библиотеке, основанной Алабиным, и о рассмотрении статкомитетом вопроса об археологических исследованиях Алабина, об археологической коллекции музея.

НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА

Еще собираясь покинуть Вятку, Петр Владимирович, наверное, не раз задумывался о том, что будет с его детищем — музеем, как будет жить без него публичная библиотека. В 1863 г. Алабин получил под библиотеку здание — дом Машковцевых, — взяв ссуду в 1000 рублей в Анфилатовском банке. Этот долг постоянно числился за библиотекой, и управляющий делами Алабин старался частично погашать ссуду, организуя коммерческие мероприятия: вечера, концерты, экскурсии, издания книг и литографий и т.п. Однако, устройство музея потребовало новых ассигнований. Следует напомнить, что библиотека и музей существовали, говоря по современному, на общественных началах. Получилось так, что Петр Владимирович, не собираясь никуда уезжать, спокойно делал долги и искал способы их погашения. Зная энергию Алабина, его предприимчивость, можно уверенно сказать, что эту проблему долгов он со временем бы решил, тем более, что основные затраты были уже позади: и библиотека, и музей были оборудованы и действовали.

И вот вынужденный отъезд из Вятки. Конечно, после длительных раздумий Алабин выходит с интересным предложением по будущему устройству библиотеки и музея к вятскому губернатору Владимиру Николаевичу Струкову. На наш взгляд, это отношение стоит привести почти полностью, с небольшими сокращениями, тем более, что оно нигде не публиковалось: «Одна из главнейших задач музея — собрать в своих стенах все предметы, которые могли бы способствовать к полному всестороннему изучению Вятского края в отношениях: археологическом, историческом, этнографическом, сельскохозяйственном, минералогическом, зоологическом, ботаническом и палеонтологическом.

Задача эта не может быть выполнена в короткий срок, на ее решение потребны многие годы, она должна развиваться вместе с жизнью общества, ее девизом должно служить постоянное и неуклонное поступление вперед и вперед: так как музей должен быть не только таким учреждением, которое наглядным образом способствовало бы развитию научных сведений в массы народа, так сказать, популяризировало бы науку, но в котором отражалось бы, независимо от прошлого страны, и картина ее настоящего в данный момент.

Изложенное показывает, что такое учреждение, как публичный музей, как достояние народа, как драгоценнейшая картина его прошедшего и настоящего, которую он с гордостью завещает своим потомкам, такое учреждение, говоря, должно иметь прочные основания. Между тем, оставляя в настоящем положении своем, то есть, не имея определенного фонда им раз навсегда обеспеченного содержания, оно зависит совершенно от случайности. Добровольные приношения на устройство музея и публичной библиотеки приобретаются с большим трудом, по временам устраиваемые в пользу библиотеки и музея литературные и музыкальные вечера, спектакли, лотереи, может быть, не всегда удачные, библиотека своими собственными средствами если и может поддерживать существование музея, то обогащать его новыми приобретениями не в силах, так как вырученные ею деньги она должна употреблять на собственное пополнение.

Средство дать музею и публичной библиотеке прочное обоснование на будущее время, возможность дальнейшего развития и совершенствования этих учреждений я вижу единственно в слитии их с другими учреждениями, преследующими одну с ними задачу: всестороннее изучение края и развитие в его населении научных знаний — в губернском статистическом комитете. Таковое слитие тем более возможно и естественно, что все учреждения эти находятся под управлением одного лица — местного губернатора и что комитеты этих учреждений состоят преимущественно из одних и тех же лиц.

Музей и библиотека нашли бы вследствие такого слияния своего управления с губернским статистическим комитетом в его членах новых просвещенных деятелей, из которых многие, вероятно, можно сказать, потрудились бы для дальнейшего развития этих учреждений: в материальных средствах комитета нашли бы средства своего дальнейшего преуспеяния, а статистический комитет таковым к себе присоединением означенных учреждений расширил бы только программу своих действий на пользу местного общества и приобрел бы таким образом новые права на материальную и нравственную поддержку со стороны этого общества, которое, видя с его стороны новый добросовестный обширный труд на общую пользу, вероятно, через посредство будущих земских учреждений изыскало бы средства увеличением ныне даваемых земством статистическому комитету субсидий облегчить комитету выполнение задачи, им избранной»²⁴⁴.

Вот такое официальное письмо Алабин как попечитель и управляющий делами библиотеки направил 9 ноября 1865 г. губернатору.

Алабинское представление было рассмотрено в статистическом комитете 31 января 1866 г. (почти сразу же после отъезда П. В. Алабина). Идею «слития» просветительских учреждений Вятки члены комитета встретили доброжелательно и «определили: соединение статистического комитета с публичной библиотекой и публичным музеем представляется полезным»²⁴⁵. Для получения разрешения решили послать ходатайство в Министерство народного просвещения и Министерство внутренних дел, к которому относился статистический комитет.

28 февраля ходатайство ушло в Санкт-Петербург. Позже туда же направлялись еще дополнительно запрашиваемые сведения о музее. Вопрос долго решался между министерствами и, наконец, в Вятку пришел ответ из департамента по делам ученых учреждений Министерства народного просвещения от 25 марта 1867 г. Соединить библиотеку, музей и статистический комитет не разрешили, но оставили надежду: «Вопрос может быть решен, когда Министерство внутренних дел и Министерство финансов договорятся о финансировании губернских статистических комитетов»²⁴⁶.

Однако никаких других ходатайств в столицу, похоже, и не направлялось, другие варианты решения этой проблемы не рассматривались. Финансирование библиотеки и музея так и пошло в воздухе (к чему это привело, расскажем ниже).

С ТОСКОЙ О НЕЗАБВЕННОЙ ВЯТКЕ

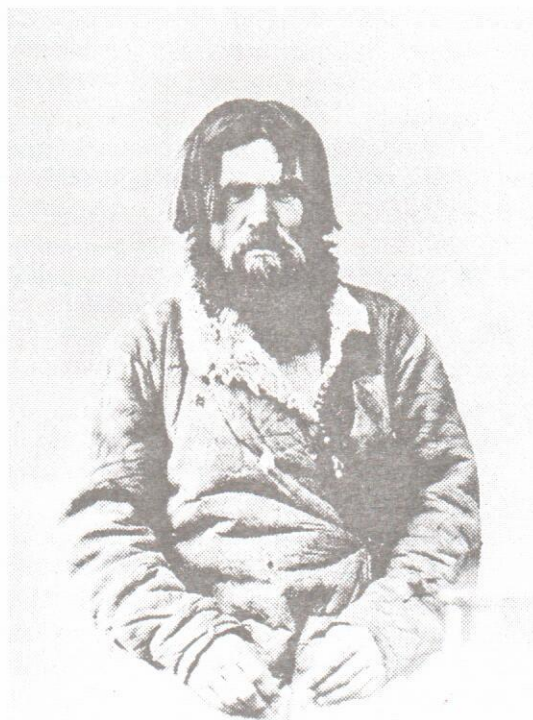
С 1866 г. П.В. Алабин живет в Самаре. Он не сразу привыкает к новой жизни, новым людям: в 40 лет не просто заводить новых друзей. В Самаре все другое: климат, темп жизни (город не так давно стал губернским и бурно развивался). Да и просто оторваться от напряженной, насыщенной проблемами, которые нужно постоянно решать, вятской жизни, где он был всем нужен, где постоянно что-то надо было делать, - было трудно. Тем более что первые полгода самарской жизни он был один, без семьи. Наверняка, велась бурная переписка Алабина с женой, с вятскими друзьями. К сожалению, перед нами только официальные бумаги, но и они характеризуют и состояние Петра Владимировича, и его помыслы, после, как он написал в письме к А.А. Краевскому, редактору газеты «Голос», с которым сотрудничал, «переселения в совершенно новый для меня край из моей незабвенной мрачной по наружности Вятки»²⁴⁷.

В апреле 1866 г. «Вятские губернские ведомости» информируют читателей, что в музей поступили пожертвования от управляющего Самарской палатой казенных имуществ П. В. Алабина²⁴⁸. А в отчете за 1866 г. можно прочитать, что же прислал Петр Владимирович. Цитируем: «три сорта дубовых желудей, 9 экземпляров разных раковин, медная медаль в память Крымской войны, три сорта овечьей шерсти из слободы Кукарка (шерсть разная, клочье и поярок), лава с ручья стольпинских минеральных вод Самарской губернии, разные минералы, разные виды железняка, образцы охры, известняка с отпечатками растений, образцы сланцев, образцы кизяка, таволга-кустарник, бобовник вшейный - кустарник, скелет лягушки, 53 морских раковины, башмачник с Воробьевых гор, марена 3 сортов, жимолость, крушина, боярышник и орешник, растущие в Самарской губернии»²⁴⁹. Представишь себе, что все это разложили в музей, - и получилась целая выставка, рассказывающая о том, что увидел необычного в Самарской губернии Петр Владимирович (конечно, уберем в другую экспозицию медаль и шерсть из Кукарки, оказавшуюся у Алабина в Самаре!). Впечатляет. Легко вообразить себе: вот едет Алабин по Самарской губернии, знакомится с новой работой, с новыми людьми, вдруг видит что-нибудь непривычное, расспросит у окружающих и вспомнит Вятку, где такого не видели, возьмет образцы, чтобы послать в любимый музей.

Но не только экспонаты для музея прислал Петр Владимирович в Вятку. Не забыл он и Вятскую публичную библиотеку. За первый год разлуки он прислал «99 названий в 406 томах»²⁵⁰, целую библиотечку. В Государственном архиве Кировской области хранится старая инвентарная

Смолов.

Кетчинское Волоси. Шултов.

«Вятские типы». Фотографии из личного альбома П.В. Алабина. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина.

книга библиотеки за 1867 г. и в ней сделаны отметки, какие книги пожертвованы П.В. Алабиным. По этим записям мы сейчас можем оценить этот подарок. Книжник по натуре, Петр Владимирович, к тому же прекрасно знавший фонды Вятской библиотеки, постарался подобрать книги, нужные читателям. Интересно, что художественных произведений немного: десяток драматических вещей, в основном водевилей, и рассказы. Больше книг по экономике: «О состоянии Саратовской учебной фермы», «Руководство к построению мельниц», «Крестьянская школа», «Систематический каталог инструментов и снарядов», «Основания сельского хозяйства», «Экономические указатели», «Труды Императорского Вольного Экономического Общества» и т.п. Ряд книг на французском языке. Есть сборники официальных постановлений. Много периодических изданий: «Журнал садоводства», «Журнал Министерства Государственных Имуществ», «Духовная беседа», «Воспитание», «Журнал для родителей и наставников» и другие. Особенно обрадовались, наверно, получив новую книгу самого Алабина «Остатки каменного века в Самарской губернии»²⁵¹.

Конечно, это был щедрый подарок. Если учесть еще, что Петр Владимирович перед отъездом из Вятки подарил библиотеке 175 томов, да прислал из Самары 406 томов, то только за 1866 год библиотека пополнилась благодаря своему меценату (это слово можно смело отнести к Алабину) на 581 том! Других таких друзей у Вятской публичной библиотеки не было.

Конечно, Алабин вспомнил не только музей и библиотеку, но и сам город Вятку. Воспользовавшись случаем, он даже хотел немного повторить вятскую архитектуру в Самаре. Но все по порядку.

4 апреля 1866 г. Дмитрием Каракозовым в Петербурге было совершено покушение на Александра II. «Самарское общество в ознаменование чудесного избавления возлюбленного монарха от грозящей ему опасности намерено соорудить в своем городе храм Спасителю, - читаем мы в «Вятских губернских ведомостях». - От управляющего Самарской палатой государственных имуществ, известного жителям Вятского края П.В. Алабина получено было на днях на имя здешнего городского головы С.М. Клячина телеграмма с просьбой прислать в Самару с первой почтой план и фасад с разрезом и деталями Вятского Александровского Собора, сооруженного по проекту известного Витберга»²⁵².

Вот так вот, не более не менее, а задумал наш Петр Владимирович построить в Самаре собор такой же, как в Вятке. И самарцы вначале его поддержали. В Вятку был командирован губернский архитектор М.Д. Муратов для подробного изучения храма в натуре и для изображения его в

деталей. Пока работал архитектор, местные власти решали вопрос о месте для будущего собора. В соответствии с Высочайше утвержденным планом развития Самары для соборной площади выделили 4 квартала, где надо было очистить 102 «дворовых места, принадлежащих разным владельцам»²⁵³. Как видим, город строился с размахом. В течение года подготовительные работы привели и решили начинать стройку. Петр Владимирович Алабин вошел в число членов комитета по строительству храма и, если можно так сказать, агитировал за вятский вариант собора. Об одной детали этой «агитации» можно узнать из письма, присланного Алабиным в Вятскую публичную библиотеку в октябре 1867 г.: «Действительно, имея в виду предполагавшееся заложение собора в г. Самаре по рисунку существующего в Вятке Александровского собора, я просил библиотеку прислать мне до 200 рисунков собора, чтобы я при заложении такового же в Самаре мог распродать эти рисунки в пользу библиотеки с выгодой для нее.

Рисунки мне были присланы, но денег за них я до сих пор нисколько не выручил; во-первых, потому что по затруднениям, встреченным в получении разрешения на постройку собора в Самаре по образцу Вятского; к закладке собора доселе не приступали, следовательно, не было удобного момента для распродажи рисунков; во-вторых, самые рисунки, мне высланные, как библиотека рассмотрит из прилагаемого экземпляра, сделаны до того плохо и небрежно, что едва ли их раскупят, а тем более едва ли можно будет взять за них дороже того, во что они обошлись библиотеке, то есть за 25 копеек за экземпляр»²⁵⁴.

Это письмо сейчас хранится в архиве, и приложенная фотография Александро-Невского собора — едва ли не самое старое из всех сохранившихся изображений храма.

Вот такая любопытная деталь: живя в Самаре, Алабин все еще думает о Вятской публичной библиотеке, старается ей помочь.

Историю самарского храма П.В. Алабин позже изложит в книге «Во имя Храма Спасителя. Кафедральный соборный храм в г. Самаре» (вспомним, что и о нашем Александро-Невском соборе он написал книгу). Прочитаем же в ней, воплотилась ли идея Алабина: «Когда г. Муратов [губернский архитектор] предъявил городскому обществу выполненные им работы, таковое общество нашло, что размеры Вятского храма не отвечают потребности кафедрального собора в Самаре, очевидно, имеющей широкую будущность и несомненную надежду на быстрое увеличение ее населения (что вскоре и оправдалось в действительности), а потому городское общество признало необходимым выработать план на предложенное сооружение вдвое обширней»²⁵⁵.

Храм в Самаре был сооружен, но судьба у него была такая же, как и у вятского: он был разрушен при советской власти.

ПЕРЕПИСКА С В.И. ЧАРЫКОВЫМ

Постепенно Петр Владимирович приживается в Самаре. Если его служебная деятельность отличалась от вятской, то в другом она явилась ее естественным продолжением. Археологические раскопки, организация выставки сельскохозяйственных и промышленных произведений, активное участие в однодневной переписи жителей Самары, проводившейся по инициативе статистического комитета. Продолжается просветительская работа: в свет выходит второе издание сборника «Понятное для простолюдинов из сочинений некоторых русских писателей».

Однако натура Петра Владимировича не может жить без какого-нибудь нового, большого общепольного дела. И вот в январе 1869 г. он выступил на страницах «Русского инвалида» с идеей создания Севастопольского музея²⁵⁶. У Алабина был уже опыт создания Вятского музея, поэтому он четко разрабатывает концепцию нового музея и пути сбора экспонатов. В первую очередь Алабин предлагает обратиться к участникам обороны Севастополя, чтобы они передали для музея подлинные вещи, свои фотографии, написали бы воспоминания. В музее должны быть и картины, рисующие героические события, и макеты кораблей, и укреплений. В статье Алабин указал, что с этой идеей он поделился с ветеранами войны на их очередной встрече, на так называемом Севастопольском обеде в Санкт-Петербурге. Его все поддержали. Алабинская статья была перепечатана в «Морском сборнике», получила большую известность и много откликов. Одним из первых поддержал идею генерал Э. И. Тотлебен, герой обороны, который передавал под будущий музей свой дом в Севастополе. Был создан комитет по обустройству музея: Алабин, конечно же, стал его членом.

В этом новом качестве Петр Владимирович официально обратился к вятскому губернатору Валерию Ивановичу Чарыкову с просьбой о помощи будущему музею.

В Государственном архиве Кировской области хранится целое дело, рассказывающее, как выполнялась просьба (к сожалению, бумага не вечна, и сейчас дело на глазах гибнет от грибка)²⁵⁷. В Вятке были собраны по уездам списки участников Севастопольской обороны, один экзем-

пляр отправлен Алабину, другой оставлен себе. Велись поиски фотографий, но нашли только одну, подпоручика Депрейса из Уржумского уезда, ее и отправили для музея.

В то же время «Вятские губернские ведомости» публикуют извещение о том, что создается Севастопольский музей и открыт сбор пожертвований на него²⁵⁸. Таким образом вятские официальные власти поддержали инициативу Алабина и старались ему помочь.

Такие же просьбы, обращения, наверняка, были направлены и в другие губернии, и во многие учреждения, и ко многим лицам. Кировский краевед В. А. Любимов нашел в «Вологодских епархиальных ведомостях» опубликованное письмо Петра Алабина от 8 апреля 1869 г. Преосвященному Павлу, епископу Вологодскому, с просьбой об оказании помощи в сборе пожертвований на Севастопольский музей. Для нас интересно начало этого письма: «Внимание, которым я имел честь пользоваться со стороны Вашего Преосвященства во время незабвенной для меня жизни на Вятке, объясняют смелость, с какою я позволил себе обратиться к Вам...»²⁵⁹.

В 1870 г. «Вятские губернские ведомости» публикуют «Воззвание о доставлении сведений, относящихся до Севастопольской обороны», в котором от имени наследника престола дается обращение к населению о помощи в создании музея и обещается издать все полученные сведения, «чтобы книга о Севастопольских подвигах была настольной для Русского народа и Русского солдата»²⁶⁰. Материалы собирались, и в 1872 г. часть их была опубликована в губернской газете, в том числе «Воспоминания из последних дней осады Севастополя одного из жителей города Вятки» И. Михайлова, помощника вятского губернского инспектора²⁶¹. Так начинался Севастопольский музей, второй музей Алабина, сегодня - музей-панорама героической обороны Севастополя, сотрудники которого по праву считают Петра Владимировича создателем музея.

Если в 1869 г. Алабин писал В.И. Чарыкову, то в 1870-м, наоборот, с просьбой о помощи обратился Валерий Иванович. Поводом послужила заметка в «Вятских губернских ведомостях»: «В Вятке ходит слух, что при нынешнем тираже второго выигрышного займа главный выигрыш в 200 тыс. рублей пал на билет, принадлежащий бывшему управляющему Вятской удельной конторой (а ныне управляющему государственными имуществами Самарской губернии) П.В. Алабину»²⁶². Вятский губернатор, он же председатель Попечительного комитета Вятской публичной библиотеки, писал:

«Милостивый государь Петр Владимирович! Ваше просвещенное участие и нанесенные труды сделали так много для устройства и поддержания Вятской публичной библиотеки и музея, что оставили неизгладимое воспоминание о Вас в целом крае, постоянно напоминаемое самими учреждениями, столь полезными для успеха общественного просвещения. Существование же музея неразрывно связано с Вашим именем как основателем и устройтелем его. Но существование столь полезных учреждений еще не упрочено по неимению определенного и постоянного источника на содержание их: они поддерживаются общественными пособиями - но источник, как известно, непрочный и неопределенный. Хотя просвещенное участие жителей края сделало в последнее время то, что Попечительный комитет мог выйти из затруднительного положения и удовлетворить первые необходимые потребности по содержанию библиотеки и музея, но принять меры по улучшению и развитию деятельности их он не мог по недостатку средств.

Ныне Попечительный комитет с радостью узнал о Вашем выигрыше и, поздравляя Вас с таким счастливым случаем, позволяет себе надеяться, что Вы не откажетесь обеспечить существование Публичной библиотеки, Вами приведенной в порядок, и музеума, Вами созданного, и тем довершить начатый Вами труд на пользу развития Вятской губернии. Все, что Вы, милостивый государь, уделите, будет принято Попечительным Комитетом библиотеки с полной благодарностью. Об ответе, который Вам угодно будет дать на сие письмо, покорнейше прошу почтить меня уведомлением для доклада попечительному комитету»²⁶³.

К сожалению, ответ П.В. Алабина нами не найден. Просмотр дел Вятской публичной библиотеки также не дал ответа, приходили ли деньги от Петра Владимировича. Скорее всего, их не было, иначе след их остался бы в отчете библиотеки, в финансовых документах, о них бы написали в газете. Тогда возникает естественный вопрос: а был ли выигрыш? И.М. Алабин и О.В. Московский в своей книге «С достоинством и честью. Биографическое повествование о Петре Владимировиче Алабине» пишут, что 10 марта 1874 г. у Алабиных умерла дочь Елена, ее похоронили на территории Иверского женского монастыря. «Над ее могилой по желанию Петра Владимировича и Варвары Васильевны возведут храм во имя святой равноапостольной царицы Елены, ангела усопшей, и святой великомученицы Варвары, ангела матери. На это Алабины потратят 200 тысяч рублей, выигранных ими по внутреннему займу денежно-вещевой лотереи»²⁶⁴.

Именно Валерию Ивановичу Чарыкову, вятскому губернатору в 1869-75 гг., пришлось решать проблемы с публичной библиотекой и музеумом. В это время долг библиотеки уже был более 3 тысяч рублей, губернатор смог выделить из бюджета одну тысячу рублей, но долг остался. В 1871 г. В. И. Чарыков обратился к губернскому земству, чтобы оно взяло на свое содержание библиотеку и музей, но до 1874 г. вопрос все не решался. А потом решили так, что музей продали училищу

наглядных пособий, освободившийся второй этаж здания библиотеки сдали внаем, на эти деньги расплатились с долгами и стали дальше жить. Однако эта операция превратила музей из публичного в ведомственный, он захирел, и в начале XX века в Вятке встал вопрос о создании нового губернского музея.

Тема «П.В. Алабин и В.И. Чарыков» требует отдельного рассмотрения. Нам неизвестно, когда они познакомились. Знаем, что они в одно время служили в Севастополе. В Самаре находились в дружественных отношениях, и сохранились книги Алабина с дарственной надписью Чарыкову. Когда последний умер, именно Петр Владимирович организовал проводы в последний путь тела Чарыкова, произносил прощальную речь. В общем, есть о чем думать и писать.

ПОЧЕТНЫЙ ПОПЕЧИТЕЛЬ ВЯТСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Петр Владимирович и в суете самарской жизни никогда не забывал о библиотеке и музее, оставленных в Вятке. В 1869 г. от него пришла очередная посылка, в которой он направил в библиотеку свою новую книгу «Сборник сочинений некоторых писателей», так назвали в газете эту новую хрестоматию для простолюдинов; постановления Самарского земского собрания, «Сборник Херсонского земства и «Открытие православного церковного братства во имя святого Петра при Казанском кафедральном соборе». Всего шесть книг²⁶⁵. В 1870 г. из Самары приходит новая книга Алабина «О мерах для предупреждения ослабления пожаров в селах и деревнях». В музей также поступают новые экспонаты от Петра Владимировича: в 1867 г. - 22 предмета (в отчете не указаны какие); в 1869 г. - кусок растительного воска, получаемого из листьев и ствола дерева в Японии; в 1873 г. - семь наименований раковин в одиннадцати экземплярах, два экземпляра морских звезд, полип, белый коралл, морской конек, бухарская монета - кокан, образец бумажной массы из камыша, картон из камыша²⁶⁶.

Как мы уже говорили выше, в 1874 г. библиотека и музей разделились. Начавшийся период характеризуется, как это ни странно, еще и таким явлением, как почти полное отсутствие информации о них. Перестают издаваться отчеты библиотеки, хотя до этого они печатались в газете и выходили отдельными изданиями. Очень скудные сведения попадают на страницы газеты и о музее. Мало дополняют интересующие нас моменты и архивные источники. Остается только догадываться, что Алабин не оставлял своих любимцев без внимания. В 1887 г. он писал об этом археологу А.А. Спицыну: «Несмотря на то, что года почти не проходило, чтобы я чего-нибудь не послал в дар Вятской библиотеке, она не удостоивала меня присылкою отчетов своих и музея»²⁶⁷. Судя по каталогу Вятской губернской публичной библиотеки 1910 г., видно, что Алабин присылал все свои работы, например, там числятся: «Возражения автору статьи «Был ли взят Севастополь?» (Самара, 1872); «Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Историко-статистический очерк» (Самара, 1877) и другие²⁶⁸.

До 1877 г. П. В. Алабин - заведующий палатой государственных имуществ Самарской губернии. © том, как он относился к службе, говорит тот факт, что он был награжден знаком отличия «За земельное устройство государственных крестьян» (1869). В то же время Алабин активно участвует в работе земства, неоднократно избирается гласным Самарского губернского земства, мировым судьей. Он по-прежнему в гуще всех событий, кажется, ни одно сколько-нибудь крупное событие в Самаре без него не проходит: благоустройство Струковского сада, организация водопровода, проведение железной дороги в Самару, всевозможные вечера, выставки и т.п. - все это Алабин. В 1876 г. он награждается орденом Св. Станислава IV степени. Не оставляет он археологической деятельности, пишет новые исторические труды, участвует и в деятельности губернской библиотеки.

В 1877-78 гг. разразилась очередная русско-турецкая война, в которой российские войска сражались за освобождение славянских народов от турецкого ига. Этот аспект войны вызвал симпатию у многих просвещенных людей того времени. Не мог остаться в стороне и Петр Владимирович Алабин. По возрасту он не мог служить в армии, поэтому попросил Славянское общество направить его уполномоченным Красного Креста. Эта просьба была выполнена. Алабин стал также представителем Московского и Петербургского славянских обществ в действующей армии. Он помогает беженцам, восстанавливает народные училища, православные храмы. В 1878 г. Алабина назначают гражданским губернатором Софии. Самым его памятным делом того периода можно считать основание публичной библиотеки, сейчас Национальной библиотеки имени Кирилла и Мефодия. Алабин тут вложил свою душу: он подобрал соответствующее здание, оборудовал его, организовал сбор книг, написал Устав библиотеки. В комплектовании библиотеки Петр Владимирович участвовал и сам, и привлек многих из тех, кто был в то время в Болгарии. Известно, что книги пожертвовал Александр Александрович Пушкин, сын великого поэта; вятский студент - медик В.М. Бехтерев, впоследствии выдающийся врач-невропатолог, и многие другие. За управление Софией П.В. Алабин был награжден орденом Св. Анны I степени, а одна из улиц болгарской столицы носит имя Алабина.

Для нас интересно, что и в Болгарию Алабину шли письма из Вятки. Так в Самаре сейчас хранится фотография, на которой алабинским почерком выведено: «Дом бывшей удельной конторы в Вятке, в котором мы жили во время моего управления конторой. Ныне дом женской гимназии. Прислал в Софию в 1878 г. протоиерей Кашменский»²⁶⁹. Наверняка, была переписка между этими людьми, но, к сожалению, об их взаимоотношениях нам ничего не известно.

В 1880-е годы Алабин снова активно действует в Самаре, много занимается Самарской публичной библиотекой, начинает создавать музей. В это время его избирают городским головой и он много делает для благоустройства города, решает многочисленные городские проблемы. В это же время он пишет работу «Трехвековая годовщина города Самары» (215 с.). Вместе с предыдущей «Двадцатипятилетие Самары как губернского города» (714 с.) эти книги представляют собой капитальный труд по истории Самары, не утративший свое значение и до наших дней. О Вятке, пожалуй, до сих пор такого уровня работ нет. В книгах содержится «громадный информативный массив сведений по истории края, хозяйственной и культурной жизни населения Самарского края», - писал современный самарский историк П.С. Кабытов²⁷⁰.

Новую книгу П.В. Алабин, конечно, послал в дар Вятской публичной библиотеке.

В 1887 г. планировалось проведение очередного археологического съезда, на котором наряду с другими вопросами планировалось обсуждение состояния музейного дела в России. От Вятской губернии на съезд собирался ехать А.А. Спицын, поэтому он и готовил материал о вятском музее. В Кировском государственном архиве сохранилось письмо П.В. Алабина с ответами на запрос нашего земляка²⁷¹. Петр Владимирович вспомнил всю историю создания музеума, описал его и коротко рассказал свою биографию. Описание музея из этого письма мы опубликовали в сборнике «П.В. Алабин, Вятка, музей»²⁷², куда и направляем интересующихся. Александр Андреевич Спицын на основе алабинского письма написал «Исторический очерк Вятского публичного музея», который до настоящего времени не издан. В нем есть такие строки: «История Вятского публичного музея есть, в сущности, страница из жизни одного из симпатичнейших и наиболее памятных провинциальных деятелей прошлого царствования П.В. Алабина. В Вятке же память об Алабине жива до сих пор не только в близком ему городском кружке, но, как мы убедились лично, и у местных крестьян»²⁷³.

В том же 1887 г. отмечалось 50-летие губернской библиотеки в Вятке. В журнале попечительного комитета за 6 декабря читаем: «Попечитель Р.Г. Эльцберг прочитал краткий обзор существования библиотеки за 50 лет. Затем была послана телеграмма бывшему попечителю комитета библиотеки, ныне самарскому городскому голове П.В. Алабину, принимавшему живое участие в формировании библиотеки с выражением благодарности за труд его для преуспевания дорогого для вятчан учреждения»²⁷⁴.

Вспомнили об Алабине и в 1891 г., когда был утвержден новый Устав Вятской губернской публичной библиотеки, согласно которому Попечительный комитет стал состоять из почетных, неперенных и действительных членов. Если неперенными членами люди становились по своим должностям, то в почетные и действительные члены избирались по заслугам. На первом же заседании после утверждения Устава 29 сентября 1891 г. почетным членом был избран «бывший попечитель публичной библиотеки действительный статский советник Петр Владимирович Алабин, оказавший много услуг в шестидесятые годы при приведении в порядок дел библиотеки»²⁷⁵. Интересно, что первыми действительными членами стали А.С. Верещагин, Р.Г. Эльцберг, Н.А. Спасский, А.С. Израилев и А.А. Спицын.

Начиная с 1891 г. и до конца жизни Петр Владимирович оставался почетным членом Попечительного комитета библиотеки. В это время он занимает должность председателя Самарского губернского земского собрания, решает проблемы всей губернии. Однако не забывает и о литературном труде. В эти годы выходят один за другим три тома его книги «Четыре войны. Походные записки». По сравнению с вятским изданием оно дополнено, включен целый том о войне 1848 года - походе в Венгрию для подавления революционного движения. Предполагался и 4-й том - о войне 1877-1878 гг., но он так и не вышел. Новая книга вскоре так же, как и предыдущие, стала подарком автора Вятской библиотеке. А незадолго до этого получили и работы: «Несколько старинных документов, относящихся до истории г. Самары и Самарского края» (Самара, 1890) и «Иван Андреевич Лишин. Биографический очерк» (Самара, 1892).

Наверняка в Вятку был направлен и отсутствующий в каталоге 1910 г. «Сборник сведений о настоящем состоянии городского хозяйства в главнейших городах России», вышедший в 1889 г. Для его составления П.В. Алабин дважды посылал запросы в Вятскую городскую управу. Полученные сведения включены в книгу, где можно прочитать и о вятском городском голове, его заместителях, членах городской управы, председателе сиротского суда. Если любопытно, можно сравнить и возраст, и образование, и оклады с другими губернскими центрами. Вот такой был круг интересов П.В. Алабина.

Наверное, не ошибемся, если скажем, что для Петра Владимировича в те последние его годы приятнее всего было видеть, как создается новый музей в Самаре, совсем не такой, как в Вятке, более масштабный, с элементами мемориального: он посвящался памяти Александра П.

14 мая 1896 г. газета «Вятский край» опубликовала телеграмму Российского телеграфного агентства: «Самара. 10 мая умер бывший городской голова, затем председатель губернской управы Алабин»²⁷⁶. «Вятские губернские ведомости» сообщили об этом позже, 29 мая, но 5 июня они перепечатали из «Русского слова» некролог, в котором в первую очередь подчеркивались заслуги Петра Владимировича перед русской словесностью: «Перу покойного принадлежит ряд исторических воспоминаний, напечатанных в «Русской старине», в «Русском архиве». Кроме того, вышли отдельно «Походные записки в войну 1855-1856 годов», «Четыре войны»²⁷⁷. И далее рассказывается кратко биография Алабина, в том числе говорится и о вятском периоде, что он «строил в Вятке публичную библиотеку и публичный музей. За это Петр Владимирович был избран в почетные граждане города Вятки и портрет его помещен в публичной библиотеке»²⁷⁸.

В отчете Вятской публичной библиотеки за 1896 год сказано, что за отчетный период выбыли в связи со смертью члены попечительного комитета П.В. Алабин и А.П. Батуев (председатель Вятской губернской земской управы, литератор и вообще умница).

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ АЛАБИНА

Петр Владимирович Алабин прослужил в Вятке восемь лет, а на протяжении оставшихся ему тридцати лет помнил о ней и поддерживал дружественные отношения с вятчанами. Приведенные нами свидетельства пока еще пунктирны, они, надеемся, будут расширяться, будут еще находки в государственных или личных архивах.

Однако есть еще один очень интересный вопрос: были ли в Вятке последователи Алабина? Помните, когда Вятка прощалась с Алабиным, было много речей о значении его деятельности для города и губернии в целом. А продолжил ли кто его дело, или лучше сказать, дела?

Конечно, просветительской деятельностью занимался не один Петр Владимирович. Тут можно вспомнить и Синцова, и Павленкова, и Блинова, и Батуева, и других. Каждый из них приносил что-то свое, личное, присущее только ему, но цель была у всех общая — просвещение народа. Тенденцию просветительства на Вятке в XIX веке попробовал проследить Кировский ученый В. Б. Помелов в своей работе «Региональные особенности развития народного образования в российской провинции во второй половине XIX века - 1917 г.» (Киров, 1998, 292 с.). В ней выражается любопытная мысль, что алабинские идеи развивали в вятский период Ф.Ф. Павленков и В.Г. Короленко. О просветителях и просветительстве на Вятке писали и Е.Д. Петряев и Г.Ф. Чулова и многие другие. Вообще, эта тема очень привлекательна для исследователей, и работ будет еще много: исчерпать ее трудно.

П.В. Алабин первым провел археологические раскопки в Вятской губернии, поэтому большинство последующих археологов продолжали его дело. В первую очередь это относится к Александру Андреевичу Спицыну, вятчанину, «дедушке русской археологии». В десятках своих работ он ссылается на П.В. Алабина (см. указатель «П.В. Алабин и Вятка»), его произведения. Как говорили уже выше, Спицын написал и биографию Алабина в неопубликованном «Историческом очерке Вятского публичного музея».

Самым близким Алабину по духу, по воплощению идей, даже по увлечениям стал Александр Сергеевич Лебедев (1888-1937). Человек совершенно другой эпохи, другого воспитания, образования, он сумел в своей деятельности, даже не задумываясь об этом, по существу стать преемником Алабина в деле развития библиотеки и музея.

Александр Лебедев увлекался археологией, он раскопал Пижемское городище, которое первым изучал еще Алабин. В первом своем печатном труде о раскопках «Пижемское городище» он много цитировал алабинские «Древности Вятского края». Оба были страстными коллекционерами: собирали нумизматику и книги. Оба любили ботанику: Алабин организовывал выставки цветоводства и садоводства, разбивал сады, составлял словарь растений; Лебедев организовывал ботанические сады везде, где жил. Оба были большими книголюбями, но, не задумываясь, жертвовали книги для библиотек: об Алабине мы уже говорили, а Лебедев свою библиотеку отдал Кукарке, и она стала основой для библиотеки Кукарского образовательного общества. Символично, что в слободе Кукарке действовали две библиотеки: одна, основанная П.В. Алабиным, другая - А.С. Лебедевым. Позже они объединились, и сейчас библиотека называется именем П.В. Алабина. Лебедев дарил книги и другим библиотекам, в частности Вятской публичной библиотеке. Оба создали музеи: Алабин в Вятке, Лебедев - в Кукарке, причем оба подарили музеям свои археологические коллекции, собранные на своих раскопках, и множество других предметов.

Однако наибольшая преемственность заметна в их деятельности по управлению Вятской публичной библиотекой и руководстве вятским музеем. Александр Лебедев занимался проблемами Вятской губернской библиотеки в 1917-22 гг., участвовал в разработке ее Устава, был сначала директором, потом председателем Попечительного комитета библиотеки. Именно ему пришлось заниматься реорганизацией, превращением «Герценки» в научную библиотеку, спасением и пополнением фондов. Достаточно вспомнить, что это были за годы: перелом эпох - и в этих условиях библиотека переживала возрождение. По существу, эти 5 лет - второй после алабинского взлет, вторая вершина в истории библиотеки, когда созданный А.С. Лебедевым коллектив мог полностью реализовывать свои идеи, а библиотека стала центром библиотечной работы всей Вятской губернии.

Музей, созданный Петром Алабиным, в начале XX в. не был самостоятельным учреждением, он находился в ведении Вятского реального училища и служил для образовательных целей реалистов. Для широкой публики доступ в музей был практически закрыт. Не случайно возникла идея создания общегубернского музея, которую и воплотил Александр Лебедев.

В 1918 г. на основе коллекций алабинского музея, значительно их дополнив, он создает Вятский губернский музей местного края и становится его первым директором. Александр Сергеевич постоянно подчеркивал преемственность музеев, продолжение развития алабинских идей в музее. В 1919 г., выступая с докладом перед работниками народного образования губернии на тему «Музейное дело и родиноведение», он говорил: «Беседуя с вятичами, мне удалось установить, что музей времени Алабина имел огромное воспитательное значение»²⁷⁹. Тут же Лебедев приводил цитаты из статьи П.В. Алабина «О необходимости устроить при Вятской публичной библиотеке публичный музей», подчеркивая, что задачи, поставленные Алабиным перед музеями, актуальны: «В этом взгляде есть все требования, которые признаются необходимыми для создания музея в настоящее время»²⁸⁰.

Конечно, эпохи были разные, другой был общественный строй, поэтому и отношение к просветителям тоже разное. Алабин уезжал из Вятки, удостоившись звания почетного гражданина, а Лебедева просто изгнали из нашего города за самостоятельность мышления и игнорирование партийного руководства. Характерно, что под конец жизни и Алабин, и Лебедев были оклеветаны, однако в XIX веке Петра Владимировича оправдали по суду, а в XX веке Александра Сергеевича просто расстреляли в 1937 г., реабилитировав только через 20 лет посмертно. Оба оказались востребованы обществом к концу XX в.

О продолжателе дела П.В. Алабина Александре Сергеевиче Лебедеве можно прочитать в нашей работе «Александр Лебедев, просветитель и краевед» (Киров, 2003, 104 с.).

Заинтересовавшихся личностью Петра Владимировича Алабина мы направляем к работам самарского исследователя Олега Московского «С достоинством и честью. Биографическое повествование о Петре Алабине», (написанное совместно с И. М. Алабиным) (Самара, 1997); «Летопись жизни Петра Алабина (1866-1896)» (Самара, 1999) и «Петр Алабин: грани таланта» (Самара, 2004). Там Вы найдете много такого, что в этой работе сознательно не упоминалось и что не менее интересно.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

П. В. АЛАБИН. АВТОБИОГРАФИЯ

(Из письма А. А. Спицыну от 21 января 1887 г.)

Милостивый государь Александр Андреевич! С искренней радостью прочел письмо Ваше. С полною готовностью спешу доставить сведения, какие могу

Вы желаете знать мой формуляр! Он очень велик, чтобы затруднить Вас его прочтением, я поэтому не пошлю его, а сделаю следующие выписки.

Отец мой - отставной военный, кампанеец двенадцатого года, рязанский дворянин и помещик. Служил в гражданской службе, умер управляющим таможенной в Цехановце на бывшей еще тогда, в 1836 году, польской границе. Мать моя - француженка, дочь эмигранта по фамилии Martin.

Родился я в 1824 году в г. Подольске Московской губернии, учился сперва в бывшем дворянском училище в Брест-Литовском, потом в гимназии в г. Белостоке и, наконец, был определен на счет Департамента внешней торговли в бухгалтерское отделение Санкт-Петербургского коммерческого училища, где и кончил курс в 1842 году с чином коллежского регистратора.

В последствие лично мною заявленной в Бозе почившему Императору Николаю I просьбы от избавления меня от обязанности служить шесть лет в выше названном Департаменте в благодарность за данное мне образование и об определении меня в военную службу, я по Высочайшему повелению был определен в таковую в Тульский егерский полк в 1843 году и произведен в прапор-

полк в Камчатский егерский полк в 1846 году; за отличие в Венгерскую войну 1849 года получил орден Св. Анны 4-й степени на саблю; за отличие в Ольтеницком сражении 1853 года произведен в штабс-капитаны; за отличие в Инкерманском сражении под Севастополем 24 октября 1854 года получил орден Св. Анны 3-й степени с мечами и орлом; за отличие в сражении при защите Севастополя 17 апреля 1855 года произведен в капитаны, занимал должность старшего адъютанта 11-й пехотной дивизии и за отличие при штурме Севастополя 27 августа пожалован орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами; в феврале 1857 года назначен исправлять должность начальника штаба 11-й пехотной дивизии и 5 августа 1857 года уволен в отставку для определения к статским делам чином титулярного советника. В том же году определен помощником управляющего Вятскою удельною конторой; получил за отличие чин коллежского асессора, орден Св. Анны 2-й степени; той же степени с Императорскою короною и за выслугу лет чины надворного и коллежского советников. За попечение об устройстве храмов в Вятском удельном имении и об образовании детей получил благословение Святейшего Синода; за упразднением Вятской удельной конторы в 1865 году вышел в отставку с пенсионом в тысячу сто девяносто рублей в год; причем мне Всемилостивейше пожаловано одновременно две тысячи рублей и знак отличия за введение уставных грамот в удельных имениях. В январе 1866 года поступил вновь на службу в Министерство государственных имуществ с назначением управляющим Самарскою палатою государственных имуществ. В это время с Высочайшего соизволения по ходатайству Вятского городского общества за устройство в Вятке публичного музея и публичной библиотеки мне присвоено звание Почетного гражданина города Вятки и портрет мой выставлен в Вятской публичной библиотеке. В 1867 году произведен за отличие в статские советники и в 1869 году получил Высочайше пожалованный знак отличия за поземельное устройство государственных крестьян; в 1869 году произведен за отличие в действительные статские советники, в том же году мне объявлено Высочайшее благоволение за содействие успешному ведению владенных записей и пожаловано на воспитание детей по 250 рублей в год на шесть лет; за отличную, усердную и ревностную службу в 1871 году мне пожалован орден Св. Владимира 3-й степени; в 1872 году объявлена Высочайшая благодарность за особые труды по званию члена Центрального совещательного комитета, учрежденного по случаю неурожая в Самарской губернии; в 1876 году за отличную службу награжден орденом Св. Станислава 1-й степени; в 1877 году по прошению уволен в отставку с прежним пенсионом; в 1877 году отправился на театр войны в качестве уполномоченного общества Красного Креста, причем заведовал госпиталями в городе Земнице, что в Румынии; после того был избран Московским и Петербургским славянскими обществами главным их агентом при Главнокомандующем действующей армии; затем в декабре 1877 года Главнокомандующим назначен был губернатором сперва Орхании, а потом — Софии в Болгарии; за отличие при исполнении этой должности получил орден Св. Анны 1-й степени, а также знак Красного Креста, медаль в память войны 1877-1878 годов и особый знак за введение гражданского управления в Болгарии, в 1883 году — медаль за присутствие на священном коронации их Императорских Величеств. В 1881 году я выбран в должность почетного мирового судьи по Самарскому округу на пятое трехлетие; состою гласным губернского земского собрания с 1866 года и гласным Самарской городской Думы с введения нового городского положения и с января 1885 года — городским головою в Самаре.

Что касается до литературных занятий, то я начал таковые еще в 1842 году; первая речь моя при выпуске из училища, сказанная 6 июня 1842 года, была напечатана тогда же в «Санкт-Петербургских ведомостях», потом я непрерывно участвовал в журналах «Маяк», «Русская иллюстрация», «Русский художественный листок», «Северная Пчела», в «Вятских губернских ведомостях», «Самарских губернских ведомостях», в журнале Министерства государственных имуществ, «Русском Инвалиде», в «Военном сборнике», в «Московских ведомостях», в «Современной летописи», в «Русском архиве», в «Русской старине». Отдельно были мной изданы «Сборник стихотворений лучших русских писателей», «Хрестоматия для чтения простолюдинам» (сборник), «Походные записки в войну 1853-1856 годов», «Словарь растений», «Двадцатипятилетие Самары», «Каталог Вятской публичной библиотеки», «Каталог Александровской публичной библиотеки в Самаре», «Записка о лучшем направлении Сибирской железной дороги» и многие брошюры различного содержания и, наконец, ныне оконченная печатанием «Трехвековая годовщина города Самара».

Покорно прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности
Покорнейшего слуги П. Алабина

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

П. В. АЛАБИН И ВЯТКА

Библиографический указатель (продолжение)²⁸¹

1997

Вятка-Киров. 1374-1999. Указ. лит. / сост. Т. В. Кузьмина. Киров, 1997. 178 с.
С. 158: Статьи о П. В. Алабине.

1998

Помелов В.Б. Региональные особенности развития народного образования в российской провинции во 2 половине XIX века. — 1917 г. Киров, 1998. 292 с.

С. 52, 110, 201, 205, 208-210, 287-288: Просветительская деятельность П. В. Алабина, его место в истории вятского просвещения — между А. И. Герценом и Ф. Ф. Павленковым.

Жаравин В.С. Действительный член губернского статкомитета Иоанн Кибардин. // «Слободской и слобожане»: Материалы 3-й науч.-практ. конф. — Слободской, 1998. С.41-44.

1999

Летопись жизни Петра Алабина (1866-1896) / Сост. О. В. Московский. Самара, 1999. 262 с.
С.4-5, 8-9, 166-167: О связях с Вяткой.

Сергеев В.Д. Сам я — вятский уроженец. Вятка, 1999. 94 с.

С.75-80: Рассказ о Камчатском полке по материалам «Походных записок» П. В. Алабина.

Колупаева В.Н., Сергеев В.Д. Из истории вятских библиотек // Энциклопедия земли Вятской. Откуда мы родом? — Т.9: Культура. Искусство. Киров, 1999. С.224-246.

С.230-232: П. В. Алабин и Вятская публичная библиотека.

Хохлов А.А. «Хранилища муз»: (Музеи области) // Там же. С.275-295.

С.277-279: О роли П. В. Алабина в устройстве музея в г. Вятке.

Петр Владимирович Алабин // С почтением и благодарностью: Главы городского управления. Почетные граждане. Киров, 1999. 112 с.

С.79: П. В. Алабин, биография, фото.

Ванеев А. Н. Библиотековедение в России во второй половине XIX века: Учеб. пособие. СПб., 1999. 72 с.

С. 15-16: Деятельность П. В. Алабина по становлению библиотек в Вятке, Самаре и Софии. Ошибочно назван председателем попечительного комитета Вятской публичной библиотеки и управляющим Вятской удельной конторой с 1857 года (фактически с 1859); С. 49-52: Перепечатка статьи П.В. Алабина из «Вятских губернских ведомостей» «По поводу объявления г. Красовского о подписке на право чтения в 1863 году книг в его библиотеке».

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история Удмуртского народа. Ижевск, 1999. 464 с.

С.168, 172, 226, 309: Об археологических раскопках П. В. Алабина.

Репин А. Легенды Кукарки // Вести трехречья. Советск, 1999. 7 авг. (№ 95-96). Прил. С.4.

Приведена цитата из книги П.В. Алабина «Заметки относительно древностей Вятского края» о Пижемском городище.

Матанцева Е. Из истории открытия публичного музея в г. Вятке // Всем. Киров, 1999. 19 авг. (№ 34), С.3.

О роли П. В. Алабина в создании музея.

Памятные даты Вятского края // Вятка — таймс. 1999.- 26 авг. (№ 26). С. 19:

29 авг. (10 сент.) — 175 лет со дня рождения П. В. Алабина.

Кошелев Я. Памятные даты с 9 по 15 сентября // Наш вариант. Киров, 1999. — 9 сент. (№36) С.4.

10 сентября 1824 года родился П. Алабин.

Жаравин В. Лебяжский приказ в середине XIX века // Знамя Октября. Лебяжье, 1999. 2 окт. (№118). С. 2.

Деятельность П. В. Алабина как управляющего Вятской удельной конторой.

[Семибратов В.] Вспоминали Алабина // Вятский край. 1999. 2 окт. (№ 182). С. 2.

О краеведческом четверге в библиотеке им. Герцена.

[Семибратов В.] Кратко, ясно // Вят. епарх. вестник. 1999. Октябрь. (№ 10). С.2.

О краеведческом четверге в библиотеке им. Герцена.

Яблокова Н. Неутомимый попечитель // Вести. Киров, 1999 8 окт. (№ 41). С.4.

- О краеведческом четверге в библиотеке им. Герцена.
 Семибратов В. Краеведческий четверг // Вести Трехречья. Советск, 1999. 19 окт. (№127). С.2.
 О краеведческом четверге в библиотеке им. Герцена.
 Жаравин В. Больница для удельных крестьян // Киров. правда. 1999. 27 окт. (№ 197). С.3.
 О роли П. В. Алабина в становлении Кукарской удельной больницы, современной райбольницы в г. Советске.
 То же // Вести Трехречья. Советск, 1999. 13 нояб. С.4.
 Редькина Л. Краеведческая мозаика // Свеча. 1999. 9 дек. (№ 148). С.4.
 Обзор книг, поступивших в Свечинскую библиотеку, в том числе и о библиографическом указателе «П.В. Алабин и Вятка».

2000

- Кировская ордена Почета областная научная библиотека им. А.И. Герцена. 1837-1997: Библиогр. указ. Киров, 2000. 160 с.
 С.145: Произведения П.В. Алабина и статьи о нем.
 Жаравин В.С. История создания Кукарской (Советской) районной библиотеки // Герценка: Вып. зап. Киров, 2000. 144 с.
 С.75-77: О роли П. В.Алабина в создании библиотеки.
 Кляев Б.Г. Библиофилы России в преддверии XXI века. М.: Музей экслибриса, 2000. 52 с.
 С.11: О заседании клуба библиофилов города Слободского, посвященного П.В. Алабину (18 апреля 2000 г.).
 Московский О.В. Пять библиотек Петра Алабина // Самарские книжники. Очерки о собирателях и меценатах. Самара, 2000. С. 144-152.
 О Кукарской, Вятской, Софийской, Самарской и личной библиотеках.
 Трегубов А., Московский О. Сыновья Петра Алабина // Волж. заря. Самара, 2000. 19 янв. (№9) С.7.
 Судьбы сыновей П.В. Алабина, в том числе и родившегося в Вятке Андрея Алабина.
 Ушакова И. Выбор широк: от серьезного до веселого // Сельский маяк. Фаленки, 2000. 24 февр. (№ 29) С.2.
 Обзор новых книг, поступивших в районную библиотеку, в т.ч. и библиографического указателя «П.В. Алабин и Вятка».
 [Семибратов В.] В гостях у «Библиофила» // Вятский епарх. вестник, 2000. Апрель (№ 4). С.4.
 О заседании клуба «Библиофил» при Слободской городской библиотеке, посвященном П.В.Алабину.
 То же // Вятский край. 2000. 29 апр. (№ 86). С.4.
 Жаравин В.С. Крестьяне приучились к чтению // Вести Трехречья. Советск, 2000. 27 апр. (№52) С.3.
 О создании П.В. Алабиным библиотеки в Кукарке.
 Жаравин В.С. П.В. Алабин – создатель Вятского публичного музеума // Вестник шк. туризма и краеведения. – Киров, 2000. № 3. С.22-26.
 На обложке: фото П.В. Алабина.
 Костин В. [Семибратов В. К.] С участием духовенства // Вят. епарх. вестник. – 2000. – май (№ 5). С.4.
 Отклик на предыдущую статью.
 То же // Киров. правда. – 2000. – 8 июня (№ 101). С.4.
 Чудиновских Е.Н. Издания кировских библиотекарей и архивистов // Отечеств. архивы. 2000. № 5. С.85.
 О библиографических указателях, выпущенных областной библиотекой им. А.И. Герцена, в том числе и о «П.В. Алабин и Вятка».
 Алабинские чтения // Вести Трехречья. – Советск, 2000. – 21 нояб. (№ 141). С.1.
 О предстоящей лекции о П.В. Алабине в районной библиотеке.
 Семибратов В. Памяти основателя // Киров. правда. – 2000. – 9 дек. (№ 181). С.3.
 Об Алабинских чтениях в Советской районной библиотеке.

2001

- Некрополь Иверского женского монастыря / Сост. О. В. Московский. Самара, 2001. 78 с.
 С.25, 46, 48, 50: Сведения о П.В. Алабине, его жене и детях, в том числе родившихся в г.Вятке;
 С.33: сведения об Елене Александровне Лобановой, в 1850-1860 гг. проживавшей в Вятке, предположительно, матери П.В. Алабина.
 Алабин Петр Владимирович // Русская интеллигенция. Автобиографии и библиограф. документы в собрании С. А. Венгерова: Аннот. указ. в 2-х т. – Т.1. А – Л. СПб: Наука. 2001. С.42.

- Краеведческие библиографические издания Российской Федерации 1997-1999. СПб., 2001. 720 с.
- С.43,44,145: Об указателе «П.В. Алабин и Вятка»
- Жабкина Н. Советский район в 2001 году // Вести Трехречья. - Советск, 2001. - 6 февр. (№ 16) С.3.
- Приводятся юбилейные даты, связанные с П. В. Алабиным: 105 лет со дня смерти, 140 лет основанных им воскресной школы и районной библиотеки.
- Библиотеке – имя П. В. Алабина // Вести Трехречья. – Советск, 2001. - 3 марта (№ 28). С.1.
- «Рассмотрев ходатайство районного управления культуры и коллектива центральной районной библиотеки, депутаты районной Думы на заседании 21 февраля 2001 года решили присвоить Советской центральной районной библиотеке имя П. В.Алабина».
- Равняемся на Алабина // Вятский край. – 2001. - 16 марта (№ 51). С.14.
- О 140-летию Советской районной библиотеки.
- Семибратов В. Библиотеке – имя основателя // Из-Вестник. Киров, 2001. 21-28 апр. (№ 16). С.6.
- О том же.
- Семибратов В. Библиотека имени Рашковского // Аргументы и факты. – Вятка, 2001. Май (№ 18). С.3.
- Об издании А.Л. Рашковским библиографического указателя «П.В. Алабин и Вятка».
- Жабкина Н. Общество должно заботиться о своих бедных // Вести Трехречья. – Советск, 2001. - 4 дек. (№ 146). С.3.
- История богадельни, открытой П.В. Алабиным в Кукарке.
- Жаравин В.С. Перепись населения г.Вятки 1864 года // Информбюллетень Киров. обл. ком. гос. статистики. – 2001. - Декабрь (№ 7). С.50-52.
- П.В. Алабин – один из организаторов переписи.
- 2002**
- Дворецкая Т. А. От Герцена до Алабина: Страницы истории Вят. публ. музеума // VIII Герцен. чтения: Мат. науч. конф. – Киров, 2002. С.33-39.
- Из истории Кировского областного комитета государственной статистики // Вятский край на рубеже тысячелетий: История и современность: Ист.- стат. сборник. Киров, 2002. С.610 –644. С.611-612: Деятельность П. В. Алабина в статкомитете. Фото.
- Кокурина С. П. Хроника основных событий в истории города // Бердинских В. История города Вятки. – Киров, 2002. 366 с.
- С.329: П. В. Алабин – организатор выставки цветоводства и садоводства, создатель музея в Вятке.
- Горячев В. Сим-сим, откройся! // Губ. вести. Киров, 2002. – 28 июня (№72). С.20.
- О кладе, описанном П. В. Алабиным в работе «Марьян кокошник»
- 2003**
- Жаравин В.С. Александр Лебедев – просветитель и краевед. Киров, 2003. 104 с.
- С.12 – 13, 37, 43, 75: Продолжение А.С. Лебедевым алабинских начинаний в археологии, библиотечном и музейном строительстве.
- Русских И.Г. Семьдесят лет отделу обработки литературы и организации каталогов // Герценка: Вят. зап., - Киров. 2003. – Вып 5. С.13-18.
- С.14: О каталоге Вятской публичной библиотеки, составленном П. В. Алабиным.
- Сергеев В.Д. Разночинцы–демократы Вятки. – Вятка (Киров), 2003. 156 с.
- С.50, 62, 63, 85-86: Общественная деятельность П. В. Алабина в Вятке.
- Волов А., Меланина Н. Время собирать камни и время их показывать // Киров. правда. 2003. – 28 авг. (№106). С.4.
- П.В. Алабин и минералогическая коллекция его музеума.
- 2004**
- Московский О. В. Петр Алабин: грани таланта. Самара, 2004. 72 с.
- с.15-18, 33, 37-39, 43-44, 49-51, 57-58 – П. В. Алабин в Вятке.
- О П.В. Алабине говорили и писали. Публ. подготовил В.С. Жаравин // Герценка: Вят. зап., Киров, 2004. – Вып. 7. - С.3-5.
- Жаравин В. П.В. Алабин и народное образование в Вятском удельном имени // Вятка: народное образование и благотворительность: Мат. рег. науч. конф. – Киров, 2004. С.24-27.
- Жаравин В. Сколько лет книжной торговле на Вятке? // Кир. правда. 2004. – 17 февр. – (№ 20). С.3.

- Об открытии П.В. Алабиным книжных магазинов в селах Вятского удельного имения. Готовимся к празднику // Кир. правда. — 2004. — 30 марта. — (№ 37). С.3.
- О предстоящем открытии мемориальной доски П. В. Алабину на здании школы № 22 к 630-летию г. Кирова.
- Жаравин В.С. Наш Алабин // Вятский край. — 2004. — 15 сент. (№ 170). С.7.
- [Мамаев В.Л.] Полтора века назад Алабин исследовал Лебяжское городище, — рассказывает неслышно увидевшая свет книга // Знамя Октября. — Лебяжье, 2004. — 19 окт. (№ 126). С.2.
- О книге О.Московского «Петр Алабин: грани таланта».

Примечания:

- 1 Алабин Петр Владимирович // Энциклопедический словарь. Спб: Типография т-ва Ф.А.Брокгауз и Я.А.Ефрон, 1905. — Доп. Т.1. С.66.
- 2 Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф.574 Оп.1 Д.1114 Л.82об.
- 3 Московский О. Когда родился Алабин? // Волжские зори. — Самара.- 1999, - 9 июня.- С.6.
- 4 Ключникова Р.М. О дне рождения и дворянском звании П.В. Алабина // Краеведческие записки. Вып. IX. Самара, 2000. С.73-84.
- 5 Цитируется по кн.: Алабин И.М., Московский О.В. С достоинством и честью. Биограф. повествование о Петре Алабине. Самара. 1997. С.10.
- 6 Савельев Н. Торжество Санкт-Петербургского коммерческого училища // Санкт-Петербургские ведомости. — 1842. — 13 июля. - № 130. С.559-560.
- 7 «Маяк», - 1843. - № 16. С.66-67.
- 8 Там же. С.71 «В тишине уединения обдумывая какой-либо великий план свой и перед чудотворной иконой Богоматери испрашивая помощи и исполнения своего предназначения».
- 9 Там же. С.70.
- 10 Вятские губернские ведомости (ВГВ).- 1843,-12 июня (№25), часть неофиц. С.114.
- 11 Алабин П. Отрывок из письма к издателю// Маяк.-Спб.- 1843. - № 23. С.5.
- 12 Цитируется по кн.: Алабин И.М., Московский О.В. С достоинством и честью. Биограф. повествование о Петре Алабине. Самара. 1997. С.17.
- 13 Там же. С.23.
- 14 ГАКО. Ф.574 Оп.1 Д.1114. Л.83.
- 15 ВГВ. — 1857.- 12 октября (№40), часть неофиц. С.274.
- 16 ГАКО. Ф.574 Оп.1 Д.116. Л.243-243об.
- 17 ВГВ. — 1858. — 11 января (№ 2), часть офиц. С.24.
- 18 Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С.189.
- 19 Распределение удельных крестьян Вятской губернии в административном отношении по их ведомству за 1856 год // Пам. кн. Вят.губ-и и календарь на 1857 год. Вятка. 1857. С.181-182.
- 20 ГАКО. Ф.237. Оп.73. Д.113. Л.337об.
- 21 ГАКО. Ф.582. Оп.836. Д.32. Л.225об.
- 22 Там же. Л.227.
- 23 Там же. Л.229об-230.
- 24 Алабин П.В. Ананьинский могильник (близ города Елабуги) // ВГВ. — 1859. — часть неофиц. — 4 июля (№ 27). — С.180-181; 11 июля (№ 28). — С.183-189; 18 июля (№ 29). — С.193-198; 25 июля (№ 30). С.201-208.
- 25 Там же. С.181.
- 26 Невоструев К.И. Ананьинский могильник (Вятской губернии близ Елабуги). М., 1871. С.77.
- 27 Пономарев П.А. Материалы для характеристики бронзовой эпохи Волжско-Камского края. Ананьинский могильник. Казань, 1892. С.5.
- 28 Алабин П. В. Ананьинский могильник (близ города Елабуги) // Вестник Имп. Рус. Геогр. о-ва. — Спб., 1860. Кн.6. С.87-120.
- 29 Сенникова Л.А. Археологические исследования П.В. Алабина в Вятской губернии. Археологическое собрание Вятского публичного музея // П.В. Алабин, Вятка, музей (Алабинские чтения). — Киров, 1998. С.81.
- 30 Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Том XXXIII. Отделение третье. Спб., 1860. С.372.
- 31 ГАКО. Ф.582. Оп.23а. Д.25. Л.203.
- 32 ГАКО. Ф.231. Оп.1. Д.77. Л.15-21.

- 33 ВГВ. - 1859. - 24 января (№ 4) часть неофиц. - С.31; 18 июля (№29), часть неофиц. С.31; 3 октября (№ 40), часть неофиц. - С.286; 17 октября (№ 42), часть неофиц. - С.298; 5 декабря (№49), часть неофиц. - С.344; 26 декабря (№ 52), часть неофиц. - С.367.
- 34 ВГВ. - 1859. - 22 октября (№ 43), часть неофиц. - С.301.
- 35 ГАКО. Ф.205. Оп.2. Д.1564. Л.1об-2.
- 36 ГАКО. Ф.582. Оп.836. Д.67. Л.125.
- 37 Осокин И.М. Исторический очерк Кукарского двухклассного Министерства народного просвещения сельского училища за 50 лет его существования. 1840-1890. Казань. 1890. С.42.
- 38 ГАКО. Ф.582. Оп.836. Д.67. Л.121.
- 39 Там же. Л.113-113об.
- 40 Алабин П.В. Сведения о скотоводстве в Вятском и Сарапульском удельных имениях // ВГВ. - 1859. часть неофиц. - 22 окт. (№ 43). С.300-304; 31 окт. (№ 44). С.307-311; 7 нояб. (№ 45). С.313-316.
- 41 ВГВ. - 1859. - 25 июля (№ 30) часть офиц., С.396.
- 42 ГАКО. Ф.145. Оп.1. Д.25. Л.25об.
- 43 Там же. Л.32об.
- 44 Там же. Л.37-38.
- 45 Там же. Д.48. Л.27.
- 46 ВГВ. - 1859, - 19 декабря (№ 51), часть неофиц. С.352.
- 47 Там же. - С.355.
- 48 ВГВ. -1860. - 7 мая (№ 19), часть неофиц. С.125.
- 49 ГАКО. Ф.582. Оп.836. Д.108. Л.357об.
- 50 Там же.
- 51 Там же. Л.356-356об.
- 52 Там же. Л.354.
- 53 Там же. Л.354об.
- 54 ВГВ.- 1860, - 15 октября (№ 42), часть неофиц. С.296.
- 55 Алабин П.В. Сборник русских стихотворений для чтения простолюдинов. Спб., 1862. С.3.
- 56 Там же.
- 57 Там же. С.23-24.
- 58 Там же. С.56, 59.
- 59 ГАКО. Ф.237. Оп.73. Д.132. Л.277 об.
- 60 Любимов В.А. «Метрическая» хроника пребывания П.В. Алабина в Вятке // П.В. Алабин, Вятка, музей (Алабинские чтения). - Киров, 1998. С.138.
- 61 ВГВ. - 1860. - 14 мая (№ 20), часть неофиц. С.133.
- 62 Пятковский А. Памятник прошлого // Северная Пчела. Спб., 1862. - 15 июня (№ 159). С.653.
- 63 Алабин П.В. Походные записки в войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. Вятка, 1861. Ч.1. С.1.
- 64 Там же. Ч.2. С.259.
- 65 Там же. С.263-264.
- 66 Там же. С.267.
- 67 Там же. С.104.
- 68 Там же. С.151.
- 69 Там же. С.184.
- 70 Там же. Ч.1. С.18.
- 71 Там же. С.12.
- 72 Пятковский А. Указ.соч. С.653.
- 73 ГАКО. Ф.583. Оп.52. Д.62. Л.1.
- 74 Изергина Н.П. Походные записки в войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годов П.В. Алабина // П.В. Алабин. Вятка, музей (Алабинские чтения), Киров, 1998. С.29-37.
- 75 ГАКО. Ф.582. Оп.52. Д.41. Л.245об-246.
- 76 Тарле Е.В. Крымская война. М.-Л., 1950. С.285.
- 77 Возыревский П. находка в Севастополе // Кировская правда. 1966, 17 августа (№191). С.4.
- 78 Алабин П.В. Опасная охота егеря Кузнецова // Родина. 1995. № 3-4 С.94; Алабин П. В., Походные записки в войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годов (отрывок) // Энциклопедия Земли Вятской (Откуда мы родом?). - Т.2. Литература. - Киров. 1995. С.116-119. Алабин П.В. Заграничный поход 25 ноября 1853 года. Бухарест. Походные записки 17 декабря 1854 года // ЭЗВ. Т.3. Ратные подвиги. Киров. 1995. С.68-73.
- 79 ВГВ. - 1861. - 6 мая (№ 18); часть неофиц. С.144-147.
- 80 Там же. С.144.
- 81 Там же. С.146.

- 82 Там же.
83 Там же. С.147.
84 ГАКО. Ф.582. Оп.836. Д.108. Л.358.
85 Там же. Д.139. Л.263-263об.
86 Там же. Л.252об.
87 Там же.
88 Там же. Д.121. Л.216об-217.
89 Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. Фонд П.В. Алабина. Альбом П.В. Алабина.
90 ГАКО. Ф.582. Оп.836. Д.139. Л.266.
91 Там же. Л.266-267.
92 Там же.
93 Сборник некоторых понятных народу повествований, рассказов и описаний. Хрестоматия для простолудинцов. Сост. П. Алабин. — Спб., 1862. С.3.
94 ВГВ. — 1861. — 26 августа (№ 39), часть неофиц. С.352.
95 Там же. — 21 декабря (№ 51), часть неофиц. С.517.
96 ГАКО. Ф.1213. Оп.1. Д.33. Л.24об.
97 Там же. Д.35а. Л.14-15.
98 Там же. Ф.582. Оп.52. Д.41. Л.116.
99 Там же. Ф.1213. Оп.1. Д.35а. Л.59об-60.
100 Гурьянова Н.П. П.В. Алабин и Вятская публичная библиотека // П.В. Алабин, Вятка, музей. — Киров, 1998 С.54-55.
101 Алабин П.В. Записка заведующего делами Вятской публичной библиотеки г. Алабина о мерах, принятых к ее устройству // ВГВ. — 1862 — 24 марта (№ 12), часть неофиц. С.90.
102 Там же. С.91.
103 Там же.
104 Там же.
105 ГАКО. Ф.582. Оп.52. Д.41. Л.159-159об.
106 Там же. Л.233-234.
107 Алабин П.В. Записка заведующего делами Вятской публичной библиотеки г. Алабина о мерах, принятых к ее устройству // ВГВ, 1862 — 24 марта (№ 12), часть неофиц. С.92.
108 ГАКО. Ф.1213. Оп.1. Д.33. Л.41-45.
109 ВГВ. — 1862 — 10 марта (№ 10), часть неофиц. С.84; 24 марта (№ 12), часть неофиц. С.90; 1 апреля (№ 13), часть неофиц. С.99; 5 мая (№ 18), часть неофиц. С.138; 12 мая (№ 19). С.146.
110 Доклад Вят. губ. зем. управы губ. зем. собранию V очередной сессии (07.12.1871) «По вопросу о принятии в ведение земства Вят. публ. б-ки и музея и Устав их» // Ж-лы Вят. губ. зем. собр. V очередной сессии. Вятка, 1872. С.256.
111 Летопись Вятской публичной библиотеки // ВГВ. — 1862. — часть неофиц. 7 апреля (№ 14-15). С.110.
112 Алабин П.В. По поводу объявлений г. Красовского о подписке на право чтения в 1863 году книг в его библиотеке // ВГВ. — 1862. — 24 июля (№ 47) часть неофиц. С.349-350.
113 Каталог Вятской публичной библиотеки. Сост. П. Алабин. Вятка, 1863. С.3.
114 Объявление от комитета Вятской выставки // ВГВ. — 1862. — 25 августа (№ 34) часть неофиц. С.237-238.
115 Там же.
116 Алабин П.В. Местные известия // ВГВ. — 1862. — 22 сентября (№ 38) часть неофиц. С.260.
117 ГАКО. Ф.237. Оп.73. Д.177. Л.1об.
118 ВГВ. — 1863. — 13 апреля (№ 15) часть неофиц. С.125-126.
119 Там же.
120 Там же. — 18 мая (№ 20) часть неофиц. С.163.
121 Там же. — 11 мая (№ 19) часть неофиц. С.154.
122 Из слободы Кукарки // ВГВ, — 1863. — 29 июня (№ 26) часть неофиц. С.214-215.
123 ГАКО. Ф.145. Оп.1. Д.16. Л.428.
124 ВГВ. — 1863. — 7 сентября (№ 36), часть неофиц. С.288.
125 Там же. — 31 августа (№ 35), часть неофиц. С.282-283.
126 Там же.
127 Там же.
128 Ответы на телеграммы вятского общества // ВГВ. — 1863. — 7 сентября (№ 36), часть неофиц. С.289.
129 ГАКО. Ф.582. Оп.140. Д.308. Л.57-57об.

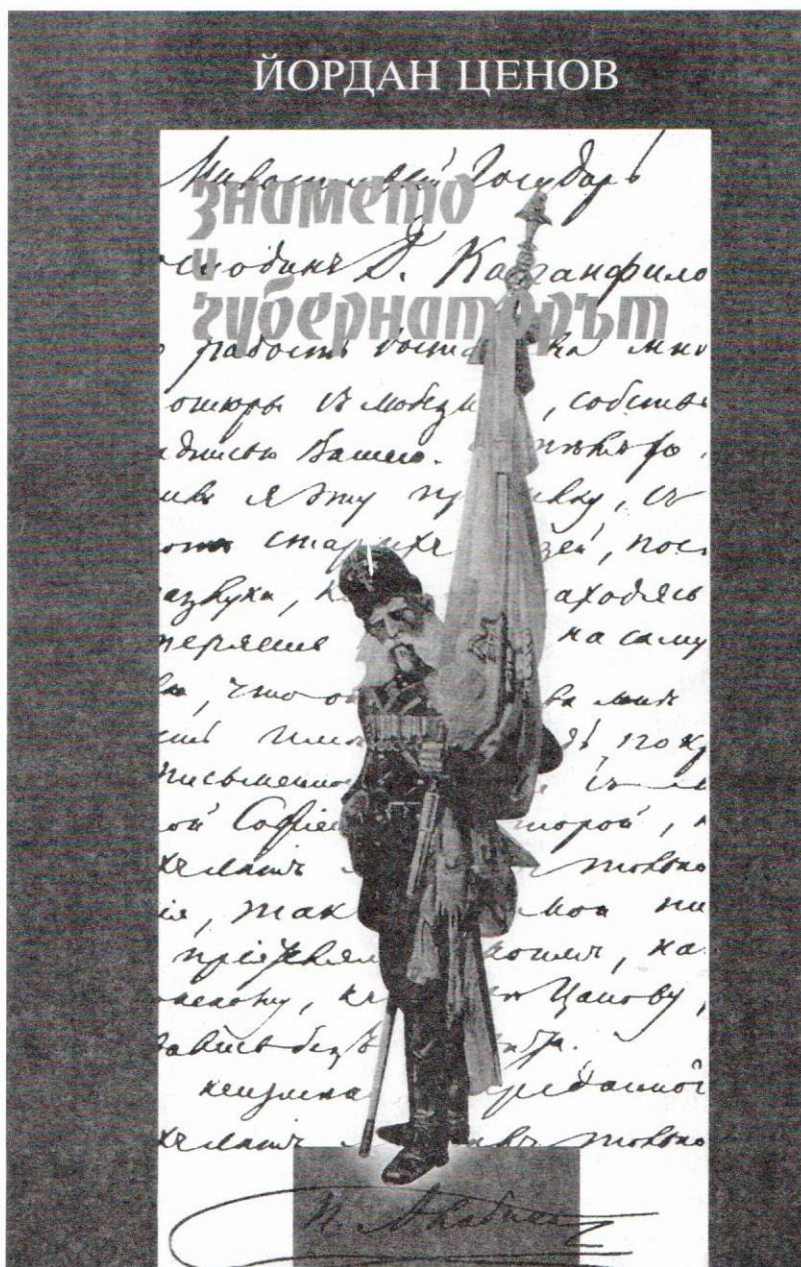
- 130 Там же. Л.69об.
 131 Там же. Ф.1213. Оп.1. Д.47. Л.5.
 132 Русская старина. Спб. 1879. Т.25. кн.5. С.219-222.
 133 ГАКО. Ф.213. Оп.1. Д.53. Л.1.
 134 Там же. Л.3.
 135 ВГВ, - 1863. - 13 июля (№ 28), часть неофиц. С.227-230.
 136 Там же. С.228.
 137 Там же. С.229
 138 ГАКО. Ф.574. Оп.1. Д.1114. Л.73об.
 139 Летопись Вятской публичной библиотеки. Листок 68 // ВГВ. - 1863. - 17 августа (№ 33), часть неофиц. С.269.
 140 Там же. Листок 76 // ВГВ. - 1863. - 12 октября (№ 41), часть неофиц. С.311.
 141 Там же. Листок 68 // ВГВ. - 1863. - 17 августа (№ 33), часть неофиц. С.269.
 142 ГАКО. Ф.1213. Оп.1. Д.38а. Л.11-11об.
 143 Там же. Л.23.
 144 Открытие Вятского публичного музея. Вятка. 1866. С.4.
 145 ГАКО. Ф.143. Оп.1. Д.7. Л.10, 11об, 22.
 146 ВГВ. - 1863. - 13 июля (№ 28), часть неофиц. С.229.
 147 Там же. - 24 августа (№ 34), часть неофиц. С.279.
 148 ГАКО. Ф.1213. Оп.1. Д.38а. Л.23.
 149 Там же. Л.32-32об.
 150 Там же. Л.15-16.
 151 Там же. Л.69.
 152 Там же. Л.73-73об.
 153 Там же. Л.8-140.
 154 ВГВ. - 1864. - 27 июня. (№ 26), часть неофиц. С.185-186.
 155 Там же. - 20 июня (№ 25), часть неофиц. С.181; 2 июня (№ 26), часть неофиц. С.186.
 156 Там же. - 28 марта (№17), часть неофиц. С.103.
 157 ГАКО. Ф.574. Оп.1. Д.156. Л.47 об; Д.174. Л.123. Ф.1316. Оп.1. Д.1. Л.71-71об.
 158 Там же. Д.171. Л.5-9об. Д.174. Л.115-116, 127.
 159 Там же. Ф.616. Оп.1. Д.946. Л.36об.
 160 ВГВ. - 1865. - 25 ноября (№ 74), часть неофиц. С.307-308.
 161 ГАКО. Ф.574. Оп.1. Д.89. Л.3.
 162 Там же. Л.31.
 163 Там же. Л.90, 38.
 164 Там же. Л.38об.
 165 Там же. Д.114. Л.35-40.
 166 Там же. Д.89. Л.194.
 167 Там же. Д.156. Л.43.
 168 ВГВ. - 1864. - 1 августа (№ 31), часть неофиц. С.221.
 169 ГАКО. Ф.574. Оп.1. Д.156. Л.98.
 170 Там же. Ф.170. Оп.1. Д.134. Л.4.
 171 Там же. Л.6.
 172 Там же. Л.7-12.
 173 Там же. Ф.574. Оп.1. Д.176. Л.27.
 174 Вятские епархиальные ведомости. - 1865.- № 19. С.592-599; № 20. С.605-620, № 21. С.631-660; № 22. С.685-697.
 175 ВГВ. - 1863, - 13 апреля (№ 15). С.125-126.
 176 ГАКО. Ф.574. Оп.1. Д.152. Л.12-15.
 177 Там же. Л.16-16об.
 178 Там же. Д.163. Л.22.
 179 Там же. Л.35.
 180 Там же. Л.47об.
 181 Там же. Д.166. Л.39-40об.
 182 Там же. Д.163. Л.91об.
 183 Алабин П. В. Александро-Невский собор в Вятке. - Вятка, 1864. С.10, 18-19.
 184 Там же. С.19-20.
 185 Там же. С.57.
 186 Там же. С.63.
 187 Там же. С.64.

- 188 ГАКО. Ф.1316. Оп.1. Д.2. Л.127.
 189 Там же. Л.1.
 190 ВГВ. - 1864. - 10 окт. (№ 41), часть неоф. С.286.
 191 ГАКО. Ф.213. Оп.1. Д.74. Л.1.
 192 ГАКО. Ф.582. Оп.836. Д.156. Л.186-187.
 193 Там же. Л.188-188об.
 194 ГАКО. Ф.582. Оп.90. Д.23. Л.1-2.
 195 Арестантская рота // Энциклопедический словарь. Спб: Тип. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон.
 196 Т.3. С.64.
 196 ВГВ. - 1864. - 23 мая (№ 21), часть неоф. С.151.
 197 ГАКО. Ф.143. Оп.1. Д.7.
 198 СОИКМ им. П.В. Алабина. Фонд П.В. Алабина. Альбом П.В. Алабина.
 199 ГАКО. Ф.582. Оп.140. Д.309 Л.116-118.
 200 Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1870 год. Вятка, 1870. Разд. V. С.23.
 201 Ученые записки. Вып.19. Кафедра Истории СССР. - Киров. - КГПИ. -1965. С.24-114.
 202 ГАКО. Ф.576. Оп.1в. Д.157. Л.51-52.
 203 Там же. Л.81-81об.
 204 ЦГИАЛ. Ф.1291. Оп.66. Д.45. Л.30об.
 205 Голос.- Спб - 1867. - 30 авг. (№ 239), С.3-4.
 206 Там же.
 207 Там же.
 208 Там же.
 209 Голос. - Спб - 1868, 12 янв. (№ 12), С.3
 210 ВГВ. - 1865. - 17 сент. (№ 54), часть неоф. - С.190; 21 сент. (№ 55). С.198; 24 сент. (№ 56). С.203-204; 28 сент. (№ 57). С.207-208; 1 окт. (№ 58). С.212-213.
 211 Алабин П.В. Заметки относительно древностей Вятского края. - Вятка, 1865. С.2.
 212 Там же.
 213 Там же. С.4-5.
 214 См., например, Репин А. Легенды Кукарки // Вести Трехречья. Советск. 1999. 7 авг. С.4.
 215 Алабин П.В. Заметки ... С.34-35
 216 ВГВ. - 1865. - 12 окт. (№ 61) часть неоф. С.232.
 217 Алабин П.В. Марьян кокошник // ВГВ. - 1865. - 19 нояб. (№ 72). С.294.
 218 Там же. С.295.
 219 Там же.
 220 ВГВ. - 1865. - 25 нояб. (№ 74) часть неоф. С.307-308.
 221 ВГВ. - 1865. - 5 февр. (№ 6) часть неоф. С.42.
 222 ВГВ. - 1865. - 20 марта (№ 12) часть неоф. С.71.
 223 Осокин И.М. К истории народного образования в удельных имениях Вятской губернии // Труды Вят. уч. арх. комиссии. - 1907. - Вып.1, ч.III. С.101.
 224 ВГВ. - 1865. - 23 апр. (№ 17) часть неоф. С.95.
 225 ВГВ. - 1865. - 8 мая (№ 19) часть оф. С.73.
 226 ВГВ. - 1865. - 17 авг. (№ 45) часть неоф. С.134.
 227 Открытие Вятского публичного музея. - Вятка. Губ.тип. - 1866. С.2
 228 ГАКО. Ф.574. Оп.1. Д.1114. Л.73-85об.
 229 Уварова П.С. Областные музеи // Труды седьмого археологического съезда в Ярославле 1887 г. - М., 1891. Т.II. С.276.
 230 ГАКО. Ф.574. Оп.1. Д.1114. Л.32об-33.
 231 ВГВ. - 1865. - 9 нояб. (№ 69) часть неоф. С.278.
 232 ГАКО. Ф.630. Оп.8. Д.745. Л.2об.
 233 ВГВ. - 1866. - 15 февр. (№ 13) часть неоф. С.82.
 234 ВГВ. - 1866. - 1 февр. (№ 9) часть неоф. С.58.
 235 Там же. С.58-59.
 236 ВГВ. - 1866. - 22 февр. (№ 15) часть неоф. С.94.
 237 Там же.
 238 Золотницкий Н. 1 января 1866 года в Кукарке и краткий очерк слободы Кукарки. - Казань. - Унив. тип. - 1866. С.8-9.
 239 ВГВ. - 1866. - 22 февр. (№ 15) часть неоф. С.94.
 240 ГАКО. Ф.630. Оп.8. Д.745. Л.4-4об.
 241 Там же. Л.8об-9.
 242 ВГВ. - 1866. - 25 февр. (16) часть неоф. С.99.

- 243 ВГВ. - 1866. - 17 февр. (13) часть неоф. С.82.
 244 ГАКО. Ф.574. Оп.1. Д.177. Л.1-2.
 245 Там же. Д.197. Л.8об.
 246 Там же. Д.177. Л.7-7об.
 247 Отдел рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в С-Пб., Фонд 391 Краеведского А.А. №142. Письма 1864-1866.
 248 Летопись Вят. публ. библиотеки. Листок 7 // ВГВ. - 1866. - 26 апр. (№ 33). С.201.
 249 Отчет о состоянии Вят. публ. библиотеки и музеума за 1866 год. - Вятка, 1867. С.8.
 250 Там же. С.6.
 251 ГАКО. Ф.1213. Оп.1. Д.47. Л.1-25.
 252 ВГВ. - 1866. - 15 апр. (№ 30), часть неоф. С.178.
 253 Алабин П.В. Во имя Христа Спасителя. Кафедральный соборный храм в г. Самара. Самара 1894. С.6.
 254 ГАКО. Ф.1316. Оп.1. Д.2. Л.126-126об.
 255 Алабин П.В. Во имя Христа Спасителя. Кафедральный соборный храм в г. Самара ..., С.7.
 256 Алабин П. Севастопольский музей // Рус.инвалид. Спб., 1869. 2 янв. (№ 1) С.4-6.
 257 ГАКО. Ф.582. Оп.130. Д. 1483.
 258 ВГВ. - 1869. - 17 мая (№ 30) часть неоф. С.6.
 259 Вологодские епархиальные ведомости. - 1869. С.242-243.
 260 ВГВ. - 1870. - 27 окт. (№ 86) часть неоф. С.3.
 261 ВГВ. - 1872. - 5 янв. (№ 2) часть неоф. С.4.
 262 ВГВ. - 1870. - 6 марта (№ 19) часть неоф. С.76.
 263 ГАКО. Ф.616. Оп.1. Д. 468. Л.132-133.
 264 Алабин И.М., Московский О.В. С достоинством и честью. Самара, 1997. С.44.
 265 ВГВ. 1869. 27 сент. (№ 39) часть неоф. С.5.
 266 ВГВ. 1873. 12 сент. (№ 73) часть неоф. С.4.
 267 ГАКО. Ф.574. Оп.1. Д. 1114. Л.82об.
 268 Каталог Вятской губ. публ. б-ки им. Императора Николая I 1910 года. - Вятка: губ. тип. - 1910. - С.83-148.
 269 Копия этой фотографии хранится в краеведческом отделе Кировской областной библиотеки им. А.И. Герцена.
 270 Кабытов П.С. Возвращение Петра Владимировича Алабина // Алабин П.В., Самара: 1586-1886. Самара, 1991. С.6.
 271 ГАКО. Ф.574. Оп.1. Д. 1114. Л.73-85об.
 272 Алабин П. Вятский публичный музей в январе 1866 года // П. В. Алабин, Вятка, музей (алабинские чтения). Составитель В.С. Жаравин. Киров, 1998. С.11-15.
 273 ГАКО. Ф.574. Оп.1. Д. 1114. Л.33, 42об.
 274 Там же. Ф.1213. Оп.1. Д.77. Л.23об.
 275 Там же. Д.100. Л.2.
 276 Вятский край. 1891. 14 мая (№ 55). С.1.
 277 ВГВ. - 1896. - 5 июня (№ 44) часть неоф. С.6.
 278 Там же.
 279 Лебедев А.С. Музейное дело и родиноведение // 1-й Вятский общегубернский съезд деятелей по народному образованию. Вятка, 1919. С.18.
 280 Там же.
 281 Начало см. П.В. Алабин и Вятка: Библиограф. указ. Сост. В.С. Жаравин. Киров, 1999.

ЗНАМЯ И ГУБЕРНАТОР

Самарское знамя
и Петр Владимирович Алабин

Перевод с болгарского:

Йордан Ценов. Знамето и губернаторът: Самарското знаме и Пётр Владимирович Алабин.

Издательство «Терзиев и синове». София, 1997.

Перевод книги осуществили студенты кафедры славянской филологии, истории и культуры Самарской Гуманитарной Академии Елена Адрианова, Наталья Иванова, Ирина Боброва, Юлия Касимова, Никита Пронин, Наталья Ручкина, Александра Терлибина, Ирина Шаймарданова под руководством Л.В. Храмкова.

Посвящается участникам Освободительной русско-турецкой войны (1877–1878 гг.)

ВВЕДЕНИЕ

Дружба между русскими и болгарами прослеживается с самой глубокой древности и является следствием кровного славянского родства, особенностей языка и культуры, нравов и обычаев русского и болгарского народов.

Болгарский народ хранит в сердце самые искренние чувства признательности к своему освободителю — великому русскому народу. Материальным выражением этих чувств являются памятники признательности, повсюду имеющиеся в Болгарии и располагающиеся там, где прошли долгожданные освободители. Есть и десятки музеев, посвященных дружбе — сокровищницы реликвий, имеющие личное, местное и национальное значение. А среди них — на самом почетном месте, увенчанное ореолом неувядающей славы — национальная военная святыня болгарского народа, символ военной дружбы с русским народом — Самарское знамя.

Это исследование рассказывает о пути, пройденном знаменем из города Самара до отвоевания болгарами свободы, а также о его месте в Национальном военно-историческом музее в Софии «по праву ему полагающемуся»¹.

О Самарском знамени написаны сотни статей в различных газетах и журналах, выделены специальные главы в нескольких десятках сочинений, посвященных истории освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и участию болгарского ополчения в ней². Знамени посвящены литературные произведения и произведения изобразительного искусства. Оно также является объектом нескольких специальных исторических исследований.

Первое из этих исследований — Николая Радева³ представляет интерес опубликованной в нем копией протокола заседания Самарской Городской Думы, высланной в 1898 г. в Болгарию по просьбе автора. Это первый труд, в котором собраны все известные до того времени данные об истории знамени, приведенные в хронологической последовательности.

Автор второго труда Иван Крыстев Стойчев⁴ рассмотрел прежде всего вопросы, связанные с идеей и обстоятельствами изготовления знамени, пытался доказать, что оно предназначено для Герцеговинского восстания 1875 г.⁵ Самым серьезным доводом правоты своего тезиса он считает сочетание цветов на знамени — красный, белый, синий (горизонтально сверху вниз) соответствующие в то время цветам сербского знамени.

В 1977 г. в «Известиях Национального военно-исторического музея» (София, т. III, с. 103–113) Николай Домусчиев сделал целостное музейное описание знамени, лент, древка и 3-х металлических браслетов на нем, используя оригиналы и цитируя, где было нужно, вышеуказанных двух авторов. Однако он не использовал документы о знамени, присланные в Болгарию в 1956 г.⁶ (некоторые из них публиковались тогда в периодической печати), а также не использовал те материалы, которые были включены в микрофильм, предоставленный государственным архивом Самарской области Окружному архиву в Стара Загоре в 1975 г.⁷ А в результате этих поисков было установлено имя художника, рисовавшего икону сверху знамени. Найдено письмо оставшегося в живых после боя при Стара Загоре офицера 3-ей ополченской дружины, а также установлены и некоторые другие факты, о которых еще будет говориться в нашем повествовании.

Георгий Вылков в своем сочинении посвятил знамени много страниц, а Йоно Митев проследил его путь⁸. Русские публицисты Н.С. Филиппов и К.Е. Комаров посвятили знамени специальные статьи, М. Гурбанов написал о нем книгу. Значительное место в своих сочинениях отвели ему Н.Н. Яковлев, В.Д. Конобеев, П.К. Фортунатов и др.⁹

В 1956 г. некоторые наши периодические издания опубликовали новые документы и воспоминания, которые позволили уточнить важные подробности из истории знамени¹⁰.

Остальные публикации в большей или меньшей степени, в различных вариантах повторяют сообщения печати со времени войны или рассказанное в воспоминаниях участников событий, связанных с Самарским знаменем. Это обстоятельство привело к тому, что многие авторы повторяют одни и те же ошибки, которые по необходимости будут исправлены в ходе повествования.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПАМЯТНЫЙ 1876 Г.

«1876 год — год страшный, год славный! В этот год болгарский народ показал всю силу своей энергии, своего духа, своей веры. С деревянными пушками народ стал бороться за освобождение от многовекового рабства»

Дмитрий Маринов

Вопрос о дате изготовления знамени затронут почти всеми авторами, писавшими о нём. Но независимо от пути, по которому они шли, документов и сведений, на которые опирались, они единодушны в том, что знамя сделано в 1876 г. Этот вывод может считаться единственно правильным. Он подтверждается не только надписью, сделанной на верхней красной ленте, привязанной к знамени и на вершине серебряной пики на верху древка, но и письменными документами, сохранившимися в Самарском государственном архиве. В подтверждение этого цитируется протокол 10-го чрезвычайного заседания Самарской Городской Думы от 17 апреля 1877 г., в котором записано: «Дума постановила предоставить Главнокомандующему Южной армии (по-прежнему — прим. Й.Ц.) адрес и знамя, сделанное в городе Самара для болгарского народа в 1876 г., и вручить его болгарской дружине, когда она будет призвана для освобождения своего народа»¹¹. При повторном просмотре документа в этом архиве, который был сделан в 1956 г. профессором Н.Н. Яковлевым, как и при подготовке микрофильма, о котором будет рассказано позднее, новых документов по рассматриваемому вопросу не было открыто. Это обстоятельство показывает, насколько необоснованны утверждения Ив. Стойчева, что не все сведения были отправлены городским головой Самары по просьбе Н. Радеева, а часть была «засекречена по серьёзным причинам»¹², т.к. якобы скрывалось первоначальное предназначение знамени.

Кроме года, указанного на знамени, цитируемый выше документ дает ясный ответ на вопрос, для какого славянского народа на Балканах оно было предназначено. Мнение Ив. Стойчева о том, что знамя изготовлено для Герцеговины или Сербии, не убедительно. Единственный довод, приведенный для доказательства этого — цветовой ряд тогдашнего сербского триколора: красное, белое, синее — интересен, но недостаточен. Насколько неточен этот довод, видно из факта, что ссылаясь на него, сам он не может точно определить, было ли знамя предназначено для Сербии или Герцеговины. В одном месте своей работы он пишет: «Фактические данные (т.е. цветовой ряд сверху знамени — прим. Й.Ц.), одно примечание в книге (переданное ему в разговоре, но он не может вспомнить точно кем — прим. Й.Ц.) и здравый смысл его убеждают, что знамя сделано не для участников Апрельского восстания, а для Герцеговинского восстания, но не было туда вовремя послано»¹³. А через несколько страниц утверждает: «Мне ясно, что знамя было сделано для Сербии в 1876 г. и осталось не отправленным»¹⁴. В рассмотренном случае выстроенные в ряд цвета знамени не могут служить серьёзным доводом и фактом, поскольку когда оно было сделано, официальный болгарский триколор ещё не был установлен¹⁵.

Документы, письменные сведения и другие косвенные доказательства ясно говорят, что знамя готовилось для болгарского народа. Текст, выкованный в дальнем конце серебряного древка, тому подтверждение. Там написано: «Город Самара болгарскому народу в 1876 г.» Почти такой же текст вышит и на верхней красной ленте, привязанной к знамени: «Самара болгарскому народу в 1876 г.»

Иван Стойчев в своей работе отмечает, что текст верхней ленты не важен, т.к. она легко могла быть подменена и, по его словам, именно эта лента является новой, которая «была заказана после мобилизации и решения сформировать «Пеший конвой» ещё в конце 1876 г. взамен на другую подобную надпись для сербского народа»¹⁶.

В обсуждении, с целью выяснения истины такое предположение допустимо. Но в таком случае почему Самара не поменяла и год? 1876 г. также аргумент в пользу того, что знамя было первоначально предназначено для болгарского народа. Это год, когда мощная волна национального освободительного движения на Балканах достигла верхней точки в апрельском восстании болгарского народа. О его мучениках Виктор Гюго написал: «Вошли в один и тот же день и в гроб и в славу». Иван Сергеевич Тургенев заявил английской королеве: «Нет, Ваше Величество, детская кровь никогда не смывается». Как и в других местах России, Самарская Городская Дума 5 июня 1876 г. избрала комитет для оказания помощи славянскому народу на Балканском полуострове¹⁷. «Год 1876, — писал П.В. Алабин — ещё памятен самарским жителям и зарождает у них возвышенное героическое чувство, которое взволновало все его слои и подтолкнуло открыто

высказать готовность умереть за святой крест, в защиту угнетённых братьев и подкрепить высокое значение европейского Востока, омытого в потоке крови наших предков, неоднократно пролитой за свободу и братство наших родственных племён стонущих под монгольским игом. В этот незабываемый год как будто и нельзя было встретить человека из нашей местности, кто бы не был готов для светлого дела и пострадать за него. Многочисленные денежные пожертвования были посланы от самарских жителей на место военных действий. К тому времени уже приподнялась завеса неудержимого стремления людей различного общественного положения и возраста отдать на военное поле с искренней готовностью душу для своих братьев, проявили самое живое и большое внимание ко всем трудностям славянских братьев – это самая точная иллюстрация всего происходящего у нас в Самаре в тот памятный год»¹⁸.

Имеется и другое, хотя и косвенное доказательство того, что знамя было предназначено для болгарского народа: написанная сверху икона имеет лики болгарских святых Кирилла и Мефодия, а не объекта почитания сербов Св. Савы.

Однако сложно определить событие, в связи с которым изготовлено знамя, а также месяц 1876 г., в котором оно сделано. Определённо требуется сказать, что до сего дня не известен документ, который мог бы дать точный ответ на поставленный вопрос. Ожидание, что ответ будет отыскан в личном архиве¹⁹ П.В. Алабина, не оправдалось вопреки тому, что до 1887 г. он сам отмечал: «Пишущий эти строки и бывший городской голова Самары Е.Т. Кожевников просил Городскую Думу предоставить им честь пронести это знамя через всю Россию до валашского города Плоешти, где оно было торжественно вручено главнокомандующему новосформированной тогда дружины, которая не имела ещё никакого знамени. Мы расскажем и другие факты из истории знамени, которое признано на сегодня одной из самых больших (если не самой большой) святынь болгарского народа, независимо от неразберихи и недоразумений, ставшей в последнее время очень близкой сердцу нашей страны»²⁰.

Не расшифрован и год на подписи художника, рисовавшего икону, т.к. именно там поврежден материал на знамени²¹. Останавливаясь на вопросе года и события, К. Комаров пишет: «Итак – 1876 г. Точнее дата ещё неизвестна»²². Неубедительно, однако, звучат утверждения о том, что знамя предварительно подготовлено для Апрельского восстания²³.

За самое достоверное может быть принято сообщение журнала «Славянский мир». На его страницах Н. Радев цитирует следующее: «Ещё в 1876 г. в городе Самара было сделано знамя для болгарских чет, которые восстали против турецкого рабства, но из-за печального конца восстания это знамя не могло быть вовремя передано»²⁴. Большая вероятность этого сообщения базируется на разговоре Алабина и Кожевникова, которые во время их пребывания в Плоешти отвечали на много вопросов относительно надписи на лентах знамени, и особенно обозначенного на одной верхней прошлого года, а не настоящего»²⁵. Всеволод Крестовский, военный корреспондент, участник войны пишет почти то же самое: «Знамя было приготовлено для восстания болгар ещё до прошедшего года, но из-за подавления восстания, сопровождавшегося неслыханной жестокостью, оно не было передано по назначению вовремя, а лишь тогда, когда появилась возможность передать его регулярно организованному болгарскому ополчению»²⁶.

Участник тех событий болгарский офицер 3-ей ополченской дружины С.И. Кисов во втором выпуске своих «Воспоминаний» категорично заявляет: «Это знамя было приготовлено для Апрельского восстания ещё в прошлом году, но из-за неудачи этого восстания завершившегося битвой в Батаке, Перушице и проч., оно не было передано по назначению до настоящего времени, когда представилась возможность передать его болгарскому ополчению»²⁷.

Внимательно прочитав первые 2 цитаты, мы убеждаемся, что знамя сделано после вспыхнувшего восстания. Согласно «Славянскому миру» оно сделано для болгарских чет, которые восстали против турецкого ига. Согласно Вс. Крестовскому оно «сделано для восстания болгар ещё в прошлом году». Таково мнение и Анастаса Бендерова, который пишет: «Ещё во время Апрельского восстания появился высокий подъём симпатий к болгарскому народу, именно тогда-то один из самых чисто русских центров город Самара на р. Волга приготовил первое болгарское знамя, которое позднее было передано Болгарскому ополчению»²⁸.

Слова П.В. Алабина: «На этом знамени написан 1876 год, т.е. тот год, в который вся Россия вздрогнула при виде невыносимых страданий»²⁹, сказанные торжественно по случаю вручения, подтверждают мнение, что «источники по истории знамени приводят нас к тем памятным событиям, которые вошли в историю болгарского народа, как кульминационная точка в его героической национально-освободительной борьбе XIX в.»³⁰

Сообщение об апрельском восстании пришло в Самару ещё тогда, когда само восстание было ещё в разгаре. Строго официальная газета «Самарские губернские ведомости» выделила место для кратких сообщений. «В Болгарии вспыхнуло восстание» - сообщило «Ежедневное приложение» к этой газете в номере от 30 апреля 1876 г. После него появилось ещё несколько кратких сообщений, напечатанных в «Правительственной газете». Апрельское восстание вызвало у рус-

ского народа горячее сочувствие и симпатию к братьям-славянам — болгарскому народу. «Современники свидетельствуют — пишет Комаров, — что в те дни со всех уст не сходили сведения, пришедшие с Балкан. Светлый образ свободы, за которую боролся болгарский народ, заставило сердце биться сильнее»³¹. Среди обыкновенных русских людей кровавые расправы над восставшими вызвали волну негодования и стремления помочь страждущим. По всей России начался сбор средств для оказания помощи братьям-славянам на Балканском полуострове. Помощь собиралась и в Самарской губернии и в самом городе Самара. 5 июля 1876 г. Самарская Городская Дума собралась на специальное заседание, на котором был избран комитет для оказания помощи балканским славянам. В протоколе заседания записано, что «в обществе высказывается сердечная потребность (самарцев — прим. Й.Ц.) не остаться равнодушными зрителями начавшейся сейчас на Балканском полуострове борьбы славян с турками, люди хотели оказать возможную помощь страдающим братьям по вере и крови путём предоставления денег и материалов для помощи их больным и раненым»³².

Но материальная помощь, хотя и была важной, но не единственным, в чем нуждался страждущий порабощенный народ в тот момент. Они испытывали необходимость почувствовать, что их дело правое и поддерживается миллионами родственных по крови людей, готовых помочь ему в любом случае и любыми средствами. Прекрасным выражением этого явилась идея о создании знамени для болгарского народа. Знамя, связанное с конкретными историческими событиями, приобретало огромное значение. Однако знамя не послали сразу по назначению. Сегодня нам не известны документы, в которых могли бы быть видны мотивы Самарской Городской Думы поддерживать его. Почти все авторы единодушны: знамя не отправили из-за скорого прекращения восстания. Это мнение правдоподобно, но оно не исчерпывает сложности взаимоотношений между различными слоями и кругами русского общества того времени.

ОТ САМАРЫ ДО ПЛОЕШТИ

Как свидетельствуют современники, проводы знамени превратились в истинный праздник для жителей Самары. В день, когда отправилась в путь делегация со знаменем, «людская волна залила огромную площадь. Толпы мужчин и женщин протискивались к знамени, чтобы прикоснуться к нему»³³. Это событие П.В. Алабин назовет «величайшим событием, происшедшим в Самаре» за триста лет от основания города. А далее скажет: «Здесь мы вспомним только, как ликовала Самара, когда в день праздника Преполовления совершилось Преосвященным Герасимом в Соборе освящение и иконы и знамени, к которому стремились приложиться и стар и мал, и как торжественно несли это знамя в крестном ходу на реку и обратно в Собор.

Поистине, сила и размер происходившего торжества объяснялись как бы проникшим всех убеждением, что в данный момент для народа, во имя которого мы обнажили свой меч, посланное с нами знамя не есть только символ свободы, — а самая свобода, не призыв на битву, — а самая победа и одоление врага!»³⁴

Решение о передаче болгарским дружинам знамени было принято Самарской Городской Думой на внеочередном заседании 17 апреля 1877 г. На следующий день была избрана делегация³⁵ для выполнения этой задачи в составе городского головы Самары, действительного студента Казанского университета Ефима Тимофеевича Кожевникова и гласного (депутата) Думы, действительного статского советника Петра Владимировича Алабина.

От Самары делегация со знаменем отправилась по р. Волге на пароходе «Вестник» 21 апреля 1877 г. к городу Сызрани, и оттуда продолжила путь на поезде до Москвы. П.В. Алабин отправил телеграмму следующего содержания: «Москва, Аксакову, 21 апреля, Сызрань — Везём знамя болгарскому народу от Самары. Передайте Ивану Сергеевичу, если сочтёт необходимым организовать встречу. Телеграфируйте в Рязань. — Алабин»³⁶.

В Москву делегация прибыла 23 апреля 1877 г. Здесь знамя «было выставлено как дар родному по крови народу с пожеланием его возрождения как предмет чествования и поклонения москвичей от всей души сочувствовавших возрождению Болгарии»³⁷. Помещённое в Чудовом монастыре поверх мощей святого Алексия — покровителя Самары, оно стало предметом внимания народа, императорского семейства и самого императора Александра II.

До Москвы знамя проследовало через Симбирскую, Пензенскую, Тамбовскую и Рязанскую губернии, а после чего Московскую, Тульскую, Орловскую, Курскую губернии, всю Украину, и прибыло 4 мая 1877 г. в румынский город Плоешти. Продолав такой долгий путь через необъятные просторы России, оно было вручено, по мысли П.В. Алабина, «как живое свидетельство того, что дано не от какого-либо одного уголка России, а от целой русской земли»³⁸.

Торжественное вручение знамени произошло 6 мая 1877 г. в лагере Болгарского ополчения в 1,5 верстах от Плоешти. С этой целью 5 мая 1877 г. было издано следующее «Распоряжение по Болгарскому ополчению: Утром, 6 мая, в 11 часов дня произойдёт вручение знамени Болгарскому ополчению в 3-й дружине и отслужен молебен, для этого все дружины в полном составе, за исключением караула и ординарцев, с оружием, двумя патронташами, скатанными плащ-палатками должны быть построены в расположении 4-й дружины. Офицеры должны быть в походной униформе с орденами. Место и порядок расположения (дружин — Й.Ц.) будут указаны штабом исполнения утром. Командир 3-й дружины должен выбрать достойнейшего унтер-офицера для исполнения высоких обязанностей знаменосца»³⁹.

Первоначально торжество было назначено на 10 часов 30 минут. Но затем церемония была перенесена на 13 часов 30 минут⁴⁰.

Это подтверждается и докладом П.В. Алабина и Е.Т. Кожевникова⁴¹.

Высокая честь и доверие выпали 3-ей дружине Болгарского ополчения⁴².

Торжественное «Освящение Болгарского знамени в Плоешти» описывал корреспондент при квартире Главнокомандующего Южной армией Николай Николаевич Каразин: «Дружины были построены густыми колоннами в одну линию. Перед ними были поставлены столы для знамени и молитвы. Богослужение совершил болгарский архимандрит Анфилохий Михайлов⁴³ и священник Пётр Драганов⁴⁴, из города Тырнова. Оба были известны тем, что с оружием в руках боролись против турецких поработителей»⁴⁵.

Там присутствовало «множество народа, особенно болгар, пришедших из соседнего селения и даже из Бухареста по случаю предстоящего торжества»⁴⁶. Генерал-майор Николай Григорьевич Столетов⁴⁷, начальник Болгарского ополчения с правами командира дивизии встретил Главнокомандующего на границе лагерного района, отдал строевой рапорт и церемония началась.

На столе в окружении присутствовавших гостей и перед строем ополченских дружин «находились знамя и необходимые принадлежности для прикрепления знамени к древку: серебряные гвозди, ремень, молоток, шило»⁴⁸. Около стола находились Главнокомандующий действующей армией, начальник его штаба, сопровождающие лица, генерал-майор Столетов, офицеры дружин, представители Самары Алабин и Кожевников, делегация местной болгарской общности, в том числе воевода Цеко Петков⁴⁹ и назначенный знаменосцем унтер-офицер 54-го Минского полка Антон Марченко⁵⁰, переведённый на службу в 3-ю ополченскую дружину.

Весьма подробно церемония освящения, прикрепления знамени к древку и вручению описаны в докладе Алабина и Кожевникова Самарской Городской Думе от 25 мая 1877 г., в корреспонденции в «Правительственном вестнике», перепечатанном в «Самарских губернских ведомостях», в газете «Стара планина», в воспоминаниях С. Кисова и других, особенно в вышеназванной корреспонденции Н. Каразина⁵¹.

Первые гвозди забивают Главнокомандующий, начальник штаба и начальник Болгарского ополчения. Затем П.В. Алабин, Е.Т. Кожевников, командиры бригад и дружин, в том числе и командир знаменной дружины Павел Петрович Калитин. Как пророческая клятва звучали произнесённые им слова: «Братья, это священное знамя — наша гордость и честь, и, пока хоть один из нас останется в живых, его не отдадут врагу. За себя же скажу — умру под ним, но не сдам его»⁵².

«Последние гвозди, — пишет Н.Н. Каразин, — забивали болгарские депутаты. Надо было видеть с каким глубоким благоговением приступали эти люди к этому почётному делу. Перекрестившись и взяв молоток, они целовали древко и производили удары. Счастье озаряло простые смуглые лица. Из множества пришедших выделялся старик-болгарин, в красивом боевом национальном костюме, в расшитой куртке с широким поясом, из-за которого внушительно торчали рукоятки пистолетов и украшенный золотом ятаган. Это был знаменитый болгарский воевода Цеко Петков, который 32 года боролся с турками и получил 28 ран. На затылке доблестного воина сохранились следы от железного ошейника, в котором он просидел, прикованный к стене, два с половиной года в турецкой тюрьме. Он был оставлен при штабе как воспитатель молодых добровольцев и как опытный проводник через Балканы, знающий каждый камень, пути и тропы.

Старец зарыдал, взяв в руки молоток. Он посмотрел на небеса, на знамя, на Главнокомандующего и взволнованно произнёс следующие слова: «Да поможет Бог пройти этому знамени из конца в конец всю землю болгарскую, да утрут им наши матери, жёны, дочери свои скорбные очи, да бежит перед ним всё поганое, злое, нечестное и да ляжет позади него мир, тишина и благоденствие». Когда был забит последний гвоздь знаменосцем А. Марченко, его высочество Главнокомандующий поднял знамя, оно заволновалось в воздухе. По фронту дружин прогремело мощное «ура», тысячи чётных шапок полетели в воздух, колонны устремились вперёд, но вмиг замерли, когда раздалась команда «Дружины, смирно!»

Генерал Столетов, командир 3-ей дружины подполковник Калитин и знаменосец преклонили колена и, приняв знамя, пронесли его перед рядами дружин. Оно заняло свое место перед фронтом»⁵³.

Неповторимые, волнующие моменты переживали все присутствующие на торжестве. «Действительно торжественной была та минута, — сообщали в Самару её представители, — будто воскресла из вековой могилы несчастная Болгария! Словно яркие солнечные лучи прорезали мрак, в котором пребывало славянство. Та минута так поразила всех, что многие, особенно болгары, и женщины, и закалённые в борьбе мужчины не могли сдержать слёз»⁵⁴.

Освящённое по традициям русской армии знамя было вручено знаменосцу и его ассистентам — унтер-офицеру Павлу Булавичу⁵⁵ и адъютанту подпоручику Поликарпову. Под торжественные звуки музыки и бой барабанов знамя проносят перед фронтом 3-й ополченской дружины.

Все присутствующие поздравляют друг друга с получением знамени. После этого следует торжественный марш — первый торжественный марш будущей болгарской армии. «Это имело огромное значение для присутствующих болгар» — сообщали «Самарские губернские ведомости». — Один старик с седыми усами, со слезами умиления взволнованным голосом говорил собравшейся около него группе соотечественников: «Это знамя — залог нашей свободы! Четыреста лет её ждал болгарский народ и сегодня её вручает великодушно мать-Россия»⁵⁶.

Вдохновенно звучали на торжестве и слова П.В. Алабина: «Прошёл ряд веков, после того, как в последний раз развевались болгарские знамена в рядах свободных болгарских дружин. Те знамена потонули в реках крови на полях Косова, и вот опять над болгарской дружиной вздымается родное знамя. Издалека, через всю русскую землю оно нами принесено к вам как бы в живое свидетельство того, что даётся вам не одним каким-то уголком России, всею русской землёй. Идите же под сенью этого знамени. Пусть оно будет знаменем водворения в вашей многострадальной стране навсегда мира, тишины и просвещения. Пусть знамя это останется памятью вашим потомкам»⁵⁷.

После церемонии генерал Столетов дал банкет для офицеров и гостей. Не было громких речей. Создалась душевная братская обстановка. Не все говорили красноречиво, но все — от души⁵⁸.

7 мая 1877 г.⁵⁹ перед развевающимся Самарским знаменем ополченцы дали клятву не жалеть своей жизни для защиты дорогого дара, полученного от сердца Великой Руси — защитницы порабождённых славянских народов.

На следующий день в 16 часов болгарское землячество Плоешти дало торжественный обед в честь представителей Самары и офицеров болгарских дружин во главе с генерал-майором Столетовым. По воспоминаниям современников — это было милое, задушевное торжество, посвящённое искренней дружбе сыновей русского и болгарского народов. В ответ на тост генерала Столетова «за виновников вчерашнего торжества» (Кожевникова и Алабина) П.В. Алабин произносит тост «за славу, честь и процветание всей России, которая помогает болгарскому народу обрести свободу»⁶⁰. «На том обеде, — пишут Алабин и Кожевников — мы видели искреннюю благодарность нашему городу, а по приезде передали Самаре специальный адрес»⁶¹.

Адрес был подписан 18-ю болгарскими⁶², но в нём была изложена глубокая благодарность всего болгарского народа русскому народу, поднявшемуся на священную войну за освобождение Болгарии. Его текст гласил:

«Уважаемые господа, Ефим Тимофеевич и Пётр Владимирович!

Болгары, присутствовавшие 6 мая этого года при вручении знамени 3-й дружине Болгарского ополчения, подаренного самарской общественностью болгарскому народу, считают своим долгом выразить через вас, уважаемые господа, свою искреннюю признательность за эту высокую честь и внимание страдающему болгарскому народу. Принесённое вами святое знамя служит новым доказательством живого участия русского народа в судьбе несчастной Болгарии, ожидающей от русского народа своего освобождения, начатого по воле августейшего всероссийского императора Александра II — естественного покровителя и защитника угнетённых христиан Востока.

Событие 6 мая в болгарском лагере в Плоешти, где Его Императорское высочество Главнокомандующий действующей армии соблаговолил лично вручить знаменосцу 3-й дружины это знамя, останется незабываемым в памяти и истории болгар.

Высоко ценим внимание самарской общественности и просим передать, что болгарский народ благоговеет перед этим дорогим подарком.

Примите уверения в искренности нашего почитания и душевной преданности к Вам.

Командир 1-й болгарской дружины подполковник гвардии Кесяков, Председатель Кишинёвского болгарского общества И. Иванов, секретарь болгарского общества П.В. Оджак, Тодор Демиянов, старший врач Болгарского ополчения К. Бонев, врач 3-й дружины Вязанков, П. Бойчу, врач 5-й дружины Ив. Панов, Василе Георгиев, Райчо П. Гриблев, Тане Райчио, Хр. Димо-

виу, Ив. Поппараскевовиу, Ив.Д. Ханджиов, капитан 4-й дружины Болгарского ополчения — капитан Райчо Николов, Николай Даскалов, Ив.П. Иванов, Кр.Н. Щирбанов»⁶³.

Вручение знамени Болгарскому ополчению было значительным событием, которое широко освещалось тогдашней русской прессой и некоторыми иностранными газетами. Особое значение ему придавало командование действующей армии⁶⁴. В связи с этим событием Главнокомандующий послал две телеграммы императору⁶⁵.

До похода болгарского ополчения из Плоешти Самарское знамя принимало участие ещё в двух торжествах: празднике славянских просветителей Кирилла и Мефодия 11 мая 1877 г. и встрече императора Александра II 26 мая 1877 г.

В корреспонденции, опубликованной в «Одесском вестнике»⁶⁶, указано, что день Кирилла и Мефодия «отмечался особенно торжественно». Лагерь ополчения вновь приобрёл праздничный вид. В 12 часов был отслужен молебен под развивающимся знаменем, на котором были видны образы салунских славянских братьев, которые в IX веке предприняли труднейшую задачу по освобождению славянского мира от язычества и невежества, дав ему общеславянскую азбуку. Болгары отпраздновали праздничный день 11 мая в окружении болгарского воинства. После молебна 340 болгар вступили в ополчение и ещё 400 человек из г. Галаца изъявили желание стать ополченцами.

После молебна болгарские дружины прошли торжественным маршем перед своим любимым начальником генералом Столетовым и офицерами его штаба. Маршировали сыновья истерзанной Болгарии, которые уже не отступят перед турецкой армией. Совместно с русичами они скоро покажут чудеса храбрости и не посрамят воинской славы под командованием храбрых офицеров русской школы».

В честь 11 мая была написана следующая речь⁶⁷, которая была прочитана в дружинах Болгарского ополчения:

«Болгарские воины!

Сегодня болгарский народ удостоен иметь своих воинов, своё войско, из которого родится новая будущая армия под командованием Его Императорского высочества Николая Николаевича — любезного брата августейшего всероссийского монарха Александра II, который приказал своей храброй южной действующей армии начать освобождение нашего отечества — Болгарии, порабождённой 484 года тому назад турками:

Герои! Болгария впервые ведёт регулярное и дисциплинированное войско из храбрых и свободолюбивых болгар, наших детей под русским командованием и своим болгарским штабом

Воины! Вам принадлежит честь находится под своим национальным знаменем, присланным нашими покровителями и защитниками из далёкой славянской страны, от славного города Самара и вручённого в присутствии Его Императорского высочества Главнокомандующего и начальников его армии. Это не обыкновенное знамя.

Оно изготовлено русским народом и поднесено болгарскому народу как залог вечной любви и неразрывной связи между болгарскими и русскими. В этом знамени слилась славянская взаимность и дружба.

Герои! Сегодня мы с вами празднуем начало первого года в жизни этого знамени — первого болгарского знамени, на котором изображены святые апостолы Кирилл и Мефодий, память о которых славно и торжественно празднуется всей Россией и славянским миром. Русские колокола возвещают славу и в каждой русской церкви читаются проповеди о деяниях святых апостолов Кирилла и Мефодия, о славянском могуществе и просвещении. Сегодня ликует весь славяно-русский мир!

Воины! Вы празднуете день святых, изображённых на нашем знамени. Второй праздник необходимо праздновать после победы, которую вы одержите над высокомерной азиатской ордой, которая вечно и безнаказанно попирает святое право на наше отечество, родной очаг, родное пепелище. Истерзанная и измученная Болгария надеется на храброе и непобедимое русское войско, в рядах которого находитесь и вы, воины, под знаменем, чей праздник мы отмечаем сегодня.

Болгария с плачем и рыданиями просит не оставлять её своих братьев по оружию — русских воинов.

Если уже русские оставили своих жён, детей, занятия, своё спокойствие и решили умереть за вас в Болгарии и на Дунае, то сколь же велики должны быть патриотизм, честолюбие, готовность умереть каждого воина и болгарина за победу над собственным врагом!

Болгария надеется, что вы достойно защитите это знамя и увенчаете им победу, геройски умирая на поле брани, где слава ждёт каждого героя. Довольно нам умирать без славы, под нравственным и физическим гнётом агарян, которые не позволяли нам иметь своих вождей и судей, которые бы судили по-болгарски: по законам наших предков и обычному праву.

Воины! Вы знаете, что турецкая конституция уничтожала язык Кирилла и Мефодия, уничтожала славянскую азбуку. Они юридически отсекали наш естественный язык и ждали, что замолкнет славянская речь в устах болгарина. Из-за насилия над славянской речью приняли святые апостолы многие гонения и страдания от врагов славянства. Судьба послала вас под это знамя, для защиты языка, азбуки и славянской книжности от омусульманивания, от исчезновения славянской речи на Балканах.

Вы, дорогие соколы и сыны Болгарии, идите и сражайтесь под этим знаменем за священные права, язык и веру Болгарии. Будьте героями и увенчайте победой это своё первое знамя во славу и честь России и Болгарии.

Помните, что вы находитесь под командой храбрых русичей!»⁶⁸

О встрече императора Александра II в Плоешти «Правительственный вестник» сообщал: «Почётный караул построен чёткими линиями на платформе в составе роты 3-й дружины Болгарского ополчения. Перед строем развевается красивое знамя, подаренное городом Самара болгарскому воинству»⁶⁹.

ЗНАМЯ В БОЮ

18 июня 1877 г. Болгарское ополчение было включено в состав организованного в этот день Передового отряда русской армии под командованием генерал-адъютанта Иосифа Владимировича Гурко. 21 июня Ополчение ступило на родную болгарскую землю, встречаемое повсюду, как и русская армия, с неописуемым восторгом и радостью жителями болгарских сёл и городов. Особенно торжественно оно было встречено в старой болгарской столице Тырново. Здесь 27 июня 1877 г. на торжественной церемонии знамя получила и 4-я ополченская дружина⁷⁰.

Перед передовым отрядом русской армии стояла задача овладеть старопланинским проходом и отправить конницу далеко на юг, чтобы произвести разведку и поднять восстание болгарского населения южных Балкан. Ополчение активно участвовало в боях русской армии с турками. За исключительный героизм и самопожертвование ополченцы были записаны на самые светлые страницы военной истории болгарского народа и увенчаны ореолом непреходящей славы — своей боевой святыней — Самарским знаменем.

Беспрецедентна в нашей истории решимость при охране боевого знамени части и исполнение воинской клятвы во время боя при Стара-Загоре 19 июля 1877 г. Это сражение описывается в многочисленных статьях и поэмах, и каждый автор вносит нечто своё, выражает оригинальную мысль, представляет картину сражения как можно кровопролитнее. В конечном итоге имеется такое разнообразие описаний, что если бы авторы не вспоминали имена людей и местности, невозможно было бы понять, что речь идёт именно о бое, который вели четыре ополченские дружины и три конных русских полка со слабым артиллерийским подкреплением против многократно превосходящей в силах армии Сулейман-паши.

Больше всего неточностей допускают при перечислении убитых и раненых знаменосцев. Согласно некоторым авторам (С. Кисов и почти все, кто использовал его книги), пострадали в общем пятеро, включая подполковника Калитина. Здесь не было ошибки (написанное Кисовым подтверждается документами). Авторы, опирающиеся на его воспоминания, — Стойчев, Волков, Яковлев и другие — заметили, что он показывает первых трёх знаменосцев — Марченко, Булавич и Цимбалюк — убитыми, а на самом деле они были ранены. Согласно другим авторам (Радев, Н.Е. Васильев), которые использовали воспоминания штабс-капитана Н. Попова, знаменосцев, через чьи руки прошло боевое знамя, было шесть. В воспоминаниях командира знаменная рота имела и раненных и убитых, а согласно Радеву убиты все. Третьи авторы считают количество знаменосцев очень различным — А. Бендерев, Б. Чолпанов, В. Крестовский указывают больше шести, а согласно П. Фортунатову, после гибели Калитина «знаменитое Самарское знамя несут в руках и один за другим погибают в бою болгарские ополченцы Митков, Попов, Радев, Мишов, Донеv»⁷¹ — утверждение, которое не имеет ничего общего с истиной. Действительно, Кисов вспоминает и имена этих ополченцев, но они были в группе, которая охраняла знамя, которое нес унтер-офицер второй роты Фома Тимофеев. Много авторов (Н. Епанчина, Г. Марчин, Д. Уста-Генчов, Й. Митев и др.), не указывая имён, насчитывают пять и больше знаменосцев, убитых за подполковником Калитиным, что также неверно. В действительности большинство описаний боя — популярное чтение или воспоминания, но это не освобождает авторов от обязанности знать историческую правду. Героизм ополченцев не выглядит меньше, если в действительности — три знаменосца в старозагорском бою ранены, а два — ефрейтор Стефан Минков и подполковник Павел Калитин — убиты. Документы дают возможность описать точно сражение и судьбу Самарского знамени в тот памятный день. Расположение ополченских дружин на оборонительной линии при Стара Загоре 19 июля 1877 г. следующее: вытянутый сектор, по соседству с Киевским и Астраханским конными полками (около обеда они отправились в помощь генера-

лу Гурко к селу Джуранли) заняла позицию 1-я дружина и по склону Чадырской могилы — 3-я дружина; на юг от города — 5-я дружина, а вправо от неё — 2-я дружина и Казанский драгунский полк.

Бой начался в 10 часов до полудня, но особенно важной была решительная схватка на участке 3-й дружины около 14 часов после полудня. По распоряжению дружинного командира знаменная рота заняла свободное пространство между 3-й и 5-й дружинами, куда наступали турецкие колонны, угрожавшие флангу дружин обходом. Стремительной атакой здесь турок отразили, но ряды ополченцев поредели. Один за другим падали раненные знаменосцы: Марченко, и сразу — заместитель ассистента Булавич, от которого знамя принял унтер-офицер Авксентий Цимбалюк. Огонь стрелков-ополченцев ослаб, и «турки перегруппировались и со свежими силами заново предприняли попытку наступления — обошли оба фланга дружины, особенно справа. Подполковник Калитин отодвинул этот фланг назад и встретил неприятеля огнём, но дружина потеряла больше половины своих людей»⁷². «Во время этого манёвра знаменосец Цимбалюк, раненный в живот, упал и сломал древко знамени. Он продолжил движение, не согласился передать доверенную святыню и нарушить приказ дружинного командира»⁷³. «Заметив обходящие дружину турецкие цепи, подполковник Калитин распорядился играть «сбор». После подачи сигнала ополченцы собрались около него, но группа привлекла сосредоточенный огонь со стороны турок и жертвы в третьей дружине увеличились. Пал убитым и знаменосец ефрейтор Стефан Минков. Тогда знамя взял сам подполковник Калитин, но в следующий миг был ранен пулями. При падении его коня переломилась серебряная пика (древко) в месте, которое уже было повреждено турецкой пулей. Знамя было вынесено из боя унтер-офицером Фомой Тимофеевым»⁷⁴.

Это описание⁷⁵ боя подтверждено и письмом оставшихся в живых офицеров из знаменной дружины П.В. Алабину 23 июля 1877 г. (дата взята из письма Алабина в редакцию «Московских ведомостей»): «Уважаемые господа! — пишут они — Оставшиеся живыми офицеры из третьей дружины Болгарского ополчения, кому было вручено от Его высочества Главнокомандующего знамя, поднесённое самарской общественностью, считают должным сообщить Вам, что наша дружина показала себя достойно в сражении под покровительством Иверской Богородицы и славянских первоапостолов Кирилла и Мефодия. 19 июля в г. Стара-Загора мы вступили в бой с неприятелем в шесть раз сильнее нас, и независимо от этого под предводительством самого храброго нашего командира подполковника Калитина, дружно выступив, обратили турок в бегство. Но получив подкрепление, турки перешли в наступление, и дружине, окружённой с трёх сторон, требовалось отступить перед превосходящими силами неприятеля. Во время наступления пятеро знаменосцев сменяли один другого и все падали мёртвыми. Предпоследний из них был сам подполковник Калитин. Он взял изорванное знамя, но в тот момент упал замертво, поражённый неприятельскими пулями в голову. Знамя было вынесено из боя унтер-офицером Фомой Тимофеевым. Судя по потерям, понесённым нашей дружиной, Вы ясно разберётесь, что мы успехом обязаны высокой чести быть под защитой пресвятой Богородицы. Из 496 человек в строю осталось 207 воинских чинов, а из 14 офицеров невредимыми из боя вышли только пятеро. Считаю не лишним сообщить Вам имена и фамилии убитых и раненых наших друзей. Убиты: подполковник Павел Петрович Калитин, капитан Фёдор Фёдоров, штабс-капитан Иван Усов, поручик Андрей Попов. Ранены: штабс-капитан Попов и поручик Живарёв, подпоручики Добровольский, Поликарпов и Бужинский.

С искренним уважением и пр.

Подписали: штабс-капитан Стессель, штабс-капитан Попов, врач третьей дружины Вязанков, поручик Живарёв, подпоручик Кисов, прапорщик Большев, прапорщик Юнгер»⁷⁶.

Получив письмо, П.В. Алабин переправил его в редакцию «Московских ведомостей» со следующим текстом:

«Самара, 12 августа.

Сегодня мы получили следующее письмо от 23 июля из Болгарии, от офицеров третьей дружины Болгарского ополчения, которой Его Императорское Высочество господин Великий князь Главнокомандующий действующей армии вручил в г. Плоешти знамя от г. Самара, доставленное с нами». Дальше, цитируя письмо, Алабин продолжает: «Что можно добавить к этому обыкновенному, но потрясающе душевному рассказу о том кровавом крещении, которое получило сделанное у нас знамя.

Письмо, процитированное нами, было встречено в Самаре с таким сочувствием, словно произошла встреча сердечно близких людей. Множество самарцев со слезами на глазах предложили общественности незамедлительно отслужить торжественную панихиду по убитым защитникам Самарского знамени, а вынесшему из боя знамя Фоме Тимофееву отправить достойное благодарственное письмо из Самары. Мы непременно сообщим в наш уважаемый вестник, как только всё уладим»⁷⁷.

При публикации письма нашлась и следующая характеристика подполковника Калитина, приведённая Алабиным, но напечатанная без подписи: «Мы познакомились с Павлом Петровичем во время нашего пребывания в Главной квартире и типичный образ этого героя никогда не уйдёт из нашей памяти. Ещё совсем молодой, высокий, ловкий, стройный, весёлый, с бесстрашным взглядом, с пламенной речью, он располагал к себе и приятелей и подчинённых.

Начав служить в Средней Азии ещё когда Черняев захватил Ташкент, он породнился со службой в степи и страстно полюбил её — полную тревоги и опасности — особенно во время знаменитого Хивинского похода и при завоевании Коканда. Из этих боевых походов Калитин вынес целый ряд знаков отличия и наград. Ему не исполнилось и 30 лет, а он стал подполковником, имея «Станислава» и «Анну» с мечами на шее, «Станислава», «Анну» и «Владимира» с мечами на лацканах, Аннинскую саблю «За храбрость» и т.п.

Сами эти награды показывают, какой офицер был Калитин и почему, как только прозвучала призывная труба, он поспешил вместе с бойцами на Дунайский берег, и почему наше знамя было вручено Великим князем Главнокомандующим именно третьей дружине, а не кому-либо другому. Собственно то, что Калитин выступил от целого ряда действительно смелых командиров болгарских дружин, показывает как его ценили начальники и друзья и какое будущее предстояло ему, если бы его не постигла хотя и славная, но преждевременная смерть»⁷⁸.

В подтверждение числа знаменосцев, убитых или раненых с Самарским знаменем в руках, достаточно ознакомиться с некоторыми документами из архива Болгарского ополчения, сохранные в Центральном военном архиве в городе Велико-Тырново. Списки убитых в бою при Стара Загоре офицеров третьей дружины 13-20 июля 1877 г. начинаются с имени подполковника Павла Петровича Калитина⁷⁹. В таком же списке, но низших чинов дружины сообщается о смерти ефрейтора Степана Минкова⁸⁰. В приказе №139 по третьей дружине Болгарского ополчения, датированном 6 августа 1877 г.⁸¹, приведён список выздоравливающих, в который внесён раненый в бою при Стара Загоре и найденный в обозе унтер-офицер Антон Марченко, занимающий должность фельдфебеля первой роты дружины вместо убитого фельдфебеля Тимофея Пушкалова. На этой должности он находился в списках дружины к 25 февраля 1878 г.,⁸² а «за самопожертвование в боях против турок при обороне Шипкинских высот 9, 10 и 11 августа 1878 г.» был награждён Георгиевским крестом IV степени⁸³. Ассистент знаменосца унтер-офицер Павел Булавич 4-й роты тяжело ранен. На 24-е февраля 1878 г. он ещё лечится в больнице⁸⁴. А 22 октября 1877 г. он представлен к награждению именным крестом за участие в бою при Стара-Загоре⁸⁵. В тот же список награждаемых именным крестом включён и 3-й знаменосец унтер-офицер Авксентий Цимбалюк, вышедший из боя с исключительно тяжёлой раной живота⁸⁶. За героизм и самопожертвование «в бою с турками 19 июля 1877 г. при Стара Загоре он награждён тоже Георгиевским крестом четвёртой степени № 76046»⁸⁷. Также согласно приказу Георгиевским крестом четвёртой степени 76026 награждён и унтер-офицер Фома Тимофеев из 2-ой роты третьей дружины к 24 февраля 1878 г., где вместо номера винтовки, как это проставлено в других, отмечено «знам.», т.е. «знаменосец»⁸⁸.

Дальнейший ход войны чередуется новыми боями, в которых Болгарское ополчение сражалось с ненавистным врагом под гордо развевающимся боевым знаменем. Шипка становится вершиной русско-болгарского боевого братства и беспримерного в истории героизма. Автор «Болгарского ополчения в освободительной войне» рассказывает о самых решительных моментах боя 11 августа 1877 г.: «Под страшным напором к 5 часам после полудня Волинская высота была оставлена. Целых три дня шла борьба и неоткуда было ждать помощи. Ополченцы чувствовали себя измученными. Только одно чудо ещё могло спасти их. Здесь и Самарское знамя обгорело и было отделено от древка. В этот миг страшного морального кризиса ополченцы услышали знакомые звуки «Шуми Марица». Честный, с поднятой головой, не обращавший никакого внимания на свистящие около него пули, майор Чилиев⁸⁹, достойный заместитель подполковника Калитина, запел. И ближайшие ополченцы невольно восторженно встали и подхватили песню»⁹⁰. Завязался лютой рукопашный бой, который завершился отражением врага и спасением знаменосцев от плена и унижения. И этот путь защитники прошли, честно помня заветные слова генерал-майора Столетова: «Помните, воины, вся Россия ждёт от вас защиты Шипкинских позиций, а Болгария ждёт вашей помощи в своём освобождении»⁹¹.

Отделение знамени от древка и распоряжение сжечь его в случае опасности плена вполне правдоподобно. Это вполне допустимо, особенно если учитывать реальные шансы турок на успех в этом бою. Требуется, однако, отыскать известные письменные документы или другие авторские материалы, которые подтверждают этот момент в судьбе Самарского знамени в дни Шипкинской эпопеи⁹². Также почти нет данных об участии знамени в обходе и атаке укреплений турецкого лагеря при с. Шейново. Цитируя реляции действий третьей дружины при Калофере,

некоторые авторы отмечают, что «дружина вступила в бой с развевающимся знаменем и громкими песнями»⁹³.

ЗНАМЯ ТРЕТЬЕЙ РАДОМИРСКОЙ ДРУЖИНЫ

После взятия Шейновского укрепленного лагеря третьей знаменной дружиной и остальными дружинами ополчения, турецких пленников конвоируют из Шейново в Тырново. Затем дружины участвуют в подавлении турецких вооруженных отрядов и разбойничьих банд около города Елены, а с середины января до конца апреля 1878 г. — в районе г. Котел, где и было расквартировано Болгарское ополчение.

Согласно рассказу С.И. Кисова «30-го апреля ополчение оставляет Котел и уходит в Сливен. Оттуда они направляются в Ново-Загору, где по железной дороге 3-го мая прибывают в Татар-Пазарджик. Из этого последнего города, через село Вакарел, 10-го мая ополчение⁹⁴ прибывает в Софию. Встреча в Софии была очень торжественной. Ополчение встречало множеством народа во главе с духовенством. На окраине города — в восточной его части, на зелёной поляне, для офицеров и ополченцев был приготовлен отличный обед. 11 мая по случаю праздника Кирилла и Мефодия был «церковный парад». Этот день праздновался очень торжественно»⁹⁵. Естественно, на этом торжестве Самарское знамя занимало почётное место.

12 мая 1878 г. знаменная дружина восторженно встречается жителями города Радомир. Как известно, после окончания Русско-турецкой Освободительной войны 1877-78 гг. Болгарское ополчение в составе 12 дружин (шесть от первого призыва и 6 от второго) вместе с призванными на военную службу болгарскими 8 июля 1878 г. реорганизуются в Болгарское земское войско. В новом качестве 3-я ополченская дружина переименовывается в 3-ю Радомирскую пехотную дружину, которая защищала знамя, которому предписывается «в любом случае отдавать честь как форменному военному знамени»⁹⁶.

В 1879 и 1880 гг. по случаю годовщины события, связанного со знаменем, 3-я Радомирская дружина и Самарская городская дума обмениваются поздравлениями и подарками⁹⁷. Городу Самаре была подарена икона с образом болгарского святого Ивана Рильского. В ответ на это «Самарская городская дума постановила изготовить серебряную скобу и поставить её на знамя 3-ей дружины на место, которое было надломлено в Старозагорском сражении»⁹⁸.

В день третьей годовщины сражения при Стара Загоре, 19 июля 1880 г., приказом военного министра №129⁹⁹ было выражено уважение за самопожертвование и храбрость русских и болгар, а Самарское знамя награждено самым высоким отличием Болгарского государства того времени, военным орденом «За храбрость» — 1-ой степени. В этот же день на знамя была поставлена серебряная скоба¹⁰⁰. Самарская городская дума была уведомена об этом лично военным министром письмом от 25 июля 1880 г. Ещё 14 июля 1880 г. была послана благодарственная телеграмма от временного управляющего Военным ведомством подполковника Каменецкого, в которой говорилось: «Пусть эта скоба будет вечным памятником героям, которые пали под этим славным знаменем в борьбе за освобождение Болгарии, и пусть она послужит примером нашей молодёжи, как нужно держаться в бою, и быть достойными своих русских братьев»¹⁰¹.

Несколько лет спустя Самарское знамя, на котором изображены лики св. Кирилла и Мефодия, снова стало центром взаимных братских чувств двух народов. В книге «Трёхвековая годовщина города Самара» П.В. Алабин пишет: «5 апреля 1885 г. в Самаре, как и в целом славянском мире, проходит незабываемое событие — чествование памяти св. Кирилла и Мефодия, славянских первоучителей, в день 1000-летней годовщины от блаженной смерти св. Мефодия. В этот день Думский комитет посылает в Болгарию телеграмму: «Тысячу лет назад святые Кирилл и Мефодий показали болгарскому народу путь к духовной свободе, когда изложили слово Божие на понятный ему язык. В последней войне образы этих святых на Самарском знамени в огне сражения показали болгарскому народу путь к гражданской свободе. Поэтому город Самара в день истинно общеславянского праздника приветствует Болгарию, для которой память о святых первоучителях самая дорогая». В ответ они получили телеграмму подписанную министром иностранных дел Илией Цановым: «В речи, произнесённой за обедом, заявлено: каждому известно, что Болгария сражалась за свою свободу под знаменем с ликами святых апостолов Кирилла и Мефодия, подаренного братским русским обществом города Самара»¹⁰².

30 августа 1881 г. шесть дружин Болгарского земского войска, в том числе и 3-я Радомирская дружина получают форменное военное знамя, изготовленное в Санкт-Петербурге по образцу знамен в Русской армии¹⁰³. Ранним утром 29 августа 1881 г. Самарское знамя вместе с «существующими (в других дружинах — Й.Ц.) ветхими знамёнами» было передано на хранение во дворец болгарского князя¹⁰⁴. Это обстоятельство спасло его от сожжения, участи, которая постигла

знамя 2-го Струмского полка, в чей состав в 1884 г. была зачислена Радомирская дружина. А позже, в связи с переверотом 1886 г., полк был расформирован.

МУЗЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ

Из сведений и фотографий в прессе, отражающих соответствующие события, выясняется, что с момента передачи его во дворец Самарское знамя участвовало во всех больших торжествах, связанных с болгарской историей. Со знаменем во главе всё ещё многочисленная колонна ветеранов войны проходила торжественным маршем перед своим начальником генерал-майором Столетовым во время торжества, посвящённого 25-летию Шипкинской эпопеи в сентябре 1902 г. Знамя заняло почётное место и при открытии памятника Царю-освободителю в Софии 30 августа 1907 г.

Приведем один рассказ о таком торжестве: «После 1927 г. и может быть десятью годами позже в Софии ещё было 30-40 живых ополченцев, организовавших своё собственное общество ветеранов-борцов «Шипка». Эта последняя горстка героев Освободительной войны, сражавшихся когда-то при Стара Загоре, Джуранлии, Шипке и Шейново, пользовалась неписаной привилегией занимать 3-го марта после молебна на площади Александра Невского почётные места у подножия памятника Царю-Освободителю. Представители власти - министры, генералы, вельможи и дипломаты во главе с царём Борисом выстроились на парадной лестнице Народного собрания. Отсюда монарх принимал церемониальный марш и парад войск Софийского гарнизона.

Сразу после молебна, как только официальные лица и ополченцы заняли отведённые им места на бульваре «Царя-Освободителя», был отдан приказ начать торжество. В свежем воздухе светлого мартовского дня прозвучали отчётливые, далёкие команды. Построенные слева от Народного собрания гвардейские музыканты, одетые в красную форму, заиграли. Войсковой строй начал парадный марш. Удары военных сапог смешались со звуками музыки, которая разносилась над площадью.

Не знаю, что меня заставило, — пишет восьмилетний участник торжества Драган Тенев, — обернуться назад и поглядеть на стариков, стоящих сзади меня, но в этот миг я оцепенел. Все седоволосые мужчины до одного как воины закричали: «Смирно!». И сняли свои шапки и «шипкинские шапки», которые у многих сохранились ещё со времён войны. Их глаза устремились на первые ряды военных колонн. Они приближались к памятнику во главе с Самарским знаменем.

Видел и я приближающееся знамя. О нем дедушка рассказывал мне много всего разного. Знамя нёс молодой офицер, с двух сторон от него шли ассистенты с обнажёнными саблями. Этот пострадавший в бою кусок ткани стал одной из святынь Болгарии. Под ним погиб подполковник Калитин в бою при Стара-Загоре. Под ним пали сотни героев в борьбе за свою свободу. С годами оно превратилось в легенду для детей моего поколения.

Самарское знамя приближается!

В этот ясный мартовский день я видел его первый раз в жизни. И не знаю почему, моё сердце сумасшедше забилося. Я снова посмотрел на замёрзшие лица ополченцев позади меня. По их щекам катились слёзы, и что особенно сильно произвело на меня впечатление, никто из стариков не пытался их скрыть, или же скрыть овладевшее ими волнение.

Чувствую, что заплакал и я.

И кто знает почему, — был уверен, что если бы отец был со мною, он тоже заплакал бы.

До 3 марта 1927 г. уже два поколения мужчин в моей семье сражались за Болгарию.¹⁰⁵

В 1934 г. на торжестве, посвящённом открытию памятника свободы на вершине г. Шипка, его несли юнкера военного училища. Самарское знамя стало во главе знамён представительной войсковой части. Его стали использовать и в других торжествах. Знамя было подвергнуто частичной реставрации, о чём мы расскажем далее.

Из-за утерянных документов и свидетельств современников, становится трудным говорить, каким образом и на какой срок выбирались знаменосцы в этот период и кто они были. Скорее всего, это были люди из Ополченского союза «Шипка» и назначались они на определённый срок или торжество. Авторы, приписывающие некоторым из них заслуги по спасению Самарского знамени в битве при Стара-Загоре, не имеют на это никаких оснований. Таков, например, случай с ополченцем Н.П. Корчевым¹⁰⁶ (описанный Н. Яковлевым, М. Гурбановым, Г. Волковым и многими другими авторами статей в прессе). В ответ на подобные публикации Ополченский союз «Шипка», ещё после 1931 г. через газету «Народная оборона» на вопрос «Кто спас Самарское знамя? — заявляет, что знамя спас не один человек, а целая группа ополченцев 3-ей дружины, соответственно третьей знаменосной ротой»¹⁰⁷.

Документы об условиях, при которых хранилось Самарское знамя во время долголетнего пребывания во дворце, неизвестны, хотя такие существовали. В книге, посвящённой знамени, Н. Радеев на стр. 116 под линией пометок говорит, что «охрана знамени и оружейного зала дворца описана в инвентарной книге 1884 г.». Такую информацию даёт и П.В. Алабин в письме к Д. Карамфиловичу 1895 г.¹⁰⁸

Имеются сведения, что знамя рисовал Ярослав Вешин в 1910 г., и что оно было перенесено из дворца в служебный кабинет с гвардейской охраной, военной музыкой и церемониалом, и во время нахождения его в кабинете была введена круглосуточная охрана¹⁰⁹.

Письма и фотографии свидетельствуют, что на знамени произошли изменения. Неясны причины и события, в связи с которыми синяя лента знамени была заменена на зелёную. В веренице предположений по этому вопросу наиболее правдоподобно то, что перемена произошла в 1922 г. или же в 1927 г.¹¹⁰ в связи с празднованием 50-летия освобождения Болгарии. Знамя имело три цвета болгарского национального знамени, хотя и в ином сочетании. О реставрации знамени в 1934 г. имеются скудные сведения из рассказов и воспоминаний. Работа была возложена на преподавателей и учеников Первого болгарского училища прикладных искусств «ИЗА» (София) под руководством директора Райна Ракарова. Разрезанные красная и белая ленты были собраны и обшиты тюлем. Над реставрацией иконы работал художник прикладных работ Владимир Тенчов¹¹¹. В отличие от работавших до него неизвестных реставраторов он не шил, а подклеивал накладки из ткани, после чего наносил слой маскирующей краски (яичная темпера).

Работа продолжалась в течение двух недель в помещении кухни дворца.

6 июня 1946 г. коллекция оружия и знамён дворца были переданы на сохранение в Главный военный музей в Софии (ул. Московская, 15). Документы, сопровождающие предметы - два черновых описания знамени - 1926 и 1941 гг.¹¹², не содержат интересующей нас информации.

В 1946 г. культурно-политический отдел Народного военного училища «Васил Левски» потребовал от Военно-исторического отдела Министерства обороны Самарское знамя, которое, по рассказам организаторов и участников¹¹³ события, было перенесено в училище в первые дни сентября. По пути из музея в училище знамя сопровождал почётный караул и военная музыка - ритуал, обязательный для военного знамени. Там оно было помещено в специальный шкаф для знамён, расположенный в штабе училища¹¹⁴. Из-за плохого состояния знамени пытались найти опытных специалистов для частичной реставрации, но никто за эту работу не взялся. Поэтому в Народном военном училище «Васил Левски» Самарское знамя использовалось только в торжестве 3 марта 1948 г.¹¹⁵, когда «молодые воины столичного гарнизона» и 70-й выпуск юнкеров держали клятву верности Родине.

«В этот день, - свидетельствует газета «Народная армия», - в военном народном училище было много гостей. Вместе с официальными лицами¹¹⁶ были гости - три ветерана Шипченской эпопеи - Тодор Калоянов, Васил Джабарски и Крыстю Попов. Они заняли почётные места на подиуме.

В 9.45 раздалась команда: «За Самарское знамя, за встречу, за честь!» Под звуки парадного марша молодые юнкеры торжественно подошли к передовой группе выстроенной части, несущей самую дорогую реликвию. Старые ветераны, которые бросали камни из «Орлиного гнезда» и остановили турецкие полчища, сегодня смотрят с восторгом в глазах, как это знамя - символ их готовности к жертвам за свободу Родины - находится в сильных и надёжных юношеских руках»¹¹⁷.

После обмена специальными письмами между соответствующими отделами Министерства народной обороны знамя вернулось в музей 22 ноября 1948 г. Здесь произошли некоторые перемены. В 1953 г. уже в экспозиции «Музея русско-болгарской вековой военной дружбы» на бульваре Скобелева, 23, знамя было снято с древка и поставлено в витрину, став объектом ещё большего почитания и внимания. В зале музея, где находилось знамя, проходили разные историко-культурные мероприятия и встречи с оставшимися в живых ополченцами-ветеранами Освободительной войны. Такой была и встреча группы учеников Софийского училища с участником Шипкинского боя Константином Викентьевичем Хруцким 13 сентября 1955 г., отражённая в болгарской прессе¹¹⁸.

В 1957 г. полотно было сложено между двумя стёклами и уложено в раму. Это было сделано согласно третьему протоколу, утверждённому Начальником центрального музея народной армии. Исполнением этого распоряжения занималась комиссия специалистов по охране тканей, сотрудники научно-исследовательского института текстильных волокон и материалов Министерства лёгкой промышленности. В этих условиях максимально ограничивался доступ холодного воздуха, влаги и других разрушительно влияющих на материю знамени факторов¹¹⁹.

Большим торжеством в Софии и Пловешти отметили 80-летие вручения Самарского знамени Болгарскому ополчению. 18 мая 1957 г. торжество было организовано в Национальном военно-историческом музее, тогда ещё Центральном музее народной армии. Знамя, защищённое от

внешнего влияния вышеописанным способом, было выставлено перед фасадом музея. На этом торжестве присутствовало много людей, учащихся и военных музыкантов. О событиях, происшедшем в городе Пloeшти 6 мая 1877 г., рассказывает генерал-лейтенант Щ.Г. Атанасов, начальник военно-исторического отдела Министерства народной обороны. «С тех пор прошло 80 лет, но не забыл наш народ этот день. Это священное знамя, подаренное нам старшим братом — русским народом, стало символом военной дружбы между двумя народами, крепко соединенной совместно пролитой кровью в боях при Стара-Загоре, Шипке и Шейново. Болгарский народ хранит и почитает Самарское знамя, самую дорогую военную реликвию. Бойцы и командиры Болгарской народной армии вдохновляются героизмом и самопожертвованием болгарских ополченцев и русских воинов, проявленных в Русско-турецкой войне 1877/1878 г.»¹²⁰.

В 14 часов после обеда в тот же день знамя было установлено перед фасадом Центрального дома народной армии на бульваре «Руски» (Русский)¹²¹.

В почетном карауле перед ним 19 мая 1957 г. до 21 часа стояли гвардейцы из Болгарской народной армии. Русские и болгары отдавали честь погибшим за освобождение Болгарии — единственному, оставшемуся в живых молчаливому свидетелю — Самарскому знамени. На торжество пришли тысячи граждан Софии, военные и учащиеся софийских училищ. В одном из залов Центрального дома народной армии была представлена выставка картин и снимков, отражающих моменты из истории знамени, которую в течении нескольких дней посетили тысячи граждан Софии. В книге впечатлений об этой выставке один из ее посетителей Д. Николов пишет: «Я впервые видел собранные и приведенные в соответствующий порядок маленькие свидетельства, которые иллюстрируют героическую историю первого военного болгарского знамени — символа нерушимой русско-болгарской дружбы. Они вызывают чувство глубокого уважения к героям, которые бились под знаменем за свободу и дружбу. Пусть пролитая под Самарским знаменем кровь будет залогом вечной дружбы с нашими освободителями»¹²².

По решению болгарского и с согласия румынского правительства в день 80-летия вручения Самарского знамени Болгарскому ополчению на сохранившейся старинной огаде дома на улице «Яшулуй» в городе Пloeшти, где располагался штаб Ополчения, поставили памятные плиты. На одной из них на болгарском и русском, на другой — на румынском языке написано: «В этом доме в мае-июне 1877 г., размещался штаб болгарского ополчения. Здесь жил и работал начальник Ополчения генерал Николай Григорьевич Столетов»¹²³.

В честь юбилея на этом месте организовался многотысячным митинг. Там построилась представительская рота румынских вооруженных сил, почетный взвод Болгарской народной армии, который нес древко-копье Самарского знамени¹²⁴ и представительская часть от Советской армии. Митингом руководил председатель Городского народного совета города Пloeшти Ион Видрою. После речи генерал-полковника Теклу, генерал-полковника Ивана Кинова и генерал-майора И.П. Журавлева и заключительного слова председателя Областного народного совета Георге Стана торжественным маршем перед официальными лицами прошли болгарские, румынские и русские воины.

Болгарская правительственная делегация посетила Городской народный совет Пloeшти и передала его председателю альбом со снимками, которые отражают героическую историю Болгарского ополчения и его военного знамени, и единую ополченскую униформу. Делегация вручила и следующее художественно оформленное послание:

«В день 80-летия от памятного торжества в Пloeшти по случаю вручения Болгарскому ополчению знамени от жителей города Самары, болгарский народ с чувством признательности вспоминает отзывчивость, с которой жители Пloeшти и весь румынский народ помогли создать болгарскую национальную армию после пятисотлетнего турецкого рабства.

Десятилетия подряд братский румынский народ давал убежище сотням болгарских сыновей, преследуемых жестокими турецкими поработителями. В Румынии жили и работали наиболее известные болгарские революционеры — борцы за свободу своего народа — Раковский, Каравелов, Левский, Ботев и др.

Весной 1877 года, когда наш общий друг и брат — великий русский народ, отправился на священную войну за освобождение Болгарии, на румынской земле, под руководством русских офицеров и подофицеров формируется Болгарское ополчение. Здесь, в окрестностях Пloeшти на берегу реки Теляжна, раскинулись крылья палаток первого болгарского военного лагеря и 6 мая 1877 г. болгарские ополченцы с нестихающим криком «ура» встретили свою военную святыню — Самарское знамя, которое впоследствии стало символом военной дружбы между русским и болгарским народом, соединенной совместно пролитой кровью в тяжелых сражениях при Стара Загоре, Шипке и Шейново.

Болгарский народ помнит и искренне признателен румынскому народу, что во время войны за освобождение Болгарии он встал на сторону русской армии и пролил кровь нескольких тысяч своих сыновей в тяжком бою за захват Плевны. Гривица стала символом русско-румынско-бол-

гарской военной дружбы, которая в условиях народно-демократического строя, установившегося в наших странах в результате победы великого Советского союза во Второй мировой войне, сегодня расцветает в нерушимую вечную дружбу между советским, румынским и болгарским народами.

Делегация, которая вручала послание от имени трудящихся Народной республики Болгарии и воинов Болгарской народной армии, выражает благодарность румынскому народу, жителям города Плоешти и Вам лично за готовность уважать память славных болгарских ополченцев, и хочет чтобы эти места были символом нашего единства и военной дружбы, завещанной нам от самых лучших представителей нашего народа в их борьбе за свободу и национальную независимость»¹²⁵.

После митинга болгарская делегация, сопровождаемая советской и румынской делегациями, возложила венок к памятнику героям, павшим в бою при Гривице. Из Плоешти делегация направила жителям города Куйбышева (Самары) следующую телеграмму: «Представительная делегация Народной республики Болгария, которая участвовала в торжестве в городе Плоешти по случаю 80-летия вручения Самарского знамени Болгарскому ополчению, выражает глубокую благодарность и признательность Городскому совету и гражданам города Куйбышева, всему советскому народу. Врученное от представителей г. Самары военное знамя стало символом нерушимой военной дружбы между болгарским и великим русским народом. Эта дружба сплочена обильно пролитой кровью самых лучших сыновей русского и болгарского народа в боях при Стара-Загоре, Плевне и Шипке. Самарское знамя стало святыней болгарского народа. Наш народ помнит и никогда не забудет, что свое национальное освобождение от турецкого рабства он получил от своего брата — великого русского народа».¹²⁶

Болгарское ополчение и его знамя прошли военный путь, получили боевое крещение и боевые раны, затем Самарское знамя продолжительное время хранилось при несоответствующем режиме хранения и через 80 лет со времени его создания обычные заботы о нем оказались недостаточными. Знамя обветшало и были приняты меры по его реставрации на соответствующей аппаратуре и по специальной технологии.

В октябре 1960 г. знамя было отправлено в Москву с главным экспозиционером фонда Музея русско-болгарской военной дружбы Иваном Дравым. Работа проходила в специальном помещении в центральных художественно-реставрационных мастерских им. И.Э. Грабаря около четырех месяцев. «Целый месяц с исключительной тщательностью сотрудники мастерских готовили его к реставрации», — сообщает газета «Московская правда» в номере от 30 ноября 1960 г. Для определения состояния материала знамени использовались инфракрасные и ультрафиолетовые лучи. Анализ пятна на красной ленте показал, что это кровь. Над реставрацией знамени работал коллектив в составе: председатель комиссии — Н.А. Померанцев, специалисты — М.А. Александровский, А.Б. Зернова, М.П. Рябова, Н.Т. Осмоловская, А.Н. Белякова, Л.П. Синельникова, М.П. Петрова, Директор мастерских С.П. Сидеров, научный художественный руководитель — народный художник РСФСР П.Д. Корин.

В середине февраля 1961 г. Самарское знамя было отправлено обратно в музей.

«По случаю прибытия восстановленного знамени, — сообщает газета «Работническое дело» в номере 47 от 16 февраля 1961 г., — вчера в Центральном музее народной армии состоялась пресс-конференция с корреспондентами, на которой начальник научно-фондового отдела музея подробно познакомил присутствующих с работой по реставрации и высказал огромную благодарность коллективу художественных мастерских имени И.Э. Грабаря. Восстановленное и бережно сохраняемое Самарское знамя будет еще много лет символом нерушимой дружбы и будет рассказывать новым поколениям об общей борьбе русского и болгарского народа против османских поработителей»¹²⁷.

ОПИСАНИЕ ЗНАМЕНИ

После того, как мы познакомились с историей Самарского знамени, необходимо дать его подробное описание¹²⁸.

В день вручения знамя представляло собою трехцветное шелковое полотнище следующих размеров: ширина — 140 см и длина 160 см от древка. Изготовлено оно из двойной четырехслойной шелковой ткани в три цвета и подшито изнутри более тонким шелком. Простроченные сверху вниз цвета знамени таковы: пурпурный, белый и темно-синий¹²⁹.

В середине знамени из двух кусков четного шелка с размерами 80x28 см и 84x28 см оформлен четырехконечный крест. Края украшены орнаментом, вышитым золотой нитью. Весь крест обшит пятью видами пайет позолоченного металла. В середине креста находится грунтованная часть рубчиковой ткани в форме шестиугольника. На ней масляными красками на лицевой стороне написан образ Иверской Святой Богородицы, а на обратной — лики святых просветителей

Кирилла и Мефодия¹³⁰. Влево и вниз от иконы — подпись художника Н.Е. Симакова. Над именем — год изготовления¹³¹.

Древко знамени, изготовленное из дуба, состояло из двух частей, соединенных металлическим замком. Длина древка около 300 см,¹³² диаметр — 4 см. Верхний конец древка завершается наконечником (пикой) из червонного серебра (сплав)¹³³, выполненным по замыслу Н.Н. Каразина в «византийском стиле¹³⁴ по прекрасному рисунку графа Рошфора»¹³⁵. Наконечник имеет 38 см в длину без трубки для прикрепления к древку, максимальная ширина его 11 см. С обеих сторон на нем рельефно оформлено по одному восьмиконечному кресту (высота рельефа — 0,5 см). У основания наконечника выгравирован следующий текст: «Город Самара болгарскому народу в 1876 г.». Авторы, видевшие знамя в момент вручения, сообщают о наличии на позолоченной скобе (браслет древка) выгравированном таком же тексте. В корреспонденции «Правительственного вестника», перепечатанной в «Самарских губернских ведомостях» от 28 мая 1877 г., сообщается: «Древко черное с позолоченной скобой... на скобе надпись: «Болгарскому народу город Самара — 1876 г.»».

К верхнему концу древка знамени, у основания серебряного наконечника были привязаны красные и синие ленты длиной 120 см и шириной 8 см, верхний конец которых заканчивался бантом. На красной ленте был вышит текст: «Болгарскому народу в 1876 году», а на синей — «Да воскреснет Богъ и расточатся враги его».

Имеются и могут быть созданы и другие версии описания легендарного знамени. Так, есть данные о том, что полотнище знамени представляло прямоугольник размером 185 x 190 см.

В бою около Стара Загоры древко знамени было повреждено пулей. Отломившаяся часть была потеряна в бою. С помощью медной трубки длиной 39 см и диаметром 3,5 см к оставшейся большей части древка был прикреплен кусок бука длиной 81 см без той части, которая поместилась в трубке длиной 11 см. Нижний конец древка был окован медной трубкой длиной 13 см. Примитивное непрофессиональное изготовление трубки и скобы говорят о том, что они были сделаны вскоре после боя во время стоянки дружины в Габрово каким-нибудь русским воином, ополченцем или местным мастером-болгариним из подручного материала. В это же время или несколько ранее неопытным мастером примитивными инструментами был выгравирован следующий текст: «Болгарскому ополчению, освящено 2 мая 1877 г. в Плоешти»¹³⁶.

Вероятнее всего этот браслет — скоба (медная трубка, которая наложена по подобию и взамен утерянного, по нужде и случайно) повторял текст «позолоченного браслета», утерянного в бою с частью древка.

У вершины знаменного древка имеются еще два браслета (скобы), различающихся по размеру, обработке, материалу и назначению. Один из них шириной 2,5 см сделан из латуни, а наверху черной эмалью написан текст: «Самарское знамя». Дата появления этой надписи неизвестна, но она сделана в качестве этикетки для различения знамени при хранении в царском дворце. Такие же браслеты с надписями имеются и на других знаменах дворцовой коллекции. Другая упомянутая в документе «скоба» серебряная, сделана, как и наконечник древка, в самарской мастерской П.А. Овчинникова¹³⁷ в 1879 г. Она имеет 10,7 см в длину и диаметр 5,5 см. С помощью двух болтиков серебряная скоба прикреплена к латунной трубке замком¹³⁸. «Скоба» богато украшена орнаментом с растительными мотивами, а наверху с большим изяществом и умением выгравирован следующий текст: «Священное знамя это, принесенное городом Самарой болгарскому народу при начале войны за освобождение, вело III-ю дружину Болгарского ополчения в славный бой с превосходящими в силах турками под Эски-Загрой 20 июля 1877 года¹³⁹, при чем перебито древко знамени на месте настоящей скобы, легли под ним смертью храбрых четыре знаменосца, убит с этим знаменем в руках геройский командир 3-й дружины русский подполковник Калитин»¹⁴⁰.

В бою при Стара Загоре неприятельская пуля засела в основании знамени и в серебряном наконечнике, который погнулся при падении подполковника с коня. Бой за Стара Загору сделал Самарское знамя символом свободы. 12 июля 1880 г. специальным приказом знамя было удостоено военного ордена «За храбрость» I степени. Орден вмонтирован в наконечник копья. На специальной ленте вышито: «Эски-Загра, 19 июля 1877 года»¹⁴¹.

КОПИЯ ЗНАМЕНИ

Справедливо оценивая Самарское знамя как реликвию национального значения, руководство Центрального музея Народной армии в 1956 г. решило изготовить его копию для использования в экспозиции. По совету Союза болгарских художников эту работу возложили на художника Александра Мечкуевского. Реставрация иконы была поручена художнику Михаилу Малецкому. Изготовить ткань, канитель, пайеты и другие элементы знамени было поручено Министерству

легкой промышленности, а точнее трем государственным предприятиям: имени Н.И. Вапцарова, имени Йорданки Чанковой и «Малчика». Вышивку и сшивание тканей выполнил производственно-трудовой кооператив «Республика». Изготовление серебряного наконечника было поручено государственному предприятию «Нармаг». Все эти предприятия находились на территории города Софии¹⁴².

Изготовленные 2 копии знамени представляют собою реконструкцию на момент вручения его Болгарскому ополчению¹⁴³. По оценке комиссии, которая его принимала, копии были сделаны с большой точностью. С умением и изяществом были нарисованы иконы.

Одна из этих копий была направлена в 1956 г. вместе с другими музейными предметами в качестве подарка Центральному музею Вооруженных Сил России¹⁴⁴. Вторая копия, после участия в торжествах в городе Плоешти в мае 1957 г., находится в специальной витрине в Национальном военном историческом музее в Софии¹⁴⁵. В 1977 г. была изготовлена третья копия знамени для исторического музея города Стара Загора¹⁴⁶.

В связи с празднованием 130-летней годовщины Болгарской державы было изготовлено еще две копии. Одна была помещена на втором этаже над братской могилой Памятника свободы на Шипкинском перевале. Оно было «торжественно внесено в памятник с торжественным ритуалом 3 марта 1982 г.»¹⁴⁷. Вторая копия специальным самолетом («полет дружбы») была доставлена и подарена городу Самаре и находится в Военно-историческом музее Приволжско-Уральского военного округа.

*

*

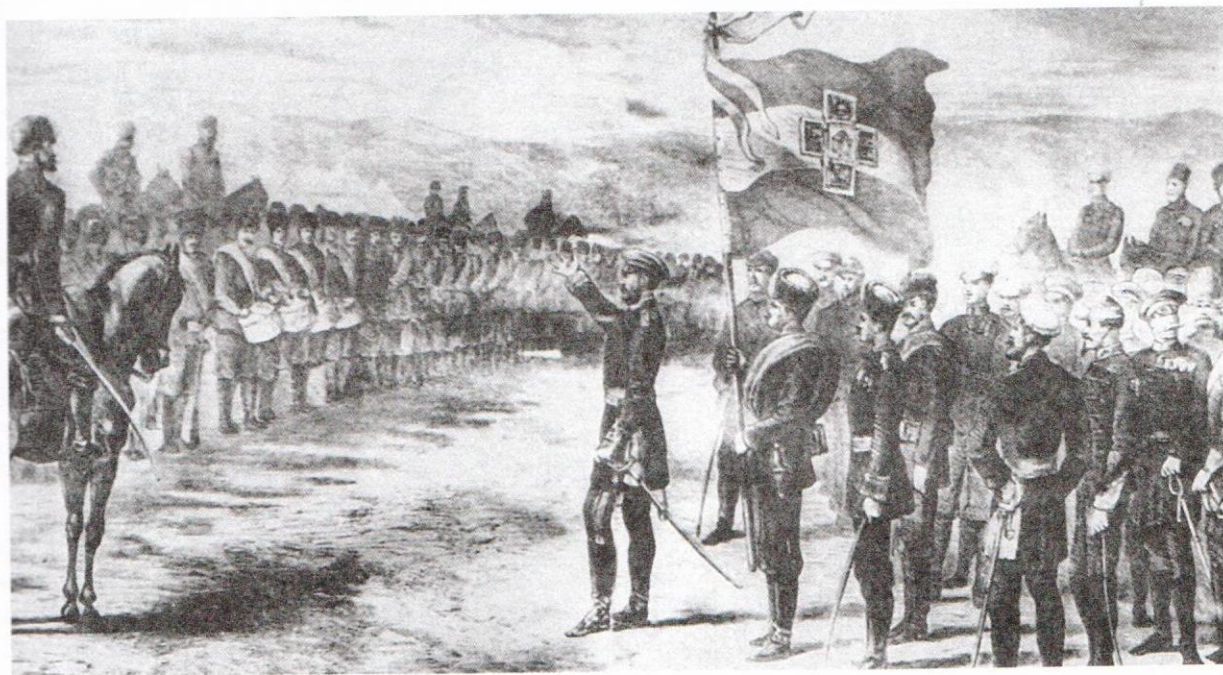
*

Самарское знамя является фактом необычным и по замыслу и по технике исполнения, его доставке от Самары в Москву и далее на театр военных действий, его торжественному вручению в Плоешти и присутствию Главнокомандующего в соответствии с ритуалом русских военных знамен.

Знамя вдохновляло борцов за освобождение Болгарии, развеваясь над рядами болгарских дружинников-добровольцев. В критические часы боя у Стара-Загоры, в час испытания молодого болгарского войска под командой славных боевых командиров, оно становится святыней Болгарского ополчения.

В трехдневных боях на Шипке в августе 1877 г., когда решалась судьба всей войны, воины Орловского, Брянского полков и ополченцы сражались под славными боевыми знаменами, в том числе и под Самарским знаменем.

Опаленное порохом, пробитое пулями, спасенное самоотверженными знаменосцами-героями, оно вдохновляло ополченцев на подвиг и дошло до нас сегодня как символ дружбы между россиянами и болгарами, как олицетворение воинской славы борцов за свободу и независимость Болгарии. Хранящееся в Национальном военно-историческом музее как дорогая национальная святыня, Самарское знамя является ценнейшей музейной реликвией, оставляющей след в сознании каждого болгарина на всю жизнь.

1. Ополченцы приветствуют Самарское знамя. Гравюра.

2. Клятва перед знаменем. Гравюра. Худ. Е. Дамюлер.

3. Подполковник Павел Петрович Калитин, командир 3-й ополченческой дружины. Убит в бою при Стара Загоре со знаменем в руке 19 (31) июля 1877 г.

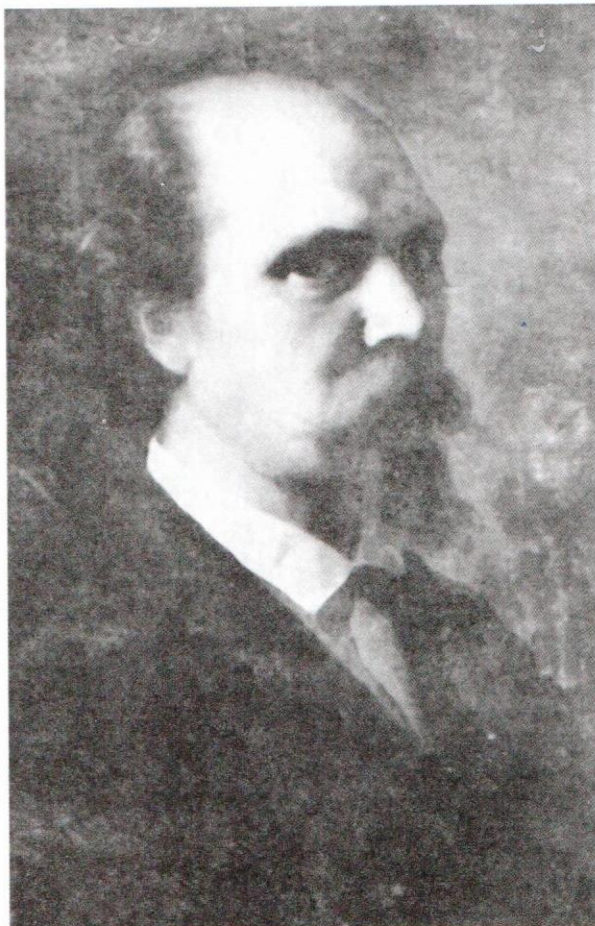
4. Штабс-капитан Николай Николаевич Попов, командир 3-й знаменной роты 3-й ополченческой дружины. Ранен в бою при Стара Загоре 19 (31) июля 1877 г.

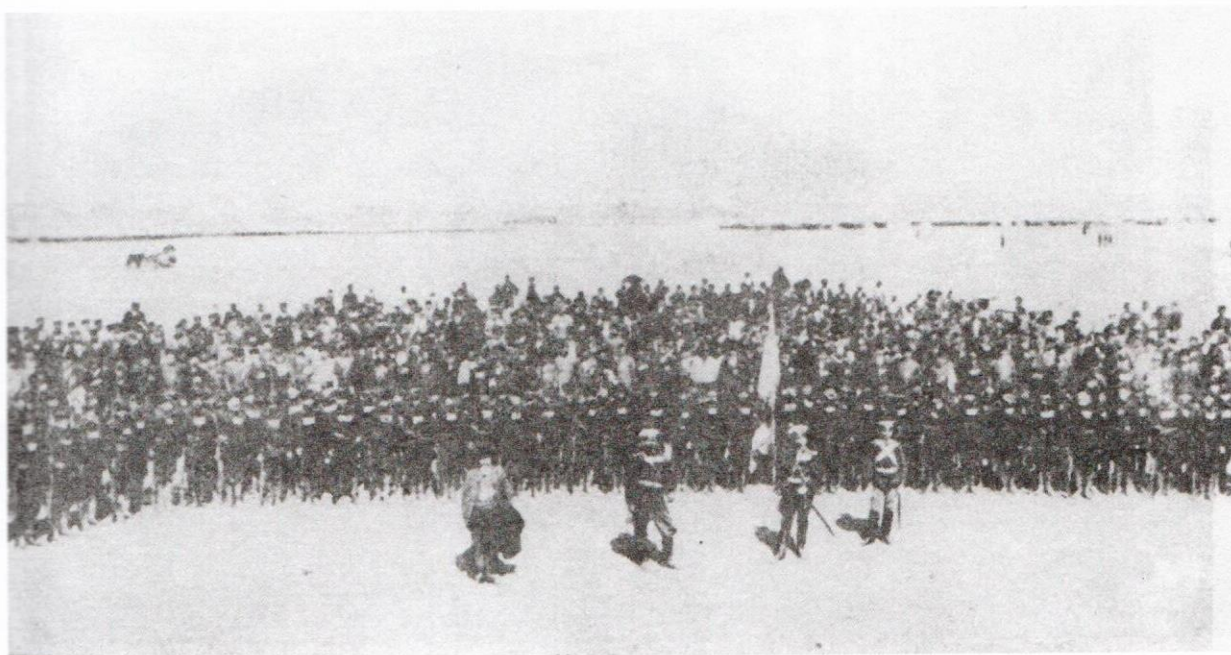
5. 3-я ополченческая дружина в бою за знамя при Стара Загоре 19 (31) июля 1877 г.

6. Унтер-офицер Антон Марченко, первый знаменосец Самарского знамени. 54 Минский полк. Ранен в бою при Стара Загоре 19 (31) июля 1877 г.

7. Николай Евстафьевич Симаков, художник. Рисовал икону на Самарском знамени. Репродукция с автопортрета, хранящегося в Самарском художественном музее.

8. Болгарские ополченцы на открытии Храма-памятника в с. Шипке. Сентябрь 1902 г.

9. Полковник А.А. Климантович

10. Полковник А.О. Липинский

11. Самарское знамя в экспозиции Национального военно-исторического музея. 1955 г.

12. Флигель-адъютант полковник князь Е.П.Мещерский

13. О. Панов

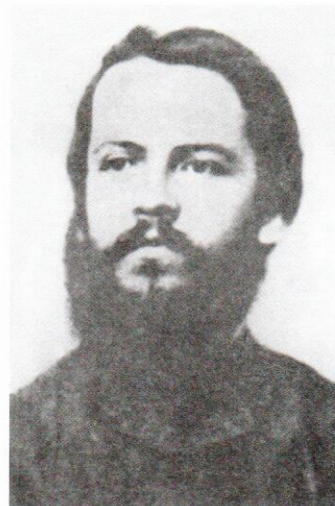
14. Самарское знамя на правом фланге знамен войсковой части, участвовавшей в торжествах по случаю открытия памятника освобождению на «Шипке». 26 августа 1934 г. Части поздравляет царь Борис III.

15. Подполковник
К.И. Кесяков

16. Майор Куртинов

17. Д. Благоев

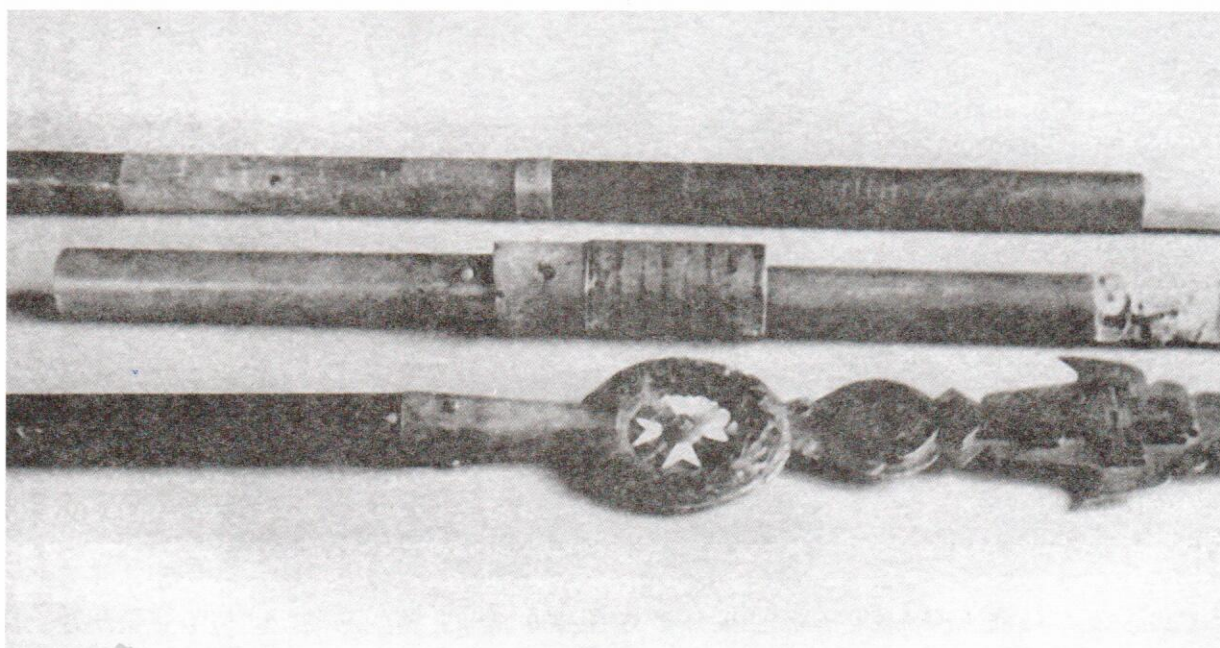
18. Подполковник М.П. Толстой

19. Р. Донин

20. Подполковник В.Ф. Панютин

21. Детали Самарского знамени в экспозиции Национального военно-исторического музея.

22. Генерал М.И. Драгомиров

23. Генерал И.В. Гурко

24. Генерал Н.Г. Столетов

25. Генерал В.Ф. Держинский

26. Генерал О.Е. Раух

27. Генерал М.Д. Скобелев

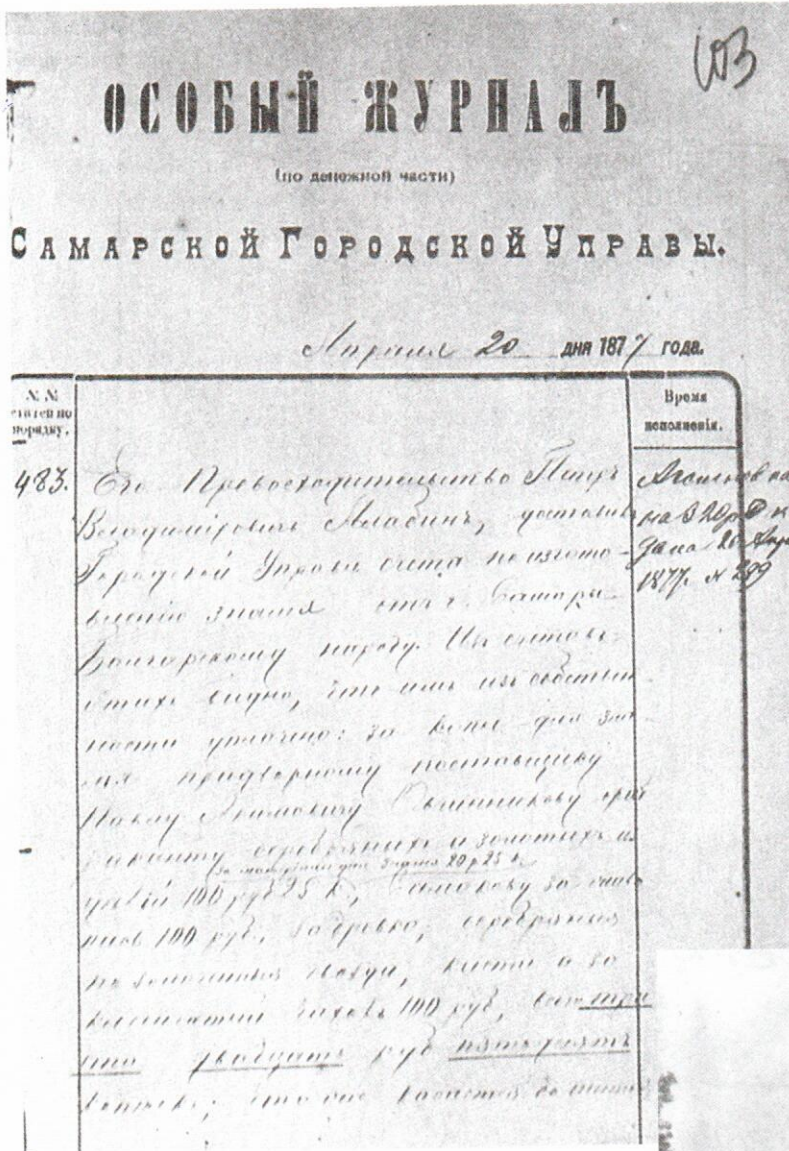
28. Генерал Ф.Ф. Радецкий

29. Генерал Н.Н. Святополк-Мирский

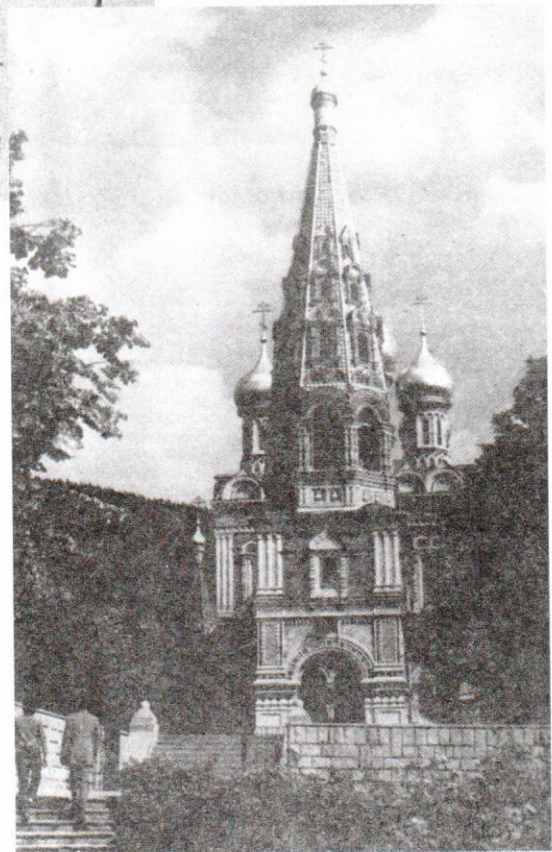
30. А. Блесков

31. Протокол утверждения расходов на изготовление Самарского знамени.

32. Клятва перед Самарским знаменем молодых воинов Софийского гарнизона и 70-го выпуска Военного училища. Знаменосец - портупей-юнкер Никола Недялков. 3 марта 1948 г.

33. Храм-памятник на г. Шипка

34. Письмо в Городской совет Софии об устройстве публичной библиотеки

35. П.В.Алабин. С.-Петербург, 1875 г.

№ 491 Ссссссс В. од / 78.

М. В.

СОФИЙСКИИ
ПОЛИЦИЙМЕЙСТЕРЪ

13 Септембръ 1878 г.
№ 1102
г. Соф. И.

Софийскому Городскому Совету.

Со Председателю и членам
Т. Софийский Губернаторъ въ своемъ
именномъ своемъ по моему предложению
отъ 8 сего Сентября за № 349,
предлагающа устроить въ г. Софии
публичную библиотеку и при ней
классическую школу, поручилъ мне отвѣщать
для поминения. Этой библиотеки
съ классической при ней и училища
въ Св. Николаевской дачѣ, на углу про-
тивъ сада, тамъ, гдѣ живалъ Ту-
бийский Губернаторъ Ивановъ, съ
тѣмъ, чтобы до вѣдѣна на зани-
мающа библиотеки поговори устро-
ить, означенное письмо, пре-

№ 291 Ссссссс

М. В.

СОФИЙСКИИ
ГУБЕРНАТОРЪ.

Циркулярно.
Г. г. Окружному Началь-
нику и Полициймейстеру.

27 Апрель 1878 г.
№ 1107
г. Соф. И.

Предлагаю Вамъ
Высокоблагородію, чрезъ
посредство управитель-
ныхъ совѣтовъ, немедлен-
но привести въ положи-
тельную известность
состояніе земледѣльческихъ
и сиротскихъ кассъ, буде
таковыя существуютъ
въ округѣ.

Вашъ эти кассы нынѣ
не существуютъ болѣе,
но во время турецкаго
правительства состоятъ

Полициймейстеру

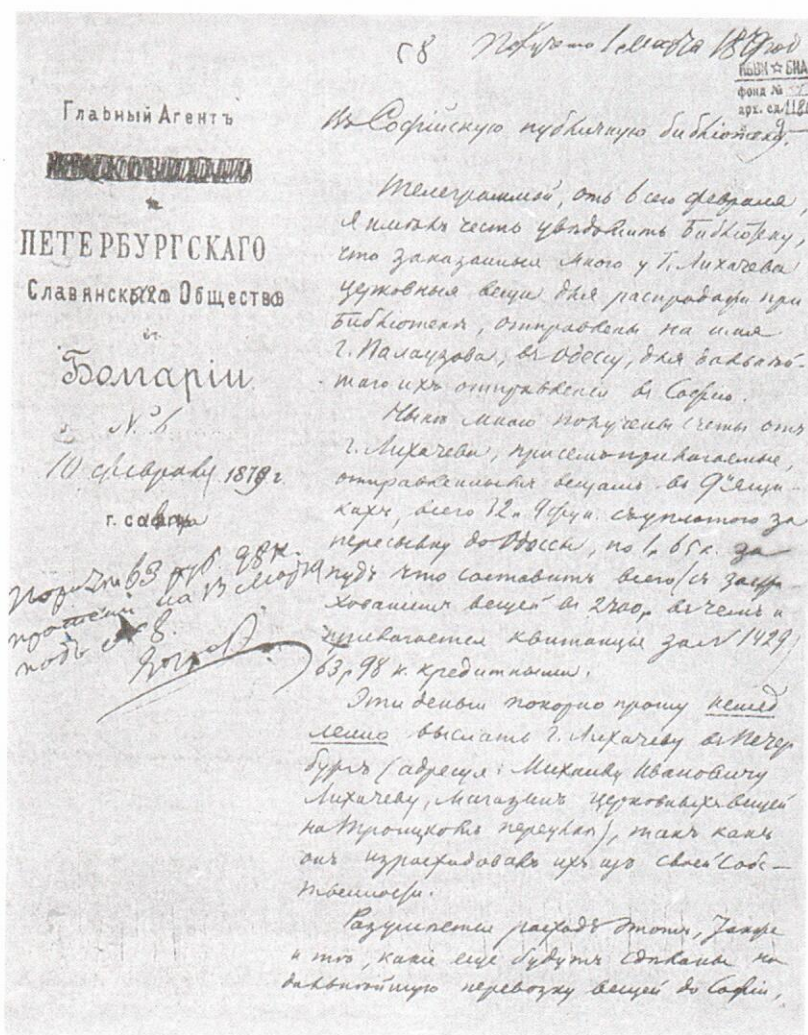
36. Письмо Софийского губернатора о состояни земледельческих и сиротских касс

37. П.В.Алабин (сидит справа) и М.С. Дринов (сидит слева) с русскими офицерами в годы русско-турецкой войны. 1877-1878 гг.

38. П.В.Алабин. г.Самара, 1880-е гг.

39. Письмо П.В.Алабина от 10 февраля 1879 г. в Софийскую публичную библиотеку об отправке книг из России.

40. П.В.Алабин. Самара. 1877 г.

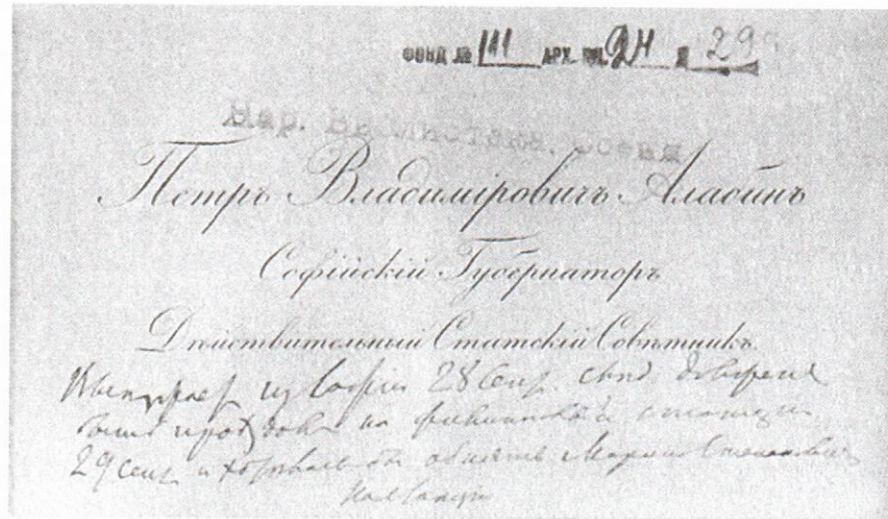
41. Иван Алабин

42. Василий Алабин. С.-Петербург, 1870-е гг.

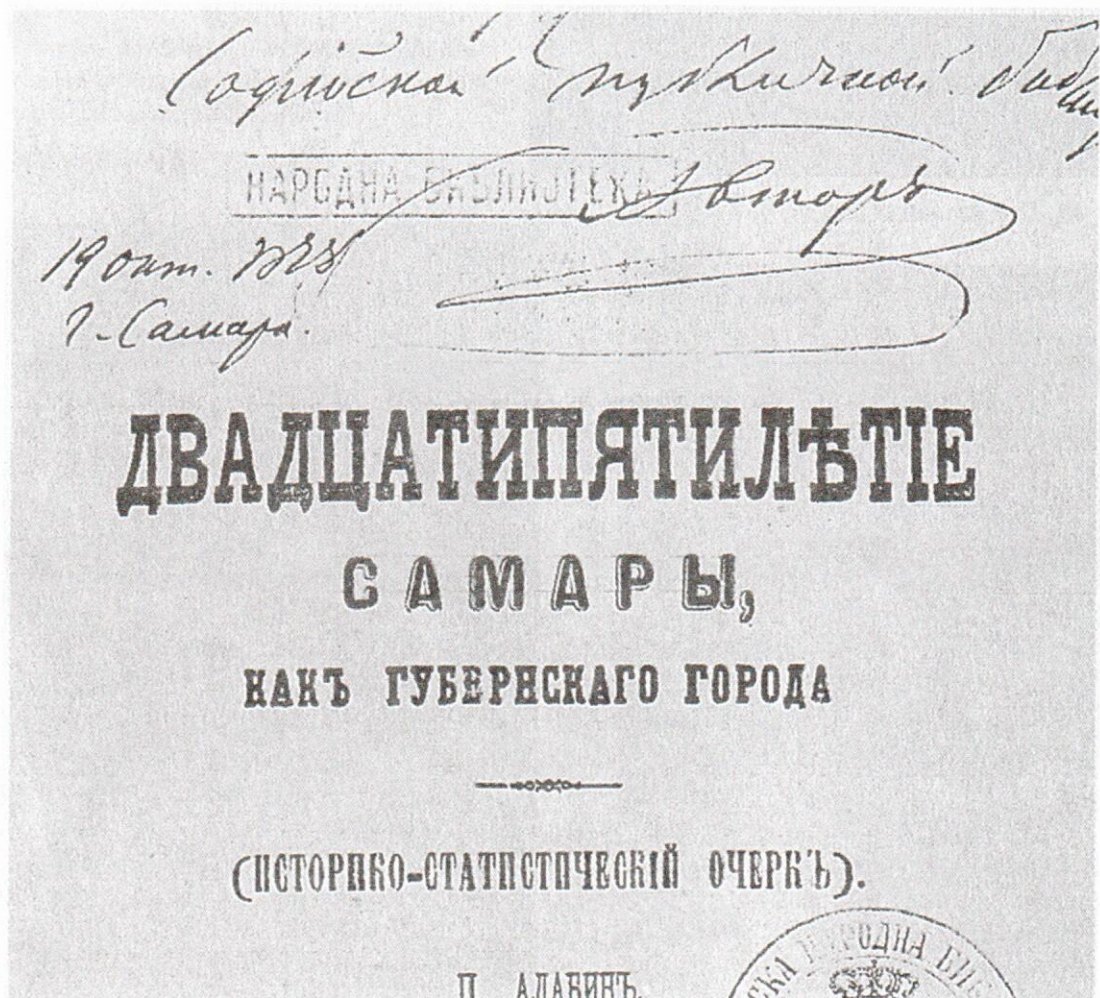

43. Андрей Алабин. 1890-е гг.

44. Визитная карточка Софійскаго губернатора П.В.Алабина - единственный документ, датирующий его отъезд из Болгарии.

45. Автограф П.В.Алабина на книге, подаренной Софійской публичной библиотеке.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ПЁТР ВЛАДИМИРОВИЧ АЛАБИН

Идея создания Самарского знамени принадлежит П.В. Алабину и осуществлена благодаря ему¹⁴⁸.

Все другие предположения убедительно опровергаются протоколом № 483 Самарской городской думы, утверждающей расходы на изготовление знамени. Этот протокол, составленный 20 апреля 1877 г. и вписанный в «Специальный дневник по денежной части Самарской городской Управы», гласит: «Его Превосходительство Пётр Владимирович Алабин представил Городскому управлению смету на изготовление знамени от г. Самары болгарскому народу. Из этой сметы видно, что он из составленных средств заплатил: П.А. Овчинникову поставщику двора Его величества за изготовление знамени, фабриканту серебряных и золотых изделий, — 100 р. 25 к; за материал на знамя — 20 р. 25 к; Симакову за живопись — 100 р.; за древко, серебряные и позолоченные гвозди, пискюлиты (вероятно красная и синяя ленты с надписями — прим. Й.Ц.) и непромокаемый чехол — 100 р.; всего триста двадцать рублей пятьдесят копеек; что касается вышивки, сделанной на знамени, то игуменья Самарского женского монастыря Антонина сообщила, что они делали работу бесплатно и получили большое удовольствие от того, что смогли быть полезными тогда, как другие делали денежные пожертвования. Справка: Самарская городская Дума на заседании 17 и 18 апреля постановила: данное знамя вручить через делегацию Главнокомандующему Южной армии Великому Князю Николаю Николаевичу и попросить его, чтобы это знамя передало болгарскому народу тогда, когда болгарские дружины будут готовы выступить против врага. Поэтому Городская управа постановила, чтобы деньги израсходованные Алабиным на изготовление знамени были возмещены ему, что же касается дарственного труда и материалов от Самарского женского монастыря и вышивки на знамени, то это было доведено до сведения Самарской городской Думы. Городской голова Кожевников, члены управы: Н. Неклютин, Симонов, секретарь: Дм.В.К. (остальные имена не читаются — прим. Й.Ц.). Бухгалтер: Самаранов (или Самаринов — прим. Й.Ц.)»¹⁴⁹.

Кто такой Пётр Владимирович Алабин?

На этот вопрос в большей степени он отвечает сам в своей автобиографии, опубликованной в 1888 г. в альбоме «Известные» Михаилом Ивановичем Семевским, издателем и редактором исторического журнала «Русская старина», который включает лишь 850 имён.

Там написано: «Алабин Пётр Владимирович — по сведениям полученным от него, родился 29 августа 1824 г. в Подольске, Московской губернии. Его отец, рязанский дворянин древнего рода, принимал участие в кампании 1812—1816 гг. Долгое время служил в таможенной системе и умер в 1837 г. начальником Цехановской таможни.

Его мать была дочерью французского эмигранта Мартена. Пётр Владимирович обучался в Белостокской гимназии и Петербургском коммерческом училище, которое окончил в 1842 г. Как стипендиат департамента внешней торговли, он должен был поступить на работу в это учреждение. Однако нежелание заниматься штатской службой было настолько сильным, и желание поступить на военную службу настолько было большим, что для осуществления своей мечты он решает на следующий поступок: в 1840 г. во время посещения императором Николаем I коммерческого училища, Алабин лично попросил разрешения вступить в войска. Император его выслушал и в 1843 г. молодой «коммерсант» по высочайшему повелению был назначен вначале как подофицер, а после этого как юнкер в егерский полк в Туле. Позднее служил в Замостском и Камчатском полках. В 1845 г. произведён в офицеры и в звании полкового адъютанта участвовал в Венгерской кампании 1849 г. В 1853 г. был переведён в Охотский егерский полк и принимал участие в Крымской кампании. За отличие в Олтеницком сражении он производится в штабс-капитаны, а после Инкерманского в капитаны. В то же время награждается несколькими орденами.

В 1857 г. Алабин выходит в отставку и назначается управителем мостовинского отделения в вятской «удельной конторе», а несколько месяцев спустя — управляющим самой конторы в Вятке, где служил до 1866 г. В это время он возрождает основанную А.И. Герценом публичную библиотеку и создаёт в ней публичный музей. За это он провозглашён почётным гражданином города Вятка, и его портрет вследствие высочайшего разрешения помещён в главном зале библиотеки.

С 1866 г. до 1876 г. Алабин на должности управляющего Самарской палаты государственного имущества. В 1877 г. он привозит в Плоешти знамя, изготовленное по его инициативе от самарцев в дар болгарскому народу и передаёт его Великому Князю Николаю Николаевичу. Вскоре после этого назначается уполномоченным Красного креста в Румынии и заведует там двумя

больницами в Зимнице. Одновременно он — главный представитель Московского и Петербургского славянских обществ. Однако, не долго пробыв на административной должности, назначен Великим Князем (Главкомандующим), губернатором Софийского санджака, а до окончательного его освобождения от неприятеля — Орханийским губернатором. Заняв своё место в Софии, Алабин вводит гражданское управление как в ней, так и в городах Орхание, Златице, Пирдопе, Етрополе, Самокове, Дупнице, Радомире, Ихтимане, Кюстиндиле, Джумае и в соответствующих округах. За свою службу в Болгарии Алабин был награждён звездой Св. Анны I степени. После 1885 г. Алабин — городской голова Самары.

Интересные данные о роде Алабина приведены Беловым и Белодубровским. В «Общем гербовнике» читаем: «Алабин — русский дворянский род. Многие из рода Алабиных служат русскому престолу ещё с 1636 г. и награждались царскими грамотами». Фамилия Алабин упоминается в знаменитых автобиографических записках А. Болотова.

В отличие от многих дворянских родов в России, фамилия Алабин (иногда пишется как «Олабин») добилась дворянского звания потом и кровью.

Дедушка Петра Алабина служил и прославился подвигами в Тульском егерском полку, который под знамёнами Суворова завоевал немало блестящих побед. Отец — рязанский дворянин Владимир Антонович Алабин участвовал в Отечественной войне 1812 г. как ополченец и дошёл с русскими войсками до Парижа. Встретив во время одного заграничного похода семейство французского беженца, Владимир Алабин был взволнован их тяжёлой участью, влюбился в дочь его Эмилию и женился на ней.

Необходимо отметить, что женитьба русского офицера-дворянина на француженке — слишком дерзкий поступок. Однако, следовать велению сердца — отличительная черта характера и поведения всех по фамилии Алабин»¹⁵⁰.

Издатели словаря¹⁵¹ дают ещё целую страницу библиографии о творчестве Алабина, из которой мы узнаём следующее: «Как начало литературной деятельности Алабина может считаться его речь, произнесённая им в присутствии принца Ольденбургского на выпускном вечере коммерческого училища, помещённая ещё тогда в «Санкт-Петербургских ведомостях» (13 июня 1842 г.)». Опубликовав полностью эту речь, редакция вестника делает вывод: «Русская литература может надеется, что нашла в этом юноше замечательное дарование».

В 1893 г. имя П.В. Алабина среди двухсот имён в необыкновенном «Словаре-альбоме о русских деятелях XIX в.», изданном П. Мартыновым под заглавием «Цвет нашей интеллигенции».

Творчество П.В. Алабина разносторонне: военная летопись, история, публицистика, естественные науки, искусствознание и др. «К сожалению этого человека незаслуженно забыли, а цель его жизни и деятельности достойны знания о них современных читателей!»¹⁵² Это утверждение для России оставалось актуальным до начала 1990-х гг., а для нас — и до сих пор.

Болгарская историческая наука в долгу у имени Алабина. О нём вспоминают различные авторы¹⁵³, главным образом в связи с его заслугами по основанию Народной библиотеки в 1878 г., в бытность его губернатором Софийского санджака. Если будет составлена библиография публикаций с такой тематикой, сразу же будет видно, что кроме книги В. Йорданова, речь идёт исключительно о публикациях в специализированных научных изданиях с ограниченным кругом читателей. А деятельность Алабина рассматривается только лишь в одном аспекте. Разбирая опубликованные архивные материалы, среди которых и два личных письма от Ив. Панайотова, видно, что его личный вклад ограничивается темой «Народная библиотека». За несколько лет в журнале «Библиотекар»¹⁵⁴ в разделе «Книжное наследство» была опубликована специальная информация о книгах П.В. Алабина в библиотеках Софии (оказывается, что в библиотеках небольших городов работ Алабина нет). В публикациях отмечается, что почти все его книги в Народной библиотеке «Св. св. Кирилла и Мефодия» являются подарками автора с посвящением от него. До сих пор неизвестны данные о книге, посланной П.В. Алабиным с автографом: «Софийской общественной библиотеке Болгарии от Самарской городской Думы, 1887 г.» и «Трёхвековая годовщина города Самара». Для болгарских читателей она представляла наибольший интерес. Именно здесь автор пишет о Болгарии¹⁵⁵. Кроме того, книги с его автографом хранятся в Центральной библиотеке Болгарской Академии наук и в Софийском университете «Св. Климента Орхидского». Здесь, в сейфе директора библиотеки хранится одно из ранних сочинений Алабина «Походные записки о войне 1853, 1854, 1855 и 1856 гг. Вятка, 1861 г.», подаренное 31 июня 1883 г. «Его Высочеству Александру I, князю Болгарии».

При подготовке к празднованию 400-летней годовщине города Самары в 1986 г. Л.В. Коршунова, научный сотрудник Самарской областной библиотеки, основанной ещё Алабиным, представляет подробный библиографический указатель¹⁵⁶ «П.В. Алабин — воин, общественник и литератор, человек, который внёс значительный вклад в экономику и культуру Самары и чьё имя занимает достойное место в истории братской связи русского и болгарского народа». Похоже, что в России, как и в Болгарии, его творчество рассматривалось по отдельным направлениям

его деятельности. А историческое наследство Алабина и, особенно его «Записки»¹⁵⁷, определённые академиком Е. Тарле как «исторически правдивые и ценные», привлекли внимание цензуры и в 1903 г. были включены в списки книг, запрещённых для чтения в библиотеках и общественных читальнях. Эта книга озаглавлена: «Четыре войны. Походные записки 1849, 1853, 1854-1856, 1877-1878 гг., часть I-III, Москва, 1888-1892». Книга издавалась дважды. Как видим из заглавия, планировалось издание и четвёртой части — «Русско-турецкая война 1877-1878 гг.». Но любознательные болгарские и русские читатели и историческая наука лишены эмоционального и одновременно точного рассказа П.В. Алабина об Освободительной войне. «Рукописи четвёртой части утеряны», кратко и ясно отмечается в «Библиографическом указателе»¹⁵⁸, хотя предполагается, что какие-то наши ответственные институты показывают эти книги Алабина в Русско-турецкой Освободительной войне 1877-1878 гг.¹⁵⁹ Во время чествования 170-й годовщины со дня рождения Алабина в 1994 г. в рамках научной конференции «Вторые Алабинские чтения» в Самаре Игорь Михайлович Алабин прочитал доклад: «Судьба рукописи П.В. Алабина о Русско-турецкой Освободительной войне 1877-1878 гг.» Он считает, что потеря рукописи не «безобидная случайность». Вряд ли, конечно, рукопись уничтожена по высочайшему распоряжению. Возможно, рукопись как документальный рассказ Алабина о войне содержала правду, задевавшую чьё-либо имя или определённые круги, которые «позаботились», чтоб её не увидел мир. При превратностях русской истории в XX веке не исключено, что она где-то затерялась и может быть обнаружена.

В связи со 100-летней годовщиной освободительной войны журнал «Звезда» опубликовал статью — «Первый губернатор Софии»¹⁶⁰. Перевод этой статьи в сокращённом варианте был опубликован в журнале «Пламя» неизвестно с чьими дополнениями (редактора или переводчика) из неизвестных источников¹⁶¹.

Из публикаций упомянутых и не названных авторов, писавших о П.В. Алабине, ясно виден интерес к четырем подтемам.

ВОИН П.В. АЛАБИН

Как уже было упомянуто, в 1843 г. девятнадцатилетний воспитанник Петербургского коммерческого училища стал подофицером Тульского егерского полка. Избрав военную профессию с убеждённой потомка русского дворянского рода, он служит в продолжении четырнадцати лет до 1857 г. П.В. Алабин перенёс трудности суровой воинской жизни кадрового офицера, начал с низшего чина. Для России это было трудное время перед и во время Крымской войны. За исключительную находчивость и бесстрашие в Инкерманском сражении в октябре 1854 г. Алабин произведён в чин капитана¹⁶². До этого он участвовал в походе в Венгрию в 1849 г., в Дунайской кампании - Восточной войне 1853-1854 г., а в начале сентября 1854 г. в составе Охотского егерского полка оборонял Севастополь вплоть до конца Крымской войны в марте 1856 г. За боевые заслуги он награждён орденом «Св. Анны» IV степени с мечами, саблей с надписью «За храбрость», орденом «Св. Станислава» III степени с мечами, «Св. Анны» III степени с мечами и «Св. Станислава» II степени с мечами¹⁶³.

В это же время П.В. Алабин получает известность как талантливый военный корреспондент и писатель. В 1854 г. печатается его брошюра «Могилы погибших при атаке Олteniцкого карантина — 23 октября 1853 г.» По его инициативе на том месте воздвигнут обелиск, увековечивающий память погибших воинов. Публиковались его «Записки» - «Взрыв на Павловском форту в Севастополе 29 августа 1855 г.» и «Иван Петрович Голев» - очерк о жизни и деятельности генерал-майора Голева, одного из защитников Севастополя, прошедшего последние годы жизни в г. Самаре. В Болгарии имеются авторские оттиски этих материалов из журнала «Русская старина», подаренные Народной библиотеке «Св. св. Кирилла и Мефодия» в Софии, со следующим пожеланием: «По случаю 8 мая 1881 г. Софийской публичной библиотеке, сохранивший светлую память о Болгарии, автор. 23 апреля 1881 г. Самара». С искренним удовлетворением нелишне здесь отметить, что почти все труды, в том числе и эти с военной тематикой указаны в «Библиографическом указателе» Коршуновой, находящемся в библиотеке Софии¹⁶⁴.

ПОЧЁТНЫЙ ГРАЖДАНИН ВЯТКИ¹⁶⁵

Эмоциональная натура Петра Владимировича Алабина не позволила ему продолжать деятельность на военном поприще. Уставший от войны как «человеческой деятельности» и угнетённый видом пролитой человеческой крови, в 1857 г. он подаёт в отставку. Исполненный сил и энергии,

в том же году поступает на работу помощником управляющего губернской «удельной конторы» в г. Вятка, а вскоре вслед за этим стал её управляющим.

И тут круг интересов Алабина исключительно широк: история и археология, биология, литература и искусство. Начинает издавать книги «для народа». В 1860 г. в Вятке, а спустя два года в Петербурге издаются: «Сборник русских стихотворений для простолюдинов», «Познания для обывателей о сочинениях некоторых русских писателей»¹⁶⁶, которые содержат выдержки из произведений Ломоносова, Шевченко, Кольцова и др.

Он организует воскресную сельскую школу в селе Кукарка. Его активным участием возобновляется с размахом работа большой публичной библиотеки, чьим руководителем в 1861 г. был избран Алабин. Свой интерес к работе в библиотеке как известно он сохранил на всю жизнь. В Вятке и в Самаре, а потом и в Софии он принимал активное участие в создании и деятельности библиотек, собирании средств на покупку книг, создание и издание каталогов и т.д.

В Вятке Алабин постоянно сотрудничает с местными изданиями «Вятские губернские ведомости» и «Епархиальные ведомости». Его краеведческие статьи привлекают внимание и многих столичных учёных, он избирается членом русского археологического общества. Плоды его увлечения в археологии не велики, но брошюры «Ананьинский могильник» и «Заметки о прошлом Вятского края» привлекали внимание известного археолога П. Лерха, которому Алабин пишет: «представляете мою радость – собственными руками найти орудие каменного века в степях Новоузенского района. Да батюшка, его я нашёл не случайно, а начал поиски, когда убедился в вероятности нахождения пункта искомой старины»¹⁶⁷.

В январе 1866 г. в Вятке открыт исторический музей, созданный по инициативе П.В. Алабина.

За заслуги перед исторической наукой и культурой города П.В. Алабин провозглашается почётным гражданином города Вятки¹⁶⁸.

ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА САМАРЫ

Опыт в административных делах, проявленный П.В. Алабиным во время пребывания губернатором Софийского округа, был накоплен за долгие годы службы в России. Оцененный по достоинству ведомством, в котором работал, в начале 1866 г. Алабин был назначен управляющим губернской Палатой государственных имуществ в Самаре. Здесь он развивает активную общественную деятельность, своими идеями и конкретными делами придаёт новый облик общественно-политической и хозяйственной жизни города.

О его деятельности, связанной с Самарой, рассказывает современный биограф: «На конец 70-х - первую половину 80-х годов XIX в. приходится самый насыщенный период общественной и творческой биографии П.В. Алабина. Это его деятельное участие в русско-турецкой войне, издание одного из значительнейших исторических трудов – «Двадцатипятилетие Самары как губернского города», реставрация часовни небесного покровителя Самары Св. Алексия – Митрополита Московского, создание публичного музея им. Александра II и публичной библиотеки, участие в разработке проекта моста через р. Самару. И наконец, Алабин обосновал экономическую эффективность и целесообразность строительства Самаро–Уфимского направления Сибирской железнодорожной линии, которое значительно усиливает роль Самары в экономической жизни страны и связывает наш край с Центральной Россией, Уралом и Сибирью.

Всё это способствовало выдвижению его на пост главы города: в 1885 г. на эту трудную и ответственную должность члены городской думы избрали Петра Владимировича Алабина, подчёркивая этим его собственные заслуги перед Самарой. Его избрание совпало с подготовкой к трёхсотлетию юбилею Самары, и конечно, как историк-краевед, внёсший крупный вклад в научное исследование истории нашего города, новый глава не мог пройти мимо такой значительной даты. Для него был важен не столько сам юбилей, сколько необходимость через него запечатлеть в сознании граждан значительный след, оставленный в России Самарой – городом, превратившимся из маленькой крепости на восточной границе в экономически и культурно развитый центр Поволжья. Вероятно, и другие разделяли это стремление, повлиявшее и на оценку, данную корреспондентом «Волжской газеты» речи Алабина на юбилейном торжестве – оратор был признан «умным и тактичным городским деятелем».

Исполняя обязанности городского головы, П.В. Алабин сосредоточил хозяйственные усилия на строительстве бесплатного водопровода для жителей Самары, который был пущен в эксплуатацию в 1887 г. В культурной области глава выступил с инициативой сооружения в Самаре многофигурного памятника императору Александру II, воздвигнутого на Алексеевской площади и долгие годы считавшейся самой большой достопримечательностью нашего города. Несомненная заслуга Петра Владимировича в строительстве уникального «Теремка» – каменного здания Драматического театра. Большую активность проявил он и при создании садов и парков, особенно активно занимался благоустройством Струковского и Александровского садов, озеленением улиц

и строительством набережной. Несомненен вклад Алабина в сооружении монументального собора Христа Спасителя, варварски разрушенного в начале 30-х годов.

Понимая необходимость самарской публичной библиотеки и руководя ею, Пётр Владимирович много сделал для превращения её в одну из самых лучших провинциальных библиотек России. И когда в 1896 г. библиотека переехала из наемного помещения в собственное здание, по решению городской Думы там был помещён портрет Алабина, выполненный академиком А.Н. Новоскольцевым¹⁶⁹.

В октябре 1889 г. он был избран почётным членом Археологического института.

П.В. Алабин оставался главой города Самары до 1891 г. В 1891–1892 гг. работал председателем Губернской управы, а с 1892 до 1896 г. – членом самарской городской Думы, и многие авторы по праву называют его «отцом города»¹⁷⁰.

Пётр Владимирович Алабин умер в Самаре в 1896 г. В некрологе, изданном по этому поводу и опубликованном в ряде провинциальных газет, говорится: «Самара. 10 мая в 5 ч. 30 мин. Почил известнейший местный общественный деятель, герой Русско-турецкой войны, первый губернатор Софии, автор многих книг, археолог и журналист, основатель общественной библиотеки в Самаре Пётр Владимирович Алабин».

Выше было отмечено, что Алабин был незаслуженно забыт. Подобную констатацию делает и профессор Самарского государственного университета П.С. Кабытов: «В начале XX в. интенсивность публикаций о нём резко уменьшилась, а с 1912 по 1950 гг. не было ни одной специальной статьи, посвящённой П.В. Алабину»¹⁷¹. Автор объясняет и причины этого, ссылаясь на известного русского философа Н. Бердяева, подчеркивавшего, что «революционный пафос связан в значительной степени с отрицательным отношением к прошлому. Это неприятие дореволюционной культуры сильно отразилось и на отношении к Алабину»¹⁷².

Благодаря усилиям историков-краеведов Поволжья и других деятелей культуры и науки, в наши дни имя П.В. Алабина вышло из забвения. Уже 25 июля 1989 г. газета «Волжская заря» сообщила о «разработке в Куйбышеве проекта создания историко-культурного центра, посвящённого известному самарскому общественному деятелю».

О чествовании 170-летия со дня рождения П.В. Алабина в Самаре болгарская печать и электронные средства массовой информации ничего не сообщали. Исключение составляет только газета «Мудрость», издание союза пенсионеров, которая в сентябрьском номере напечатала краткую статью Василя Александрова. Народная библиотека Св. св. Кирилла и Мефодия, которая располагает достаточным материалом, не поддержала инициативу учреждения небольшого уголка памяти П.В. Алабина с его письмами и книгами с автографом автора. (хотя в Болгарии еще хранят память о «легендарном самарце», чьё последнее письмо в Болгарию было написано лишь за 8 месяцев до его смерти: в нём он высказывает свою радость от панорамы на новую Софию с памятником Василу Левскому, «Выросшему как Феникс ... из ничего»).

В 1992 г. началась подготовка к проведению «года П.В. Алабина» в г. Самаре. 18 сентября 1992 г. Глава Администрация Самарской области К.А. Титов принял решение «Принять предложение Управления культуры Администрации области о присвоении имени видного прогрессивного общественного и культурного деятеля П.В. Алабина (1824–1896) Самарскому областному музею краеведения и впредь именовать его «Областной музей краеведения им. П.В. Алабина».

А 30 ноября 1992 г. его первый заместитель Г.Р. Хасаев постановил: «1. Принять предложение Управления культуры при областной Администрации, Самарского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Самарского земского собрания и объявить 1993 г. годом П.В. Алабина»¹⁷⁴.

В программе празднования этой годовщины, охватившей весь период с декабря 1992 г. по конец 1993 г., записаны 15 мероприятий, среди которых изготовление сувенирной продукции в связи с годом Алабина; заказ художественных портретов П.В. Алабина для Самарского областного краеведческого музея им. П.В. Алабина и областной библиотеки им. В.И. Ленина; проведение научно-исследовательской конференции «Наследство Алабина и современные проблемы самарской культуры» и т.д.

В 1993 г. 15-тысячным тиражом была отпечатана иллюстрированная брошюра с биографическими материалами о П.В. Алабине. Самарский художник Станислав Васильевич Фёдоров выполнил художественный портрет Петра Владимировича. В историко-краеведческом музее открылась экспозиция, посвященная жизни и деятельности П.В. Алабина.

В сентябре 1994 г. проходила Международная научно-практическая конференция «Вторые Алабинские чтения», в рамках которой состоялась премьера документального фильма «Алабин или поиск нового героя».

Среди докладов¹⁷⁵, прочитанных на конференции, были: «История Самарского края в сочинениях П.В. Алабина», подготовленный Петром Серафимовичем Кабытовым, доктором исторических наук, профессором Самарского государственного университета; «Самарско-болгарские

связи — история и современность» Ленера Васильевича Храмкова, доктора исторических наук, профессора Самарского государственного университета; «Судьба рукописи П.В. Алабина о русско-турецкой войне 1877-1878 гг.» Игоря Михайловича Алабина из Москвы. К сожалению, в этом праздновании не участвовали представители болгарских культурных институтов, имеющие отношение к имени П.В. Алабина — Алабин поддерживал связи со многими деятелями культуры края прошлого века, его заграничная деятельность как представителя этой культуры связана с Болгарией — «этой такой близкой сердцу страной».

В юбилейном издании, посвящённом биографии Петра Владимировича, опубликованы снимки его супруги и семи детей, а также репродукция известного портрета, выполненного академиком Новоскольцевым. Знакомя болгарского читателя с Алабиным, добавим и то, что он сам сообщал в письмах своим болгарским друзьям о своей семье.

Варвара Васильевна Алабина (1822—1898) — супруга, друг и единомышленник.

Василий Петрович Алабин (1850—1879) — доброволец Сербско-турецкой войны 1876 г. и участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Исследования в военных архивах не сделаны, но из письма Алабина проф. Дринову становится ясно, что «он (Василий, названный так же старшим сыном и похороненный при Ямболе — Й.Ц.) ротмистр, отлично знает службу и любит её, будет полезен, особенно если сформируется кавалерия»¹⁷⁶.

Елена Петровна Алабина (1852—1874).

Иван Петрович Алабин (1857—1894) — о смерти этого сына и дочерей Марии и Ольги Алабин сообщает в письме от 28 сентября 1895 г., цитированном выше по другому поводу. Там он пишет: «Спросите, почему чёрная печать на моём письме. Во-первых, мы ещё в трауре по императору Александру III. Во-вторых, нет ещё и года с тех пор, как меня постиг ряд несчастий: умерли друг за другом двое моих детей: дочь (Ольга — Й.Ц.), уже замужняя женщина, и сын (Иван — Й.Ц.), служивший в последнее время в Главном штабе кавалерии, — подполковник, блестящий молодой человек с большими способностями. Дочь моя (Мария — Й.Ц.), жившая в Болгарии и которую, кажется мне, Вы знали, была выдана за Виланова, софийского окружного начальника, несколько лет как умерла, рожая второго ребёнка, дети живут при отце»¹⁷⁷. О Марии есть слово и в письме проф. Дринову от 12 января 1878 г., которое уже цитировалось по поводу судьбы библиотечного здания и которое будем цитировать далее. В этой связи Алабин пишет: «Как залог моей любви к Болгарии в добавление к двум моим сыновьям, служащим в её пределах, посылаю и дочь. Прошу Вас, полюбите это дитя, очень рано ставшее женой»¹⁷⁸. В это время Марии было 16 лет, но читатель уже знает о случае с её дедом Владимиром: «Все Алабины следуют велению сердца».

Андрей Петрович Алабин (1857—?). Как уже знаем, ранен при Плевне и позднее оставил военную службу. На третий день Алабинских чтений кандидат исторических наук Раиса Павловна Поддубная выступила с докладом на тему «Земский начальник Андрей Алабин», но мы не располагаем этим исследованием.

Мария Петровна Алабина (1862 — ок. 1890—1892 г. — Й.Ц.). О ней рассказывали выше.

Ольга Петровна Алабина (1864—1894). О ней тоже говорить в письме — она умершая «дочь, уже замужняя женщина».

Александра Петровна Алабина (1866—1944). О ней проф. Кабытов пишет: «Из дочерей самая известная и самая младшая — Александра, жена самарского архитектора А.А. Щербачёва (1858—1912). Она автор многих брошюр по истории и теории искусства»¹⁷⁹.

АЛАБИН И БОЛГАРИЯ

Всё сказанное до сих пор оказывается недостаточным, чтобы охватить всё свершённое Алабиным. Остановимся кратко ещё на некоторых моментах его деятельности в период пребывания в Болгарии (меньше года) и на его отношении к болгарским проблемам.

Активный член Петербургского Славянского общества¹⁸⁰, действительный статский советник Пётр Владимирович Алабин сопричастен борьбе балканских славян и непосредственно, и через трёх сыновей. Ещё летом 1876 г. Василий и Иван «уходят добровольцами в Сербию и сражаются с турками. Один из них командует ротой в русско-болгарской бригаде и в 1877 г. приводит её в Кишинёв»¹⁸¹. В составе 32 артиллерийской бригады третий сын Андрей был ранен при Плевне, и только вмешательство выдающегося хирурга Николая Пирогова¹⁸² спасло его от ампутации ноги. Недавно при работе с письмами Алабина я обратил внимание, что в одном из них, Марину Дринову от 30 мая 1878 г., он даёт понять, что Василий погребён под Ямболом. «Незабываемый Марин Степанович, — пишет Алабин, полагаю, Вы уже слышали, какое несчастье постигло нас: мой старший сын так и не вернулся с войны! Новые связи у меня теперь с Болгарией! Как только я улажу финансовые вопросы, непременно поеду в Ямбол, где его похоронили, чтобы забрать

прах. Писал Иванову с просьбой к окружному начальнику отметить его могилу простым деревянным крестом с надписью, чтобы мы смогли быстрее найти дорогой для нас прах»¹⁸³.

Вскоре после начала войны 1877–1878 гг. Алабин обращается с просьбой к председателю Московского славянского общества Ивану Сергеевичу Аксакову. «С переходом нашими войсками Дуная, — пишет он, — стало очевидным, что эта война приобретёт большой размах и что, следовательно, для всех искренне желающих потрудиться на общее дело может найтись работа, особенно для людей, готовых не жалеть не только нравственные и физические силы, но и свою жизнь. В их числе и я! Не в моих силах оставаться безучастным сейчас, когда кругом такое волнение. Нет ли возможности быть использованным в какой-нибудь работе за Дунаем — пусть в самой чёрной и тяжёлой — всё равно какой, лишь бы я был полезен чем-нибудь. Будьте милостивы, Иван Сергеевич, помогите, устройте меня. Повторяю свою просьбу, которую я лично имел честь передать Вам в Москве. Будьте уверены, что я честно и добросовестно буду исполнять то, что на меня возложат»¹⁸⁴.

Его просьба была удовлетворена, и осенью 1877 г. Алабин становится представителем Красного Креста в Румынии. Но это его не удовлетворяло. «Надо признать, — пишет он, — что отправлялся сюда не сидеть на придорожных пунктах, а видеть войну вблизи и во всех её фазах»¹⁸⁵. И успевает получить новое назначение — управителем двух военных больниц. Здесь он встречается с раненым сыном Андреем.

Необходимость использовать Алабина на более ответственной должности даёт Аксакову основание написать в письме Петербургскому славянскому обществу: «Из-за того, что А. Нарышкин телеграммой решительно отказался исполнять свои обязанности главного представителя славянских обществ — Московского и Петербургского (он поступил на военную службу юнкером в некий кавалерийский полк), Совет Московского славянского общества пригласил одного из представителей Красного Креста, бывшего управителя Самарской Палатой государственных имуществ Петра Владимировича Алабина незамедлительно занять должность представителя Московского славянского благотворительного общества и получить от Нарышкина все денежные суммы и бумаги. Господин Алабин ответил, что принимает наше предложение с огромной благодарностью и готовностью, а заведующий гражданской частью при Главнокомандующем — князь Владимир Александрович Черкасский — дал своё согласие на такую замену»¹⁸⁶.

Эти перемещения происходят в начале декабря 1877 г., но события развиваются очень быстро (особенно после того, как русская армия взяла Плевну) и 14 декабря 1877 г. Алабин из Тырново даёт Аксакову согласие стать губернатором Софии: «Милостивый государь, Иван Сергеевич, — пишет он, — прежде всего, позвольте преподнести Вам искреннюю и сердечную благодарность за честь, которой меня удостоили, возложив на меня должность агента Московского славянского общества в Болгарии. Я был счастлив, что не только словами, но и служением делу, которое на меня возложено, мог выразить свою благодарность. Сделанное мне князем Черкасским предложение принять должность софийского губернатора было для меня совершенно неожиданно. Я не считал возможным отказаться от него, впрочем, предложение ещё более соблазнительно для меня потому, что оставаться под главным руководством князя Черкасского не в должности, в которой он бы хотел меня видеть, было бы для меня неудобно и едва ли соответствовало интересам самого дела. Не сердитесь на затруднения, которое может быть я Вам создал, поставя Вас в необходимость вновь искать агента Московского общества. Прошу Вас не ищите легкомыслия в моём поступке. Я искренне готов служить славянскому делу всеми нравственными силами, я принимаю предложение этой должности, видя в этом лишь продолжение моего служения и всегда буду счастлив, когда Московское славянское общество найдёт случай дать мне возможность на деле доказать свою готовность быть полезным»¹⁸⁷.

В должность Гражданского губернатора Софийского округа¹⁸⁸ Пётр Владимирович Алабин вступил в Софии 5 февраля 1878 г. Во входящем дневнике Городского совета (первая община Софии после освобождения её от турецкой власти) под «вх. № 4/10 февраля 1878 г.» зарегистрировано «предложение (от Губернаторства — Й.Ц.) Городскому совету приготовить два дома на Язаджийской улице для губернатора»¹⁸⁹. А в протоколе второго заседания Средецкого городского управительного совета, состоявшегося 15 февраля 1878 г. и на котором председательствовал секретарь Буботинов, записано: «Слушали: 1. Предписание Полицмейстера под № 4 от 10 февраля по приготовлению двух смежных домов в Язаджийском квартале для размещения губернатора и его канцелярии, а также канцелярии вице-губернатора. Постановили: Назначить одного опытного гражданина купить материал и наблюдать за ремонтом здания»¹⁹⁰. По словам Александры Монеджиковой, эти дома находились на «юго-западном углу сегодняшних улиц Е. Лавеле и П.В. Алабина на месте большого здания под №26», где «был дом Йорданки Филаретовой. Здесь разместился П. Алабин и поэтому улица получила его имя»¹⁹¹. Из письма Алабина Марину Дринову становится ясным, что он действительно жил в доме Филаретовой, которой посылает поздравления, но не понятно, действительно ли канцелярии губернатора были там.

Здесь с представителями русской военной власти (подполковник¹⁹² Михаил Иванович Лукашов, который заменит его на посту губернатора, подполковник С.С. Спокойский-Францевич — командир I-ой Софийской дружины, полицмейстер — гвардейский штабс-капитан Александр Павлович Пауль, генерал-майор Михаил Алексеевич Домонтович — начальник канцелярии Императорского комиссара и другими) Алабин установил не только служебные, но и дружеские отношения, как и со многими болгарскими. Среди них на первом месте проф. Марин Стефанов Дринов — вице-губернатор, позднее — заведующий отделом просвещения и духовных дел и председатель библиотечного комитета; Димитр Коцев — второй¹⁹³ глава Софии, брат Йорданки Филаретовой; д-р Димитр Моллов; Димитр Димов Македонский — учитель, чиновник в канцелярии губернатора; Стефан Зографский — чиновник по особым поручениям губернатора, позднее — секретарь городского совета; Георгий Яковлев Кирков — советник при софийском губернаторе, первый главный библиотекарь; Стоян Петков — член библиотечного комитета; Димитр Петрушев Карамфилович из финансового ведомства, с которым Алабин поддерживал связь до самой смерти. Именно ему было адресовано последнее письмо П.В. Алабина в Болгарию из Самары от 28 сентября 1895 г.

Уже в первые дни своего приезда в Софию Алабин был поддержан этим хорошо подобранным кругом людей. В исполнение «Временных правил» Гражданского управления Алабин занимается созданием государственных органов, руководящих жизнью на вверенной ему территории, — административных, финансовых, судебных и пр.

В написанном лично им письме от 10 февраля 1878 г. под № 146 от канцелярии софийского губернатора читаем: «Господину софийскому полицмейстеру: Утверждая председателем Городского совета М. Тошева и секретарём там же М.К. Буботинова, уведомляя в этом Ваше Высокоблагородие, предлагаю с завтрашнего дня начать работу софийского городского совета. Губернатор — П. Алабин»¹⁹⁴.

И даже беглый взгляд на сохранившееся документы о деятельности Средецкого городского управительного совета, где отразился стиль Алабина, показывает, что меньше чем за месяц после освобождения Софии административный аппарат города был создан. В «Списке книг, заведённом в Средецком городском совете — 1878 г.» указаны 18 своевременно заведённых (с 13 февраля 1878 г.) книг. В том числе кассовая, входящая, выходящая, протокольная и штрафная (с апреля — Книга штрафов — Й.Ц.). Первая запись в книге штрафов от 13 февраля: «Илия Шанов, т.к. не закрыл вовремя лавку и говорил неприличные слова — штраф 24 гроша», а девятая запись 22 февраля гласит: «От Петра Хранова, что продавал хлеб на двадцать граммов ниже определённого — штраф 120 грошей»¹⁹⁵. Эта книга велась до конца августа 1878 г. — время, когда Алабин уже готовился передать свой пост. До его отъезда из Софии в сентябре 1878 г. имеются протоколы 40 заседаний Средецкого городского управительного совета (из 51 за 1878 г.) с исключительным разнообразием обсуждаемых проблем: благоустройство города, наименование городского сада именем Александровской, предложения переименования улиц и присвоения звания почётного гражданина Софии Леги и Позитано, определение цены на хлеб, создание полицейского управления и пожарной команды, заказ яйцевидной печати с надписью: «Городской управительный совет в Средце» и пр.¹⁹⁶ А во входящей книге записаны около 500 корреспонденций — от Губернатора и Полицейстера к Общинному совету.

Ничего из жизни города не ускользало от внимательного взгляда опытного администратора: он интересовался «подробностями найма Чукурской мельницы итальянца Анжело Митона»; «заботится о продовольственной помощи самым бедным турецким беженцам», «утверждая сборы (цены — Й.Ц.) на продукты, исключил из списка: кофе, вино и ракию», «распорядился отдать один из турецких домов Анастасии Костовой, муж которой был повешен турецким правительством». Список распоряжений и дел весьма многообразен: «26 апреля (1878 г. — Й.Ц.) до 12 часов будет обсуждаться на собрании под председательством Губернатора вопрос о городской больнице», «о выборах на третий (3 августа 1878 г. — Й.Ц.) срок членов Апелляционного губернаторского суда под председательством Губернатора», «Губернатор постановил: комиссии по водопроводу оказать содействие; и оплатить счета за транспорт; «Об ответственности членов Совета за доверенные им «городские деньги»; «о проведении минеральных тёплых городских вод в вновь построенные купальни .., чтобы служили для интеллигенции», о росте аптек, «с чьего разрешения существуют», имеют ли собственники аптек «учёную степень с гарантией правильного ведения дел и обложены ли какой-нибудь платой в пользу города»; и даже о «форме акта (формуляра — Й.Ц.) который составляется о разрушении всякого дома»¹⁹⁷. Ещё 20 февраля 1878 г. с письмом № 143 Софийский губернатор поручает полицмейстеру организовать выборы в софийский судебный совет «под предводительством вице-губернатора профессора Марина Дринова». И предложил «Собрание провести 22 февраля в доме, в котором проводились выборы в Городской совет, а если будет более удобно провести в каком-нибудь другом доме, уведомите об этом окружного начальника»¹⁹⁸. В академическом издании «Истории Болгарии» записано: «27 июля

1878 г. князь Дондуков утвердил устав существующих до Освобождения земледельческих касс»¹⁹⁹. Тремя месяцами ранее Софийский губернатор в письме № 1245 от 28 апреля 1878 г. интересуется судьбой этого института: «Циркулярное: г.г. окружные начальники и полицмейстеры, предлагают Вашему Благородию через Управительные советы немедленно привести в порядок состояние Земледельческой и Сиротской кассы, которые существовали в округе. И если эти кассы сегодня не существуют, но действовали во время турецкого правления, необходимо выяснить: где находятся деньги, сколько их, кто кому должен и сколько, где находятся документы, бухгалтерские и прочие книги, как работают эти кассы.

О результатах доложите мне. И.Д. Губернатор П. Алабин»²⁰⁰.

Из других документов этого архива стало известно, что первое заседание Губернаторского комитета касс под председательством Стефана Зографского состоялось 30 июля 1878 г., а председателем Софийской кассы был Димитр Михайлович.

Если вести речь о стиле работы Алабина, то все рассматриваемые документы свидетельствовали, что он старался подобрать как можно больший круг исполнителей и был взыскателен относительно срока и качества исполнения, и особенно взыскателен был к себе.

16 марта 1878 г. под № 47 во Входящей книге Городского совета записано: «Полицмейстерский приказ № 161 от 16 марта 1878 г.» Ввиду важности содержания предлагаю вниманию читателя его полный текст: «Известно, что при мечетях существовали библиотеки и хранилища древних замечательных манускриптов — рукописей и книг, особенно значительные хранилища находились в Адрианополе, Софии и в других древних городах.

Между тем, в Софии в 56 мечетях, большая часть которых была брошена турками, неизвестно сохранились ли такие хранилища и эти драгоценные памятники могут пропасть и науке будет причинён невосполнимый ущерб.

Прошу городской совет приложить все возможные усилия и дать мне точные пояснения, существовали ли при турецких мечетях книгохранилища, и если существовали, то где они находятся в настоящем или какая судьба их постигла, и предпринять энергичные меры для разыскания следов тех библиотек, для открытия и сохранения их. После исполнения приказа прошу известить о результатах Полицмейстера г. Софии, штабс-капитана гвардии Пауля»²⁰¹. (Следует отметить, что первый, кто подарил книги вновь созданной библиотеке в Софии, был Александр Карлович Пауль, который ещё 15 августа 1878 г. передал через профессора Дринова свою личную библиотеку, состоящую из 228 томов).

Ещё 21 февраля 1878 г. Самоковский окружной начальник майор Шигорин посоветовал Городскому Совету Самокова: «Согласно приказу Софийского губернатора от 18 того под номером 233 (этот приказ не обнаружен в доступных нам архивах) предлагаю Совету объявить жителям города Самокова, что все похищенные книги и другие вещи из турецкой библиотеки, оставшейся после паши Юсрефа, должны быть принесены назад в названную библиотеку и установить для этого минимальный срок. Необходимо объявить при этом, что укрывание книги, рукописи и даже малой части от рукописи попадает под строгую ответственность закона.

Предлагаю совету сообщить мне как соблюдаются назначенные сроки и сам приказ губернатора»²⁰².

Прочитанные выше документы показывают нам другой момент деятельности Временного Русского управления в болгарских землях — усилия по охране памятников культуры, ревностно и умело прилагаемые Петром Владимировичем Алабиным и достойно исполненные созданным им государственным аппаратом.

Читая эти письма, относящиеся с вниманием к культурным памятникам другого народа, нельзя не вспомнить другого письма подобного содержания, отправленного Владимиром Васильевичем Стасовым офицерам «Русской Дунайской армии»: «Разве не возникает желания интересовать художественной, т.е. духовной жизнью болгар, ведь у нас столько общего и по происхождению и по быту, и по вере. Пусть же всякий, кто может, записывает, зарисовывает, запоминает то, что предстало перед ним, то, где был и что случилось, пусть собирает — с чистыми руками, кто далёк от грабежа и насилия — всё то, что замечательно и красиво, важно у народа, которому вы несёте мир, свет и счастье. И тогда после вас в нашей истории останется образ не только освободителей, но и хранителей народного быта и творчества»²⁰³.

И ещё о П.В. Алабине и болгарском национальном духе. Стоян Петков²⁰⁴ сообщал в 1914 г. в письме директору народной библиотеки: «Среди предметов, собранных для музея, есть одна пушка из черешни, которую я нашёл в куче деревьев во дворце Софийского общинного управления близ Конака — теперешнего дворца. Это случилось в феврале 1878 г. По поручению губернатора Алабина я шёл в общинное управление и когда проходил через двор, заметил в куче дров одно большое бревно с железным обручем. Я спросил члена-секретаря Общинного управления М.К. Буботинова, что это за дерево? «Это, — ответил он — пушка с Панагюрского восстания. Было сообщено, что когда восстание стихло, то её бросили здесь». Я сообщил губернатору об

этой пушке. «Доставьте немедленно мне эту важную вещь», — вскрикнул Губернатор. И пушку доставили ему в кабинет в целости и сохранности. Алабин долго разглядывал и дивился этой пушке, с помощью которой повстанцы пытались победить турок, сделал её описание и поставил в угол кабинета. «Охраняйте, господа, эту бесценную историческую вещь. Собирайте такие вещи, если найдёте». Эта пушка хранилась в кабинете губернатора, пока библиотека не была перенесена в дом на улице Александровской, куда по распоряжению П.В. Алабина она была перенесена, но где она сейчас мне неизвестно».

Объектом особого внимания П.В. Алабина не как музейного работника, а как защитника болгарского дела вообще, стал и «огромный серебряный крест, взятый из церкви в селе Поибрене Филиппольской губернии, служивший повстанцам вместо знамени», так записано в его докладе Петербургскому славянскому обществу. Тридцать два франка было израсходовано на подставку для креста и нанесение памятной надписи на нём. И на этом заботы Губернатора не закончились. Существовала вероятность того, что село Поибрене останется под властью султана. Где тогда будет храниться крест?²⁰⁵ Вот официальное письмо Главного агента Московского и Петербургского славянских обществ в Болгарии под № 2529 от 15 июля 1878 г. профессору Марину Дринову в Пловдив: «Милостивый господин Марин Степанович, известный вам Поибренский крест, который вы искали, предназначенный для помещения в Поибренской церкви был отправлен от меня с надписью, рассказывающей его историю. Но такое положение было до того, как вступили в действие условия Сан-Стефанского мира, по которому село Поибрене останется вне Болгарского княжества.

Теперь, когда обстоятельства изменились, многие болгарские патриоты считают, что такая народная святыня как Поибренский крест должна храниться не в Восточной Румелии, а в Южной или Северной Болгарии. Сообщая это обстоятельство Вашему Превосходительству, имею честь покорно просить Вас высказать свою точку зрения по данному вопросу, не признаёте ли и вы для своей страны наиболее удобным установить крест в Софийском кафедральном соборе и обязать священнослужителей собора ежегодно в день гибели болгарского героя Бенковского отслужить торжественную заупокойную литургию и панихиду. Примите уверения в моём почтении и преданности Вам! Покорнейший слуга — Алабин»²⁰⁶.

Вполне заслуженно имя П.В. Алабина связано и с инициативой постройки памятника «Иеродиакон Левский» — так он называется в документе. «Чтобы способствовать, хотя и в малой мере возрождению народного духа болгар, я от имени нескольких патриотических организаций предлагаю воздвигнуть в Софии памятник по приложенному плану»²⁰⁷. Памятник предлагалось воздвигнуть на месте казни патриота. Первый вклад на строительство памятника внесён от имени Славянских обществ в размере 567 франков, в том числе от Петербургского — 78 франков»²⁰⁸.

Во входящей книге Городского совета под № 490 от 11 сентября 1878 г. записано: «Полицмейстер заявил, что средства на сооружение памятника Васили Левскому найдутся и без общей подписи». Вероятно, после этого письма Губернаторство откликнулось на просьбу Председателя Софийского городского совета о сборе средств на строительство памятника Левскому — «человеку, имеющему неоспоримые заслуги в борьбе за свободу Родины»²⁰⁹.

Что подтолкнуло Алабина к созданию памятника именно ему? Ведь о делах Левского тогда знали очень немногие. Во втором своём письме из Самары профессору Марину Дринову, датированным 12 января 1879 г., он изливает свою боль от того, что здание, построенное для библиотеки отдано под нужды Императорского комиссара. Алабин завершает письмо категорично: «Прошу, не оставляйте без внимания памятник Левскому!»²¹⁰

В следующем письме от 28 апреля 1879 г. тоже профессору Дринову Алабин чертит набросок расположения памятника: «Построили ли вы памятник или работа только на середине пути? Тогда это печально. Не забывайте, как мы с Вами фантазировали и искали лучшее место для памятника Освобождения и оформления площади на перекрёстке дорог. Не умрёт ли наша мечта?»²¹¹

Прошло уже 17 лет с момента возникновения идеи, но Алабин, которому принадлежала инициатива строительства обелиска павшим при атаке Олтеницкого карантина Севастополя в Восточной войне, не отказался и от идеи памятника Левскому: «Четвёртое, — пишет он в письме Дмитрию Карамфиловичу от 30 июля 1895 г., — какова судьба памятника Левскому, который я начал строить на месте его смерти на окраине Софии? Если он завершён и, вопреки ожиданиям, нет его снимка, не поспособствуете ли вы, чтобы такой снимок был изготовлен?»²¹²

Очевидно, что Димитр Петрушев Карамфилович, последний адресат Алабина в Болгарии, был точен и корректен в отношениях со своим прежним начальником. Поэтому в письме от 28 сентября 1895 г. — последнем известном письме П.В. Алабина в Болгарию — через месяц после открытия памятника Левскому в Софии пишет: «Сердечно Вас благодарю, многоуважаемый г-н Карамфилович, за Ваше воспоминание обо мне и посылку. Взамен посылаю Вам мою фотографию на память о человеке душой и сердцем преданном Болгарии, сохранившему наилучшие

воспоминания о ней и о тех, с кем был связан по службе узами дружбы. Получил альбом с замечательнейшими видами сооружений Софии. Кроме памятника Левскому не узнал на одного сооружения. Как сильно всё преобразилось здесь после меня!»²¹³

Во входящей книге Городского совета за 1878 г. под № 499 от 13 сентября зафиксировано и сохранено следующее письмо: «Софийский Полицмейстер 13 сентября 1878 г. № 1102, город София, Софийскому Городскому Совету. Его Превосходительство господин Софийский Губернатор в письме ко мне от 8 сентября этого года под № 3409 вознамерился устроить в г. Софии публичную библиотеку и читальный зал при ней. Мне поручено определить в качестве помещения для неё и квартиры хранителя (первого библиотекаря — Й.Ц.) здание на углу сада, в котором живёт дивизионный врач Иванов. Под библиотеку выделяется свободная половина того здания, и необходимо немедленно приступить к переустройству». При этом г-н Губернатор даёт понять, что необходимые расходы на переустройство, такие как изготовление столов и шкафов, будут оплачены им из сумм славянских благотворительных обществ по его распоряжению.

Помимо всего прочего, предписываю Городскому совету составить своё постановление для предоставления указанного выше здания под библиотеку, чтобы можно было приступить к его приспособлению и предоставить как можно скорее это постановление мне, дабы я предоставил его Его Превосходительству. И.Д. Полицмейстер, гвардейский подпоручик Волков»²¹⁴.

Речь шла о здании на Юго-Восточном углу Городского сада (Северо-Западный угол на ул. Ген. И.В. Гурко и ул. В. Левского), которое в своё время было резиденцией князя А.М. Дондукова-Корсакова.

Позднее в недавно построенном здании на том же месте продолжительное время — до 50-х гг. XX века был Софийский муниципалитет. В 1994 г. это здание было разрушено и на его месте стали строить Мировой бизнес-центр.

Эта переписка ещё раз подтверждает выдающуюся роль П.В. Алабина в создании главной библиотеки Болгарии.

И ещё: письмо — это красноречивая иллюстрация его стиля работы. Он не распоряжался единолично, а привлекал всяческие инстанции, имеющие отношение к вопросу, прежде всего Городской совет, чьё постановление на предоставление здания единственно законное.

К сожалению, письмо Алабина от 8 сентября 1878 г. под № 3409 до сих пор осталось неизвестным, но мы уверены, что оно достаточно хорошо мотивировано. А быстрота, с которой необходимо решить вопрос, обусловлена тем обстоятельством, что Алабин должен был вскоре покинуть Болгарию.

Подчёркивая эти подробности и далее цитируя воспоминания современников тех событий, мы встретим и другой стиль работы. А это может нам объяснить, в известной степени, преждевременный отъезд Алабина из Болгарии.

Как уже отмечалось, тема «П.В. Алабин и Софийская народная библиотека» описывается многими авторами, которые подтверждают его роль и отдают ему заслуженные внимание и почести. Но ради этого человека вспомним одну заметку, хотя и несколько наивную, но весьма чистосердечную, от Ивана Б. Шумкова — второго библиотекаря, как его назвал в своей книге Велико Йорданов. «Иди, — сказал мне Зографский (будущий секретарь библиотечной комиссии — Й.Ц.) после разговора в Губернаторстве, — найди в Софии насколько можно большой дом. В твоём распоряжении есть 150–200 наполеондоров, необходимо расширить его комнаты и, как будет всё готово, доложить Губернатору. Пока я готовил помещение, Губернатор распорядился собрать в сундуки всю Денкооглувскую библиотеку училища и поместить в приготовленный мной дом. Кроме этого, он энергично принялся за дело и непрерывно 10–15 дней сам работал вместе со мной: научил меня как размещать и управлять столь богатой библиотекой, объяснил секреты. Губернатор не только велел собрать и принести все древние памятники из Софии, но и сам долгое время был в библиотеке. Он командировал меня в село Бояна собрать древние памятники и снять копию всех изображений святых в церкви Св. Николы — Св. Пантелеймона. По приказу Губернатора живописец Симеон скопировал 2 портрета в этой церкви: царя и царицы — древних болгарских владык, а их изображения помещены в библиотеку, как и 2 деревянных панагюрских пушки».²¹⁵

И ещё кое-что о чувстве ответственности Алабина и в благодарность ему: в Болгарском историческом архиве Народной библиотеки «Св. св. Кирилла и Мефодия» сохранена «приписка из письма П.В. Алабина заместителю Губернатора Софии подполковнику Лукашову 9 ноября 1878 г.»²¹⁶, на которую обращает внимание В. Кралевски, цитируя его почти полностью в «Нескольких заметках о возникновении Софийской народной библиотеки»²¹⁷. (Оригинал письма до сих пор не найден). С присущим чувством ответственности Алабин информировал собрание в Петербурге, где прочёл свой доклад о работе в Болгарии и главное о будущих задачах библиотеки и лавки при ней, в письме на 8 страницах. Ещё одна деталь: 25 сентября 1878 г. он ещё в Софии, 28 октября — уже в Петербурге с готовым докладом. Но работа над докладом не помешала ему послать свою

книгу «25-летие Самары как губернского города. Самара, 1877» с автографом «Софийской публичной библиотеке. Автор, 19 окт. 1878 г. Самара»²¹⁸. Явно Алабин спешил «пополнить» библиотеку. Пока он был в Софии, он располагал экземпляром книги, но ещё до того, как начал собирать книги для Софийской библиотеки, подарил этот экземпляр «Михаилу Алексеевичу Домонтовичу с глубочайшим уважением на память о Софии в Болгарии. Автор, 18 июля. г. София»²¹⁹.

В существующем архиве найдено и благодарственное письмо²²⁰ от коллектива библиотеки (по поводу письма Лукашову), которое предлагаем вниманию читателей:

«Публичная библиотека в Софии, 3 января 1878 г. Милостивый Господин Пётр Владимирович, письмо Ваше от ноября прошлого года Михаилу Ивановичу Лукашову было прочитано на общем собрании членов Софийской публичной библиотеки. Всё собрание после того, как заслушало письмо, единодушно решило направить копию на хранение в библиотеку, как дорогой памятник Вашей действительно отеческой заботы о ней. Вскоре после получения письма получили и книгу, изданную Вами в Петербурге, а затем и целую партию книг и календарей. Трудно передать тот восторг, который испытали все члены библиотеки при виде столь драгоценного дара, содержащего в себе почти все наилучшие произведения русской оригинальной и переводной литературы. Благодаря этому бесценному подарку библиотека вдруг приобрела очень важное значение: она уже открылась и посещается многими читателями — русскими и болгарскими. Не замедлили появиться и результаты такого интереса к книжной работе. Достаточно сказать, что уже решено получить для софийской библиотеки оставшуюся после смерти болгарского учёного Палаузова его личную библиотеку, представляющую собой очень полную коллекцию книг по истории, этнографии и лингвистике болгар и их соседей. Кроме того, благодаря содействию некоторых членов Софийской библиотеки и Болгарского Браилского книжного общества уже решено перенести все свои коллекции и установить связь с Софийским книгохранилищем. Из этих сообщений Вы увидите, милостивый Господин, что Ваши усилия по созданию публичной библиотеки в Софии не остались в тени. Из отправленных Вами вещей для библиотечной лавки получена посылка от магазина Колесова и Михина и устройства для копирования документов.

Половина из календарей и детских книг распродана, в скором времени надеемся продать и остальную половину, после чего отправим по назначению вырученные средства. Издания общества раскупаются очень быстро. Не сомневаюсь, что когда наши благочестивые соотечественники узнают поближе те издания и другие товары, торгующая с ними приобретёт значительные размеры. Только престольные одежды оказались не совсем пригодны для наших церквей, главным образом потому, что наши престолы в 2 или 3 раза больше русских. Церковная утварь и одежда, посланная по Вашему поручению с Михаилом Ивановичем Лихачёвым, ещё не получена. Выбор очень удачный и мы не сомневаемся, что они будут распроданы быстро. Но если будет задержка, едва ли мы сможем уплатить их стоимость в оговоренный срок, т.е. 4 месяца со дня их отправки из Петербурга. В этом случае мы попросим дать нам отсрочку, в которой, мы надеемся, нам не откажут.

От имени всех членов Софийской библиотеки покорнейше Вас просим, милостивый государь, принять искреннейшую нашу благодарность за Ваш неуёмный труд по устройству и развитию столь полезного учреждения для Болгарии, уверяем Вас как можем, что всегда поддержим доброе воспоминание о Вас и сожаление об очень кратковременном пребывании в Софии.

С глубочайшим уважением и преданностью имеем честь быть Вашими покорнейшими слугами!

Председатель комиссии
Секретарь

Дринов
Зографский».

«Библиотеки всегда были особенной заботой Алабина — пишет профессор П.С. Кабытов. — Он ценил их роль и в культурной жизни Самары: хорошо устроенная библиотека для города не менее важна, чем высшее училище»²²¹. А относительно Народной библиотеки в Софии Алабин сделал несколько интересных оценок библиотеки как учебного и научного института:

«Можно представить, — докладывает он собранию в Петербурге 28 октября 1878 г., — что молодое поколение Болгарии, освобождённой от турецкого ига, при всей своей любознательности, трудолюбии и жажде знаний, многое постигнет в короткое время, после чего в стране будут открыты проектируемые учебные заведения. Кроме того, необходимо в главном городе страны, в Софии, построить публичную библиотеку с бесплатным читальным залом, в котором будут книги на русском и болгарском языках.

Ввиду этого, в Софии было образовано специальное общество по устройству, развитию и управлению публичной библиотекой. Эта библиотека и читальня будут содержаться на: а) добровольную помощь; б) ежегодные взносы от членов содружества; в) абонемент на пользование книгами дома.

При этом для увеличения средств для библиотеки и читального зала в Софии Славянские общества для обустройства направляли различные приспособления и израсходовали 1147 франков»²²².

Алабин болезненно воспринял весть о том, что здание, предназначенное для библиотеки, отдали под резиденцию Императорского комиссара. В письме председателю библиотечного комитета профессору Марину Дринову от 12 января 1879 г. он пишет: «Францевич мне писал, что помещение, устроенное Славянскими обществами под публичную библиотеку и прочего, взято Императорским комиссаром. Очень прискорбно узнать это: Вы знаете как вредно действует на библиотеку, особенно на хорошо устроенную, переезд из одного здания в другое. Но самое главное и наиболее важное значение таких перемещений это то, что они принижают значение библиотеки в глазах населения, лишают её своего престижа, который мы пытаемся придать. Да и мыслилось превратить библиотеку в своеобразное святилище, в которое входили бы со священным трепетом к живому источнику мудрости и знаний. А теперь неожиданно это святилище превращено во что?! Ради бога сообщите: вернут ли здание библиотеке или дадут другое? Но будет ли оно удобно как прежде. И восполнят ли связанные с этим расходы? Ведь бросать на ветер деньги славянских обществ не совсем удобно»²²³.

Несколько месяцев спустя, в письме к М. Дринову он пишет о необходимости расширения библиотеки, о необходимости дать широкий размах библиотечной работе, которая даст со временем «пышный цвет и сладкий плод»²²⁴.

И в предпоследнем письме в Болгарию – к П. Карамфиловичу, Алабин интересуется: «Пётр! Какова судьба публичной библиотеки, которой я положил основание большим количеством книг во время пребывания в Софии и куда были посланы большие партии книг из Петербурга?»²²⁵

После назначения губернатором Софийского санджака Пётр Владимирович Алабин фактически продолжал действовать как главный агент Славянских обществ в Москве и Петербурге. За счёт пожертвований через него на содержание приютов в Тырново и Ловече были потрачены значительные средства. «Между прочим, – пишет он в докладе в Петербург, – требуется отметить, что во время моего пребывания в Тырново я посчитал, что первым делом необходимо направить средства от имени славянских обществ на возрождение древнейшей святыни этого города, а именно храма «Святых сорока мучениц», которая при завоевании Болгарии турками превратилась в мечеть. Для приведения этой святыни в приличный вид я отпустил местному вице-губернатору г-ну Цанкову 760 франков»²²⁶.

Из сведений о разрушенных церквях и училищах вычислено, что на их восстановление необходимо около 50 млн. франков. «Сопоставляя такие большие нужды, – продолжал доклад Алабин – и суммы, имеющиеся в моём распоряжении, не прекратил выделение средств, хотя и малых от имени Славянских обществ. Я решил помогать тем церквям, чьи прихожане изъявили намерение восстановить их, хотя и не имеют всей полноты возможности осуществить это. При том, я обращал большое внимание на церкви в тех районах, которые по Берлинскому трактату не вошли в состав Болгарского княжества. Таким образом, имел возможность оказать помощь 46 церквям, на которые израсходовал из сумм Московского общества 4281 франков и 40 сантимов и 2595 франков и 40 сантимов – из средств Петербургского общества.

Кроме того, отпустил на содержание Одринской епархии – архимандриту Евтимию 103 франка. Независимо от этого отпустил образованному по моей просьбе обществу помощи церквям в Пловдиве, т.к. они больше всего пострадали в этой губернии, председателем которого является болгарский экзарх Иосиф, от Петербургского общества 4004 франков, от Московского – 3057 франков.

Таким образом, все средства, отпущенные мной из сумм славянских обществ в помощь болгарским церквям – 15430.

Но кроме этой денежной помощи у меня есть возможность от имени Славянских обществ оказать помощь многим болгарским церквям, раздавая им посланные мне из разных районов России, по большей части из Москвы, Самары, Харькова, Казани, от граждан и Московского славянского общества церковные книги, утварь, священнические одежды, престольные кресты и евангелие»²²⁷.

Внешняя помощь нужна и для поддержки народного образования и училищного дела. Но, сообщает Алабин, «удовлетворять эти нужды столь малыми средствами невозможно. Необходимо дать известную помощь там, где нужда воистину вопиюща. Так, я дал Охридскому митрополиту из сумм Московского общества на восстановление училища в Солуни 2040 франков..., отпустил на восстановление разрушенного турками училища в Бебровской околии, в Тырновскую губернию – 360 франков, купил книги для открывающегося в Софии училища – 140 франков (об этом училище Алабин пишет Дринову в Плодив 31 августа 1878 г.: «Голубчик, Марин Степанович, при нас открылось училище на 265 человек, а только нет учебников, книг для чтения, ни бол-

гарских, ни русских, нет даже азбуки. Направьте что-нибудь с Божьей милостью, пошлите что можете!»²²⁸), раздал ученикам сельских училищ книги — на 21 франк. Таким образом, в помощь только первоначальным училищам израсходовано 2828 франков.

Есть еще и потребности, к которым невозможно отнестись равнодушно: самые нуждающиеся в помощи македонцы, не имеющие возможностей вернуться в отчие дома, т.к. и до сих пор их страна занята турками. Между тем, известно, что македонцы — самые хорошие люди в дружине, удивлявшие своей храбростью и мужеством в боях даже наших старых воинов. Я выделил македонцам на пропитание в ожидании возможности вернуться домой 894 франка»²²⁹. (Речь идет о македонцах, сражавшихся в составе Болгарского ополчения).

Даже самый беглый взгляд на документы, свидетельствующие о разносторонней и самоотверженной деятельности П.В. Алабина, показывают его энергичным и умным строителем болгарской государственности с подчеркнuto национальным культурным обликом.

На собрании по введению гражданского управления и избранию членов городского совета в Самокове 14 февраля 1878 г. вице-губернатор профессор Дринов заявил: «Всюду по освобожденной Болгарии вводится болгарское гражданское управление. Я уполномочен заявить Вам от Его Превосходительства Софийского губернатора, что от того дня, в которой святая церковь празднует память нашего великого соотечественника и просветителя славного Кирилла Философа, гражданское управление вводится в нашем городе и округе»²³⁰.

1 апреля 1878 г. П.В. Алабин обратился со следующей просьбой к председателю Московского славянского общества И.С. Аксакову: «Во вверенной мне губернии имеется 11 вакантных мест окружных врачей. Но я не решаюсь назначить лиц, которые мне предлагают свои услуги (преимущественно греки, армяне, итальянцы), потому что никто из них не знает болгарского. В то же время тут врачи крайне необходимы, особенно в сегодняшнее время. Имею честь Вас просить, Милостивый Господин, придите на помощь в этом важном деле, предложите врачей болгар на должность окружного лекаря в одном из округов во вверенной мне губернии»²³¹. Необходимо отметить, что опытный администратор Алабин не назначал кандидатов не столько из-за незнания языка, сколько из-за того, что многие кандидаты на должность не имели серьезного медицинского образования. В циркуляре окружным начальникам вверенной ему губернии 10 марта 1878 г. Алабин дал указания направить слушателей на курсы переводчиков в Пловдив. И напоминал: «Если среди желающих окажутся люди, вполне способные, но из-за бедности не могут доехать до Пловдива, то предлагаю им дойти до Софии и уведомить меня. Им будет оказана помощь из средств от Славянского общества»²³².

П.В. Алабину приходилось работать на высоком посту в очень сложной международной в внутривосточной обстановке: рядом находилась Македония, которая оставалась под властью Турции. Напряженными были и отношения на сербско-болгарской границе: ряд болгарских населенных пунктов заняли сербские войска.

2 марта 1878 г. население Разложского края, оставшееся под властью османов, направило «Обращение к Славному правителю Софийской губернии», в котором просило прислать русских воинов «для освобождения нашей местности»²³³. А в письме от 1 июня 1878 г. Марину Дринову в Пловдив П.В. Алабин настаивал: «Напишите, как относится начальство к сербской истории с захватом города Пирот и что делать если сербы дойдут до нас?»²³⁴ Очень беспокоили его и результаты Берлинского конгресса²³⁵.

Большое участие он принял и в судьбе жителей города Горна Джумая (ныне Благоевград), требовавших помощи в освобождении от власти турок²³⁶. Совсем рядом происходили столкновения болгар с турками²³⁷, увеличилось число беженцев с территорий, оставленных по решению Берлинского конгресса под властью турецкого султана²³⁸. Оказывалась помощь повстанцам, беженцам²³⁹, непрерывно решались сложные задачи налаживания повседневной жизни²⁴⁰.

Опубликованные документы²⁴¹, воспоминания участников событий тех лет и специальные исторические исследования²⁴² убеждают, что П.В. Алабин хорошо был знаком с болгарским сопротивлением и повстанческим движением на территориях, оставшихся под турецким владычеством и был противником решений Берлинского конгресса²⁴³.

Сохранилось много свидетельств о финансовой помощи П.В. Алабина македонцам²⁴⁴ и повстанцам других районов²⁴⁵, что позволило профессору Дойно Дойнову сделать вывод о том, что «по всей вероятности руководители движения получили благословения и от представителей Временного русского управления в Софии — князя Дондукова-Корсакова, Петра Алабина, болгарина Марина Дринова и др.»²⁴⁶

В сентябре 1878 г., накануне восстания в Кресна, Тырновский комитет «Единство» принял решение передать 1000 франков Милетию Софийскому через П.В. Алабина²⁴⁷. Деньги были нужны для организации и вооружения двух боевых отрядов (чет). Третья горноджумайска чета под командой воеводы Стою Торолинко носила имя «Алабин»²⁴⁸.

Автор исследования по истории Кресненско-разложского восстания 1878-79 гг. пишет: «Австрийский консул (в Софии — фон Цвиденек. — Й.Ц.) доносил, что в августе и сентябре (1878 г.) в Софии было проведено несколько совещаний с участием Алабина. По мнению консула, София была руководящим центром повстанческого движения в Македонии»²⁴⁹.

Как видим, Пётр Владимирович имеет огромные заслуги в защите будущих интересов болгарской державы, защите славянства и православия.

Как говорилось ранее, Алабин постоянно помогал церкви и школам Македонии, изнемогавшей под турецким владычеством. Проявлял заботу о беженцах, в том числе и о турках, когда те оказывались в таком же положении. Он был твёрдо убеждён, что болгарские земли лишь временно разделены, они рано или поздно воссоединятся. Поэтому он и убежал джумайцев и македонцев не покидать свои места («не обезболгаривать их!»).

Хочу предложить читателю ещё три письма для иллюстрации того, что всё сказанное выше обосновано. Многие письма П.В. Алабина — органический синтез русской задушевности и французского изящества и утончённости конца XIX века.

«25 декабря 1878 г., г. Самара. Незабываемый Марин Степанович от всего сердца искренно поздравляю Вас с Новым годом! Пусть даст Бог чтобы и наступающий год был бы так же счастлив как и истёкший. Вы всё ещё оплакиваете прошедшее?! Ваши мечты, усилия в основном сбылись, хотя и не в полном объёме. Судьба вам принесла подарки, которые Вы заслужили сполна. Перечислим: первое — а) Отечество освобождено, хотя и в нежелательных границах, но начало положено — и слава Богу; б) София стала столицей; в) Создана стройная система управления страной и Вы приняли в этом значительное участие. Ваши труды оценены высокой наградой — крест, красивейший из всех аналогичных наград. И Вы полностью заслужили эту награду. Второе — добрые отношения, которые, как я чувствую, установились между Вами и Князем²⁵⁰. А ведь были и другие, которые парализовали многие Ваши добрые начинания. Желая всего наилучшего, крепкого здоровья на истинную пользу для вашей страны.

Как встретите Новый год? Может, встретитесь со старыми добрыми друзьями, с которыми Вы направлялись в Плевен в конце нашего софийского губернаторства? Что касается меня, то те дни навсегда останутся для меня забываемыми. Бывшее по-юношески свято, поэтически идеально, таким светлым казалось тогда будущее. Видите, как распорядилась судьба: наша маленькая группа ныне разбросана по всей земле, по горам и морям. Владимиров в Петербурге. Как действует наше управление? Довольны ли были наши болгары?»²⁵¹

«28 апреля 1879 г. г. Самара. Милый, близкий моему сердцу Марин Степанович, сколько уже прошло времени с того дня, когда мы виделись в последний раз? Какие замечательные события происходят? Искренне поздравляю Вас с развитием Ваших отечественных дел, хоть далеко не завершённых, но весьма масштабных и с избранием Князя (Александр Баттенбергский). Какие ещё беды случились? Что будет с Болгарией и Румелией? Боюсь, что кровавая река не скоро войдёт в берега и ещё долго будет бушевать и заливать цветущие поля Болгарии. Как жалко Джумаю! Письма о положении в этом городе я не могу читать без слёз. Больно, что судьба не дала мне возможность остаться до окончания нашего дела в Болгарии. С радостью читаю в газетах о работе Вашего замечательного митрополита Охридского на пользу Отечества. Что ещё выйдет из этой работы, это другой вопрос ..., но хорошо то, что люди не дремлют, зарывшись в болотной тине, стремятся, несмотря на личные невзгоды, лишения, горе, страдания добиться доброго положения своего Отечества»²⁵².

30 июля 1895 г. Алабин пишет из Самары Карамфиловичу большое письмо. В нём, кроме прочего, говорится следующее: «Огромную радость доставила мне присланная Ваша брошюра с любезной надписью на ней. Она всколыхнула во мне чувства, которые испытывают друзья и приятели при радостной встрече, когда потеряна надежда на возможность самой такой встречи. Видите, каким множеством вопросов я Вас засыпал, но во имя наших старых добрых отношений, пожалуйста не пожалейте трудов и соберите необходимые для меня сведения. Не лишайте меня надежд снова порадоваться Вашему ответу.

Вечный Ваш должник и неизменно преданный Вашей милой родине, искренне любящий Вас, покорный слуга и доброжелатель»²⁵³.

В этих письмах видится истинный Алабин. Можно процитировать и ещё. В письме к Марину Дринову от 25 декабря 1878 г. после вопроса: «Неужели освобождение Македонии — миф?» — он высказывает готовность снова отправиться на Балканы, если потребуются²⁵⁴. Пётр Владимирович возмущается тем, что специальное здание, приготовленное для библиотеки, передано для нужд Императорского комиссара. Его интересуется судьба приветственного адреса Князю Болгарии. Просит он честно и правдиво ответить, почему из 8 болгарских губернаторов лишь один был обойдён наградой (хотя были награждены в том числе и молодые люди, бывшие на губернаторском посту очень краткое время). «Клянусь честью, награды мне не нужны, не за них я работал, но когда награждают всех (подчёркнуто самим Алабиным — Й.Ц.), а один остаётся не награждённым, то

значит ему будет причинён ущерб²⁵⁵. Но почему это случилось со мной? Если в Вашем сердце осталось хоть маленькое место для меня, то по старой дружбе я настойчиво прошу Вас — напишите мне истину: чем я провинился и чем именно недоволено начальство. Это меня вполне успокоит»²⁵⁶.

На первый взгляд последние письма уведут нас от нашей главной темы, но они — зеркало его души и проливают частично свет на то, почему преждевременно покинул Болгарию Пётр Владимирович. Мы не имеем возможности развивать тему о взаимоотношениях в высших кругах русского общества последней четверти XIX века. И не потому, что это не наш объект исследования, а потому, что архивные источники по этому сложному вопросу нам недоступны.

Официальная русская историческая наука оставила без внимания эти проблемы. Но мы будем недалеко от истины, если допустим, что недовольство Алабиным могло проявиться после речи близкого соратника Ивана Сергеевича Аксакова, произнесённой 22 июня 1878 г., направленной против решений Берлинского конгресса о раздроблении Санстефанской Болгарии. Как известно, после той речи Аксаков был смещён с поста председателя Московского славянского общества и сослан в село Варварино Владимирской губернии, а само общество было закрыто²⁵⁷.

Поворот в политике русского правительства, внезапная смерть князя Владимира Александровича Черкасского, изменения в структуре «Гражданского управления», славянофильские взгляды П.В. Алабина несомненно ускорили «преждевременный отъезд». Известную роль играли и межличностные отношения. Я далёк от осуждения одного и возвеличивания другого, но должен отметить несомненную разницу в стиле работы Императорского Комиссара князя Дондукова-Корсакова и Софийского губернатора Петра Алабина. Читатель может убедиться в этом, ознакомившись с трудами проф. Христо Гиндева, н.с. Горана Тодорова, патриарха Болгарского Кирилла²⁵⁸. Очень ценные сведения содержат воспоминания Александра Мосолова, подпоручика конной гвардии, назначенного 4 апреля 1878 г. в распоряжение Софийского губернатора. Воспоминания имеют и ряд неточностей, вполне объяснимых, поскольку они были написаны и опубликованы в 1936 году, то есть почти через 60 лет после описываемых событий и после многих превратностей в его судьбе: придворный русского Императора, ставший эмигрантом, погребен в Софии в 1939 г.²⁵⁹

Пётр Владимирович Алабин покинул Болгарию 29 сентября 1878 г.²⁶⁰ Сохранилась визитная карточка, на которой имеется следующий текст: «Пётр Владимирович Алабин, Софийский губернатор, Действительный статский советник». А на ней текст от руки: «Выехал из Софии 28 сентября, необходимо быть на пловдивском вокзале 29 сентября и хотел бы встретиться с Марином Степановичем»²⁶¹.

В письме Аксакову ещё в июле 1878 г. он попытался скрыть истинные причины перемены в жизни: «Всё трудно стало тут, — пишет он, будучи далёк от Родины и всего родного, — Особенно трудно сегодня, когда моя семья уехала, войска начинают уходить домой, а мне предстоит играть нелепую роль раненого аиста в тот момент, когда он собрался в далёкий полёт». Но пишет и правду: «Мне требуется замена, но мне совестно оставить здесь службу, прежде чем я увижу результаты начатого дела»²⁶².

За деятельность в Болгарии П.В. Алабин не был награждён болгарским орденом. Последние годы его жизни совпадут с теми болгарскими событиями, которые он называет «смутой и недоумением, ставшие в последнее время в такой близкой моему сердцу стране». И позвольте предложить с чувством признательности и уважения к современникам описываемых событий сегодняшнему читателю некий документ — некролог о смерти Петра Владимировича, опубликованный на первой странице журнала «Мир» в № 5 от 17 мая 1896 г. без подписи автора, хотя он осведомлён и точен: «10 мая (10 мая 1896 г. — Й.Ц.) в Самаре состоялось поминание первого Софийского губернатора, после освобождения, — П.В. Алабина. Болгария, а особенно столица, также поминают покойника. Славянофил по убеждениям, он всей душой был предан этой идее и работал ради неё. Как глава г. Самары он убедил сограждан поднести Болгарскому ополчению, ядру нашего войска, то знамя, которое при Стара-Загоре и Шипке, пробитое пулями, передаваемое из рук в руки, окровавленное вдохновило воинов и не было отдано врагу.

Когда оказалось, что древко знамени было сломано в бою, то Алабин изготовил в Самаре серебряную гривну (скоба) с надписью и она сковала, соединила обе части древка. 6 апреля 1885 г. в день тысячелетия со дня смерти святого Мефодия и 6 сентября в годовщину Соединения П.В. Алабин единственный от России прислал в Софию поздравительные телеграммы. Как представитель Московского славянского благотворительного комитета он многое сделал вместе с согражданами по восстановлению разрушенных церквей во многих сёлах Болгарии. Как софийский губернатор вместе с вице-губернатором М. Дриновым представили убедительные доводы князю Дондукову о необходимости сделать столицей именно город Софию. Известие о том, что Берлинский конгресс разделил наше Отечество, для него прозвучало как удар грома, и тогда он

подаёт в отставку с губернаторской должности и уезжает в Россию. Имя Алабина носит одна из лучших столичных улиц. МИР ЕГО ПРАХУ»²⁶³.

18 мая 1896 г. художественно оформленным некрологом городское правление Софии известило граждан о смерти почётного софийского гражданина и первого софийского губернатора Алабина и отслужило панихиду в соборной церкви «Святой король» за упокой души покойного²⁶⁴.

В тот же день городской голова Софии отправил следующую телеграмму: «Самара. Семья Алабиных. В эти минуты, когда мы узнали из печати о кончине достойного и заслуженного бывшего Софийского губернатора почётного гражданина Петра Владимировича Алабина, Софийское городское управление просит Вас от имени всех сограждан принять глубокие соболезнования в постигшей Вас печали. В воскресенье отслужили панихиду. Глава города Горбанов»²⁶⁵.

20 мая 1896 г. — каковы корректность и уважение! — из Самары была получена следующая телеграмма: «Главе города. Искренно Вас благодарим. Просим передать гражданам Софии глубокую признательность за глубокое сочувствие и сердечную память. Варвара и Андрей Алабины»²⁶⁶.

Как известно, именем Алабина названа улица, на которой он жил. Это подтверждает и протокол заседания «Средецкого городского управительного совета» от 26 мая 1878 г., где говорится «постановили: 3. Сохранить название — «Площадь Гурко» и «Улица Алабина». На том же заседании приняты и другие подобные решения, в том числе о присвоении почётных званий и названий улиц другим почитаемым мужам: «Улица Позитано» и «Улица Леге»²⁶⁷.

«Почётный гражданин Софии» — таким званием почтил братский народ подвиг Алабина на Балканах²⁶⁸.

Всё сказанное выше дает нам право считать П.В. Алабина убеждённым приверженцем славянской идеи, знающим и опытным администратором, политиком-реалистом, учитывающим как сегодняшнюю конъюнктуру, так и будущее, ревностным апостолом (как отзывался о нём Владимир Васильевич Стасов) сохранения историко-культурного наследия возрождающихся наций. И хотелось бы ещё повторить слова Сергея Белова и Евгения Белодубровского: «Пётр Владимирович Алабин — герой четырёх войн, член славянского благотворительного общества, почётный гражданин Вятки и Самары, самарский городской голова, член общества Красного Креста, основатель публичной библиотеки в Самаре, статистик, публицист, историк, археолог, музейный деятель, библиограф, библиотечный деятель, составитель книг для народа, инициатор изготовления Самарского знамени, организатор первой публичной библиотеки в Болгарии, первый гражданский губернатор Софии»²⁶⁹ и ещё дополним: и Софийской губернии и друг Болгарии до последних дней своих.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

НОВАЯ КНИГА О П.В. АЛАБИНЕ

Имя видного прогрессивного общественного и культурного деятеля второй половины XIX века, почётного гражданина городов Софии, Вятки и Самары Петра Владимировича Алабина (1824–1896) широко известно в России и других славянских странах.

В книгах известных учёных дореволюционной России М.И. Семевского, С.А. Венгерова, П.К. Мартынова, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона печатались биографические очерки о П.В. Алабине. В последние десятилетия его жизни и деятельности были посвящены исследования краеведов С. Чудовой, Н.Н. Яковлева, П.С. Кабытова, И.М. Алабина, О.В. Московского. Его именем названа одна из центральных улиц г. Софии. В 1992 г. имя П.В. Алабина присвоено Самарскому областному историко-краеведческому музею.

Воин и летописец четырёх войн, инициатор создания Самарского знамени, первый гражданский губернатор освобождённый от турок Софии, самарский Городской Голова (1885–1891), председатель губернской земской управы (1891–1892), член Московского славянского комитета внёс значительный вклад в развитии городского хозяйства и культуры Самары, исследованию её истории, содействовал созданию публичного музея, развитию городской библиотеки, народного образования, оставил глубокий след в истории русско-болгарских отношений.

П.В. Алабин был тесно связан с семьёй писателя С.Т. Аксакова, особенно его сыном - Г.С. Аксаковым, К.К. Позерном, с художниками Н.Е. Симаковым, Ф.Е. Буровым, с графиком Н.Н. Каразиным, скульптором В.О. Шервудом. Последний по просьбе П.В. Алабина принимал участие в составлении первого проекта здания для библиотеки и музея.

Почти полвека своей жизни посвятил изучению жизни и деятельности нашего знаменитого земляка болгарский историк и журналист Йордан Димитров Ценов. Он известен циклом замечательных статей, опубликованных в газетах и журналах Болгарии и России²⁷⁰.

К 120-летию со дня освобождения Болгарии от османского ига появилась его новая работа – книга «Знамя и губернатор: (Самарское знамя и Пётр Владимирович Алабин)»²⁷¹. Это итоги многолетних исследований автора, собравшего огромный документальный материал по истории одной из самых драматических и знаменательных страниц истории Болгарии и России.

На широком общеисторическом фоне через биографию замечательного человека показываются политические события, имеющие судьбоносное значение в истории славянства, глубоко осмысливаются факты боевого и культурного сотрудничества наших народов.

Автор напоминает новому поколению болгар, что совсем не случайно гражданин Самары стал первым гражданским губернатором Софии. Лишь высокообразованный человек, обладавший опытом военного и гражданского управления, знавший городское хозяйство, экономику, дипломат, имевший широкие связи в среде болгарской и русской научной и художественной интеллигенции, смог выполнить общественные и административные обязанности, выпавшие на его долю в разорённой войной Болгарии.

Очень интересны разделы книги, посвящённые истории детища Петра Владимировича – Самарского знамени. Глубокое документальное исследование позволило автору поставить и осветить ряд спорных вопросов его создания, доказать, что оно создавалось специально для Болгарии.

Одновременно ярко и увлекательно раскрывается биография П.В. Алабина в целом и как часть истории Болгарии первых лет после освобождения. Многочисленные иллюстрации, копии редких документов, часть которых впервые вводится в научный оборот, усиливают познавательную ценность труда Йордана Димитрова Ценова и будут весьма интересны и болгарскому, и российскому читателю.

Л.В. Храмов.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ В РОССИИ ПИСЬМА П.В. АЛАБИНА БОЛГАРСКИМ ДРУЗЬЯМ

Письма — уникальный и ценнейший вид исторического источника. Они могут лечь в основу изучения широких общественных настроений. Сегодня, как известно, эпистолярный жанр вырождается. Технический прогресс (телефонизация, факс, интернет) этому активно способствуют. А вот в XIX в. умели и любили писать. Многие письма того времени становились едва ли не художественными, публицистическими и даже философскими произведениями.

Замечательный государственный и общественный деятель, почётный гражданин г. Вятки, Самары и Софии Пётр Владимирович Алабин (1824–1896) оставил, как известно, солидные труды по истории, экономике, статистике и культуре Самарского края, военные мемуары²⁷². Его статьи и книги давно и прочно вошли в научный оборот и хорошо известны общественности.

Однако, до сих пор далеко не собрано и в полной мере не исследовано эпистолярное наследие П.В. Алабина. Его письма рассеяны по многим архивам России и Зарубежья: он многие годы имел адресатов в Москве, Петербурге, Софии, Киеве, Харькове, Севастополе, Вятке, Пловдиве, Константинополе и т.д. Активно переписывался с членами семьи писателя С.Т. Аксакова, В.И. Анненковым, К.К. Позерном, с художниками И.Е. Репиным, И.К. Айвазовским, Н.Е. Симак-вым, Ф.Е. Буровым, графиком Н.Н. Каразиным, скульптором В.О. Шэрвудом, с ветеранами Восточной (Крымской) войны, активными участниками Освободительной войны 1877–1878 гг., многочисленными болгарскими друзьями. Особенно частыми были его письма к профессору М.С. Дринову (1838–1906)²⁷³ и Д.П. Карамфилову (1839–1906)²⁷⁴ в Софию.

Сравнительно недавно известные болгарские исследователи — историки и библиографы Йордан Ценов, Теодора Узунова и Мая Ценова обнаружили в болгарском историческом архиве (БИА) при Народной библиотеке имени святых Кирилла и Мефодия — главном книгохранилище страны — четырнадцать писем П.В. Алабина, не известных российским и болгарским историкам²⁷⁵.

Обнаруженные письма П.В. Алабина охватывают время от мая 1878 г. по сентябрь 1895 г. Этот период был насыщен важными событиями болгарской истории: становление государственности, укрепление административного аппарата освобождённых областей, время очередных территориальных споров с Сербией, сложных проблем с беженцами, появившимися в результате решений Берлинского конгресса, трагические события Кресненско–Разложского восстания, воссоединения с восточной Румелией, осложнение отношений с Россией и т.д.

Часть писем П.В. Алабина написаны в последние месяцы пребывания его на посту софийского губернатора, другие после его возвращения в Самару. Одни письма носят официальный характер и написаны на бланках губернатора или Главного агента Московского и Петербургского славянских комитетов, другие носят характер частной переписки.

Письма отражают его активную гражданскую позицию, живейшее участие в судьбе молодого государства, озабоченность состоянием дел культурно-просветительных учреждений, созданных по его инициативе. Алабина волнует судьба болгар, находящихся в турецких тюрьмах, беженцев из южных и западных районов Болгарии, беспокоят раздоры и несогласие чиновников. Сообщает он и о своих личных делах и семейных обстоятельствах (перемещения по службе, закрытие Московского славянского комитета, сообщает горестные известия о смерти двух сыновей (Василия и Ивана) и трёх дочерей (Елены, Марии и Ольги), о своей любви к «дорогой его сердцу стране»).

В письме от 28 сентября 1895 г. из Самары Д. Карамфилову он написал: «С величайшим вниманием слежу за ходом дела в Вашем милом отечестве, и желаю, и молю бога, чтобы всё устроилось наконец в нём к лучшему и чтобы оно испытало годы истинного счастья, спокойного развития и благосостояния, право на которое оно купило: и вековыми страданиями под игом неверных, и мужеством сынов своих в годы освобождения и трудностями того переходного времени, в каком оно доселе находилось после своего воскресения.

Пожмите за меня руки тем, которые меня ещё помнят и пришлите выражение искреннего к Вам расположения покорного слуги. П. Алабин».

Текст писем труден для прочтения. Исчезли, угасли многие знаки препинания, иногда несколько слов составляют единое целое. В тексте немало архаизмов, имён малоизвестных сегодня лиц, описание событий, деталей, известных лишь адресатам и т.д. Некоторые слова уже невозможно прочитать. В целом письма весьма интересны, информативны для исследователей и добавляют новые штрихи к портрету легендарного самарца — Петра Владимировича Алабина.

Ниже публикуется — 7 писем П.В. Алабина, найденных в Болгарском историческом архиве Й.Ценовым, Т. Узуновой и М. Ценовой.

№ 1.

Письмо исполняющего должность Губернатора Софии П.В. Алабина, в котором предлагается проф. Марину Дринову стать членом Комитета по освобождению болгар, ещё находящихся в заточении.

14 мая 1878 г., г. София.

Признаётся необходимым сформировать особый Комитет, который привёл в известность всех болгар до сего ещё времени находящихся в заточении, составил бы им списки и согласно указания полученного из Главной квартиры передал бы таковые списки русскому посольству в Константинополе.

Приступая к открытию такого Комитета в г. Софии под своим председательством, имею честь просить Вас, Милостивый Государь, принять на себя звание члена оного Комитета и на открытие его пожаловать в час дня 15 сего мая в мою квартиру.

И.Д. Софийского Губернатора П. Алабин.

// НБКМ, БИА, ф. 111, а.е. 1, л. 32, 33, оригинал, рукопись.

№ 2.

Письмо П.В. Алабина профессору Марину Дринову с информацией о событиях в Софии, действиях сербов в Пироте и с просьбой Петра Владимировича о приёме сына Василия в новый состав болгарского ополчения.

1 июня 1878 г., г. София.

Верьте или не верьте, Сердечный Марин Степанович, — Ваша воля, но я не могу скрыть от Вас, что отъезд Ваш из Софии был для меня так тяжёл и прискорбен, что я почти ожесточён был против Вас, как будто Вы были причиной этого отъезда! Что делать, так глупо устроена моя натура. Но ради Бога, не подумайте чтобы разлука с Вами была для меня лишением по политическим причинам, так как в Вас я потерял никем незаменимого служебного товарища и советника. Нет, просто на просто, уезжая, Вы увезли с собою клочок моего сердца, а когда рвут его хотя и на маленькие кусочки, согласитесь, больно! Без Вас мне стало пусто в Софии ..., первые дни мне всё чего то недоставало, два первые дня после Вашего отъезда я не завтракал даже! Всё мне казалось авось Вы придёте и постучите в дверь, как бывало. Вот какая глупость. Разумеется потом привык. Человек та же собака — повоюет первые дни, а потом пойдёт легче и легче. Но кто скажет можно ли было бы жить на свете, если бы этого собачьего свойства в человеческой природе не было. Моя жена приехала с дочерью и, естественно, разлука с Вами стала не так тяжела как в первые дни. Может быть сердце, болеющее по Вас, переживёт, это правда, но так как после зажившей раны остаётся рубец навсегда, так и в душе моей навсегда сохранится прекрасная память о тех днях, которые я прожил с Вами и о тех истинно дружеских отношениях, какие между нами установились. Господь с Вами: я очень рад, что моё пророчество осуществилось, что Вас ставят во главу народного просвещения в Болгарии. Конечно, этому делу никто кроме Вас не сможет принести пользы и если новое Начальство сумеет и для других высших постов края подобрать так отвечающих делу людей, то славно исполнит свою задачу к чести России. Вчера весь день просидел в суде по делу об офицере, ударившем Клучана. Прокурор говорил очень хорошо, наш Глинский очень плохо, однако суд поступил превосходно: ввиду возбуждённого сомнения в умственных способностях преступника, признав факт совершённого им преступления, суд постановил отдать его на 6 м(еся)цов на испытание в лечебницу душевно больных. Думаю, что Вы интересуетесь чем кончилось дело в Брезе. Слава Богу благополучно: 8 человек зачинщиков выдано; 11 человек новобранцев присланы и я их сегодня свидетельствую в воинском присутствии, беглык уплатили, оружие выдали, но главное, по милости Божией: ни одной капли крови не пролито, ни одной жизни в деле не употреблено. Напишите, что узнали о настроении наших начальств относительно сербской истории в Пироте, с братьями, отойдут ли к нам. Как Вы устроились, не пойдёте ли вправду на конференции. Кланяйтесь Иванову. Пошлите моё письмо на почту. Если Вы знакомы с Давидовым, то, пожалуйста, отдайте ему прилагаемое письмо лично и замолвите слово в пользу того, о чём прошу, а прошу его взять моего старшего сына в ополчение, он ротмистр, отлично знает службу и любит её, будет полезен, смею уверить, особенно, если будет сформирована кавалерия. Напишите что скажет. А незнакомы, так просто отошлите ему письмо. Душою и сердцем Вам преданный Алабин.

ПП. Ужасно интересное письмо получил от И. Аксакова. Вероятно приеду сам в Филип(ополь). Тогда привезу прочтём вместе.

// НБКМ, БИА, ф. 111, а.е. 24, л. 3, 8, оригинал, рукопись.

№ 3.

Письмо П.В. Алабина проф. Марину Дринову о действиях «начальства» г. Пирот, порицание болгарам, отказывающимся занимать государственные посты, об отделении Македонии от Сан-стефанской Болгарии.

4 июля 1878 г., г. София.

Я не в Вас, сердечный Марин Степанович: пользуюсь всяким случаем, чтобы сказать Вам хоть несколько слов.

1. Сказали что Загорский утверждён, а доселе нет из управления ни слова.

2. Крест для Поибрене готов совершенно и получен мною. Напишите чтобы за ним ..., а не то я отдам его в собор здесь — пусть храниться в свободной Болгарии. Как думаете?

3. Пироту было приказано послать в Крагуевац на скупшину представителя. Таковым выбрали Средковича, который давно уже там.

4. Пиротское начальство заступившее Средковича, прислало мне требование: арестовать и доставить в Пироту Коцу Георгиева, помните, Пиротского главного кмета, который будто бы бежал из Пирота и захватил общественные деньги, в которых не дал отчёта.

Вот молодцы-то. Они его сейчас на цепь посадят. А меня то в какое положение ставят. Обязан его поднимать из города и потребовать от него отчёта в деньгах, бывших у него на руках, он говорит всего 300 дукатов. Попробую отослать. А если не удовольствуются, ведь надо выдать. Как думаете? А выдать больно уж совестно. Ведь он под нашей защитой.

Что это Ваш Коцев возлюбленный решительно служить не хочет? Кто же будет служить, извольте, Господа! Цанов уходит. Выбрать решительно. Ведь это срам. А дела усложняются — теперь то истинным патриотам забыть всякие личные интересы и послужить бы надо — а они в кусты!!

5. Посылаю Вам повестку. Приложите получить пакет и пожалуйста перешлите мне хоть казёнными бумагами.

6. Крепко пожмите руку

7. Скажите ему что о Мягкове, т.е. об его отчислении, доселе нет предписания и офицер даром сидит здесь и даром получает большое содержание.

8. Воротился ли князь и если нет ещё, то когда воротится.

9. Что, батюшка, Македонская рыба видно уплыла! Пиротских ковров нельзя достать будет! И не зачто Вам заказывать столы и службы в Софии! Так что ли, а если не так, то как?

10. Экзарх завтра уезжает. Всех ваших попов, и големых и малых, которых знаю, сложить так разве только из них можно ему подкинуть. Славный старик.

11. Будьте здоровы. От искреннего сердца обнимает и целует Вас, любящий Вас Алабин.

// НБКМ, БИА, ф. 111, а.е. 24, л. 9, 10, оригинал, рукопись.

№ 4.

Письмо главного агента Московского и Петербургского славянских комитетов П.В. Алабина профессору Марину Дринову, бывшему в 1878—1879 гг. министром просвещения Болгарии о судьбе напрестольного креста для церкви в с. Поибрене общины Понагюрище в связи с изменением судеб Болгарии вследствие решений Берлинского конгресса.

15 июля 1878 г., г. София.

Главный агент Московского и Петербургского славянских обществ в Болгарии, № 2529/15 июля 1878 г., г. София.

Милостивый Государь Марин Степанович.

Известный Вам Поибренский крест, как Вы изволите помнить, предназначался для помещения на престоле Поибренской церкви, для чего на средства славянских обществ Московского и Петербургского сделан мною пьедестал под этим крестом и надпись, рассказывающая его историю. Но такое предназначение было сделано ввиду условий Сан-Стефанского договора, по которому с. Поибрене отходило к Болгарскому Княжеству. Ныне, с изменившимися обстоятельствами, многие болгарские патриоты находят, что такой народной святыне, как Поибренский крест, не подобает находиться в Восточной Румелии, а в южной или северной Болгарии.

Сообщая об этом обстоятельстве Вашему Превосходительству, имею честь покорно просить высказать своё мнение, с тем, что не признаёте ли и Вы со своей стороны более удобным ныне поместить названный крест в Софийском кафедральном соборе, обязав священнослужителей одного ежегодно, в день смерти болгарского героя Бенковского, служить торжественную по нём литургию и панихиду.

Примите уверения в моём к Вам почтении и преданности.
 Покорнейший слуга П. Алабин.
 // *НБКМ, БИА, ф. 111, а.е. 212, л. 3, 4, оригинал, рукопись.*

№ 5

Письмо П.В. Алабина профессору Марину Дринову с просьбой прислать учебники для вновь открытого училища в Софии, с сообщением о роспуске Московского славянского общества, об отсутствии у него известий о судьбе Ивана Аксакова и об отъезде семьи Алабина на Родину.

31 августа 1878 г., г. София.

Голубчик Марин Степанович, училище у нас открыто на 265 человек, а настолько нет учебников, ни книг для чтения (ни болгарских, ни русских), но даже нет азбуки.

Сделайте божескую милость, пришлите, что можете.

Потребуйте Манчова и возьмите у него или в счёт долга Петербургского общества, или в счёт тех книг, что он должен доставить за (счёт) Московского общества.

Если есть хорошие географические карты, годные для детей, пришлите.

Если нельзя будет у Манчова, то хоть купите и пришлите — я возвращу деньги.

Вы знаете: Москов(ское) слав(янское) общество закрыто по Выс(шему) повел(ению), но не знаю где Аксаков — не знаете ли Вы. Сообщите, если нельзя письменно, то хоть словесно через Мосолова.

Теперь я не знаю как мне действовать, от чьего имени, когда общество закрыто и кому дать отчёт.

Денег Петербургского общества у меня осталось пустяки, а есть деньги ещё Московские — как их расходовать?

Семья моя уезжает сейчас. Горько мне очень оставаться одному и если остаюсь, то собственно потому, что такая кипучая работа, что совестно бежать от неё, а следовало уйти по многим причинам.

Хоть бы Вы скорее приехали — душу было бы с кем отвести.

Когда вы намерены переехать, напишите пожалуйста.

Не можете ли Вы остановиться у меня и жить со мною, я очень был бы счастлив.

Будьте здоровы, душою и сердцем Вас любящий и уважающий — П. Алабин.

31 авг(уст) София.

// *НБКМ, БИА, ф. 111, а.е. 24, л. 14, 15, оригинал, рукопись.*

№ 6

Визитная карточка П.В. Алабина — единственный на сегодня документ с датой его отъезда из Болгарии.

28 сентября 1878 г., г. София.

Пётр Владимирович Алабин, Софийский Губернатор, Действительный статский советник.

Выезжает из Софии 28 сент(ября) след(овательно) должен был проходить на Филиппопольской станции 29 сент(ября) и хотелось бы обнять Марина Степановича на станции.

// *НБКМ, БИА, ф. 111, а.е. 24, л. 29 оригинал, Типографский текст и рукопись.*

№ 7

Последнее письмо в Болгарию П.В. Алабина, известное на сегодня. Адресовано Димитру Карамфиловичу. Пётр Владимирович благодарит за посылку ему из Софии (фотокарточки, статьи в газетах, альбома с видами Софии), делится непоправимым горем: смерть сына и двух дочерей за короткое время, беспокоится: не конфискуют ли его книги — мемуары, если он их пошлёт адресату в Болгарию.

28 сент(ября) 1895, Самара.

Сердечно благодарю Вас, многоуважаемый Господин Карамфилович, за Вашу память обо мне, за присылку Вашей карточки и газеты с Вашими статьями. В замен посылаю Вам свою, примите на память о человеке душою и сердцем преданному Болгарии, сохраняющем о ней самые лучшие воспоминания, также как и об одном из её граждан, с которым был сближен или службою или приязнью. Получил я и альбом с изображениями видов более замечательных зданий и местностей Софии. Кроме памятника Левского, не узнал ни одного вида, так всё преобразилось после меня.

Надо отдать полную справедливость Софии: она перещеголяла Сфинкса — тот воскрес из пепла, а она создалась из ничего, можно сказать и в такое время! Исполать! Но скажите, пожа-

луйста, что сделалось с тем домом в котором был для меня, а также с тем домиком, в котором я жил, приехав в Софию, какая участь постигла конак, у которого под боком был этот домик и что случилось с площадью перед этим конаком, где я разбивал сад? Всё это меня очень интересует. Говорю — я получил альбом из Софии, а кто мне прислал его не знаю, если фотограф — то сколько я должен за него выслать — пожалуйста, сообщите.

Спрашивайте: от чего чёрная печать на моём письме? Во первых, мы ещё в трауре по нашему Государю Александру III, во вторых — году ещё нет как меня постигла ряд несчастий: у меня умерли один за другим двое детей: дочь уже невеста и сын служивший в последнее время в Главном штабе кавалерийском, подполковником, блестящий молодой человек, с большими способностями.

Жена моя, благодаря Господа, здравствует и шлёт Вам свой привет, но дочь моя, которая была в Болгарии и которую Вы тоже знали, кажется, бывшая замужем за Валламовым — софийским окружным начальником (он теперь полковник и командует драгунским полком и стоит в Острове, в Царстве Польском) уже несколько лет как умерла родами второго ребёнка, — дети её живы — при отце.

Да, много горя пришлось испытать в последние годы. Одно только укрепляет и утешает, что много на свете людей, пред горем и несчастьем которых моё должно побледнеть.

С величайшим вниманием слежу за ходом дела в Вашем милом отечестве, и желаю, и молю Бога, чтобы всё устроилось наконец в нём к лучшему и чтобы оно испытало года и истинного счастья, спокойного развития и благосостояния, право на которое оно купило: и вековым страданиями под игом неверных, и мужеством сынов своих в годы освобождения и трудностями того переходного времени, в каком оно доселе находилось после своего воскресенья.

Пожмите за меня руки тем, которые меня ещё помнят и примите выражение искреннего к Вам расположения покорного слуги П. Алабин.

P.S. Во первых — до сих пор не знаю Вашего отчества, прошу написать имя и отчество.

Во вторых — Если бы я послал Вам свои походные записки под заглавием «Четыре войны» — три книги, по почте, могу ли надеяться что они дойдут до Вас — не конфискуют ли на границе или в центре.

// НБКМ, БИА, ф. 300, а.е. 2, л.3, 4, оригинал, рукопись.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ:

1 Материалы к данному исследованию собраны в период от 1955 по 1988 гг. путём работы в архивах и переписки с научными учреждениями и исследователями России, Румынии и Болгарии (Государственный архив Самарской области, Самарский областной художественный музей, Центральный музей Вооружённых Сил России, библиотека Академии наук Румынии, профессор Н.Н. Яковлев (Самара), Иван Кръстев Стойчев (София) и др.). Широко использовалась историческая литература, мемуары, справочники и другие публикации.

2 См. например: Уста-Генчов Д. Книгопис за историята на Българското опълчение, Военно-исторически сборник, 1933. Кн. 12. С. 102-114; Възпоменателен сборник по случай стогодишнината от Освободителната руско-турска война 1877/1878 г. Кн. II. София, 1978. С. 180 — 189; Руско-турска война 1877/1878 г. и освобождението на България / Съставители Лиляна Венкова-Илиева и др. София, 1978, ДВИ.; Руско-турска война 1877/1878 г. Историко-библиографски обзор, литература — 1977-1978 г / Ред. Ц. Генов. София, 1981.

3 Радев Н. Защита на Шипка на 9, 10 и 11 август 1877 г. и историята на първата българска война светиня Самарското знамя. Според автентични документи събра и написа ... Издава Петър Ив. Григорчев, опълченец. София, 1902.

4 Стойчев И.В. Самарското знаме. Принос към историята му. София, 1942, машинопис, Военно-историческа библиотека, III—251.

5 Свою точку зрения Стойчев высказал в письме ко мне 3 сентября 1956 г. София. Национальный военно-исторический музей. Архив Самарского знамени.

6 «Выписки» из протоколов заседаний Самарской городской думы, полученные от проф. Н.Н. Яковлева. София. Национальный военно-исторический музей. Архив Самарского знамени.

7 Атанасова В., Бъчварова С., Влашка С. Из историята на Самарското знаме (1876—1880) // Известия на държавните архиви (ИДА), 1977. Кн. 33. С. 135—148; Атанасова В., Бъчварова С.,

Влашка С. Документи на историята на самарското знаме (1877–1880) // Известия на държавните архиви, 1978. Кн. 36. С. 179–187.

8 Вълков Г. Българското опълчение. София, 1983. С. 87-90. С. 186-192; Митев Й. Пътят на Самарското знаме. София, 1962. С. 20-26.

9 Филипов И.С. Самарское знамя // Советский воин. 1947. Кн. 23.; Комаров К.Е. Самарское знамя // Славяне. 1956. № 4; Гурбанов М. Самарское знамя. Кишинёв, 1967; Яковлев Н.Н. Наш друг – Стара Загора. Куйбышев, 1967; Конобеев В.Д. Русско-болгарское боевое содружество в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1953. С. 49-54.

10 В. «Вечерни новини», бр. 209/31.8. 1956; в. «За кооперативно земеделие», бр. 178/31.7. 1957; в. «Работническо дело», бр. 237/25.8. 1957; в «Народна младеж», бр. 53/2.3. 1964; в. «Работническо дело», бр. 39/8.2. 1968; в. «Литературен фронт», бр.33/18.8. 1977; сп. «Исторически преглед». Кн.4, 1989. С. 64-78. Във «Военно-исторически сборник». Кн. 2, 1977. С. 149-156, Петър Кузманов съобщава подробности за пътя на знамето от гр. Котел през София за гр. Радомир, по изложението му е твърде «свободно» за научно съобщение в такова отговорно списание.

11 Атанасов В. и др. ИДА. Кн. 33/1977. С. 137, док. № 2.

12 Стойчев И.К. Цит. изт. С. 14-15.

13 Там же. С. 14.

14 Там же. С. 25.

15 Первое трехцветное знамя, аналогичное позднему национальному болгарскому знамени, изготовлено Стилияном Ивановым Параскевовым зимой и весной 1876–1877 гг. и передано Главнокомандующему 8 мая 1877 г. в Пловдиве с просьбой вручить его дружинам Болгарского ополчения. См.: Даскалов В. Трицветът на българското знаме // Мир, 1940, 16 октябрия; Стойчев И.К. Българското народно знаме. София, 1941.

16 Стойчев И.К. Цит. изд., машинопис. С. 26.

17 Атанасова В. и др., ИДА. Кн. 33, 1977. С. 136, док. № 1.

18 Алабин П.В. Трехъ-вековая годовщина города Самары. Самара, 1887. С. 183. И еще одна оценка 1876 г.: «Никой за нищо друго не иска да слуша, за нищо друго не мо да говори, нищо друго не желаят да четат, освен известия за това, което там става ... В книгите, в списанията, във вестниците, по улиците, в кафенетата, на концертите, в театрите, по железниците, в църквите, в училищата, на пазара, в кръчмите само това върсят, само него четат ... Отдавна прочетени книги за славяните отново се препрочитат, на новите жадно се четат ... Отдавна прочетени книги за славяните отново се препрочитат, на новите жадно се нахвърлят ...» Даниил Лукич Мордовцев. Недобитый народ. Отечественные записки, сентябрь 1876 г. Цит. по: Освобождението на България, кореспонденции и материали на руския печат 1876–1879 гг. / Составител Е. Бушажки. София, 1988. Т. 1. С. 31.

19 Коршунова Л.В. П.В. Алабин: библиографический указатель. Куйбышев, 1982; Белов С., Белодубровский Е. Първият губернатор на София // Пламък. Кн. 3, 1978; Комаров К.Е. Указ. статья. С.32, твърдят, че архивът на Алабин засега е неизвестен.

20 Алабин П.В. Цит. изд. С. 186.

21 При осмотре оригинала знамени в 1955. Подробно см.: Письмо в Художественный музей в г.Куйбышев от 8.10.1955 и ответ от 11.11.1955 // Национален военно-исторически музей, Архив Самарское знаме.

22 Комаров К.Е. Цит. изд. С. 32.

23 Българското опълчение и Освободителната война 1877/1878 г. София, 1935. С. 11.

24 Радеев Н. Цит. изд. С. 60.

25 Атанасова В. и др. ИДА. Кн. 36/1978. С. 181, док. № 2.

26 Крестовский В. Двадцать месяцевъ въ действующей армии 1877/1878. Спб., 1879. С. 175.

27 Кисов С.И. Българското опълчение в Освободителната руско-турска война 1877/1878 г. София, 1902. С. 50.

28 Бендерев А.Г. История на Българското опълчение и освобождението на България 1877/1878 г. София, 1930. С. 12.

29 Атанасов А. и др. ИДА. Кн. 36/1978. С. 183, док. № 2.

30 Комаров К.Е. Цит. изд. С. 32.

31 Там же.

32 Атанасова В. и др. ИДА. Кн. 33/1977. С. 136, док. № 1; вж. също: Радеев Н. Цит. изд. С. 59, 60.

33 Яковлев Н.Н. Знаменательная дата в истории советско-болгарской дружбы // Волжская коммуна, №200/24.8.1957.

34 Алабин П.В. Указ. соч. С. 186.

35 Кожевников Ефим Тимофеевич – действительный студент (выполнил все учебные семетровые планы университета, но не выполнил дипломной работы), городской глава Самары в 1877 г. Москва Москов неправильно отождествил его с русским консулом в г. Тырново в 1862 г. (ж-л «Светлана» год

- XXXVII, 1929. № 10. Алабин Пётр Владимирович — действительный статский советник (чиновник пятого разряда — Русско-болгарский словарь, М., 1975. С. 788.), гласный Самарской городской думы в 1877 г. Библиографические справки: Энциклопедия Българии. София, 1978. Т. 1. С. 53. Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. С. 325. Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 1. С. 222.
- 36 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд Московского славянского благотворительного комитета, ед.хр. 329. Л. 2. Письмо Н.Н. Яковлева от 3 сентября 1957 г. Национальный военно-исторический музей. Архив Самарского знамени.
- 37 Атанасова В. и др. Указ. соч. Кн. 36, 1978. С. 180, док. № 2.
- 38 Там же.
- 39 Централен военен архив. Ф. 1. Д. 8. Л. 16; Михов М. Българското опълчение — документи. София, 1956. Т. 1. С. 297, док. № 289.
- 40 Там же. Ф. 1. Д. 12. Л. 326.
- 41 Атанасова В. и др. Указ. соч. док. № 2.
- 42 Третья ополченская дружина стала знаменитой благодаря особым заслугам её командира, в 1875 г., не достигнув 30 лет, ставшего подполковником. Кавалер пяти орденов (Св. Станислава, дважды награждён — орденом Св. Анны и орденом Св. Владимира с мечами) и золотой сабли «За храбрость», полученных в боевых действиях в Средней Азии. См.: «Московские ведомости». 1877. 19 августа; «Народна армия». 1990. 31 июля; Энциклопедия България, София, 1986. Т. 5. С. 287.
- 43 Михайлов А. «Думите, изговорени в разни случаи към българските опълчители при освобождението на отечество ни България». Русчукъ, 1880. О нём же. Табаков С.К. Опыт за история на гр. Сливен. София, 1924. Т. 2. С. 306, 325–327.
- 44 Драганов П. Энциклопедия на България. Т. 2. С. 424.
- 45 Иллюстрированная хроника войны. СПб., 1877. Т. 1. № 18. С. 137. — корреспондент Н.Н. Каразин. О нём: БСЭ. М., 1953. Т. 20. С. 108.
- 46 Атанасова В. и др. Указ. соч. С.182. док. № 2.
- 47 Овсянный Р.Б. Болгарское ополчение и земское войско. СПб., 1904. С. 9 и др.
- 48 Атанасова В. и др. Указ. соч. С.182 док. № 2.
- 49 Петков Ц. См.: Энциклопедия България. Т. 5. С. 183.
- 50 В документах Центрального военного архива о Болгарском ополчении — Марченко, а не Марчин, как его называют некоторые авторы. См.: Руменин Румен. Българското опълчение 1877–1878 — личен состав. София, 1878. С. 306. № 5476.
- 51 Атанасова В. и др. Указ. соч. С.182. док. № 2.; Крестовский В. Указ. соч. С. 172–177; Кисов С. Указ. соч. С. 49–53.
- 52 Комаров Е.К. Указ. соч. С. 31.
- 53 Иллюстрированная хроника войны. Т. 1. № 18. С. 138.
- 54 Атанасова В. и др. Указ. соч. С.182. док. № 2.
- 55 Некоторые авторы неправильно называют его Булайк. Павел Булавич — унтер-офицер 4-й роты 3-й дружины, ассистент знаменосца. А Фёдор Булайк — рядовой 3-й роты 3-й дружины. (См.: Руменин Р. Указ. соч. С. 78. док. № 45 и № 47).
- 56 Атанасова В. и др. Указ. соч. Кн. 33/1977. С.141. док. № 6.
- 57 Атанасова В. и др. Указ. соч. Кн. 36/1978. С. 183.
- 58 Иллюстрированная хроника войны. Т. 1. № 18. С. 138.
- 59 Дата взята из докладной записи П.В. Алабина и Е.Т. Кожевникова в Самарскую городскую думу от 25 мая 1877 г. Она отличается от даты, указанной С.И. Кисовым — 8 мая 1877 г., на что обращал внимание ещё Н.Радеев (Указ. соч. С. 79.)
- 60 Крестовский В. Указ. соч. С. 179.
- 61 Атанасова В. и др. Указ. соч. С.184. док. № 2.
- 62 Среди подписавшихся были: Константин Искров Кесяков, Иван Панев Калянджи, Константин Бонев Бонев, Константин Иванов Везенков, Иван Михайлов Панов, Райчо Николов Николов (Их имена указаны в «Энциклопедия България»).
- 63 Атанасова В. и др. Указ. соч. Кн. 33/1977. С.138–139. док. № 4.
- 64 Михов М. Българското опълчение — документи. София, 1956. Т. 1. С. 306. док. № 300.
- 65 Иллюстрированная хроника войны. Т. 1. № 18. С. 138.
- 66 Автор — корреспондент газеты П.В. Оджаков. Подробнее см.: Бобчев С.С., Оджаков П.В. в «Летописи болгарского книжного союза». София, 1907. № 7. С. 126.
- 67 Болгарский текст речи, отрывки из которого здесь приведены, до сих пор не найден. Предполагаемые авторы П.В. Оджаков (выпуск юридического факультета Киевского университета, сподвижник Раковского) или Найден Геров, находившийся в те дни в г. Плоешти.
- 68 Иллюстрированная хроника войны. Т. 1. № 14. С. 107. Сравни с «Репортажи за освободителната война 1877–1878 гг.» София, 1978. С. 24–27.
- 69 Гарковенко П. Указ. соч. С. 124.

- 70 Знамя, изготовленное Евангилием Язаджиевым, было предназначено горнооряховским повстанцам 1876 года и хранится в Национальном военно-историческом музее (София) как символ преемственности борьбы от национально-революционного движения до Русско-турецкой Освободительной войны. См.: Стойчев И.К. Знамена във и за Българското опълчение. София, 1943.
- 71 Фортунатова П. Указ. соч. С. 54.
- 72 Рапорт генерал-майора О.Е. Рауха Главнокомандующему о действиях Старозагорского отряда с 19 по 22 июля 1877 г. Военно-исторический архив. Отд. II. Д. № 4804. С. 249. Михов М. Българското опълчение — документи. София, 1956. Т. 1. С. 676. док. № 671.
- 73 Рапорт генерал-майора Н.Г. Столетова генерал-адъютанту Ф.Ф. Радецкому о действиях Болгарского ополчения в боях у Стара Загоры. ВИА. отд. II. Д. № 4830. С. 47-64; Михов М. Българското опълчение — документи. София, 1956. Т. 1. С. 742. док. № 727.
- 74 Михов М. Указ. соч. С. 742. № 727.
- 75 На основании официальных документов мы утверждаем, что знамя не попадало в турецкие руки. Однако, в некоторых мемуарах и исследованиях утверждается, что знамя попадало на краткое время в руки турок. См.: Анков М. Спомени за размините години 1872—1878 г. София, 1936. С. 121; Крестовский В. Указ. соч. С. 597; Иванов И.С. Болгарское ополчение в 1876-1878 гг. // Русская старина. 1890. Май. С. 424.
- 76 Атанасова В. и др. Известия государственного архива. Кн. 36/1978. С.184. док. № 3; чтения для солдат. СПб., 1900. Кн. 6. С. 98 и др.
- 77 Московские ведомости. 1877. 19 августа. С. 5.
- 78 Там же. Характеристика дана без подписи, но считаю, что автором является П.В. Алабин, который имел сведения из Главной квартиры, где участвовал в определении знаменной дружины.
- 79 Централен военен архив (ВИА), Ф. 1. Д. 56. Л. 11.
- 80 Централен военен архив (ВИА), Оп. 3, 1877/1878. Д. 624. Л. 41. Румени Р. Цит. изд. С. 314, където датата е грешна — истинската дата на издаване на заповедта е 20.8.1877.
- 81 Централен военен архив (ВИА), Ф. 1. Д. 56. Л. 116.
- 82 Централен военен архив (ВИА), Ф. 1. Д. 112. Л. 420.
- 83 Там же. Л. 149.
- 84 Там же. Л. 434.
- 85 Там же. Л. 272.
- 86 Там же. Л. 181 — Приказ № 273 от 15 декабря 1877 г. по 3-й дружине Болгарского ополчения об увольнении в отпуск на один год унтер-офицера Авксентия Цимбалюка для выздоровления после лечения в военном госпитале.
- 87 Централен военен архив (ВИА), Ф. 1. Д. 112. Л. 150.
- 88 Там же. Л. 425.
- 89 Константин Борисович Чилев — майор штаба Болгарского ополчение, а с 28 мая 1877 г. и командир 3-й дружины после смерти подполковника Калитина.
- 90 Българското опълчение в Освободителната война 1877—1878. София, 1995. С. 51.
- 91 Цит. по кн.: Анчо Анчев. Българското опълчение. София, 1968. С. 60.
- 92 Эпизод с отделением знамени от древка относится к 4-й дружине Ополчения (Знамя горнооряховских повстанцев). См.: Воспоминания майора Петра Тимофеевича Редкина, командира 4-й дружины, написанные в 1903 г. Национальный музей Шипка-Бузлуджа, фонд гр. Казанлык; От Самары до Шипки. София, 1978. С. 105-127.
- 93 Генов Ц. И др. Българското опълчение. Альбом. София, 1977.
- 94 С.И. Кисов пишет «ополчение», но необходимы уточнения. Так, 1-я, 2-я и 3-я дружины стали соответственно 1-я Софийская, 2-я Кюстендилская и 3-я Радомирская дружины Болгарского земского войска. 4-я стала 20-й Пловдивской, 5-я стала Казанлыкской дружинами. 1-я, 2-я, 5-я ополченческие дружины получили по одному знамени от Штаба ополчения, изготовленные по инициативе и на средства болгар, живущих в Румынии. См.: Найденова Р. Знамената на Българското опълчение, Известия и Националния военно-исторически музей. София. Т. 3. С. 119-120.
- 95 Кисов С.И. Указ. соч. С. 503.
- 96 ВИА, Ф. 1. Д. 1. Д. 29. Л. 77-80. Рапорт № 856 начальника Болгарского земского войска Императорскому Комиссару в Болгарии от 24 августа.
- 97 Атанасова В. и др. Указ. соч. Кн. 33/1977. С.142-147. док. № 7, 8-15; Кн. 33/1978 С. 185-186. док. № 4; Държавен вестник. № 55. 1880.
- 98 Атанасова В. и др. Указ. соч. Кн. 36/1978. С.185. док. № 4. Държавен вестник. № 55. 5 июля 1880.
- 99 Държавен вестник. № 60. 30 июля 1880.
- 100 Подробно торжественно описано в газете «Български глас», 1880. 7 августа. № 65.
- 101 Държавен вестник. № 55. 5 июля 1880.
- 102 Алабин П.В. Указ. соч. С. 195.

- 103 Държавен вестник. № 64. 5 септември 1881; «Български глас», бр. 72/2 септември. 1881.
- 104 Държавен вестник. № 63. 2 септември 1881.
- 105 Тенев Д. Тристахилядна София и аз между двете войни. София, 1992. С. 33-34.
- 106 Тодор Петков в статия «Знаменосци Самарского знамени» (См.: «Военно-исторически сборник». Кн. 2. 1977) неправоммерно изключил из списка знаменосцев унтер-офицера Павла Булавича, принявшего знамя после ранения Антона Марченко и неверно утверждает, что Пётр Герчев в продолжении 25 лет после сербско-болгарской войны 1885 г. был знаменосцем Самарского знамени.
- 107 «Народна отбрана». бр. 1533/1931. 13 март.
- 108 См.: Димитров Г.Г. Страданията на българите и освобождение на България 1877–1878 г., издава Иван П. Даскалов, София, 1899. С. 142; НБКМ, ВИА, Ф. 300, х.е. 2. Л. 2.
- 109 «Литературен фронт». бр. 31/1977, 18 август. С. 4. Ярослав Генев (внук художника Ярослава Вешина) и «Картина–символ».
- 110 В подтверждении сказанного можно указать снимок знамени, публикуемый Д. Уста-Генчовым в 1928 г. См.: Уста-Генчов Д. Генерал Столетов като водач на Българското опълчение. София, 1928. С. 13.
- 111 См.: Национален военно-исторически музей. Архив Самарско знаме.
- 112 Национален военно-исторически музей. Архив Знаменна Сбирка.
- 113 Знаменосец – портупей-юнкер (позднее – генерал-лейтенант Николов Илиев Недялков, ассистент – поручик Тодор А. Стомоняков, организатор – полковник Георги Г. Генчев. Н.И. Недялков – знаменосец Самарского знамени с септември 1946 г. Родился 21 января 1923 г. в селе Голямо Пещене Врачанской околии, отличник 68-го выпуска военного училища имени Васила Левского, окончил две военные академии в России: имени М.В. Фрунзе и имени К.Е. Ворошилова, позднее – заместитель начальника генерального штаба Болгарской армии и начальник военной академии имени Г.С. Раковского.
- 114 Неправильно пишет Н. Домусчиев: «передано на сохранение в хозяйственный отдел». (Указ. соч. С. 112.)
- 115 Самарское знамя использовалось при принятии воинской присяги курсантами первого курса и выпускниками 70-го выпуска военного училища имени Васила Левского 3 марта 1948 г. Ошибаются авторы, которые называют другие даты и события.
- 116 Минчо Нейчев – председатель Президиума Народного Собрания, Георгий Димитров – председатель Совета Министров, Георгий Дамянов – министр народной обороны, Добри Терпешев, Антон Югов, Вьлко Червенков, Стефан Тончев, Ради Найденов, Пётр Каменов, Трайчо Доброславский, Добри Брадистилов от Софийской области, генерал Владимир Стойчев. Торжественной церемонией руководил полковник Станчо Хаджиев – начальник военного училища имени Васила Левского.
- 117 «Народна войска», 1948, 6 март.
- 118 Приказ № 73 от 18 мая 1957 г. начальника Центрального музея Народной армии относительно чествования 80-й годовщины вручения Самарского знамени Болгарскому ополчению. Национальный военно-исторический музей. Архив Самарского знамени.
- 119 Письмо начальника музея в институт текстильных волокон и материалов № 451 от 31 августа 1956 г. и письмо – ответ от комиссии № 1391 от 14 септември 1956 г. Национальный военно-исторический музей. Архив Самарского знамени.
- 120 «Народна армия», 1957, 19 мая.
- 121 Приказ № 73 от 18 мая 1957 г. начальника Центрального музея Народной армии относительно чествования 80-й годовщины вручения Самарского знамени Болгарскому ополчению. Национальный военно-исторический музей. Архив Самарского знамени.
- 122 Книга отзывов и пожеланий выставки «80 лет Самарскому знамени», организованная в Центральном доме Народной армии (Русский бульвар, № 7, а сегодня бульвар имени Царя–освободителя).
- 123 Торжества нашли освещение в различных болгарских газетах с 18 по 22 мая 1957 г., румынской газете «Скънтая» (1957, 21 мая) и других периодических изданий.
- 124 Одна из копий знамени была прикреплена к специальному древку – держателю, удобному для выставки в витрине.
- 125 Национальный военно-исторический музей. Архив Самарского знамени.
- 126 «Работническо дело», 1957, 20 мая.
- 127 «Работническо дело», 1961, 16 февраля; «Московская правда», 1960, 30 ноября; «Красная звезда», 1961, 7 февраля.
- 128 Размеры и другие данные о состоянии знамени в 1955–1956 гг. были учтены и сохранены при изготовлении копий и консервации оригинала.
- 129 Крестовский В. Указ. соч. С. 175.
- 130 Атанасова В. и др. ИДА. Кн. 33/1977. С.140. док. № 6. «Самарские губернские ведомости», 1877, 28 мая.

131 Симаков Николай Евстафиевич (1828 – 1886) – художник, учился в Академии художеств в Санкт-Петербурге, изучал прикладное искусство народов Средней Азии и Поволжья (*Искусство Средней Азии*. СПб., 1882). Подробнее см.: *Энциклопедический словарь*, СПб., 1900. Т. 29. С. 896; «Работническое дело», 1957. 25 августа, ст. «Оформителям на Самарском знамени».

132 Точная длина древка в момент прикрепления к нему знамени неизвестна.

133 Атанасова В. и др. ИДА. Кн. 33/1977. С.140. док. № 6. «чернь» – черное серебро (сплав). Русско-болгарский словарь. М., 1975. С. 878.

134 По мнению В. Крестовского – «в древнерусском стиле». (Указ. соч. С. 175.). Это утверждение было опубликовано в «Правительственном вестнике», а записка перепечатана в «Самарских губернских ведомостях». (1877. 28 мая.). По мнению ряда искусствоведов пика-древко была изготовлена не в определённом каноническом стиле, а в духе древнерусских традиций.

135 Иллюстрированная хроника войны. Т. 1. № 18. С. 138.

136 Дата явно ошибочна, но косвенно доказывает сказанное об изготовлении скобы.

137 Павел Акимович Овчинников, как сказано в приведённом документе в изложении П.В. Алабина. Подробное описание монограммы сделано Н. Домусчиевым. Описаны им и обстоятельства изготовления скобы на знамени, присланной Самарской городской думой. Но он не расшифровал описанных монограмм. Между тем «ВС» и «АК» – инициалы мастеров, а «1877» и «1879» – даты изготовления деталей знамени (т.е. само знамя изготовлено в 1877 г.). Цифра 84 обозначает содержание серебра в особом сплаве, а «ПО» – инициалы собственника мастерской Павла Овчинникова.

138 Замок можно увидеть, если развести эту часть древка.

139 20 июля 1878 г. установлен праздник дружины, а в тексте ошибка – указана дата сражения – 19 июля 1877 г.

140 Национальный военно-исторический музей. Знаменный фонд, оригинал скобы. «Държавен вестник». 1880. 5 июля.

141 Текст на ленте не указан Н. Домусчиевым в описании знамени (Указ. соч. С. 110).

142 Доклад художника Александра Мечкуевского об изготовлении первого древка Самарского знамени. Национальный военно-исторический музей. Архив Самарского знамени.

143 Серебряная скоба была изготовлена не к названному древку, а была сделана позднее (после войны). Филигранный веночек ордена «За храбрость» был изготовлен на древко (пику) знамени, подаренному Центральному музею Вооружённых Сил России.

144 Центральный музей Вооружённых Сил России.

145 После обсуждения и соответствующего решения древко было признано пригодным для экспонирования в витрине Национального военно-исторического музея.

146 Письмо № 52 от 31 января 1989 г. от Исторического музея г. Стара Загора Йордану Ценову. Архив автора.

147 Национален парк-музей «Шипка–Бузлужда», пътеводител. София, 1886. С. 24.

ПРИМЕЧАНИЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

148 По вопросам «идеи» А.В. Соболев, заведующий фондами Самарского областного краеведческого музея, писал: «... Ещё ранее, по инициативе супруги Алабина Варвары Васильевны Алабиной, руководящей Самарским комитетом женского общества «Красный Крест», было изготовлено знаменитое Самарское знамя». См. в: «Работническое дело». 1957. 11 августа, также: «Волжский комсомолец». 1957. 6 сентября. Профессор Самарского педагогического института Н.Н. Яковлев изъявил согласие с Соболевым по этому вопросу. См. письмо Н.Н. Яковлева от 11 ноября 1957 г. Национальный военно-исторический музей. София. Архив Самарского знамени.

149 Особый журнал (по денежной части) Самарской городской управы, 20 апреля 1877 года. Государственный архив Самарской области. Ф. 153. П. 1. Д. 127. Л. 103 а, б; См. также: «Вечерние новости». 1956. 31 августа.

150 Белов С.В., Белодубровский Е.Б. Первый губернатор Софии // Звезда. Л., 1978. Кн. 3. С. 209.

151 Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и учёных. Л., 1980. Т. II. Дополнения. С.929-931.

152 Белов С.В., Белодубровский Е.Б. Указ. соч. С.206.

153 Кралевски В.П. Няколко бележи по възникването на Софийската народна библиотека. Годишник на Народната библиотека в София за 1912-1913 г. София, 1913. С.5-22; Кралевски В.П. // Годишник на Народната библиотека в София за 1914. София, 1914. С. 9-30; Йорданов В. История на Народната библиотека в София по случай 50-годишнината – 1879-1929. София, 1930; Йорданов В. Какво са направили русите за създаването на българската народна библиотека в София. София, 1930 // Училищен приглед. Год XXIX, София, 1930. Кн. 2; Панайотов И. Към историята на Държавната библиотека «Васил Коларов» // Известия на Държавна библиотека «Васил Коларов» за

1952 г. София, 1953. С. 87-90; Василев К., Тодорова-Петкова Б. Помощта на руския народ за създаването на Народната библиотека в София // Известия на Държавната библиотека «Васил Коларов» за 1957 и 1958 г. София, 1959. С. 63-90; Тилева В. Помощта на русите за основането на Народната библиотека в София // Библиотекар. 1988. Кн. 12. С. 10-17; Генов Ц. Славянските комитети в Русия и българското освободително дело (1858–1878). София, 1986. С. 177-179.

154 Узунова Т. и др. Книги на Пётр Владимирович Алабин в библиотеките на София // Библиотекар. 1991. Кн. 6. С. 30-34.

155 За тази книга на Алабин вж. Ценов Й. Така близка на нашето сърце ... // Българо-съветска дружба. 1989. Кн. 12. Тук е посочена погрешно 1843 като годината, в която Алабин завършва Търговското училище – всъщност годината е 1842.

156 Коршунова Л.В. Пётр Владимирович Алабин. 1824–1896: библиографически указател. Куйбышев, 1982.

157 Алабин П.В. Четыре войны: Походные записки в 1849, 1853, 1854–1856, 1877–1878 годов. Ч. 1–3. М., 1890–1892.

158 Коршунова Л.В. Указ. соч. С. 3.

159 Венкова Л. и др. Руско-турската война 1877–1878 г. и освобождението на България. София, 1978. ДВИ, библиография.

160 Белов С.В. Цит. изд // Пламък. С. 206–219.

161 Там же. С. 196–211. Данните за наследниците на Алабин и някои цитати, включени и превода (преводач Ира Христова, с която не успяхме да се свържем), са взети от други източници.

162 Ошибаются те авторы, которые присваивают ему другие воинские звания. Непростительна безответственность автора статьи о П.В. Алабине и редколегии «Энциклопедии Болгарии» (София, 1978. Т. 1. С.53.), где утверждается, что он – «генерал русской освободительной армии. Занимал военные должности». Ошибается и Георги Георгиев – автор книги «Освободительная война 1877–1878: Энциклопедический справочник. София: «Д-р Берон», 1986., где Пётр Владимирович назван «Пётр Васильевич» (?!), который некритично цитировал написанное Райчо Райчевым в «Юбилейной книге о Софии». София, 1928.

163 Кабытов П.С. Пётр Владимирович Алабин. Самара, 1993. С. 8.

164 Эти и другие книги Алабина см. Узунова Т. и др. Указ. соч.

165 В этом и следующем разделе использованы данные библиографического указателя Л.В. Коршунова и материалы празднования 170-летней годовщины со дня рождения П.В. Алабина в Самаре 1993 и 1994 гг.

166 Последняя книга не включена в библиографический указатель Коршуновой. По одному экземпляру этих книг Алабин подарил Народной библиотеке в Софии перед выездом и ещё несколько других своих книг и, вероятно, лишний экземпляр «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского (НБКМ, сигн. № II 3864). На этой книге ничего не написано рукой Алабина (он делает автографы только на своих книгах). На титульном листе «Сборника стихотворений для чтения ...» написано: «Софийской публичной библиотеке. 1878. Составитель».

167 Цит. по: Белов С. и др. Указ. соч. // Звезда. С. 212.

168 Вятка – город, основанный в XII веке. Находится в верхнем течении одноимённой реки (приток реки Камы).

169 Кабытов П.С. Указ. соч. С. 10-13.

170 Цит. по: Белов С. и др. Указ. соч. // Звезда. С. 212.

171 Кабытов П.С. Указ. соч. С. 6.

172 Там же.

173 Там же. С. 4.

174 Там же. С. 2.

175 Доклады озаглавлены: 1. «История края (Самарской области) в сочинениях П.В. Алабина»; 2. «Самарско-болгарские связи: история и современность»; 3. «Судьба рукописи П.В. Алабина о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.»; 4. «Земский начальник Андрей Алабин».

176 Народная библиотека «Св. Кирилл и Мефодий» (НБКМ), Болгарский исторический архив (БИА), Ф. 111. а.е. 24. Л. 8. Тут идёт речь и о письме ген.-майору Феодору Васильевичу Давыдову, начальника болгарского ополчения ген.-майора Николая Григорьевича Столетова, на которого возложено формирование так называемого второго Болгарского ополчения. Он должен был взять Василия на службу в кавалерийскую сотню. О Василии подробно в тексте.

177 НБКМ, БИА. Ф. 300. а.е. 2. Л. 4.

178 НБКМ, БИА. Ф. 111. а.е. 24. Л. 34 б.

179 Кабытов П.С. Указ. соч. С. 23.

180 Всюду в изложении – «дружество» использовано вместо «комитет», согласно изменению в уставе той организации, утверждённой министерством иностранных дел в день опубликования Манифеста об объявлении войны, 12 апреля 1877 г. Подробнее см.: Генов Ц. Цит. из Т. С. 165.

- 181 Яковлев Н.Н. Письмо Йордану Ценову, ноябрь 1955. Национальный военно-исторический музей. Архив Самарского знамени. Здесь: Белов С. и др. Цит. из Т// Пламя. С. 206.
- 182 Белов С. и др. Указ. соч // Звезда. С. 215.
- 183 НБКМ, БИА. Ф. 111. а.е. 24. Л. 37, 38.
- 184 Белов С. и др. Указ. соч. // Пламя. С. 197.
- 185 Там же. С. 206.
- 186 Белов С. и др. Указ. соч // Звезда. С. 215.
- 187 Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. 2. С. 372–373. док. № 338. — из письма агента Московского славянского общества П.В. Алабина И.С. Аксакову.
- 188 Там же. С. 558. док. № 494. О назначении П.В. Алабина губернатором Орханийского санджака. См.: Българското опълчение. София, 1958. Т. 2. С. 415. док. № 399.
- 189 Централен държавен архив, СГОДА, Ф. 1 к, оп. 1, а.е. 19.
- 190 Пак там, а.е. 21, Л. 1 б.
- 191 Монеджикова А. София през вековете. София, 1946. С. 327.
- 192 Чины офицерского состава называются такими, какими они были в момент описываемых событий.
- 193 Первым главой города был Минолаки Тошев, который занимал эту должность с 10 февраля по 8 мая 1878 г. (прим. автора).
- 194 Централен държавен архив, СГОДА, Ф. 1 к, оп. 2, а.е. 1735.
- 195 Централен държавен архив, СГОДА, Ф. 1 к, оп. 1, а.е. 12.
- 196 Там же. С. 21.
- 197 Там же. С. 19.
- 198 Централен държавен архив, СГОДА, Ф. 1 к, оп. 2, а.е. 1736.
- 199 История на България (в четринадесет тома). София, 1991. Т. 7. С. 30.
- 200 Централен държавен архив, СГОДА, Ф. 1 к, оп. 2, а.е. 105.
- 201 Там же. Л. 1253.
- 202 Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. 3. С. 23. док. № 3.
- 203 Владимир Васильевич Стасов. Письмо офицерам Русской Дунайской армии. Цит. по: Анчев А. Освободителната война през полегда на современници. София, 1958. С. 7-9.
- 204 НБКМ, БИА. Ф. 35. а.е. 1198. Л. 33. Стоян Петков пишет по поводу ошибок и неполноты статьи Вельо Калевски «Некоторые заметки по возникновению Софийской народной библиотеки» в ежегоднике народной библиотеки в Софии за 1912-1913 г., экземпляр которой был отправлен всем деятелям-ветеранам.
- 205 Во время работ над этим материалом (1996 г.) крест хранился в музее Апрельского восстания в г. Панагюриште.
- 206 НБКМ, БИА. Ф. 111. а.е. 22. Л. 3, 4, 5, 6.
- 207 Строительство памятника не по вине Алабина затянулось на долгое время. Официально открыт 19 октября 1895 г.
- 208 Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1967. Т. 3. С. 296-297. док. № 185: «878, 28 октября. Доклад главного агента Славянских благотворительных обществ П.В. Алабина Петербургскому славянскому обществу о своей деятельности в Болгарии».
- 209 Централен държавен архив, СГОДА, Ф. 1 к, оп. 3, а.е. 144.
- 210 НБКМ, БИА. Ф. 111. а.е. 24. Л. 33.
- 211 Там же. Л. 38.
- 212 НБКМ, БИА. а.е. 2. Л. 2.
- 213 Там же. Л. 3.
- 214 Централен държавен архив, СГОДА, Ф. 1 к, оп. 2, а.е. 1254. Л. 1-3.
- 215 Шумков И.Б. Патриотически и насърчителни рзкази, избрани из биографията на известния труженик, апостол, заточеник и бивши учител при Петро-Павовската духовна семинария (край село Арбанаси и гр. Велико Търново — Й.Ц.). София, 1907. С. 175–176.
- 216 НБКМ, БИА. Ф. 35. а.е. 581. Л. 1-4.
- 217 Кралевски В.П. Цит. изт. С. 14-15.
- 218 НБКМ, сигн. № П-3409.
- 219 Централна библиотека на БАН, сигн. № 737, инв. № 5858/1916.
- 220 НБКМ, БИА. Ф. 35. а.е. 581. Л. 15–18. Част от това писмо е публикувана от Кралевски В.П. Цит. изт. С. 16.
- 221 Кабытов П.С. Цит. изд. С. 19.
- 222 Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1967. Т. 3. С. 297. док. № 185.
- 223 НБКМ, БИА. Ф. 111. а.е. 24. Л. 31.
- 224 НБКМ, БИА. Ф. 111. а.е. 24. Л. 38.

- 225 НБКМ, БИА. Ф. 300. а.е. 2. Л. 2. Известия на Държавната библиотека «Васил Коларов» за 1952 г. С.190-191.
- 226 Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1967. Т. 3. С. 294. док. 185.
- 227 Там же. С. 295.
- 228 НБКМ, БИА. Ф. 111. а.е. 24. Л. 14.
- 229 Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1967. Т. 3. С. 296. док. 185.
- 230 Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. 2. С. 528. док. 476.
- 231 Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1967. Т. 3. С. 69. док. 36.
- 232 Там же. С. 45. док. 21. Оригинал писъма см.: Централен държавен архив, СГОДА, Ф. 1 к, Оп. 2, а.е. 530. Л. 1 а,б.
- 233 НБКМ, БИА. Ф. 111. а.е. 219. Л. 1.
- 234 Там же, а.е. 24. Л. 8 б.
- 235 Там же, а.е. 24. Л. 10 а и а.е. 216, 353, 368, 369. Вж. също: Попов М., Стоянов И. Сръбските териториални претенции след Освобождението 1878–1879 гг. // Военно-исторически сборник. 1980. Кн. 1. С. 116-128; Попов М. Изборът на София за Столица // София през вековете. Т. 2. Столица на България. София, 1991.
- 236 НБКМ, БИА. Ф. 111. а.е. 24. Л. 11 а.
- 237 Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1967. Т. 3. С. 202. док. 111.
- 238 Там же. С. 212, док. 121; С. 213, док. 122. Донесения П.В. Алабина Императорскому комиссару ... 30 августа 1878 г.
- 239 Там же. С. 221. док. 221. док. 131. Инструкция Министерства иностранных дел. 7 сентября 1878 г.
- 240 Дойнов Д. Кресненско-Разложкото въстание 1878–1879 г. София. С. 202.
- 241 Кацаров Г., Кеков И. Документи по Кресненското въстание 1878 г // Сборник на Българската академия на науките. Кн. 36. София, 1942. С. 1.112; Дойнов Д. Новите документи на Кресненско-Разложкото въстание. Известия на Националния военно-исторически музей. Т. 1. София, 1973, с. 184–217.
- 242 Дойнов Д. Кресненско-Разложкото въстание ... Цит. изд.; Кирил Патриарх Български. Съпротивата срещу Берлинския конгрес. София, 1955. С. 63–94.
- 243 Кирил Патриарх Български. Цит. изд. С. 67.
- 244 Диамандиев В. Автобиография // Освобождението 1878 г.: спомени. София, 1989. С. 847.
- 245 Дойнов Д. Новите документи ... С.191. док. 1.
- 246 Там же. С.31.
- 247 Там же. С. 132.
- 248 Кацаров Г., Кеков И. Цит. изд. С. 27, док. 22.
- 249 Дойнов Д. Цит. изд. С. 137, 227. Вж. също: Централен държавен исторически архив, Ф. 1318. Оп. 1. а.е. 3663
- 250 Княз Александр Михайлович Дондуков–Корсаков – Руски Императорски комиссар в България от 8 май 1878 г. до 10 юни 1879 г.
- 251 НБКМ, БИА. Ф. 111. а.е. 24. Л. 16, 17.
- 252 Там же. Л. 35, 36.
- 253 НБКМ, БИА. Ф. 300. а.е. 2. Л. 2.
- 254 НБКМ, БИА. Ф. 111. а.е. 24. Л. 17.
- 255 На страницата «Марица» помещено съобщение о двух награждениях по предложению Императорского комиссара, второе – в 50 от 19 января 1979 г., С. 3 и 4 – «Български отдел», кде имя Алабина не включено. По иронии судьбы и совсем не случайно считаем помещение на С. 5 под заглавием «Помощи в България от Славянските благотворителни общества – резюме от доклада на Алабин пред Санкт–Петербургското славянско благотворително общество – 29 преминалия октомври 1878 г. от упълномощения му в България настойник г-н П.В. АЛАБИН». Вж. също: Гандев Х. Проблемите на Българското Възраждане. София, 1976, дял III – Руската помощ за освобождена България. С. 773, 774 и др.
- 256 НБКМ, БИА. Ф. 111. а.е. 24. Л. 33, 34.
- 257 Генов Ц. Славянските комитети в Русия и българското освободително дело (1858–1878). София, 1986. С. 182. Вж. също: Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889. Т. 1. С. 339; Адо В.И. Выступление И.С. Аксакова против Берлинского конгресса 1878 г. и отклики на него в России и Болгарии // История СССР. 1962. Т.6. С. 125-139; Стоянов И. Славянските комитети и българското освободително движение след Априлското въстание. София, 1992. С. 78-91.
- 258 Гандев Х. Цит. същ.; Тодоров Г. Временното руско управление в България през 1877–1879 г. София, 1958; Кирил Патриарх Български. Съпротивата срещу Берлинския договор. София, 1955.
- 259 Мосолов А. България 1878–1883 г. София, 1991. С. 14, 21–23, 25.

260 Мы не имели возможности изучить документы того времени, хранящиеся в архивах Народной библиотеки «Иван Вазов» (г. Пловдив). Что касается судьбы документов о деятельности временного русского управления в Болгарии 1877–1879 гг., то о них сообщают два исследователя: Попруженко И.Г. Русское управление в Болгарии 1877–1879 гг. // Болгарская мысль. Год. II. 1927. Кн. 4–5. С. 424., заметка в примечаниях: «Архив канцелярии Князя Дондукова перенесён в 1886 г. в Петербург, ещё полностью не изучен, так как не известно, где находится. Проф. Х. Гандев, Цит. изт. С. 810». В 1938 г. автор (проф. Гандев) направил описи документов русского временного управления, собранных весной 1879 г. при канцелярии князя А. Дондукова–Корсакова, Верховному комиссару по управлению в Софии. Эти архивы содержали более 100 документов, сохранившихся в архивном отделе Софийской Народной библиотеки. К сожалению, во время бомбардировки Софии в 1944 г. вся архивная коллекция сгорела целиком ...»

261 НБКМ, БИА. Ф. 111. Д. 24. Л. 29.

262 Рукописный фонд Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова–Щедрина. Санкт–Петербург, Ф. 11. Д. 24. Л. 29.

263 «Мир», бр. 243/17.5. 1986. С. 1.

264 Централен державен архив, СГОДА, Ф. 1 к. Оп. 2, а.е. 473.

265 Там же. Л. 3.

266 Там же. Л. 4.

267 Там же. Ф. 1, Оп. 1, Д. 21.

268 См.: Кабытов П.С. Указ. соч. С. 11. «Почётным софийским гражданином» П.В. Алабин назван в телеграмме Горбанова в Самару и в некрологе по поводу его кончины в мае 1896 г., которые цитировались ранее в тексте. В газете «Марица» (1879, 15 июня) сообщалось о собрании софийской общественности по поводу отъезда из Софии Директора канцелярии генерал-майора М.А. Домонтовича. В сообщении говорилось: «...под председательством Его Превосходительства господина Дринова собрание пожелало высказать свою признательность ряду лиц, которые принимали активное участие в общественной жизни. Решено было провозгласить почётными гражданами Софийского Митрополита господина Мелетия, ... господина Алабина, ... а госпоже Анастасии Сазмировой Шостак выразить огромную благодарность ...» См.: Савов Н. Признательности на София («София», 1970. Кн. 2. С. 28–31). Сообщение газеты «Марица» относится к собранию «Софийского областного общества помощи больным и раненым воинам», созданном после заключения Сан–Стефанского договора на основе устава, разработанного Марином Дриновым и одобренным П.В. Алабиным. Подробнее см.: Освобождението 1878 г. София. 1889 г. София, 1889. Петков С. Спомени. С. 117–119.

269 Белов С. и др. Указ. соч // Звезда. С. 219.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПОСЛЕСЛОВИЮ

270 См.: Ценов Й. Така близка на нашето сърце ... България в летописното наследство на Пьотр Владимирович Алабин в библиотеките на София // Библиотекар. 1991. № 6. С. 30–34; Его же: Самарското знаме – изработка, история и значение // Исторически преглед. София // Двадцатые кирилло–мефодиевские чтения. Самара, 1997. С. 14–15 и др.

271 Ценов Й. Знамето и губернаторът. София, 1997. 159 с.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМАМ П.В. АЛАБИНА

272 См.: Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (Ист. – стат. очерк). – Самара, 1877. – 704 с.: Его же. Трёхвековая годовщина Самары. – Самара, 1887, –215 с. Его же Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56 и 1877–78 гг. Ч. 1–3, М., 1890 – 1892. Четвёртая часть не напечатана. Рукопись не найдена до сих пор. Всего П.В. Алабиным опубликовано свыше 120 работ.

273 Дринов Марин Степанович (1838 – Панагюриште –1906 – Харьков), болгарский и русский историк – славист. Окончил Московский университет в 1865 г. Его труды заложили фундамент болгарской исторической науки. Д. – один из основателей и первый председатель Болгарского общества ревнителей знаний (с 1911 – Болгарская АН, София). С 1873 по 1906 г. – профессор Харьковского университета. Входил во временное русское управление в Болгарии после русско–турецкой войны 1877–78 гг. По его предложению София была объявлена столицей Болгарского княжества. В 1878 – 79 гг. Д.: – зав. отделом народного просвещения и духовных дел Болгарии. В 1879 г. – вернулся в Россию. С 1898 г. – академик Петербургской АН. Соч.: Сочинения, т. 1–3, София, 1909 – 1915. М.С. Дринова и П.В. Алабина связывала многолетняя дружба.

274 Карамфилович Димитр Петрушев (1839–1906). Окончил коммерческое училище в Будапеште. Работал в период Русско-турецкой войны и после неё в финансовом ведомстве Болгарии. Во время пребывания П.В. Алабина на посту софийского губернатора находился при нём чиновником для особых поручений. Переписка между ними велась до конца жизни П.В. Алабина.

275 В Болгарии данные письма были частично опубликованы в книге Йордана Ценова «Знамето и губернаторът» (София, 1997), а полностью – вышеуказанными исследователями в журнале «Исторически преглед», 1999, № 1-2, София, с. 138-155.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Анков М. Спомени за размирните години 1872–1878 г. София, 1936.
- Анчев А. Българското опълчение. София, 1958.
- Анчев А. Освободителната война през погледа на съвременници. София, 1958.
- Бобчев С.С. Петър В. Оджаков. София, 1907.
- Бобчев С.С. Летопис на Българското книжовно дружество. № 7.
- Българското опълчение в Освободителната война 1877-1878 г. Военно-историческа комисия. София, 1935.
- Бендерев А.Г. История на Българското опълчение и освобождението на България 1877-1878 г. София, 1930.
- Българското опълчение / Документи под редакцията на Марин Михов. София, 1956 – Т. 1., София, 1959 – Т. 2.
- Венедиков Й. Войната за освобождението на България // България 1000 години 927 – 1927 г. София, 1930.
- Вълков Г. Българското опълчение. София, 1983.
- Гарковенко П. Война России с Турцией 1877 – 1878 г. М., 1879.
- Генов Х. Осветяване на Самарското знаме. Свищов, 1912.
- Генов Ц. Освободителната война 1877–1878 г. София, 1978.
- Гурбанов М. Самарское знамя. Кишинев, 1970.
- Димитров Г. Страданията на българите и освобождението на България през 1877–1878 г., София, 1899.
- Домусчиев Н. Самарското знаме // Известия на Националния военно-исторически музей. 1977. Т.3.
- Епанчин Н. Действия передового отряда генерала–адъютанта Гурко. СПб., 1904.
- Иванов И.С. Болгарское ополчение и его формирование // Русская старина. 1889, 1890.
- Иллюстрированная хроника войны. СПб., 1877. Т. 1. № 14, 18.
- Илиев А. Спомени. София, 1926.
- Йорданов В. Историята на Народната библиотека в София – по случай 50-годишнината 1879–1929. София, 1930.
- Кепова В. Освобождението на България. София, 1932.
- Кирил Патриарх Български. Съпротивата срещу Берлинския договор. София, 1955.
- Кисов С. Българското опълчение в освободителната руско-турска война 1877-1878 г.: Възпомяна ... София, 1902.
- Коновев В.Д. Русско-болгарское боевое содружество в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. М., 1953.
- Копчев Г.И. Признателна България. София, 1907.
- Крестовский В. Двадцать месяцев в действующей армии. Спб., 1879.
- Лавеле, Емил де. Балканский полуостров. М. 1889. (Обяснителните бележки и допълнения, направени към това издание от преводача Николай Евгениевич Василев).
- Малинов В. Руско-турската война 1877–1878 г. и Българското опълчение. Свищов, 1902.
- Марчин Г. Участието на Българското опълчение в Освободителната руско-турска война 1877–1878 г. Стара Загора, 1928.
- Манчев М. Единадесети август 1877 г. или боят на Шипка. Пловдив, 1884.
- Митев Й. Пътят на Самарското знаме. София, 1962.
- Монеджикова А. София през вековете. София, 1946.
- Мосолов А. България 1878–1883 г.: Спомени. София, 1991.
- Муратов. Документи за дейността на русите по уредбата на гражданското управление на България 1877–1879 г. София, 1905.
- Народната библиотека «Св. Св. Кирил и Мефодий» (НБКМ), Български исторически архив (БИА).
- Немирович-Данченко В. Годы войны. СПб., 1879.
- Нишков Л.К. Струмский полк във войната и в преврата 1885–1886 г. София, 1898.

- Овсянный Н. Болгарское ополчение и земское войско. СПб., 1904.
- Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1961. Т. 1; М., 1964. Т. 2; М., 1967. Т. 3.
- От Самара до Шипка. София, 1978.
- Пешев П. Историческите събития и деятели от навечерието на Освобождението ни до днес. София, 1929.
- Радев Н. Защита на Шипка на 9, 10 и 11 август 1877 г. и историята на първата българска война светиня Самарското знамя ... София, 1902.
- Репортажи за Освободителната война 1877–1878 г / Съставител Людмила Генова. София, 1978.
- Сборник материалов по гражданскому управлению. СПб., 1903.
- Сборник военных рассказов, составленных офицерами – участниками войны 1877–1878. СПб., 1879.
- Станев Н. Нашите опълченци – илюстрирана малка библиотека, № 110. София, 1925.
- Стойчев И.К. Самарското знаме, принос към историята му. София, 1942 Машинопис. – Военно-историческа библиотека, сигн. III–251.
- Стойчев И.К. Въпросът за народното знаме в Учредителното събрание. София, 1938.
- Стойчев И.К. За първообраза на българското знаме според чл. 23 от Конституцията. София, 1941.
- Тодоров Г. Временното руско управление в България 1877–1879. София, 1958.
- Уста-Генчов Д. Генерал Столетов като водач на Българското опълчение. София, 1928.
- Уста-Генчов Д. Документ по историята на Самарското знаме. Славянски глас. 1906. Кн. 4.
- Филиппов Л. Възпоминания и разкази за първото българското опълчение през войната 1877–1878 г. София, 1893.
- Централен държавен архив, СГОДА.
- Яковлев Н. Наш друг – Стара Загора. Куйбышев, 1967.
- Шаховский Л.В. С театра войны 1877–1878 г.: два похода за Балканы. М., 1897.
- Шумков И. Патриотически и насърчителни разкази ... София, 1907.
- Юбилеен Сборник по случай 30-годишната от Освобождението на България. София, 1914.
- Юбилейна книга за София. София, 1928.

Н.А. Гергедава

П.В. АЛАБИН И СОФИЙСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

(По материалам фондов СОИКМ им. П.В. Алабина)

Среди материалов фонда П.В. Алабина, хранящихся в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина, около 30 документов прямо или косвенно относятся к истории Софийской публичной библиотеки. В основном, это ксерокопии документов и печатных изданий, присланные из архива при библиотеке г. Софии.

По мере освобождения Болгарии возникла острая необходимость в налаживании мирной жизни, в нормальном снабжении населения продовольствием, медикаментами, одеждой и кровом. Нужно было срочно ввести по всей стране гражданское управление, то есть найти честных, опытных и преданных людей, способных в самый кратчайший срок избавить болгар от голода, болезней и нищеты.

На ответственную должность гражданского губернатора в город Софию российский комиссар в Болгарии князь В.А. Черкасский предложил Верховному главнокомандующему назначить Петра Владимировича Алабина, хорошо зарекомендовавшего себя и в Вятке, и в Самаре, и во время русско-турецкой войны. П.В. Алабин прибыл в Болгарию в конце 1877 г. За время пребывания в этой стране в качестве агента славянских обществ он осуществил много благотворительных мероприятий.

«Предложение, сделанное мне князем Черкасским принять должность Софийского губернатора, было для меня совершенной неожиданностью. Я не считал возможным отказаться от этого, впрочем, лестного для меня предложения и потому уже, что оставаться под главным управлением князя Черкасского не в той должности, в какой он желал бы меня видеть - и мне было бы неудобно и едва ли соответствовало бы интересам самого дела. Не посетуйте же на меня за затруднение, какое я, быть может, Вам сделал, поставив Вас в необходимость вновь приискывать агента Московскому обществу, и прошу Вас: не усмотрите легкомыслия в моем поступке. Готов будучи послужить славянскому делу всеми нравственными своими силами, я, принимая предложенную мне ныне должность, вхожу в ее отправление только продолжением этого служения и потому всегда буду считать за счастье, когда Московское Славянское общество найдет случай дать мне возможность на деле доказать свою готовность быть ему полезным» (из письма П.В. Алабина И.С. Аксакову из Болгарии от 14 декабря 1877 г.). В музее имеется фотокопия всего текста письма, написанного рукой Алабина.¹

П.В. Алабин становится первым гражданским губернатором Софии. Военные губернаторы были и до него. Это командующий Преображенским полком флигель-адъютант князь Оболенский, а после него - генерал Арнольди.² По мере освобождения Болгарии, как уже отмечалось, возникла необходимость в установлении гражданского управления, которое было возложено на князя Черкасского, ведавшего гражданскими делами при главнокомандующем русской армии.³

Обычно князь назначал на должность губернатора русских, а на должность их помощников - болгар.⁴ Так, в докладе главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу князь Черкасский представил назначение на должность Софийского губернатора действительного статского советника П.В. Алабина, а на должность вице-губернатора профессора М.С. Дринова, который был тогда в распоряжении князя и являлся одним из немногих образованных болгар, совершенно преданных интересам России, что являлось необходимым для работы при центральном управлении.⁵

На должности гражданского губернатора П.В. Алабин находился с 6 февраля до конца сентября 1878 г.⁶ Ему предстояло многое сделать, чтобы возродить болгарские национальные культурные традиции. Вместе с Петром Владимировичем работали умные и талантливые люди, многие из которых были не только его сотрудниками, но становились впоследствии его близкими друзьями.

Таким сотрудником, а затем и другом, стал для Алабина профессор-славист Харьковского университета болгарин Марин Степанович Дринов (1836-1906), получивший образование в России, в Киевском и Московском университетах. Московский университет он окончил в 1865 г. со степенью кандидата историко-филологических наук, в 1876 г. был назначен ординарным профессором кафедры славянских наречий. С началом освободительной войны М.С. Дринов оставил кафедру и поспешил на родину, где уже погиб его брат Найдено Дринов. Студенты Харьковского университета устроили профессору торжественные проводы, собрали деньги и теплые вещи.⁷

3 августа 1877 г. Дринов был откомандирован в распоряжение главнокомандующего русской армией. Впоследствии он стал вице-губернатором Софии (помощником Алабина), а затем (с лета

1878 г.) - первым министром народного просвещения в первом болгарском правительстве.⁸ Именно Дринов предложил сделать столицей Болгарии Софию (до этого столицей был древний город Тырново). Алабин поддержал эту мысль, и в 1879 г. София стала столицей новой Болгарии.⁹

Постепенно София становилась местом притяжения болгарской интеллигенции. А для развития города в культурном и образовательном отношении нужна была богатая библиотека. Правда, библиотека в Софии была, но она не отвечала необходимым требованиям, то есть не являлась культурным центром города.¹⁰ Основание новой библиотеки должно было стать одним из решающих факторов последующего скачка в культурном развитии Болгарии.

Первым идею создания публичной библиотеки подал болгарский учитель, член-секретарь первого софийского городского совета, общественный деятель М.К. Боботинов на обеде в честь офицеров и чиновников временного русского управления в Болгарии, состоявшемся 4 апреля 1878 г. в честь избавления Александра II от покушения на него в Париже. По мнению Боботинова, существующая библиотека должна была «послужить основой, на которой с помощью пожертвований можно создать нечто более значительное».¹¹

Наиболее активно поддержали эту идею П.В. Алабин и М.С. Дринов. У Алабина был богатый опыт организации и участия в работе народных библиотек и читален в Вятке и Самаре, а Дринов прекрасно знал все славянские языки и историю возникновения и развития болгарской литературы. По их инициативе было учреждено «Общество публичной библиотеки», главной задачей которого стал сбор пожертвований деньгами и книгами в фонд будущей библиотеки.¹²

В комплектовании книжного фонда Софийской публичной библиотеки принимало участие много людей. По просьбе Алабина деятельное участие в делах этого общества принял генерал Александр Александрович Пушкин - герой русско-турецкой войны, сын великого русского поэта, предоставивший в ее распоряжение все книги своего отца, имевшиеся у него с собой.¹³

Софийский полицмейстер А.К. Пауль в память своего шестимесячного пребывания на этом посту передал губернатору свою библиотеку из 228 томов, считая, что она «послужит началом более обширной библиотеке».¹⁴

Корреспондент московских газет В.А. Гиляровский попросил редакции этих газет срочно организовать присылку книг и журналов в Софийскую публичную библиотеку. Молодой врач Владимир Бехтерев, бывший читателем еще у Алабина в Вятке, вернувшись домой с русско-турецкой войны, послал в Софию около ста томов книг различного содержания. Герой русско-турецкой войны генерал Д. Комаров (отец известной советской писательницы Ольги Форш) передал в Софийскую библиотеку много книг из своего личного собрания.¹⁵

Конечно же, пожертвовал книги для Софийской публичной библиотеки и сам П.В. Алабин. «Хотя свои литературные работы и неловко рекомендовать, - пишет он И.С. Аксакову, - но я на это решаюсь, потому что с моей стороны приложен был к делу, о котором скажу, только механический труд, а самая суть принадлежит не мне, а нашим лучшим литераторам».¹⁶

Аксаков немедленно обратился в Петербург, в товарищество «Общественная польза». Алабин получил все оставшиеся на складе экземпляры своих книг и передал их в дар Софийской публичной библиотеке.¹⁷

Болгарские писатели и общественные деятели с большим энтузиазмом встретили сообщение о готовящемся открытии в Софии публичной библиотеки и стали активными членами «Общества библиотеки». Они, как и их соотечественники М. Дринов и И. Иванов, стали жертвовать в фонд публичной библиотеки свои книги и целые книжные собрания. Выдающиеся общественные деятели Болгарии Димитр Хаджикошов, Драган Цанков, Иван Вазов, Васил Коларов, Петко Каравелов, В. Пехатич, помогали Алабину пополнять болгарский отдел Софийской библиотеки.¹⁸

Датой открытия Софийской публичной библиотеки (впоследствии Народной библиотеки имени Василя Коларова) считается 28 ноября 1878 г., читального зала - с 15 января 1879 г. (Алабина тогда уже не было в Болгарии). Книги на дом не выдавались, поэтому началом работы библиотеки можно считать открытие читального зала.¹⁹ Но, как свидетельствуют документы, фактически читатели стали посещать библиотеку раньше официального открытия читального зала. Так, в письме от 3 января 1878 г. М.С. Дринов сообщает П.В. Алабину, что библиотека «уже открыта и усердно посещается многими читателями, русскими и болгарами».²⁰

Когда в 1958 г. болгарская общественность отмечала 80-летие своей Национальной библиотеки, ее директор Георгий Михайлов Добрев выделил роль Алабина в создании библиотеки:

«Тогдашний генерал-губернатор Софии Петр Владимирович Алабин, видный русский военный и общественный деятель, с воодушевлением и упорством взялся за осуществление этой идеи. Он подготовил почву для организации Софийской общественной библиотеки и сам написал ее первый устав».²¹

Открытие библиотеки предшествовала подготовительная работа. 25 сентября 1878 г. Алабин обратился с письмом к императорскому Российскому комиссару в Болгарии генерал-адъютанту князю А.М. Дондукову-Корсакову с просьбой утвердить «Проект устава Софийской Публичной библиотеки и бесплатной при ней читальни».

Проект устава был написан на русском и болгарском языках. Он определял задачи библиотеки и предлагал инструкции по хранению и использованию книжного фонда. В статье И. Панайотова «К истории Государственной библиотеки им. Василя Коларова» («Към историята на Държавна библиотека «Васил Коларов») приводится полный текст Проекта устава на болгарском языке с характеристикой этого документа, а также копия сопроводительного письма к Проекту устава на имя Дондукова-Корсакова и первая страница устава на русском языке, написанная рукой Алабина.²²

Из софийской библиотеки получены ксерокопии письма Дондукову-Корсакову и Проекта устава на болгарском и русском языках, с многочисленными подписями русских служащих при временном русском управлении в Болгарии, в том числе самого Алабина и его помощника полковника Лукашова, и болгар, состоящих на службе при русском управлении или занимающих другое общественное положение. Так, среди болгарских представителей поставили свои подписи под документом софийский митрополит Мелетий и профессор М. Дринов.²³

Оба текста были подготовлены и давались на подпись одновременно (о чем можно судить по чернилам, использовавшимся для подписей)²⁴ и некоторые учредители не считали нужным подписывать оба текста, а подписали только болгарский текст. Поэтому под ним подписей больше, чем под текстом на русском языке.

Софийское губернаторство отправило Проект устава на утверждение Российскому комиссару князю Дондукову-Корсакову письмом за № 3717, подписанным лично Алабиным. По штемпелю комиссарской канцелярии видно, что письмо было получено 2 октября того же года. В тот же день оно было отправлено министру народного просвещения профессору Марину Дринову, который сделал собственноручную отметку: «Нар. просвещ. 2 окт. 78. М. Д.»

Пометки же, свидетельствующей об утверждении Проекта устава российским комиссаром, на письме нет. Видимо, это не было необходимым, формального утверждения не требовалось, а комиссару Проект представлялся лишь «для сведения».

Пункты 7 и 8 Проекта устава предполагали избрание руководства Публичной библиотеки. Председатель, четыре члена и секретарь-кассир избирались сроком на три года. Общее собрание учредителей было созвано вице-губернатором, полковником Лукашовым.²⁵

Согласно Протоколу № 1 от 28 ноября 1878 г. учредители собрались в помещении библиотеки и приступили «к избранию библиотечной комиссии, которая, наряду с другими, решала и вопрос об открытии библиотеки».²⁶ Текст этого документа приводится в статье В. Йорданова. «История Народной библиотеки в Софии» («История на Народната библиотека в София»)²⁷

Тайным голосованием в руководство были избраны: профессор Марин Дринов – председателем, Стефан Зографский – секретарем, д-р Димитр Моллов, Димитр Коцев, Петр Генчев и Алексей Петков – членами комиссии. Протокол подписан полковником М.И. Лукашовым и тридцатью «учредителями», преимущественно болгарскими.²⁸

В тот же день, после закрытия общего собрания, избравшего библиотечную комиссию, члены этой комиссии под председательством М. Дринова (в его отсутствие – Д. Коцева) собрались на первое заседание, на котором рассматривали присланные Алабиным из Петербурга церковные предметы на сумму 217 руб, 50 коп. Решено было продавать их от имени библиотеки. Это заседание также зафиксировано Протоколом № 1 от 28 ноября 1878 г. Протокол подписан председателем комиссии Дриновым и членами Петковым, Молловым, Зографским и Генчевым.²⁹

Алабин поддержал инициативу Дринова о переименовании Софийской библиотеки в Народную библиотеку и о превращении ее в национальную библиотеку Болгарии, помог открыть в Софии несколько книжных лавок с целью покупки у населения редких книг для пополнения фонда публичной библиотеки.³⁰

Перед самым отъездом из Болгарии П.В. Алабин подарил Софийской публичной библиотеке самую дорогую для него книгу: экземпляр «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, который он получил от самого автора.³¹

В своем последнем письме из Софии И.С. Аксакову от 31 июля 1878 г. Алабин писал: «Надо бы уехать, но пока как-то совестно бросить здесь службу, не видя еще результатов много начатого».³²

В конце сентября 1878 г. П.В. Алабин возвратился в Россию. За службу в Болгарии на посту губернатора Софии он был награжден одним из высших российских знаков отличия – орденом св. Анны I степени.

После отъезда П.В. Алабина из Болгарии его обязанности на посту гражданского губернатора Софии стал исполнять его заместитель, вице-губернатор, полковник М.И. Лукашов (до мая 1879 г., когда Софийским губернатором был назначен Т. Бурмов, а Лукашов также уехал в Россию)³³, который подписывал документы как «исправляющий должность губернатора» (иногда так подписывался и сам Алабин). Но губернатором, видимо, продолжал оставаться Алабин. Во всяком случае, документ, датированный 1 ноября 1878 г. и написанный в Петербурге, Петр Владимирович подписал: «Софийский Губернатор, Действительный Статский Советник Алабин».³⁴

Вернувшись в Россию, до конца своей жизни, Алабин высылал в Софийскую библиотеку большие партии книг, покупаемых им в различных городах, интересовался делами Софийской библиотеки. Так, в уведомлении Софийской публичной библиотеки, отправленном в канцелярию Софийского губернатора 14 июня 1879 г. (на болгарском языке) сообщается, что библиотекой получены следующие книги: 1. Сборник сочинений русских писателей; 2. Статистические таблицы Самарской губернии в шести выпусках; 3. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Без сомнения, эти книги отправил в Софийскую библиотеку П.В. Алабин.³⁵

В письме Д. Карамфиловичу от 30 июля 1895 г. он, в частности, интересуется: «какая участь постигла Публичную библиотеку, которой я положил основание большим количеством книг еще в бытность мою в Софии и потом высылкой большого транспорта их из Петербурга».³⁶

Близко к сердцу П.В. Алабин принял известие о том, что здание библиотеки было передано под жилище российскому комиссару А.М. Дондукову-Корсакову, а весь книжный фонд нужно было перевести в другое здание. Свои чувства и настроения по этому вопросу он выразил в письме от 12 января 1879 г. из Самары М.С. Дринову, в то время председателю руководства Софийской библиотеки:

«Очень прискорбно было услышать эту весть: Вы знаете, как вредно действует на библиотеку, в особенности уже устроенную, переселение ее из дому в дом. Не говоря уже о затруднениях, какие при этом предстоит преодолеть библиотеке, чтобы уложиться и разложиться и затем чтобы привозить те же шкапы, в которых они уже помещались, так как в противном случае, с помещением библиотеки в новые шкапы, если бы старые оказались непопущающимися в другом здании — придется переделывать инвентарь библиотеки и делать новую нумерацию на книгах, на карточках и след. (овательно) в каталоге систематическом, а это труд не малый и бесполезный совершенно. Все это вместе взятое составляет великое бедствие для рождающейся библиотеки. Но самое главное и самое важное для нее несчастье это, что она такого рода перешвыриванием с места на место теряет значение в глазах населения, лишается того престижа, какой мы хотели придать ей. Мы ведь думали сделать из библиотеки этой нечто вроде какого-то святилища, в которое входили бы со священным трепетом за живой водой мудрости и знания. А теперь вдруг святилище это во что обращается!? Бога ради: возвратят ли по крайней мере прежнее здание библиотеки, или, если дадут другое, то с теми ли же удобствами как бывшее, а также возместятся ли библиотеке непроизводительные расходы, по крайней мере, в которые она вовлечена, а то бросать деньги славянских обществ на ветер не совсем удобно».³⁷

29 октября 1878 г. П.В. Алабин выступил на заседании Петербургского славянского общества под председательством К.Н. Бестужева-Рюмина с отчетом о своей деятельности в Болгарии. Об этих событиях Алабин в ноябре того же года сообщил в своем письме вице-губернатору М.И. Лукашову, заменившему его после отъезда из Болгарии. Сильное впечатление на собравшихся, по словам Алабина, произвело его сообщение об открытии в Софии публичной библиотеки. Многие захотели пополнить ее фонд книгами.³⁸

Обращаясь к Лукашову, Алабин пишет: «Общество уже приготовило и на днях посылает на Ваше имя целый транспорт книг и церковных облачений — пожертвованных. Дело вот в чем. Будьте добры, займитесь сами этим делом, а то едва ли кто-нибудь отнесется к нему с любовью. Я бы думал сделать так. Тех сочинений (из пожертвованных), которых я Вам пришлю, по одному экземпляру отдайте в публичную библиотеку, в ее состав, и запишите в каталог; все же лишние экземпляры пустите в продажу. Выручка, разумеется, пусть идет в пользу библиотеки. Прикажите продавать по русской каталожной цене. Это будет выгодно, тем более, что пересылку, насколько ее можно было здесь оплатить, я оплачу из сумм славянских Обществ. Вам придется немного доплатить — раскиньте это на книги и заплатите из библиотечных сумм. Каталог этим книгам, если успею сегодня написать, вложу в письмо, потому что я уезжаю завтра домой и тороплюсь, а нет так пришлю из Самары».

Далее Алабин пишет: «Купил книг, которые считал более или менее пригодными для Софийской публичной библиотеки рублей на 65... Посылаю их Вам на Ваше имя. Прикажите записать на приход как дар от славянских Обществ. Каталог этих книг пришлю Вам из Самары. Здесь не успею написать. Во всяком случае Вы его скорее получите, чем книги. Здесь такой милый порядок, какого в Китае едва ли найдете — ни одно транспортное общество не берется к Вам доста-

вить этот транспорт, а по почте его высылать немыслимо. Так мы придумали и так отсылаем все на имя протоиерея Раевского, придворного священника нашего при посольстве в Вене, прося его на пароходе Ллойда отправлять на имя Окружного Начальника в Лом-Паланку. Он по моей просьбе будет Вам телеграфировать о прибытии транспорта, и Вам придется или списаться с ним, чтобы с своим сторожарем отправил к Вам транспорт на обывательских подводах, или послать за ним своего сторожаря. С помощью этих книг у Вас сразу библиотека примет серьезный характер и должна иметь доход. Таким путем отправляются книги, мною купленные и пожертвованные. Вы, конечно, будете так добры, своевременно уведомите меня о получении этого транспорта, адресуя в Самару».

Алабин также сообщает: «В магазине Колесова и Михина (один из лучших магазинов в гостинном дворе по Невскому проспекту) устроил Вам кредит. На первый раз посылаю Вам дешевых календарей. Продавать прикажите почем признаете возможным, приняв в соображение, что кроме ценности календарей означенных в прилагаемом счете, пересылка до Одессы будет стоить по почте 7 руб. 36 коп. и там что еще Вам придется заплатить на Вашей почте. В этом же тюке Вы найдете несколько детских книг. Они посылаются в кредит. Или продайте их на сторону, или купите библиотеке. Деньги, какие причитаются магазину, (не считая 7 руб. 36 коп., которые я уплатил из славянских сумм), за календари и книги вышлите возможно скорее им».

Алабин пишет и о том, что он «в здешнем заведении метахромотипии приобрел разных церковных предметов» на 218 руб. для лавки церковных вещей при библиотеке, и они были отправлены в Болгарию через Одессу. А если эти предметы понравятся, то можно обращаться от имени библиотечного общества прямо в магазин, который, к тому же, в дальнейшем обещал сделать скидку по сравнению с ценами, по которым приобретал вещи Алабин (хотя ему тоже были сделаны скидки), и магазин готов ждать деньги за товар в течение шести месяцев.

Вместе с книгами Алабин высылает библиотеке несколько каталогов «превосходного магазина учебных пособий С. Петербургской Мастерской (получила медаль на Парижской выставке)». Магазин по его просьбе согласился открыть библиотеке полугодовой кредит на те предметы, которые она захочет приобрести.

И еще об одном сообщает Алабин: «Здесь есть придворный поставщик (спокон веку) и фабрикант церковных и парчовых вещей. Он член-учредитель Славянского общества и, надо заметить, член очень рьяный. В заседании общества, по окончании моей речи, он просил профессора Ломанского отрекомендовать мне его и, познакомившись, предложил свои полные услуги делу устройства в Софии лавки церковных вещей при публичной библиотеке. Я, разумеется, схватился за него зубами. Его фамилия Михайло Иванович Лихачев. На другой день я отправился к нему, выбрал у него самых дешевых материй, применяясь к болгарскому требованию, и заключил с ним условие, что он обязан изготовить и доставить моему экспедитору, для отправки в Софию» церковные облачения.

Последний пункт письма Алабина подтверждается копией, сделанной им с заказа «Двора Его Императорского Величества золототканых и золотошвейных изделий» М.И. Лихачеву «на сделание церковных риз, облачений, а также вещей накладного серебра для Общества Софийской Публичной библиотеки в Болгарии». Это и есть тот самый, упоминавшийся уже выше документ от 1 ноября 1878 г., который Алабин подписал еще как софийский губернатор.

После перечисления заказанных предметов Алабин делает приписку: «Вещи эти посылаются немедленно, и в течение 4 месяцев библиотека обязана произвести по ним уплату денег г. Лихачеву. Тогда, если нужно, он Вам высылает все, что нужно по Вашему требованию опять в кредит. Из этого Вы видите, что Вам разом открывается кредит в 4 магазинах, и от администрации библиотеки будет зависеть умело воспользоваться этим кредитом, чтобы средства ее увеличились, чтобы разбогатеть. Надеюсь, что библиотека не скомпрометирует меня в глазах торговцев и будут выплачивать им в срок все деньги, какие причитаются будут. Пожалуйста, съездите к Митрополиту и передайте ему все, что сделано в его удовольствие для устройства лавки церковной — пусть помогает. Петербургский Митрополит, скажите ему, обещал отпустить лавке значительное количество книг духовного содержания и церковных». ³⁹

М.И. Лукашов серьезно отнесся к просьбе Алабина. Это видно из его письма в Комитет Софийской публичной библиотеки от 28 декабря 1878 г., в котором он сообщает, что книги, высланные Алабиным из Петербурга для Софийской библиотеки, доставлены на двух подводах, вместе с вещами императорского комиссара в Болгарии, к военному инженер-полковнику Фон-Витте, из Лом-Паланки, при посредстве протоиерея при Русском посольстве в Вене Раевского.

Лукашов просит Комитет библиотеки принять книги по описи, переданной им уже члену Комитета Петкову, и об этом его известить, а также отослать деньги Лом-Паланскому Окружному Начальнику, «в возврат уплаченных им из местной Окружной кассы» за перевозку книг из

Вены до Лом-Паланки 119 франков 76 сантимов и от Лом-Паланки до Берковца 12 франков, и об отправке денег также ему сообщить.

На полях письма Лукашов подсчитал общую сумму денег – 131 франк 76 сантимов и сделал заметки: «Выслать немедленно деньги при письме»; «Известить о. Протоиерея Раевского о получении книг, выразив при этом благодарность за оказанную им важную услугу библиотеке»; «Покорнейше прошу г. Зографского озаботиться скорейшим приемом книг». ⁴⁰

Выполняя предписания Лукашова, руководство библиотеки письмом от 3 января 1879 г. сообщает ему, что книги библиотекой уже получены и при сверке их с описью, переданной Петкову, «оказались все налицо». О высылке денег за перевозку этих книг также «отдано надлежащее распоряжение». ⁴¹

П.В. Алабину на письмо ответил председатель библиотечной комиссии в Софии М.С. Дринов. В письме от 3 января 1879 г. он сообщает, что письмо Алабина М.И. Лукашову было оглашено на общем собрании публичной библиотеки. Было высказано пожелание сделать копию с этого письма для хранения его в библиотеке «как дорогой памятник Вашей истинно отеческой заботливости об ней».

Дринов сообщает далее, что вскоре после получения этого письма были получены и книги, отправленные Алабиным из Петербурга и выражает свои чувства по этому поводу: «Трудно передать восторг, в который пришли все члены библиотеки при виде этого драгоценного дара, сосредоточивающего в себе почти все лучшие произведения русской оригинальной и переводной литературы. Благодаря этому драгоценному подарку библиотека сразу получила весьма важное значение. Плоды возбужденного этим учреждением интереса к книжному делу не замедлили сказаться». Так, было принято решение приобрести частную библиотеку болгарского ученого Палаузова, оставшуюся после его смерти: довольно полную коллекцию книг по истории, этнографии и лингвистике болгар и их соседей. Кроме того, Болгарское Браилское Книжное дружество (Литературное общество) решено перевести в Софию «вместе со всеми его коллекциями и соединить его с Софийским Книгохранилищем».

Дринов пишет и об упоминаемых в письме Алабина предметах, предназначенных для лавки при библиотеке: «Из присланных Вами вещей для библиотечной лавки получили пока посылку из магазина Колесова - Михина и изделия товарищества метахромотипии. Половина календарей и детских книг Колесова и Михина уже распродана, в скором времени надеемся продать и остальную половину, после чего немедленно отправим стоимость их по принадлежности. Изделия товарищества метахромотипии раскупаются довольно быстро. Не сомневаемся, что когда наши благодетельные соотечественники ближе ознакомятся с этими изделиями, сбыт последних примет довольно значительный размер».

А вот церковная утварь и облачения, высланные по заказу Алабина М.И. Лихачевым, к этому времени еще не были получены. Но Дринов одобряет их выбор и не сомневается, «что они живо будут распроданы, хотя и выражает опасение: «если получение их замедлится, то едва ли удастся нам выслать их стоимость в условленный срок, т.е. по истечении четырех месяцев со дня отправления их из Петербурга. В таком случае мы обратимся к Господину Лихачеву с просьбой дать нам отсрочку, в которой, надеемся, он нам не откажет».

Заканчивается письмо словами благодарности П.В. Алабину: «От имени всех членов Софийской публичной библиотеки покорнейше просим Вас, Милостивый Государь, принять искреннейшую благодарность за Ваши неусыпные труды по устройству и развитию сего столь полезного для Болгарии учреждения, которое, смеем Вас уверить, навсегда будет поддерживать добрую память о Вашем, к сожалению, слишком кратковременном пребывании в Софии». ⁴²

С М.С. Дриновым, как уже отмечалось выше, П.В. Алабина связывали и деловые, и теплые дружеские отношения. Об этом свидетельствуют многочисленные записки гражданского губернатора Софии вице-губернатору с просьбой «пожаловать по экстренному делу» или «по весьма важному делу» и визитная карточка Алабина-губернатора, датируемая сентябрем 1878 г., с написанным его рукой текстом, сообщающим о следующем: «Выезжаю из Софии 28 сент.(ября). След.(овательно) должен быть проездом на Филиппопольской станции 29 сент.(ября), и хотелось бы обнять Марина Степановича на станции». ⁴³

Еще несколько документов касаются предмета переписки Алабина и Дринова. Прежде всего, это документы, связанные с магазином Колесова и Михина. Это квитанция от 17 декабря 1878 г., подписанная библиотекарем Софийской публичной библиотеки И. Шумковым на получение из канцелярии Софийского губернатора календарей и книг (приводится и их список) на сумму 245 франков 75 сантимов. ⁴⁴

Далее это счет книжного магазина Колесова и Михина от 16 февраля 1879 г. для Софийской библиотеки на оплату стоимости календарей и книг в сумме 34 руб. 3 к., с резолюцией и. д.

губернатора полковника Лукашова от 27 февраля («Препровождается для сведения в комитет Софийской публичной библиотеки. № 1225») и отметкой о высылке денег в магазин.⁴⁵

И, наконец, уведомление секретаря библиотечной комиссии Софийской публичной библиотеки Зографского от 3 марта 1879 г., направленное в магазин, с сообщением о том, что библиотека «получила через Софийского губернатора из Вашего магазина счет на 34 руб. 3 к. для уплаты высланных магазином по поручению Петра Владимировича Алабина в Софийскую библиотеку разных книг и календарей; вследствие этого Софийская публичная библиотека имеет честь препроводить при сем в вышеупомянутый магазин означенные в счете от 16 февраля 34 руб. 3 к.»⁴⁶

Другая группа документов касается отношений библиотеки с магазином М.И. Лихачева. В телеграмме Алабина, отправленной из Самары в Софийскую библиотеку 8 февраля 1879 г., сообщается: «Церковные вещи отправлены председателю Болгарского общества Палаузову Одессу для отправки через Константинопольское консульство Софию подробно письмом».⁴⁷

Это письмо Алабин написал 10 февраля того же года, т. е. через два дня, хотя он, ссылаясь на свою телеграмму, пишет (видимо, по ошибке), что она была послана 6 февраля. Алабин сообщает, что к письму прилагаются счета, выписанные магазином М.И. Лихачева, для уплаты за церковные вещи, отправленные до Одессы в девяти ящиках, весом 32 пуда 9 фунтов, по 1 руб. 65 коп. за пуд, что составляет 63 руб. 98 коп. Эти деньги надо выслать Лихачеву в Петербург, так как он израсходовал свои.

Алабин просит Н.Х. Палаузова отправить вещи через Константинопольское консульство, но «если он найдет лучший путь и способ отправки этих вещей в Софию, то отправил бы их по таковому пути, только уведомил бы библиотеку: каким путем будут им отправлены вещи». Алабин также просит сообщить «как об отправке денег г. Лихачеву, так и о том: какие будут приняты меры для получения вещей с того пункта, на который их перешлет г. Палаузов».⁴⁸

На письме, полученном библиотекой 1 марта, имеется пометка секретаря библиотечной комиссии Зографского об отправке 13 марта денег 63 руб. 98 коп. В тот же день он уведомил об этом и Лихачева, добавив, что высланные им «церковные утвари до сих пор еще не получены библиотекой».⁴⁹

Но Алабин, не зная еще об отправке денег, 10 марта высылает на имя окружного начальника Валамова телеграмму из Самары с таким текстом: «Прошу настоять библиотеке немедленной высылке 67 рублей кредитных Лихачеву Петербург доставку церковных вещей до Одессы».⁵⁰ Правда, сумма денег указана не совсем точно.

7 апреля Зографский (уже заведующий библиотекой) сообщает Лихачеву: «Чрез Алабина получено 3 апреля девять ящиков церковных вещей. Подробно письмом». На листке с текстом есть пометка «Копия». Скорее всего, это копия телеграммы, отправленной Лихачеву.⁵¹

В свою очередь, М.И. Лихачев 5 апреля уведомляет Общество публичной библиотеки в Софии о получении денег «за перевозку ризниц и утвари церковной от Петербурга до Одессы» и о получении им письма от Палаузова из Одессы с сообщением о том, «что все вышеозначенные вещи» отправлены им далее на австрийском пароходе «Миттерних».⁵²

Возникнув на частные пожертвования, софийская библиотека скоро стала испытывать денежные затруднения и обратилась за помощью сначала в Софийское губернаторство, а затем в министерство народного просвещения. 5 июня 1879 г. библиотека была переведена на бюджетное финансирование вновь созданного болгарского государства под названием Болгарская народная библиотека в Софии. Так закончился первый этап в истории библиотеки, впоследствии Государственной библиотеки им. Василя Коларова (Държавна библиотека «Васил Коларов»),⁵³ а затем — Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия.⁵⁴

Характеризуя работу над созданием Софийской библиотеки, важная роль в которой принадлежит П.В. Алабину, можно использовать слова В.В. Стасова, обращенные к русским офицерам в Болгарии, — собирать все, что есть замечательного у народа болгарского, чтобы после себя, в истории Отечества оставить «не один след великодушных, светлых освободителей, но и охранителей народного творчества и жизни».⁵⁵

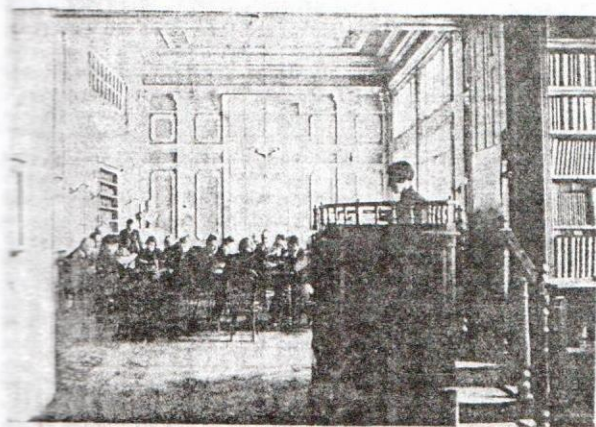
ПРИМЕЧАНИЯ:

1. СОИКМ им. П.В. Алабина. Научно-вспомогательный фонд. № 9806.
2. Йорданов В. История на Народната библиотека в София. София. 1930. С. 16. // СОИКМ им. П.В. Алабина. Научно-вспомогательный фонд. № 9826.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же. С. 16-17.

6. Монеджикова А. София през вековете. София. 1946. С. 325. — СОИКМ. НВСП. 9827.
7. Белов С.В., Белодубровский Е.Б. Первый губернатор Софии // «Звезда». 1978. 3. С. 217 // СОИКМ. НВСП. 9844. Алабин И.М. Роль П.В. Алабина в становлении русско-болгарских библиотечно-библиографических связей. Дипломная работа. М. 1990. С. 50 // СОИКМ. НВСП. 9843.
8. Йорданов В. Указ. соч. С. 12, 19.
9. Белов С.В. Указ. соч. С. 217. Алабин И.М. Указ. соч. С. 50-51.
10. Йорданов В. Указ. соч. С. 12.
11. Там же. С. 11-12.
12. Алабин И.М. Указ. соч. С. 52. Йорданов В. Указ. соч. С. 12.
13. Белов С.В. Указ. соч. С. 218.
14. Йорданов В. Указ. соч. С. 12.
15. Белов С.В. Указ. соч. С. 218.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Йорданов В. Указ. соч. С. 17, 19, 21.
20. СОИКМ. НВСП. 9807.
21. Белов С.В. Указ. соч. С. 219.
22. Панайотов И. Към историята на държавна библиотека «Васил Коларов» // Известия за 1952 г. на Държавна библиотека «Васил Коларов». София. 1953. С. 192-198 // СОИКМ. НВСП. 9845.
23. СОИКМ. НВСП. 9824, 9825, 9838.
24. Панайотов И. Указ. соч. С. 188.
25. Там же. С. 189.
26. Там же. С. 189-190.
27. Йорданов В. Указ. соч. С. 19.
28. Панайотов И. Указ. соч. С. 190.
29. СОИКМ. НВСП. 9837.
30. Белов С.В. Указ. соч. С. 219.
31. Там же.
32. Там же.
33. Йорданов В. Указ. соч. С. 20.
34. СОИКМ. НВСП. 9832.
35. Там же. 9831.
36. Там же. 9821.
37. Панайотов И. Указ. соч. С. 190.
38. СОИКМ. НВСП. 9820.
39. Там же. 9832.
40. Там же. 9817.
41. Там же. 9830.
42. Там же. 9807.
43. Там же. 9816.
44. Там же. 9835.
45. Там же. 9819.
46. Там же. 9836.
47. Там же. 9833.
48. Там же. 9823.
49. Там же. 9834.
50. Там же. 9829.
51. Там же. 9818.
52. Там же. 9822.
53. Панайотов И. Указ. соч. С. 192.
54. Белов С.В. Указ. соч. С. 219.
55. Бугрова О.Л. Культурный патриотизм П.В. Алабина // Алабинские чтения. Материалы научно-исследовательской конференции «Наследие П.В. Алабина и современная культура Самарской области» (21-22 апреля 1993 г.). Самара. 1993. С. 56.

1. Народная библиотека в Софии

2. Читальный зал Народной библиотеки

Обр. 28. — Библиотечна зале въ Народната Библиотека.

Обр. 29. — Народната Библиотека. Външенъ изгледъ.

3. Софийская народная библиотека им. Кирилла и Мефодия. 1990-е гг.

Декретом Высочайшим
в стародому 25 Февраля
подъ № 17
1879 год.

Фонд № 35
арх. сд. 655
д. 2

КНИЖНЫЙ

МАГАЗИНЪ

О. И. КОЛЕСОВА И Ф. П. МИХИНА

Коммисіонеровъ Типографіи 2го Отдѣленія

Собственной Е. И. ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярїи
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Гостиномъ Дворѣ № 22.

Аккуратное исполненіе порученій.

Его Превосходительству... Свѣдѣніи о книжн. магаз. С. Петербурга 16 Февраля 1879 г.

40.	Русскій карм. камень для вѣса	15.	4	80.
50.	Камендаръ отры вѣсн.	50.	22	50.
1	Семовскій. Звондочка	1,50.	1	20.
1	" " " " " " " "	1.	"	80.
1	" " " " " " " "	3.	2	40.
5.	Крестъ св. тѣлѣ	" 80.	"	25.
1	Солонова. Рѣшечная и стир.	1р.	"	80.
1	Кривоша. Обѣденн.	1.	"	85.
1	" " " " " " " "	" 50.	"	43.
		Суб. ср.		34р 3.

Превосходительству
Свѣдѣніи о книжн. магаз.
Свѣдѣніи о книжн. магаз.
Свѣдѣніи о книжн. магаз.
и т. д. М. Д. Колесова, Подпись
27 Февраля 1879 г.

4. Счет книжного магазина Колесова и Михина.

А.М. Колядина

ПОТРЕБНОСТЬ ДУШИ: П.В. АЛАБИН И КНИГА

Петр Владимирович Алабин был не только усердным читателем и собирателем книг, о чем можно прочитать в статье О.В. Московского «Пять библиотек Петра Алабина».¹ Он был еще теоретиком и практиком библиотечного и музейного дела, воссоздателем и основателем нескольких библиотек и музеев; библиографом, составившим несколько каталогов; археологом; теоретиком и практиком садоводства; военным писателем; журналистом; составителем и издателем хрестоматий для народа; государственным и общественным деятелем; меценатом.

Я остановлюсь здесь лишь на нескольких аспектах взаимоотношений Алабина с книгами. И прежде всего попытаюсь в какой-то степени обозначить круг его читательских интересов на основе составленных им поэтических и прозаических хрестоматий для народа и тематики благотворительных литературно-музыкальных вечеров в Вятке, в которых Петр Владимирович принимал активное участие.

В 1859 г. на страницах «Вятских губернских ведомостей» Алабин изложил свою программу по просвещению крестьян, в которой, в частности, предполагалось издание дешевых книг для крестьян.

В 1862 г. вторым изданием выходит составленный Петром Владимировичем «Сборник русских стихотворений для чтения простолюдинам», дополненный стихотворениями А.К. Толстого, И.С. Тургенева и Т.Г. Шевченко и портретами и краткими жизнеописаниями шести литераторов. К сожалению, мы не располагаем первым изданием сборника, напечатанного в Вятке в 1860 г., поэтому говорить можем лишь о втором издании.

В книге напечатано 89 произведений 31 автора, 6 кратких биографических очерков (о Ломоносове, Кольцове, Шевченко, Кострове, Никитине и Слепушкине) и 5 портретов лиц, которым посвящены жизнеописания. Среди авторов стихотворений как очень известные и в настоящее время, - такие, как Пушкин, Лермонтов, Крылов, Шевченко, так и забытые или нечитаемые сейчас - Ломоносов, Костров, Слепушкин.

В сборнике размещены 15 стихотворений Кольцова, 12 басен Крылова, 8 стихотворений Никитина, по 5 - Майкова и Лермонтова, 4 - Пушкина, огромный отрывок из поэмы Тараса Григорьевича Шевченко «Катерина».

Если перечитать эти стихотворения, басни и поэмы, то и сегодня все они найдут отклик в душе наших современников, потому что рассказывается в них о ситуациях, в которых мы, простые и не самые богатые люди, не раз бывали или не раз об этом раздумывали. О любви счастливой и безответной; о горькой бедности и богатстве, которое ненадежно и не гарантирует счастья; о надежности друзей или их предательстве в беде; о потере близких и любимых; о радости от хорошо сделанного дела. И еще о прекрасной нашей природе, о смене времен года и разнообразной радости от каждого из них; о героизме и долготерпении народа и о том, что не нужно отчаиваться; нужно трудиться, пока есть силы; надо помогать ближним, не ожидая от них благодарности, потому что - как следует из одной из басен Крылова

«Нам видеть можно,

Что как бывает жить ни тошно,

А умирать - еще тошней».²

Расположение материала в сборнике, по-видимому, тематическое. Так, первое стихотворение, полностью приписанное Пушкину, как в те времена, вероятно, считалось, - гимн «Боже, царя храни»; затем - «Бородино» Лермонтова; следом - 4 стихотворения разных авторов о четырех временах года; потом басня Крылова «Крестьяне и река» о том, что «на младших не найдешь управы там, где делятся они со старшим пополам»³; потом - «Всенощная в деревне» И.С. Аксакова; затем «Осень» А.К.Толстого; потом - стихотворение о Киеве. Оглавление составлено в алфавитном порядке авторов произведений, включенных в сборник.

Поскольку все книги Алабина давно уже стали библиографической редкостью, хочется полностью привести в современной транскрипции предисловие к сборнику, напечатанное сразу после титульного листа.

«Хотя у многих наших стихотворцев и есть сочинения, написанные как бы собственно для народа, но эти сочинения разбросаны по толстым книгам, которые по дороговизне своей недоступны для всех грамотных русских людей.

Вот причина, побудившая нас собрать несколько таких сочинений в одну эту дешевую книжку: авось крестьянин, казак, мещанин, солдат прочтут эти песнопенья, поймут их умом и сердцем, и добрым словом помянут тех, кто сложил эти песни.

В этой же книжке мы рассказали жизнь нескольких наших песнопевцев, вышедших из простого звания. Пусть видит наш православный люд, что и между ним были и есть люди, которым дала мать природа:

Песен дивный дар

И голос, шуму вод подобный».

Книга, кстати, стоила 40 копеек серебром. Для сравнения - через 20 лет, в 1885 г., дюжина яиц стоила 47 копеек, курица - 71 копейку.⁴

Жизнеописания в книге рассказывают о выходцах из крестьян и простого народа, сумевших добиться известности, а порой и славы, несмотря на трудные обстоятельства жизни.

Очень интересен в этом смысле очерк о жизни Ермила Ивановича Кострова, поэта и переводчика, жившего во второй половине XVIII в. Очерк - единственный, при котором нет портрета; кроме того, произведения Кострова в сборник не включены. Ермил Иванович происходил из экономических крестьян Вятской губернии и, возможно, поэтому Алабин, 8 лет проживший в Вятке и объехавший 5 из 11 уездов губернии, приводит в очерке о Кострове сведения, которых нет в официальных справочниках. Например, эпизоды о приглашении Кострова на обед к Екатерине II, которой очень понравился костровский перевод первых шести песен «Илиады» Гомера, и о том, как Костров, награжденный большой суммой денег за свои труды, отдал их почти все офицеру, потерявшему казенные деньги и готовому из-за этого покончить с собой. Нет в официальных справочниках и сведений о том, что Кострова очень любил Суворов и из уважения звал его по имени и отчеству, чем мог похвастаться не каждый из окружения Суворова.

В жизнеописании опущен тот факт, что Костров был горький пьяница и умер, не дожив до 50 лет, но зато написано, что он был добр, честен, благороден и знал множество языков. Впрочем, добрые и достойные человеческие качества подчеркиваются Алабиным во всех включенных в сборник очерках.

О костровском переводе «Илиады» Алабин написал, что это «собрание прекрасных песен, лучше которых не было и нет на свете», с чем согласен и автор статьи о Кострове в словаре Брокгауза и Ефрона: «Перевод «Илиады» сделан таким легким и красивым языком, что с удовольствием может быть прочтен и в настоящее время».⁵ Том Брокгауза с подобной оценкой вышел спустя 40 лет после сборника, составленного Алабиным.

Еще один сборник, напечатанный в 1869 г. тоже вторым изданием, состоит из прозаических произведений.⁶ Он имеет два названия: на титульном листе - «Понятное для простолюдинов из сочинений некоторых русских писателей», а на гравированной обложке, где изображен мальчик, читающий на лоне летней природы вслух книгу задумчиво и внимательно слушающим такому же мальчику и крестьянину преклонных лет - «Сборник из сочинений некоторых русских писателей».

Наша библиотека не располагает первым изданием, напечатанным семью годами раньше. А было бы очень интересно сравнить два издания, так как первое отличается от второго как количеством страниц (в первом - 320, во втором, «исправленном, дополненном и обновленном» - 304), так и названием: в первом издании книга называется «Сборник некоторых понятных народу повествований, рассказов и описаний».⁷

В предисловии второго издания написано, что за 7 лет, прошедших со времени первого, распродано 6000 экземпляров.

В оглавлении перечислено 73 произведения разных авторов. Посмотрим, что это за произведения и откуда они взяты.

Действительно, в сборнике есть сочинения российских писателей: 24 рассказа или отрывка из больших работ. Авторы их: Аксаков, Гоголь, Гончаров, Григорович, Даль, Загоскин, Одоевский, Салтыков-Щедрин, Тургенев. Но при этом собственно художественных произведений среди них немного - пожалуй, лишь «Аленький цветочек» С.Т. Аксакова да «Смерть» и «Одноворец Овсяников» И.С. Тургенева из «Записок охотника». У Гоголя взяты три произведения религиозного характера («Молитва Господня», «О литургии» и «Причащение»), у Гончарова - 3 отрывка из книги «Фрегат Паллада», у Салтыкова-Щедрина - отрывок из «Губернских очерков».

Как показывают библиографические разыскания, значительная часть этих произведений опубликована в конце 40-50-х гг. XIX в., то есть для времени выхода в свет сборника они совсем «свежие» и если не «на устах» у всей читающей публики, то еще и не забытые. Ко времени же выхода в свет второго издания сборника некоторые из них уже стали классикой.

Остальные 49 произведений, включенных в сборник - статьи религиозно-нравственного характера, описания разных земель и обычаев разных стран, рассказы из истории России, рассказы на естественно-научные и медицинские темы. Среди историков - Карамзин, Иловайский, Костомаров, Полевой, Устрялов, Петрушевский. Среди авторов статей на естественно-научные темы и описаний путешествий (кроме Гончарова с его «Фрегатом Палладой») - С. Максимов, А.Норов, А. Павловский, А. Разин, А. Черкасов, К. Ушинский.

Каждый из этих авторов заслуживает отдельного очерка. Но поскольку это не входит в нашу задачу, то здесь мы подробнее упомянем лишь о некоторых, сейчас почти забытых.⁸

Историк Александр Фомич Петрушевский (1826-1904) - генерал-лейтенант, служил в артиллерии. Долго был деятельным членом петербургского комитета грамотности, который награждал его званием своего почетного члена. В связи с этой деятельностью написал несколько популярных книг по истории России, за которые получал и первые премии, и золотые медали. Помещенный Алабиным отрывок «Великий Государь Новгород» взят, скорее всего, из книги Петрушевского «Рассказы про старое время на Руси, от начала Русской земли до Петра Великого», впервые вышедшей в Санкт – Петербурге в 1866 г. и выдержавшей впоследствии восемь изданий (первое издание сборника П.В.Алабина вышло в 1862 г. - прим. ред.).

Алексей Егорович Разин (умер в 1875 г.) – из крестьян Владимирской губернии, ставший всесторонне образованным человеком и известным детским писателем. На станции Любань, где долго жил, он успешно оказывал медицинскую помощь местным крестьянам. Его книга «Мир Божий» выдержала много изданий. Статья «Северное сияние, магнетизм и компас» взята Алабиным из второго издания 1860 г.

Александр Александрович Черкасов (умер в 1895 г.) – писатель; был городским головой в Барнауле и Екатеринбурге. Его книга «Записки охотника Восточной Сибири», напечатанная в 1867 году, выдержала до 1903 г. 3 издания на русском языке и была переведена на французский и немецкий языки. Об авторе современники отзывались как о просвещенном и гуманном общественном деятеле, а о книге как о яркой картине сибирской жизни в 1850-60-х гг. Алабин включил в свой сборник два очерка из книги Черкасова: «Даурская степь весной» и «Бабр». Это рассказ о животном, которого Черкасов характеризует так: «Сибиряки *бабром* зовут без различия *барса* и *тигра*, зверей лютых, сильных, кровожадных, питающихся преимущественно живою добычею и которые по величине не меньше медведя!»⁹

Очерк «Вулкан» принадлежит перу Аркадия Ильича Павловского (умер в 1889 г.), преподавателя географии в Смольном институте. В биографической статье указано, что он преобразовал преподавание географии своей книгой «Природа и люди», опубликованной в 1857 г. «Вулкан» как раз из первой части этой книги.

Книга этнографа Сергея Васильевича Максимова (1831-1901) «Год на Севере» была издана в 1859 г., но до этого печаталась в нескольких журналах по «горячим следам» – само путешествие Максимова по Белому морю, Ледовитому океану и Печоре состоялось в 1855 г. и стало настоящим открытием русского Севера. «Как ловят моржей на Новой Земле наши поморы?» называется рассказ, взятый Алабиным для сборника из этой книги.

Как видим, все материалы исторического, географического и естественно-научного характера взяты Петром Владимировичем из первоклассных источников, написанных известными и почитаемыми в то время авторами прекрасным языком и в большинстве случаев не рассчитанными специально для малограмотных или совсем неграмотных людей. Поэтому – за небольшими исключениями - почти все эти материалы снабжены подстрочными примечаниями составителя, то есть самого Алабина. Некоторые из них занимают чуть ли не треть страницы. Эти примечания интересны и по стилю, и по содержанию. На наш взгляд, они дополняют известные нам сведения о научных интересах Петра Владимировича, занятиях археологией историей, статистикой, библиотечным делом. Примечания же говорят и о значительных географических познаниях, и о неплохом знании морского дела, и об увлечении химией.

Например, одно из примечаний к статье «Вулкан»: фразу о том, что из кратера вулкана даже в спокойном состоянии «постоянно вылетают водяные пары, похожие на дым и висят над ним густым облаком», Алабин поясняет: «Из этого кажущегося дыма можно посредством охлаждения добывать чистую воду, годную для питья, как это доказали многие опыты».¹⁰ Алабиным сделано 6 примечаний к этой короткой статье. Помимо приведенного выше в других объясняется, что такое вулкан («огнедышащая гора»), конус, период, газ, диаметр. В то же время не разъясняются, на наш взгляд, не менее непонятные неграмотным людям слова «воронка», «ракета», «мофетта», «масса». То же самое мы видим и в примечаниях к другим статьям.

Читая примечания составителя к статьям, смею предположить, что как редактор Алабин скорее склонен к подробностям, чем к небрежностям. Как пример приведу пояснение Петра Владимировича к заглавию включенного в сборник рассказа И.С. Тургенева «Полесье». Алабин уточняет, о какой именно части России идет речь в очерке: «Полесьем называются Орловской губернии уезды: Брянский, Трубчевский, Севский, частью Карачевский и Дмитровский, а также прилегающая Брянскому уезду лесная часть Калужской губернии».¹¹ Таких примеров в сборнике можно найти множество.

Значительная часть хрестоматии – примерно треть, то есть около двадцати статей «поучительного» характера: мораль, нравственность, гигиена тела и жилища - их основные темы. Пять статей взяты из «Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова», шесть написаны неким Инно-

кентием, четыре – Родионом Путятиным, три – святым Тихоном, одна – автором, писавшим под псевдонимом Святогорец.

Немного расскажем о них.

«Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова» – часть Библии, состоит из пятидесяти одной главы. Написана в 132 г. до Рождества Христова; в православной церкви считается неканонической, у протестантов – апокрифической.¹² Петр Владимирович включил в свою хрестоматию статьи «Обязанности детей к родителям», «Благотворительность к бедным», «Человеколюбие и благотворительность», «Обязанность помогать нуждающимся» и «Доброе и худое употребление вина».¹³

С Иннокентием (в миру Иваном Алексеевичем Борисовым; 1800-1857) Алабин, возможно, был знаком лично. В крымскую кампанию, в которой участвовал и Петр Владимирович, Иннокентий проявил большое мужество: часто находясь в огне, он утешал умирающих и ободрял солдат. Кроме того, в Одессе им было основано «болгарское настоятельство», которое до освобождения Болгарии давало приют и образование сотням болгарских юношей. Возможно, болгарские интересы Алабина возникли впоследствии не без влияния Иннокентия. Иннокентий – знаменитый русский богослов и церковный деятель, много лет преподававший в Санкт-Петербургской, а затем в Киевской духовных академиях все основные отрасли богословия. Но главным образом он известен как проповедник. Его проповеди распространялись по всей России; часть их переведена на французский, немецкий, польский, сербский, греческий, армянский языки. Ему принадлежит почин ученого описания библиотек и собирания рукописей из монастырей в ученые центры – академии, а также почин реставрации и описания древностей Крыма и Кавказа и всех других местностей, где он был епископом и архиепископом. Многие его ученые труды остались ненапечатанными, часть напечатана только в периодических изданиях. В Киеве Иннокентий основал еженедельник, «Воскресное Чтение», в котором он помещал главным образом свои работы. Возможно, статьи для хрестоматии взяты из этого еженедельника, так как отдельными изданиями сочинения Иннокентия начали издаваться только с начала 1870-х гг.

Родион Путятин (1807-1869) – также известный проповедник, протоиерей в Рыбинске. Его «Краткие поучения» стали появляться в печати с 1842 г. «Распространенности поучений Путятина способствовали доступный для простого народа своеобразный язык, знание народной жизни и искренность, увлекавшая слушателей».¹⁴

Еще один автор – святой Тихон Задонский (1724 -1783), знаменитый духовный писатель – не современник Алабина, но торжественное открытие его мощей состоялось в 1861 г. и, возможно, еще и поэтому его проповеди привлекли внимание Алабина. Одна из трех включенных в сборник проповедей называется «Всемерно должно удаляться от пьянства» – наверное, Петр Владимирович не раз мог убедиться в том, как много талантливых и трудолюбивых русских людей загубило пьянство. При жизни Тихон был широко известен как проповедник и его «келья сделалась источником духовного просвещения для обширного округа. Из ближних и дальних мест сюда стекался народ, чтобы получить его наставление и благословение. Особенно любил Тихон Задонский беседовать с простым народом».¹⁵

Как видим, практически все авторы включенных в хрестоматию поучений и проповедей – знаменитости. Но есть и не столь известный автор – Святогорец, в миру Семен Авдиевич Веснин (1814-1853), воспитанник вятской семинарии, с 1843 г. монах в Греции в монастыре на горе Афон. Его книга «Письма к друзьям своим о святой горе Афонской» была напечатана впервые в 1850 г., в 1864 г. вышло 4-е издание, которым, по всей вероятности, и пользовался Алабин при составлении хрестоматии.

Очень интересны статьи «Как надо жить и чего беречься, чтобы быть здоровым», взятая из «Ручной книжки для грамотного поселянина» (СПб., 1857) и «О городьбе» из 4-го издания «Сельских бесед для народного чтения» Г.И. Трусова. В сборнике они помещены друг за другом и как бы дополняют друг друга. Ключевая фраза первой статьи – «Прежде всего надо помнить, что здоровье держится умеренностью в пище и питье, осторожностью и чистотой» – и дальше идет разъяснение этой фразы. Статья «О городьбе» объясняет преимущества живых изгородей перед всеми остальными их видами, и во всех подробностях рассказывается, как и из каких пород деревьев и кустарников их лучше делать. Как видим, интерес к организации ландшафта и практическому садоводству у Алабина был развит задолго до приезда в Самару.

Но особенно примечательны, на мой взгляд, статьи «Кто истинно добрый и счастливый человек» Жуковского и «Что такое солдат?» И. Скобелева. При фамилии Жуковский нет инициалов, и без дополнительных разысканий я не рискну приписывать статью поэту В.А. Жуковскому. Но мне кажется, что эта работа как нельзя лучше говорит об идеале счастья самого Алабина и атмосфере, царившей в его семье. Приведу лишь два предложения из не. «Ты ищешь верного счастья! Почитай обязанностию быть деятельным для пользы отечества; но лучшие твои наслаждения, но самые драгоценные награды твои да будут заключены для тебя в недрах семейства: если

душа твоя невинна, если пылает в ней тихое пламя добра, то в мирном семействе найдешь безмятежное постоянное счастье».¹⁶

Иван Никитич Скобелев (1778-1849), автор статьи «Что такое солдат?» – генерал, писатель, дед знаменитого впоследствии «белого генерала» М.Д. Скобелева, в службу вступил 14 лет солдатом в первый полевой Оренбургский полк и лишь через 11 лет добился чина прапорщика. Он воевал против Наполеона при Бородино, против турок, был старшим адъютантом при М.И. Кутузове и после его смерти сопровождал тело полководца в Петербург. Был многократно ранен и контужен; отсюда его литературный псевдоним – «русский инвалид». Имел за храбрость множество наград, в том числе Георгия 4-й и 3-й степени. Свою литературную деятельность он начал в 1831 г. Скобелев печатал свои труды в «Библиотеке для Чтения» и «Отечественных Записках», за которыми внимательно следил и, возможно, выписывал Петр Владимирович Алабин. Этот вывод можно сделать уже на основе предварительных библиографических разысканий: большинство включенных в хрестоматии статей и стихотворений ко времени выхода в свет сборников еще не были опубликованы нигде, кроме основных периодических изданий того времени.

Скобелев «писал так, как говорил, а говорил он живым простонародным языком. В основе его взглядов на русского солдата лежала непоколебимая уверенность в его отменных качествах. Он говорил: «Признаюсь, я не помню ничего лучше русского солдата».¹⁷ Включенная в сборник небольшая заметка обращена к солдатам и говорит об идеальном солдате, «на могучих плечах которого лежит сладкая душе и сердцу обязанность колотить врагов иноземных, истреблять врагов внутренних и поддерживать в государстве всеобщий, законами определенный, порядок».¹⁸

Уже из этих сведений можно сделать некоторые выводы о круге читательских интересов Петра Владимировича. Совершенно ясно, что для хрестоматий отобраны лучшие на его взгляд произведения известных ему авторов. Но учтем и то, что цель этих сборников – просветить читателей, внушить им определенные мысли, дать некоторый набор знаний о мире, в котором они живут.

А вот о личных пристрастиях мы можем сделать предположение на основе программ литературных и литературно-музыкальных вечеров в Вятке с участием П.В. Алабина. Привожу их перечень из библиографического указателя, составленного И.М. Алабиным:

1861 год, март. «Пушкинский» литературный вечер, сбор с которого пошел на строительство памятника А.С.Пушкину в Москве. Алабин читает отрывок из поэмы «Полтава» и стихотворение «Памятник».¹⁹

1862 год, 1 марта. П.В. Алабин выступил с докладом о творчестве польского поэта А.Мицкевича и им была прочитана повесть Мицкевича «Гражина».²⁰

1862 год, 18 марта. П.В. Алабин выступил с чтением стихотворения Беранже «Безумцы» в переводе Курочкина. Средства, вырученные на вечере, перечислены в пользу публичной библиотеки и женской гимназии.²¹

1862 год, 25 и 29 марта. П.В. Алабин выступил с чтением 1-й части поэмы А.Мицкевича «Конрад Валленрод» в переводах Пушкина, Миллера, Берга, В.Г. Бенедиктова 25 марта, и окончания поэмы «Конрад Валленрод» в переводах В.Г. Бенедиктова и Миллера – 29 марта. Вырученные средства перечислены в пользу публичной библиотеки и женской гимназии.²²

1862 год, 6 мая. В зале Вятской публичной библиотеки П.В. Алабин читал повесть Марко Вовчок «От себя не убежишь» в собственном переводе с малороссийского.²³

1863 год, 20 марта. П.В. Алабин выступил с чтением произведения Томаса Гуда «Мост вздохов» и докладом «Томас Гуд как поэт народный». Сбор назначен в пользу женской гимназии, публичной библиотеки и бедных города Вятки.²⁴

1865 год, 18 марта. П.В. Алабиным прочитан рассказ «Шекспир по Гюго».²⁵

1865 год, 23 апреля. Во время торжественного празднования столетнего юбилея со дня смерти М.В. Ломоносова П.В. Алабиным зачитана им же составленная биография М.В. Ломоносова.²⁶

Итак, Пушкин, Ломоносов, Шекспир, Гюго, Мицкевич, Марко Вовчок, Томас Гуд. И переводчики – Пушкин, Курочкин, Бенедиктов, Миллер, Берг.

Все стихотворения, по-видимому, Алабин знал наизусть. Знаем и мы – если не наизусть, то уж содержание-то точно – «Полтаву» и «Памятник» А.С. Пушкина. Все остальное из перечисленного в настоящее время, так сказать, не предмет внимания читающей публики. О чем же эти произведения?

«Гражина» и «Конрад Валленрод» Мицкевича рассказывают о времени борьбы литовцев с тевтонской агрессией в XIV в. И в «Гражине», и в «Конраде Валленроде» основная идея – идея безграничного самопожертвования во имя патриотического долга. Первый стихотворный перевод «Гражины», сделанный В.Г. Бенедиктовым, был опубликован в 1861 г. и печатался в газете «Северная пчела» в четырех декабрьских предновогодних номерах (20, 21, 27 и 28 декабря).²⁷ Следующая публикация перевода была в 1863 г., то есть уже после вечера, на котором Алабин читал повесть. Не исключено, впрочем, что он читал прозаический отрывок из повести, опубли-

кованный в журнале «Отечественные записки» (1858.-Т.120.- 9.-Отд.1.-С.424-427)²⁸ или собственный перевод, опубликованный в Кяхте в 1862 г.²⁹

«Конрад Валленрод» в поэтическом переводе Ф.Б. Миллера был напечатан в июле 1860 г. в журнале «Русское слово» и в том же году во втором томе отдельно изданных стихотворений Миллера.³⁰ В том же году один отрывок из поэмы был напечатан в сборнике Н.В.Берга «Переводы и подражания».³¹ Перевод Бенедиктова был опубликован в «Северной пчеле» за 1862 год (45-52 с 15 по 23 февраля),³² за месяц до вечера. Пушкинский перевод к тому времени уже был, наверное, опубликован.

Отсюда мы можем сделать вывод, что П.В. Алабин, возможно, выписывал газету «Северная пчела» (он был сотрудником «Северной пчелы» и др. изданий - см. Бессонова Н.А., 1994, с.31 - прим. ред.), журнал «Русское слово» (или имел сборники стихов Миллера и Берга, изданные в 1860 г.) и, кроме того, любил поэзию Мицкевича, зная ее в разных переводах, и, возможно, в подлиннике. Возможно также, что существовал текст поэмы, скомпонованный самим Алабиным из разных переводов, казавшихся Петру Владимировичу наиболее удачными. Если это так, то такая оценка переводов, на мой взгляд, невозможна без понимания языка подлинника.

Один из переводчиков - Николай Васильевич Берг - в 1854-55 гг. участвовал в обороне Севастополя³³, и Алабин мог быть с ним знаком лично.

О библиотечной деятельности П.В. Алабина к настоящему времени написано немало. Назову лишь несколько работ, которые полнее других рассказывают о ней: это глава из книги А.Н. Завального, посвященной истории Самарской областной универсальной научной библиотеки, и статьи Л.Я. Михеевой (в соавторстве с Н.П. Фомичевой) и О.Л. Бугровой.³⁴

Оценивая роль библиотеки в обществе, Алабин писал: «если публичная библиотека достаточно полна, разумно организована и всегда доступна публике, то она является не только одним из лучших образовательных средств для молодого поколения, но и служит главнейшим подспорьем для людей, преданных глубокому изучению науки, и вообще делает возможным человеку продолжать путь, к свободному следованию по которому его подготавливает школа».³⁵

При участии Петра Владимировича и в Вятской, и в Самарской библиотеках составлены печатные каталоги, по которым мы сейчас судим о наличном фонде библиотеки в то время.

Исследователи библиографической деятельности Алабина со всей определенностью пишут о том, что каталог Самарской библиотеки и несколько прибавлений к нему составлены самим Петром Владимировичем. У меня есть сомнения на этот счет, которые, правда, требуют дополнительных доказательств.

Думаю, что у Петра Владимировича не было времени на то, чтобы книгу за книгой вписывать сначала в рукописный каталог, а затем переписывать его для того, чтобы переслать в Петербург (первый каталог) или в самарские типографии для отдачи в печать.

Думаю также, что у Алабина не было времени и на то, чтобы проследить, в соответствии ли с высказанными им принципами переписывается для печати каталог. В ОРК Самарской областной универсальной научной библиотеки сохранилось в рукописном варианте пятое прибавление к каталогу библиотеки и имеется то же пятое прибавление в печатном виде. Сравним их.

Рукописный каталог написан разными почерками. Разделы его заполнялись по мере поступления новых книг; поступившие книги записывались лишь в самом начале в соответствии с какими-то логическими умозаключениям, а затем в достаточно хаотическом порядке. Дело в том, что рукописный каталог активно использовался читателями и для того, чтобы не было утрат записей, он был изначально переплетен как книга. Это не давало возможности добавлять чистые листы для новых записей и разделы заполнены неравномерно: одни очень плотно, другие со множеством свободных мест.

Чтобы выделить записи, сделанные Алабиным, надо хорошо знать не только его почерк, но и почерки других людей, работавших над заполнением каталога, так что это - дело будущего.

Что же касается моего предположения, что и на редактирование рукописного каталога перед чистовым переписыванием для печати у Петра Владимировича не было времени, то его подтверждает тот факт, что разделы печатного каталога, которые мне удалось сравнить с рукописными (а это некоторые хаотически заполненные разделы), полностью совпадают с напечатанными разделами. Но принципы расположения материала в них отличаются от тех, которые были изложены Алабиным во многих его высказываниях о библиотечных каталогах.

Тем не менее вряд ли в истории России возможно назвать еще хотя бы одного государственного чиновника такого уровня, как Петр Владимирович Алабин, который был бы не просто озабочен состоянием библиотек в городе, но и принимал самое непосредственное участие в их повседневной практической работе.

Каталоги самарской библиотеки, просмотренные внимательно, открывают много интересно-го. Так, меня заинтересовало упоминание фамилии «Алабин» в алфавитных указателях к основ-

ному каталогу и его прибавлениям: мне хотелось узнать, какие работы Петра Владимировича были в нашей библиотеке при его жизни. Непосредственно написанных Алабиным оказалось 25 и не все из них сохранились до настоящего времени.

При просмотре печатных каталогов обнаружилось и еще некоторые факты. Например, то, что он перевел с французского и издал в Самаре книгу Феликса Дюбуа «Рождество Христово на Святой земле».

Обнаружились также работы его сына Ивана. Одна из них - «Бородино»: Для солдатского и народного чтения (СПб., 1894), вторая (Военные собаки: (Опыт руководства к дрессировке собак для военных целей).- Варшава, 1893).³⁶ Возможно, это одно из первых кинологических изданий.

У меня нет сомнений, что всю свою жизнь Алабин действовал как просветитель - в том значении слова, которое зафиксировано у В.И. Даля. Просвещать у Даля значит «даровать свет умственный, научный и нравственный, поучать истинам и добру; образовать ум и сердце».³⁷ А самого Петра Владимировича с полным правом можно назвать просвещенным человеком в соответствии с толкованием того же словаря - «человек, современный образованию; книжный, читающий, с понятиями об истине, доблести и долге».³⁸ О просветительской деятельности Алабина очень интересно и убедительно написано в статье О.Л. Бугровой «Культурный патриотизм П.В. Алабина».³⁹

И в заключение мне хотелось бы привести слова О.В. Московского из его статьи «Пять библиотек Петра Алабина», которые, как мне кажется, очень полно характеризуют взаимоотношения Петра Владимировича с книгами:

«Чтение книг, особенно если оно занимает много времени и сопровождается серьезной работой ума и души, делает человека по-настоящему образованным и культурным. В Алабине поражает энциклопедичность его знаний - результат прочтения огромного количества книг по разным отраслям знания и богатого жизненного опыта человека, жадного до всего нового, что давало пищу его пытливному уму».⁴⁰

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 Московский О.В. Пять библиотек Петра Алабина // Самарские книжники. Конец XVIII века - XX век : Очерки о собирателях и меценатах. Самара, 2000. С. 144.

2 Крылов И.А. Крестьянин и смерть // Сборник русских стихотворений для чтения простолюдинам и краткие жизнеописания Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слепушкина / Сост. П. А[лабин]. СПб., 1862. С. 111.

3 Крылов И.А. Крестьяне и река // Сборник русских стихотворений для чтения простолюдинам и краткие жизнеописания Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слепушкина / Сост. П. А[лабин]. СПб., 1862. С. 7.

4 Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Том XXXVIII: Цензурный Комитетъ - ЧеловекЪ. СПб., 1903. С. 320. У изданных Алабиным книг было 2 цены: видимо, они выходили в разных переплетах.

5 Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Том XVI : Конкордъ - КояловичЪ. СПб., 1895. С. 405.

6 Понятное для простолюдинов из сочинений некоторых русских писателей / Составил П. Алабин; Изд. Т-ва «Обществ. польза». Изд. 2-е. СПб., 1869. Тит. л., IV, 288 с. На гравир. обл. загл.: Сборник из сочинений некоторых русских писателей». № 252. Цена 40 коп.

7 Сборник некоторых понятных народу повествований, рассказов и описаний: Хрестоматия для простолюдинов. СПб.: Тип. изд-ва «Обществ. польза», 1862.- 6, 314 с. Сведения взяты из библиографического указателя, составленного И.М. Алабиным (См.: П.В. Алабин. Самара: 1586-1886 годы. Самара, 1992. С. 215, № 17).

8 Биографические сведения взяты преимущественно из различных изданий «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона с дополнениями и переиздания биографий из него в 1990-е гг.

9 Понятное для простолюдинов... С. 140.

10 Понятное для простолюдинов... С. 79.

11 Понятное для простолюдинов... С. 97.

12 Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 1: А-К. М., 1993. С. 589.

13 Понятное для простолюдинов... С. -3, 5, 7, 16.

14 Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 2: Л-С. М., 1995. С. 419.

15 Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 3: Т-Я. М., 1995. С. 28-29.

16 Полезное для простолюдинов... С. 13.

- 17 *Русский биографический словарь* /Ред. А.А. Половцев.- Сабанеев – Смыслов. СПб.,1904. С.562-564.
- 18 *Понятное для простолюдинов...* С.71.
- 19 Алабин И.М. *Литература о жизни и деятельности П.В. Алабина* // П.В. Алабин. Самара: 1586-1886 годы. Самара,1992. С.228, 123.
- 20 Там же, с. 228, 125.
- 21 Там же, с. 228, 126.
- 22 Там же, с. 228, 127.
- 23 Там же, с. 228, 128.
- 24 Там же, с. 229, 129.
- 25 Алабин И.М. *Литература о жизни и деятельности П.В. Алабина* // П.В. Алабин. Самара: 1586-1886 годы. Самара,1992. С. 229, 134.
- 26 Там же, с. 230, 137.
- 27 См.:Адам Мицкевич в русской печати. 1825-1955: Библиографические материалы. Акад.наук ССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.-Л., 1957. С.60, 249.
- 28 Там же, с. 48, 176.
- 29 Там же, с. 61, 255 и с. 562, Указатель переводчиков, в котором делается предположение, что автор этого перевода П.Алябин и есть П.В.Алабин.
- 30 Там же, с. 58, 236.
- 31 Там же, с. 57, 228.
- 32 Там же, с. 61, 256.
- 33 *Краткая литературная энциклопедия*. М.,1962. Т.1: Аарне-Гаврилов.-С.552.
- 34 Завальный А.Н. *Библиотечные заботы Алабина* // Завальный А.Н. *Раскрытая книга: Страницы истории Самарской Областной универсальной научной библиотеки*. Самара,1994. С.17-24; Михеева Л.Я., Фомичева Н.П. *Роль П.В. Алабина в становлении библиотечного дела в Самаре* // П.В. Алабин и библиотека: Материалы областной научно-практич. конференции (12 ноября 1993 года). Самара, 1994. С.9-16; Бугрова О.Л. *Культурный патриотизм П.В. Алабина* // Там же, с.16-20.
- 35 Цит. по кн.: Завальный А.Н. *Раскрытая книга: Страницы истории Самарской Областной универсальной научной библиотеки*. Самара,1994. С.21.
- 36 Дюбуа Ф. *Рождество Христово на Святой земле (Из путевых записок Феликса Дюбуа)* /Пер. с фр. П. Алабин. Самара, 1893 (4 приб., с.153, 18093; 5 приб., с.204, 23142).
- Алабин Иван. *«Бородино»: Для солдатского и народного чтения*. СПб.,1894. (5 приб., с.305, 24899); Он же. *Военные собаки: (Опыт руководства к дрессировке собак для военных целей)*. Варшава, 1893 (4 приб., с.24, 15884).
- 37 Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т.3: П-Р. М., 1994. Стлб. 1328
- 38 Там же, стлб. 1328
- 39 Бугрова О.Л. *Культурный патриотизм П.В. Алабина* // П.В. Алабин и библиотека: Материалы областной научно-практич. конференции (12 ноября 1993 года). Самара, 1994. С.16-20.
- 40 Московский О.В. *Пять библиотек Петра Алабина ...* С. 144.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ И МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.В.АЛАБИНА*

С начала 1990-х гг. на страницах печатных изданий вновь, после многолетнего перерыва, появилось имя Петра Владимировича Алабина. На данный момент количество статей, посвященных П.В.Алабину, исчисляется десятками. Кировскими и самарскими краеведами сделано несколько библиографических обзоров по «алабинской» тематике;¹ написано несколько биографий;² проводились конференции, посвященные П.В.Алабину;³ переиздаются некоторые его труды;⁴ оцифрованы и размещены в Интернет основные работы П.В.Алабина.⁵

Кроме опубликованных работ, существует большое количество архивных материалов, освещающих деятельность П.В.Алабина. Содержание архивов, связанных с вятским периодом его жизни, уже известно широкому кругу исследователей.⁶ Интересные документы имеются не только в самарских и кировских, но и в центральных архивах. Цель данной статьи - ввести в научный оборот материалы московских архивов, освещающие археологическую и музейную деятельность П.В.Алабина: письмо П.В.Алабина графу А.С.Уварову и рукописный очерк А.А.Спицына «Прошлое и настоящее Вятского публичного музея».^{**}

1. Первый документ - автограф П.В.Алабина из фондов Центрального исторического архива г.Москвы. Это письмо П.В.Алабина графу А.С.Уварову.⁷ Письмо находится в фонде Московского Археологического Общества в составе архивного дела «О подготовке и созыве I Археологического Съезда в Москве».⁸ I Археологический Съезд, проведенный в марте 1869 г., был первым из 15 съездов, ставших главными форумами российской гуманитарной науки последней трети XIX - нач. XX вв. Откликнувшись на обращение Предварительного Комитета Съезда к ученым силам России, П.В.Алабин рассказал в письме о своей археологической деятельности.

В письме П.В.Алабин никак не выразил желание принять участие в Съезде, хотя такая возможность у него была (по утвержденным «Правилам», членами Съезда становились «все лица изъявившие желание принять участие в занятиях Съезда и заплатившие три рубля серебром»).⁹ Тем не менее через 8 лет П.В.Алабин становится членом-корреспондентом уже IV Археологического Съезда, проходившего в Казани и ставшего знаковым событием в научной жизни региона. Исследователи пишут о личном участии П.В.Алабина в занятиях съезда, основываясь на факте публикации его доклада.¹⁰ На самом деле П.В.Алабин на съезде не присутствовал, о чем свидетельствуют протоколы заседаний.¹¹ Причина, не позволившая Петру Владимировичу лично принять участие в работе съезда, очевидна. Дни проведения съезда - 31 июля-18 августа 1877 г. - пришлись на события русско-турецкой войны. Уже в апреле 1877 г. П.В.Алабин выехал из Самары для вручения Самарского знамени болгарскому войску, а затем в течение 1877-78 гг. принимал активное участие в событиях на Балканах - работал уполномоченным Красного Креста в Румынии, стал первым гражданским губернатором освобожденной Софии.¹²

Реферат П.В.Алабина «О древностях Самарского края» был зачитан на заседании Отделения древностей первобытных 13 августа 1877 г киевским делегатом В.Л.Беренштамом.¹³ Кроме реферата, присутствовавшие на заседании смогли ознакомиться с присланными П.В.Алабиным 11 предметами «из Студенецкого кладбища».¹⁴ В 1884 г. реферат был опубликован, став одной из первых работ по археологии Самарского края.¹⁵

Труды по археологии занимают достойное место в библиографии печатных работ П.В.Алабина. В историю Волго-Камской археологии П.В.Алабин вошел как автор первых раскопок Ананьинского могильника, ставших, по мнению современных исследователей, исходной точкой развития финно-угорской археологии¹⁶ и началом становления археологической науки в Прикамье.¹⁷

Археологическая деятельность П.В.Алабина была тесно связана с его работой по основанию музеев. Многие находки П.В.Алабина до сих пор находятся в фондах основанных им музеев. Алабинские коллекции, идентифицированные в фондах Кировского областного краеведческого музея, опубликованы в статье Л.А.Сенниковой, посвященной археологическим изысканиям П.В.Алабина в Вятском крае. Л.А.Сенникова на основании всех имеющихся в научном обороте источников приводит исчерпывающую информацию не только об истории археологических работ П.В.Алабина в Вятском крае, но и о судьбе большинства его находок. Приводится сопоставление предметов из фондов КОМК с их описаниями в отчетах самого П.В.Алабина, в более поздних обобщающих работах А.С.Уварова и А.А.Спицына, а также в каталогах выставок IV и VII Археологических Съездов (Казань, 1877 г. и Ярославль, 1887 г.).¹⁸

Большая работа по идентификации алабинских находок в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В.Алабина была проведена зав. отделом истории прошлого Руфиной Миннуровной Ключниковой (1946-2000). Из 63 предметов, упомянутых в алабинской работе «Нам известные остатки древности в Самарском крае», было идентифицировано 29. К сожалению, Р.М.Ключникова успела опубликовать на эту тему лишь небольшую статью в газете.¹⁹

Публикуемое здесь письмо дает исследователям дополнительные сведения о памятниках, открытых П.В.Алабиным в Самарской губернии. Так, например, в письме содержится более полное описание могильника, разрытого грабителями в Новоузенском уезде, чем в опубликованной позже работе.²⁰ Мы впервые узнаем из письма, что найденный П.В.Алабиным на Барбашиной Поляне каменный наконечник стрелы (также упоминается в его работе)²¹ - не отдельная находка, а предмет из сборов, сделанных, по всей видимости, на стоянке каменного века. Ни одного памятника каменного века в районе Барбашиной Поляны современным исследователям не известно, а потому эту информацию можно воспринимать как руководство к дальнейшим поискам.

Л.А.Сенникова суммирует имеющиеся в научной литературе мнения об археологических работах П.В.Алабина и дает им оценку с позиций современной археологической науки. В частности, она подчеркивает, что методика полевых работ в целом соответствовала требованиям, которые предъявлялись наукой того времени.²²

П.В.Алабин, не имея специальной археологической подготовки, активно восполнял этот пробел чтением специальной литературы. Показательно, на какие книги ссылается П.В.Алабин в письме А.С.Уварову в поисках аналогий сделанным находкам. Русский перевод работы И.И.А.Ворсо²³ «Северные древности Музея в Копенгагене»,²⁴ изданный в 1861 г., впервые познакомил русского читателя с «системой трех веков» (то есть делением человеческой истории на три периода: каменный, бронзовый и железный века). Книга была издана в переводе хранителя Этнографического музея Л.Ф.Радлова с сохранением всех иллюстраций и оригинального текста, снабженная предисловием академика К.М.Бэра.²⁵ Это и другие издания 1860-х гг. открыли ранее запретную в России тему происхождения человека. Идеи эволюционизма только пробивали себе дорогу. Проблема древнейшего человека была предметом ожесточенных споров науки и церкви. А потому увлечение каменным веком было весьма характерно для просвещенных людей того времени.

В связи с этим нельзя недооценивать знакомство и совместную работу П.В.Алабина с П.И.-Лерхом.²⁶ П.И.Лерх был одним из первых российских исследователей, изучавших европейскую археологию в подлинниках, автором первой русской книги о каменном веке, выполненной на уровне мировой науки.²⁷ Встречи с П.И.Лерхом и совместные раскопки в 1865 г. не могли не повлиять на дальнейшее развитие взглядов П.В.Алабина.

Публикуемое письмо П.В.Алабина уже использовалось исследователями. На его материале построены статья Р.М.Ключниковой в «Самарской Газете» и один из разделов последней работы О.В.Московского.²⁸ Формат газетной статьи в первом случае и небрежное отношение к сноскам во втором случае не позволили авторам в полной мере ввести документ в научный оборот. Поэтому полнотекстовая публикация этого документа представляется актуальной и целесообразной.

2. Второй документ - рукописный очерк А.А.Спицына «Прошлое и настоящее Вятского Публичного Музея», хранящийся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея.²⁹ История создания этого документа связана с VII Археологическим Съездом, проходившим в Ярославле в 1887 г. В процессе подготовки этого съезда Председатель Московского Археологического Общества графиня П.С.Уварова³⁰ организовала сбор сведений о провинциальных музеях. В архиве Уваровых среди прочих отзывов из разных областей России сохранился очерк «Прошлое и настоящее Вятского Публичного Музея». Автор очерка - вятский краевед А.А.Спицын, впоследствии ставший одним из классиков русской археологической науки.³¹

Судя по всему, очерк об истории Вятского музея стал ответом на запрос П.С.Уваровой, а следовательно, датируется 1887 г. Рассказ об истории Вятского музея более чем наполовину представляет собой биографию П.В.Алабина. Как пишет А.А.Спицын, «история вятского музея есть в сущности страница из жизни одного из симпатичнейших и наиболее памятных провинциальных деятелей П.В.Алабина». Перед написанием этого очерка А.А.Спицын послал письмо П.В.Алабину, проживавшему тогда уже в Самаре. 21 января 1887 г. П.В.Алабин ответил подробным письмом, в котором кратко изложил свою биографию и историю организации Вятского музея. Это письмо хранится в Государственном архиве Кировской области.³² Фрагменты этого письма были опубликованы В.С.Жаравиным в 1998 г., а также в данном сборнике.³³ Там же хранится, по всей видимости, черновик письма А.А.Спицына к П.С.Уваровой.³⁴

Публикуемая здесь рукопись «Прошлое и настоящее Вятского Публичного Музея» из ОПИ ГИМ написана писарским почерком, но в тексте есть более 20 вставок и поправок, внесенных А.А.Спицыным собственноручно. Большинство поправок касается стилистики текста - вставле-

ны пропущенные слова, некоторые слова исправлены на более подходящие и т.д., а в конце стоит его подпись.

Очерк А.А. Спицына был внимательно прочитан П.С. Уваровой (на полях документа сохранились отметки, сделанные ее рукой) и использован ею при подготовке доклада на Съезде в Ярославле. Доклад П.С. Уваровой на VII Археологическом Съезде, опубликованный отдельной брошюрой, стал первой попыткой обобщить сведения об имеющихся провинциальных музеях.³⁵ П.С. Уварова, опираясь на рукопись А.А. Спицына, осветила основные вехи истории Вятского музея и отметила заслуги П.В. Алабина. Во второе издание работы П.С. Уваровой вошли и сведения о молодом Самарском Публичном Музее, также созданном П.В. Алабиным.³⁶

Оба документа публикуются целиком, без исправлений с сохранением авторских стилистики и орфографии. Авторские сноски в Документе № 2, находящиеся в оригинале внизу страниц, приводятся в тексте в квадратных скобках. В обоих документах места, где П.В. Алабиным и А.А. Спицыным были внесены исправления и добавления в текст, приводятся в исправленном варианте (за исключением нескольких особо отмеченных случаев, где в примечаниях приводится и первоначальный вариант). Все комментарии издателя - в примечаниях в конце статьи.

ДОКУМЕНТ № 1.

Получ. 26 февр. 70³⁷

Милостивый Государь
Алексей Сергеевич.

Имею честь препроводить Вашему Сиятельству для благосклонной передачи в Предварительный Комитет Археологического съезда, сведения о занятиях моих по части археологии.

С отличным уважением, имею честь быть, Вашего Сиятельства,
покорнейшим слугою
Петр Алабин

16 февраля 1869

Самара

Мой адрес: Петру Владимировичу

Алабину, Управляющему Государственными

Имуществами Самарской

Губернии.

В следствие вызова сделанного Комитетом проектируемого археологического съезда, в Москве, имею честь сообщить краткия сведения о своих занятиях по открытию и сохранению отечественных древностей.

В 1858 году, с разрешения Департамента Уделов,³⁸ мною произведена раскопка так называемого «Ананьевского могильника»,³⁹ - большого кургана близ г. Елабуги, Вятской Губернии. Найденные мною при этой раскопке предметы чрез посредство бывшего Председателя Департамента Уделов, Графа М.Н. Муравьева, переданы в Императорское Географическое Общество.

Подробности этой раскопки и описание найденных предметов изложены мною в статье «Ананьевский могильник», помещенной в Вятских Губернских ведомостях, в означенном году.⁴⁰ Находки мною сделанные при раскопке означенного кургана, обратили на себя внимание не только отечественных, но и иностранных ученых и вызвали командирование в Вятский край Археологическою комиссиею,⁴¹ для продолжения моих изысканий, ученаго П.И. Лерха, с которым, в 1865 году я участвовал в разрытии, впрочем безуспешном «Подчюршинского городища», в 7 верстах от г. Слободскаго Вятской Губернии, близ села Успенскаго.

В 1859 году, я изследовал «Чудь-болвановское городище», в 12 верстах от г. Вятки, в селе Микулицыне.

В 1860 году, изследовано мною городище близ села Лебяжья, Уржумскаго уезда, Вятской Губернии, при впадении р. Лебедки в р. Вятку.

В 1862 году мною произведена раскопка в городище на берегу р. Пижмы, при ея соединении с р. Вяткою, Вятской губ., Яранскаго уезда, лежащем у д. Городище, близ д. Шельгинской.

При раскопке этой найдено мною довольно значительное количество различных костяных вещей, медный перстень, черепки горшков, глубокий колодезь, следы печи и пр. Найденныя вещи представлены мною в Департамент Уделов, который передал их в Археологическую Комиссию.⁴²

В 1864 году мною разрыто «Нижневодское городище», лежащее при впадении р. Немды в р. Пижму, Яранскаго уезда, Вятской Губернии. Из найденных при этом вещей: каменных, стек-

лянных, костяных, оловянных, медных и железных, 18 переданы, через Департамент Уделов, в Археологическую Коммисию, а два предмета в Вятский публичный Музей.

В 1865 году, я изследовал и описал, в Вятских Губернских ведомостях, находящееся близ г.Вятки, древнее городище, известное там под именем «Марьина Кокошника».⁴³

В своих девятилетних разъездах по Вятскому краю, собирая сведения о существующих там древних урочищах, курганах и городищах, я поименовал сделавшиеся мне известными, и указал место их нахождения, в статье своей, помещенной в Вятских губернских ведомостях 1865 года, под заглавием «Заметка относительно некоторых древностей Вятского края».⁴⁴ С тем вместе я занимался, в продолжении означенного периода времени, собиранием различных древностей и орудий каменного века, что доставило мне возможность, в устроенном мною в г.Вятке Публичном Музее, открыть археологическое отделение, в котором, кроме значительного числа древних монет, (частью найденных в разное время и в разных местностях Вятского края, в земле), помещены некоторые, весьма замечательные, предметы.⁴⁵ В числе таковых особенное внимание обращают на себя древняя артиллерийския орудия; найденныя под Соборной горой, в древнем погребе, каменные ядра, древний лук и стрелы; серебрянные жгуты или гривны.

Чтобы дать более точное понятие о месте нахождения, сделавшихся уже мне известными, замечательных урочищ Вятского края, городищ, курганов; также чтобы указать места уже произведенных в том краю раскопок и случайных находок замечательных древностей, и наконец, чтобы положить твердое основание последующему изучению края в археологическом отношении, мною была составлена карта Вятского края, на которую нанесены все вышеозначенныя указания, - на ней же показаны все реки края и места его древних поселений, при чем сделана попытка определения путей, по которым Новгородцы распространяли свое завоевание в крае.

Карта эта передана мною, для представления в Археологическую Коммисию, П.И.Лерху, но какая судьба постигла эту карту - мне неизвестно.

Самарский край, в котором живу ныне третий год, также обилен курганами или как их обыкновенно зовут в степи, могилами; но для их раскопок, я не имею ни средств, ни полномочия, хотя, с величайшей готовностью, мог бы посвятить этому делу, некоторое время; впрочем я не перестаю собирать и здесь различныя местныя древности, спасая их от гибели, а преимущественно орудия каменного века.

Доселе мною приобретены: находящиеся у меня 2 каменные бабы, из Николаевского уезда и бронзовый идол вырытый в кургане, Новоузенского уезда [исправлено, было: Николаевского], на Синих горах, величиною в 5 вершков, в колпаке или остроконечной шапке, двухсторонний, т.е. с одной стороны изображающий женщину, а с другой, на груди, имеющий горб и задняя человеческия части.

Что касается до орудий каменного века, то мною приобретен, найденный в землях села Зуевки Бузулукскаго⁴⁶ уезда, большой каменный молот, (подобный показанному под № 37 в «Северных древностях Музея в Копенгагене - Ворсо»,⁴⁷ только отверстие моего молота не так близко к концу его, как показано на этом рисунке), и собрано у жителей Бузулукскаго уезда несколько каменных наконечников стрел. Кроме того, мною самим, лично, сделано несколько находок орудий каменного века. Так в Николаевском уезде, близ Столыпинских минеральных вод, на совершенно ровной и песчаной степи, на берегу непересыхающаго ручья, в ложбине котораго бьют ключи железистой воды, в местности составляющей как бы котловину, я заметил признаки прежняго жилья или продолжительной стоянки на одном месте кочевников, по маленьким, кое где валявшимся, горшечным черепкам. После внимательных, хотя и не продолжительных поисков на этом месте, я нашел лежавшие на поверхности земли: маленький обломок кремневаго ножа (подобный показанному у Ворсо под № 61), и довольно большое орудие, по видимому сверло, из белаго, крепкаго камня, (совершенно такое, как показано под № 31 в «Старине русской земли, кн. I. стр. 20. М. 1866).⁴⁸ Близ г.Самары, на урочище, называемом «Барбашина поляна», при впадении в Волгу глубокаго и простирающагося на несколько верст, поросшаго густым дубовым лесом, оврага, на самом берегу Волги, я нахожу, почти при каждом поиске, орудия каменного века, частью превосходно сохранившиися, частью попорченныя постоянным трением о другия камни производимым прибоем. Орудия эти, преимущественно сверла или клинья и обломки наконечников, надо полагать, копий. В других местах по берегам Волги, при самом напряженном внимании, я не мог отыскать ничего даже похожаго на каменные орудия, тогда как на Барбашиной поляне, я находил их все на одном и том же пункте. Свои поиски в этой местности я буду продолжать, с величайшею тщательностию и в настоящем году.

В статье, напечатанной мною в № 74 Самарских Губернских ведомостей за 1866 год, я, описав приобретенныя мною до того, орудия каменного века, в Самарской губернии старался познакомить вообще жителей того края с этими орудиями, приглашая не пренебрегать ими, а доставлять их, в случае их открытия, хотя бы в местный Статистический Комитет, равно как и всякия другия находки, нередко делаемыя в земле и обыкновенно передаваемыя в руки менял

или золотых дел мастеров, особенно если подозревается присутствие в этой находке благородного металла.

Что касается до упомянутых выше каменных баб,⁴⁹ то находящиеся у меня, весьма грубой отделки, на них ясно сохранилось только очертание лица, а прочия части так пострадали от времени, итак, надо полагать, плохо были изваяны, что их теперь почти невозможно различить.

Одна из этих каменных баб вышиною 1 ар 2 ве., лице ея от конца подбородка до верхней части лба - 11 верш. и в верхней части 7 вер. ширины. Из этих цифр видно, как несообразно велика голова этой бабы сравнительно с ея туловищем. Небольшие скулы, круглый подбородок, непомерно широкий рот; по обеим сторонам лица, на висках как бы локоны; широкий приплюснутый нос; над большим широким лбом, след головного убора, подробности которого различить невозможно - что то вроде ермолки или нахлобученной до ушей шапки. На туловище следы груди или ожерелья, но чего именно, различить трудно, потому что все изваяние сильно пострадало от огня, местами потрескалось и местами лишилось целых кусков. Ни рук ни ног также нельзя различить.

Вторая каменная баба вышиною 1 ар 10 1/2 вер; лице от конца подбородка до верхней части лба 4 3/4 вер., ширина верхней части лица 7 1/2 верш. Из этого видно что голова у описываемой бабы, сравнительно, маленькая; скулы у ней весьма большие; подбородок очень узкий; нос длинный; рот малый; выпуклость, как бы большие брови, идет над обоими глазами, соединяется с носом и обрамливает лице, до самой бороды; такая же выпуклость подымается от носа, идет через лоб, по всей голове до затылка. Вообще эта выпуклость дает такой вид, как бы на статую была нахлобучена шапка или колпак.

Должно полагать, что это изваяние представляет мужчину; ни рук ни ног в нем отличить не возможно, хотя туловище имеет перехват, как бы талию, но ниже камень не представляет ни какой отделки, а просто грубый обрубок, которым он был утверждён в земле.

Кроме этих двух каменных баб, хранящихся к меня, отысканы мною еще две каменные бабы, в селе Воскресенке, Новоузенского уезда, отличающиеся от вышеописанных головным убором; а именно - у этих баб, сзади, из под головного убора, подобного вышеописанному, идут по спине, ясно и отчетливо сохранившиеся, две косы, до самого пояса, где оне соединяются с третьей косой, спускающейся от середины головы.

Вообще же и эти две фигуры страшно изуродованы и едва сохранили человеческий облик. Вырублены оне из твердаго камня, месторождения которого, судя по рассказам жителей, вблизи не оказывается.

Считаю не лишним передать здесь беседу мою, нарочито заведенную, по поводу этих баб, с сидевшим неподалеку от них, на солнушке и уже едва двигавшемся, 85 летним стариком.

«Что это такое, дедушка?, указывал я старику на каменных баб.»-

- А бог ее знает!...

«Да откуда взялись здесь эти уроды? чай помнишь!»

- Ребята из степи привезли, на могиле парочкой стояли.-

«Как же старые-то люди про них рассказывают: что это такое? откуда?»

- А это, бачыте, (рассказчик малоросс, бывший солевозец, он мне потом долго и много рассказывал, про те чрезмерные труды, которые он перенес в молодости занимаясь соляным промыслом; его дед пришел из Харькова, когда еще он, по словам старика, и городом не был), такие люди были, что жили когда еще тьма покрывала землю; вот когда впервой глянуло солнышко, люди эти стали плевать на него - Бог их и обратил в камни. -

Местность в которой я столкнулся с стариком, полна еще воспоминаний о Пугачеве. Мы разговорились об нем и я узнал от старика, что отец его служил Пугачу, а служил потому, что «все думали будто он настоящий император», как выразился старик. «Просто было тогда, продолжал он: подушку привязал батько на коня и пошел в казаки. Домой он воротился с порубленным пальцем, без всякой одежды, пеший, завернувшись в рогожу. Это когда под Царицыном разгромили Пугача, то войско Царское насмеялось над Пугачевцами - всех их ободрали до гола, и разогнали по домам».

Потом мы разговорились с стариком про хлеб, жатвенная, видите, была пора, у всех одна была думушка: успеют ли убрать, местами необыкновенный в прошлом году, урожай? «Что говорил мне старик, хлеб теперешний, а вот я помню дед мне еще маленькому рассказывал, в старину, хлеб родился, так хлеб! Совсем на наш не похожий!

- Какой же такой? -

«А вот какой: колос был вовесь стебель, а стебля этого самого было только столько, чтобы рукой человеку можно было захватить у самой земли».

- Отчего же это хлеб так переменялся? - спрашиваю. -

«Давно то было дело, давно, когда Бог еще разные примеры (опыты) делал над людьми, продолжал старик, идет он, Батюшка, однажды в образе старца и у одного дома остановился

хлеба попросить. Хозяйка в это время занята была, ребенка обмывала, возьми она да этими же руками и подай хлеба Господу. Он разгневался, вышел в поле и коснулся перстом до хлеба - коснулся и сделался колос только с того места, до котораго он дотронулся. Нет, заключил старик, хлеб и брать и давать-то надо чистыми руками».

Но я уклонился от своего предмета. Спешу заключить. Курганов в Самарском крае я не разрыл, но случайно, в Новоузенской степи, близ Менонистской Колонии Розенталь, я наехал в прошлом году на один разрытый до основания курган. Спустившись в раскопку я увидел что курганная насыпь сделана над четверугольной продолговатой могилой вырытой в материке, окруженной круглою стеною сложенною, почти в сажень вышины, из большого землелитного, так называемаго воздушнаго, отлично сделанного кирпича. Стена эта сложена на поверхности земли. Раскопка была произведена превосходна: из кольца образуемаго стеною вынута была вся земля, из могилы тоже. В могиле валялись обломки человеческих костей. Колонисты не хотели сознаться в раскопке кургана, а потому я не мог добиться: найдено ли в нем чтонибудь и была ли могила закрыта сводом или просто завалена землей?

П.Алабин

ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2, Ед. хр. 10. Лл. 152-157.

ДОКУМЕНТ 2.

31 марта 1888 г.⁵⁰

Прошлое и настоящее Вятскаго Публичнаго Музея

Первая попытка основать в Вятке постоянный местный музей была сделана уже очень давно — ровно 50 лет тому назад, но так как она истекла не из ясно сознанный местным населением потребности в подобнаго рода учреждениях, а была одним из добрых намерений опередившаго общественное развитие правительства, то, как увидим, и не дала добрых результатов.

По особому циркуляру г.Министра Внутренних Дел об учреждении местных выставок все пожертвованныя, а также нераспроданныя и вообще по тем или другим причинам оставшиися на выставке вещи должны были поступать для хранения в постоянный музей, а если такового не было, губернское начальство должно было озаботиться его учреждением. В 1837 г. к приезду Наследника Цесаревича в Вятке была устроена выставка изделий. Оставшиися после этой выставки предметы комитет по ея устройству поместил на время в общественном доме, но так как отведенная в этом доме для музея комната оказалась очень неудобною, то Комитет просил губернатора Корнилова возбудить вопрос о слиянии музея с только что основавшеюся в городе Публичною Библиотекою. К докладной записке Комитета приложена подробная опись оставшихся от выставки вещей, которых оказалось 938 номеров; ничего целаго, никакой коллекции они из себя, конечно, не представляли и относительно полнотою отличались только собрания руд вятских заводов, палеонтологических редкостей, костей допотопных животных и чугунных пишалей из г. Царевосанчурска. Попечительный Комитет Библиотеки предложение губернатора принял сочувственно, избрал для осуществления мысли об учреждении музея особую комиссию из губернского прокурора, городского головы и директора гимназии, которой и поручил войти с подлежащим ходатайством к Министрам Внутренних Дел и Народного Просвещения. Постановление Попечительнаго Комитета целым месяцем опередило циркуляр Министра Внутренних Дел гр.Блудова, которым подтверждалось прежнее распоряжение об устройстве губернских музеев [Циркуляр 18 марта 1838 г. говорит: «музеи и выставки учреждаются с тою главнейшею целью, чтобы при обозрении их можно было с удобностью и довольною точностью получить понятие о состоянии мануфактурной, ремесленной и сельской промышленности, а равно и о естественных произведениях губернии по всем трем царствам природы.» Так не ясно, неопределенно широко понимаема была тогда цель учреждения музеев!]: казалось бы, после этого не могло выйти никаких затруднений в учреждении музея. На самом деле затруднения вышли непреодолимья. Позднейшия справки выяснили, что замедление в устройстве вятскаго музея произошло из за того, что не было получено разрешения от Министра Народного Просвещения, но конечно, в действительности причины тому были иныя: сама Библиотека почти со времени своего открытия начала влачить очень сонное существование, а главное - 50 лет тому назад не было в музеях достаточной потребности, так как в ту пору они могли иметь только значение кунсткамеры, не служа для более серьезной цели. Дело учреждения вятскаго музея заглохло.

Новая попытка основать музей сделана была 10 л. спустя, на этот раз по частной инициативе. В марте 1848 г. один из старейших членов Попечительнаго Комитета Библиотеки, влиятельный в городе священник Орлов напомнил Комитету о старом его постановлении относительно устройства музея. Комитет на заявление о.Орлова обратил серьезное внимание. Пошли справки, отношения, докладныя записки, исписана была целая груда бумаги, и результат всех усилий оказал-

оказался поистине плачевным. Доброму намерению не удалось выбраться из дебрей приказного крючкотворства. Председатель Попечительного Комитета Библиотеки, директор гимназии Дмитриевский, принялся за дело с энергией и повидимому даже с особенным упорством. Наведя все необходимые справки, он обратился к губернатору с просьбою о разрешении сбора по губернии пожертвованных дунгами и вещами и о передаче в Библиотеку оставшихся от выставки 1838 г. денег 1500 р. ассигнациями; в то же время он потребовал из Палаты Государственных Имуществ все предметы, оставшиеся от той выставки и временно хранящиеся в музее Палаты. И губернатор, и Палата на эти представления отвечали молчанием. Подождя, пока хватило терпения, Дмитриевский повторяет свои просьбы и требования и снова видит совершенное невнимание к ним. Дело пошло лучше, когда управление губернию принял на себя вице-губернатор: он разослал по губернии приглашения к пожертвованиям на музей и передал Библиотеке принадлежащая музею деньги (при размене составившая только 357 р. сер.). В то же время после невозможно долгого молчания отозвалась и Палата Гос.Имуществ, вероятно побужденная к тому непосредственным начальством. Тут-то и начинается комедия. Палате не хочется разстаться с вещами, составляющими существенную часть ее музея, и вот она, изъявив видимую готовность передать предметы выставки 1837 г. в Библиотеку, просит последнюю указать, какие именно вещи среди множества других принадлежащих Палате имеет она право получить. Комитет Библиотеки нашел в своих делах список оставшихся от выставки вещей и отправил его в Палату, в полной уверенности, что дело идет на лад. Но чиновникам Палаты не нужно было даже особой находчивости, чтобы совершенно затормозить его: Комитет получил ответ, что Палата не усматривает в присланном реэстре расписок в получении ею указанных предметов и что она не уверена в тождественности этих предметов с теми, которые хранятся в ее собрании. Выведенный из терпения странною придиркою, Комитет чрез губернатора подает жалобу на Палату Министру Госуд. Имуществ, прося принудить ее разобраться в своих вещах; но напрасно ждал он доброго результата от своего ходатайства: бумага так и осталась лежать в губернаторской канцелярии, как вероятно лежит там и до сих пор. Это было уже в 1850-мъ году. После того четыре раза (4 Дек. 1850, 15 Июня 1851, в Октябре 1851, 4 Ноября 1853 г.) Комитет обращался к губернатору с просьбою дать ход последнему своему ходатайству, но каждый раз напрасно. Очевидно, губернатор хотел прекратить ставшее для всех заметным препирательство и для сильного пожертвовал более слабым. [См. дело об учреждении музея в архиве Публ. библиотеки.]

Что при всех усилиях доброжелательных людей не могло осуществиться в 30-х, 40-х и 50-х годах, то осуществилось с замечательною легкостью в памятную эпоху 60-х годов. Просветительное движение этого времени выразилось между прочим и в учреждении новых музеев в столицах и в провинции и в совершенном преобразовании уже существовавших. Мы, вятчане, имеем полное право гордиться, что наш музей был почти первым среди других создавшихся в это время, и не по времени только, а по своему богатству и по целесообразности своей деятельности, что мне и придется далее показать.

История вятского музея есть в сущности страница из жизни одного из симпатичнейших и наиболее памятных провинциальных деятелей прошлого царствования, П.В.Алабина. Биография этого замечательного человека настолько хорошо объясняет появление в Вятке музея и так занимательна сама по себе, что я не могу не уделить ей места в своем очерке, и жалею только, что могу изложить ее почти лишь по одним официальным источникам.

Петр Владимирович Алабин по происхождению своему сын рязанского помещика, компанейца 12-го года, умершаго управляющим таможеней на польской границе. Мать его француженка, дочь эмигранта Martin. П.В. родился в Подольске в 1824 г. и остался от отца 12 лет; учился сперва в дворянском Брест-литовском училище, затем в белостокской гимназии и наконец в бухгалтерском отделении Петербургскаго Коммерческаго Училища. Как видно, выказанную им впоследствии многосторонность образования Алабин приобрел усиленным самообразованием, для которого должен был не мало потрудиться в течении своей жизни. Такие люди убеждены, что каждый почти в той же мере стремится к душевной самодеятельности, как и они, и по деятельной натуре своей не могут отнестись к этому стремлению безучастно, спешат принести посильную помощь другим в приобретении того, что им самим досталось с немалым трудом. Вот чем прежде всего, на наш взгляд, объясняется заботливость Алабина об учреждении вятскаго музея, а также и всех других, которые своим существованием обязаны его почину.

Жизнь Алабина богата случаями, которые выставляют его не слишком обыкновенным человеком. Ряд таких случаев начинается тотчас по выходе его из училища. На выпускном экзамене 18-ти летний Алабин говорит речь, настолько замечательную, что она тотчас была напечатана в одном из журналов, и вслед затем обращается лично к Императору Николаю с неожиданною просьбою - не назначать его в гражданскую службу, а определить в военную. Императору угодно было определить П.В. в армию, и мы видим его сперва унтер-офицером тульского егерскаго полка, а чрез три года прапорщиком в камчатском. В венгерскую и севастопольскую кампании

Алабин был в действующей армии и выказал себя способным и деятельным офицером, что доказывается целым рядом отличий, полученных им за это время. За отличие в венгерскую войну он получает орден, за отличие в Ольтеницкомъ сражении произведен в штабс-капитаны, за йнкерманское сражение получает новый орден, за отличие в севастопольском сражении 17 Апр. 1855 г. произведен в капитаны, за отличие при штурме Севастополя 27 Августа получает третий орден, вслед за тем назначается исправляющим должность начальника штаба II пехотной дивизии. В Августе 1857 г. после 14-ти летней военной службы уволен в отставку для определения на гражданскую службу и назначен помощником управляющего вятскою удельною конторою. В формулярном списке Алабина вы найдете ясныя доказательства, что в течение своей восьмилетней службы в Вятке он проявил себя очень деятельным чиновником и не раз был отмечен вниманием начальства, но этот официальный источник слишком мало говорит о действительном значении Алабина в Вятке. Коснувшееся и нашей отдаленной провинции движение 60-х годов дало благоприятную почву для проявления всей силе его деятельной и светло настроенной натуры, а ея многостороннее развитие дало его деятельности широкий размах. Кроме толкового и усердного ведения своих официальных занятий, Алабин исполняет множество официальных и неофициальных поручений и еще более делает по собственному почину. Ему поручается заведование делами арестантских рот,⁵¹ он принимает деятельное участие в комитете по устройству Александровского собора, причем пишет очень умное обращение к крестьянам губернии о пожертвованиях на этот храм, он же назначается главным распорядителем выставки сельских произведений и садоводства; как член Статистического Комитета Алабин составляет оригинальную записку об изучении вятского края, он устраивает превосходную Публичную Библиотеку и затем при ней музей, ему поручается раскопка ананьинского могильника, после чего он продолжает разведки в других местностях губернии и делается таким образом первым вятским археологом, в ту пору, когда археология у нас только что начинала приобретать права гражданства; он устраивает литературныя чтения и сам принимает в них деятельное участие, он же принимает на себя устройство всевозможных лотерей и вечеров с благотворительною целью, даже иллюминаций и пр. В Кукарке Алабин устраивает библиотеку, банк, богадельню, первыя сельские женския школы, заботится об улучшении сельского хозяйства и ремесле, много делает для народного образования. Просмотрите местные губернския ведомости за 60-ые года, и вы в них постоянно встретите имя Алабина под статьями, в статьях и в объявлениях. Кажется, в ту пору не было ни одного общественного дела, в котором неутомимому и влиятельному управляющему удельною конторою не принадлежала бы главная роль как инициатора или руководителя. Собою Алабин вносил жизнь и душу в каждое предприятие, и никогда не было неудачи в том, за что он брался. «За что только ни принимался у нас в Вятке П.В., по обязанности службы или вне ея, все, при его рвении и неутомимой энергии в преследовании раз задуманной цели, достигало желаннаго результата». «Не было в Вятке общественного предприятия - концерта, спектакля, литературнаго вечера, выставки местных произведений и пр., в которых П.В. не принимал бы самага живого участия, или которых он не был бы главным распорядителем». [Слова губернатора Струкова и Рождественскаго. Вят. Вед. 1866, 9.]

Нельзя упускать из виду, что в тоже время Алабин имел досуг заняться литературою и наукою и издал под своим именем несколько книг и написал много статей в местных и столичных периодических изданиях. Литературныя работы Алабина, сказать кстати, весьма интересны по содержанию и замечательны между прочим по ясности и живости изложения. Приятно отметить и то, что не одна Вятка занимает мысли этого замечательнаго деятеля: идея Севастопольскаго музея принадлежит также П.В.Алабину. [О заслугах Алабина много говорилось в речах на прощальных обедах, данных ему обществом в Вятке и Кукарке. Вят. Вед. 1866, 9 и 15.]

За упразднением Вятской Удельной Конторы Алабин временно выходит в отставку, но тотчас получает место Управляющаго Самарскою Палатою Госуд. Имуществ и в этом звании служит в Самаре 11 лет. Формуляр Алабина за это время наполнен множеством отличий, из которых главными были чин д.с.с. и ордена св.Владимира и Станислава I ст., а также денежныя награды. В 1877 г. Алабин выходит в отставку и тотчас отправляется на театр военных действий в качестве уполномоченнаго общ. Краснаго креста и заведует там зимницкими госпиталями; затем он был избран Моск. и СПб. славянских благотворительных обществ главным агентом при главнокомандующем, а последний вскоре назначает его губернатором Орханіи и Софіи. За отличие в должности губернатора Алабин пожалован орденом Анны I ст. По окончании войны он поселяется снова в Самаре и уже не занимает правительственнаго поста. Однако деятельная натура не выносит покоя, и Алабин не медля начинает службу по мировым и земским учреждениям, знакомую ему уже с давних пор. С самага приезда своего из Вятки он продолжает непрерывно состоять гласным Самарскаго губернскаго земскаго собрания, а со введения городского положения состоит гласным городской думы. В 1881 г. он был выбран на пятое трехлетие почетным мировым судьей, а с января 1885 г. избран городским головою. Нам мало известна деятельность Алабина в Самаре, но

не сомневаемся, что она была почти так же разнообразна и плодотворна, как и в Вятке. Знаем, что Алабин принимал близкое участие в постройке Самарского собора, что им устроена зала имени Имп. Александра II, что он принял на себя в последнее время управление публичной библиотекой, что ему город обязан водопроводом и, кажется, каменной мостовой; известно также, что он и в Самаре продолжал делать интересные археологические сообщения. В Вятке же память об Алабине жива до сих пор не только в близком ему городском кружке, но, как мы убедились лично, и у местных крестьян.

Все приведенные факты рисуют нам Алабина как человека необыкновенно энергичного, находчивого, практичного. Но не энергия ценна в человеке, а ее направление: энергия может указать деятельной натуре ложный путь и составить несчастье для него и для других людей. Направление деятельности Алабина в высшей степени симпатичное и благотворное. Он принадлежит к числу созидателей, одушевленных светлыми стремлениями деятелей своего времени; каждый шаг его направлен к осуществлению одной задушевной мысли - «желания видеть русского человека не только могучим силою и духом, но также и образованием». Вера в русского человека, в блестящую будущность русского народа для него догматически решенное убеждение; и как не верить в силу русского народного духа человеку, который своею деятельною жизнью представляет первый пример ее? «Давным давно, пишет нам Алабин, я стал разделять мнение одного ученаго, что публичные музеи более всякаго другого средства возбуждают и развивают в обществе интерес к предметам науки тем живым впечатлением, какое выносит из музея с толком составленного его посетитель. Исходя из этого убеждения, я всегда действовал в этом направлении где мог». Эти слова прекрасно объясняют появление в Вятке музея. Здесь еще в 1837 г. основана была Публичная Библиотека. Но долгое время эта библиотека существовала более на бумаге, чем в действительности, не будучи в состоянии ни упрочить свое материальное положение, ни расширить своей деятельности. В 1861 г. за нее взялся Алабин и в короткое время поставил ее так, что она стала чрезвычайно популярна в местном населении, а по богатству и благоустроенности могла считаться не только выходящею из ряда обыкновенных провинциальных библиотек, но даже замечательною. Приведя в совершенный порядок дела библиотеки, Алабин в Июле 1863 г. входит в ее Попечительный Комитет с докладом об учреждении в Вятке музея. «Многие наши мыслители, говорил Алабин в своей записке, возвращаясь из заграничных путешествий, почти единогласно утверждали, что западные народы значительную долю своего развития приобретают не в школе только, а на улице, в театрах, клубах, на публичных лекциях, на всевозможных выставках, картинных галереях, публичных библиотеках и музеях». Устройством в Вятке музея записка находила возможным «сделать шаг к цивилизации населения края» [Открытие Вятского Публичного Музея. Вятка 1866 г., стр. 3 и Вят. Вед. 1866, 7 и 8.]. Комитет принял предложение Алабина «с живейшим участием»; тогда же были проэктированы различные меры для приведения в исполнение его мысли и как самая важная - приобретение для Библиотеки и музея подходящего помещения? Алабин тотчас начал хлопотать о покупке одного из лучших городских домов, единственное неудобство которого состоит в том, что он несколько удален от центра города. Между тем он чрез губернская ведомости [Вят. Вед. 1863, 28.] обратился к населению губернии с просьбою оказать содействие учреждению музея в Вятке денежными пожертвованиями и составлением для него коллекций энтомологических, как более простых и доступных каждому. В заметке Алабина обращают на себя внимание его слова о состоянии и доступности русских музеев, с которыми он по-видимому был хорошо знаком, о местных, вятских, собраниях и следующее место: «надлежит иметь в виду, что цвет молодежи всего вятского края получает первоначальное образование в вятской гимназии, семинарии, духовном училище, в которых нет музеев и кабинетов, и что следовательно осуществление предлагаемой мысли не только облегчит занятие наукой этим молодым людям, но может заставить их полюбить ее и пристраститься к ней». Заботы о распространении цивилизации края чрез образование юношества всегда сильно занимали Алабина. В обращении устроителя музея к местному обществу проглядывает еще неуверенность: он выражает намерение составлять музей лишь медленно, постепенно, по частям, не очень настойчиво приглашает к содействию музею передачей коллекций, а о денежных жертвованиях говорит только вскользь, - Алабин еще не вполне уверен, что мысль его будет принята всеми сочувственно. Но только что он взялся за самое устройство музея, тотчас увидел, что необходимо за дело взяться совершенно смело и что оно будет иметь успех полный. В умелых, энергичных руках работа закипела, и в самый непродолжительный срок - в два года с небольшим - Музей был сформирован. Кажется, в такое короткое время нельзя было сделать более, чем сделал Алабин. При собирании предметов он поступил очень предусмотрительно: чтобы собрать в короткий срок наиболее полные и ценные коллекции, он чрез губернатора обратился во все правительственные учреждения и в ученые общества с просьбою отделить часть от принадлежащих им коллекций, и прием этот оказался очень удачным. Одним из первых жертвователей, по представлению горнаго департамента, был покойный государь, «венценос-

“венценосный покровитель всех благих начинаний в нашем отечестве”, пожертвовавший богатую коллекцию минералов (в числе 645 образцов) из музея Горного Института, “и затем, без преувеличения, со всех концов России к нам полились приношения” [Открытие музея, 4.]. Департамент Сельского Хозяйства доставил модели, образцы зерновых хлебов, шерсти, древесных пород и пр., Лесной Департамент передал все образцы деревьев, собранные в Вятской Палате Госуд. Имуществ, равно как и все другие предметы состоявшего при Палате музея, из-за которых, как мы видели выше, затормозилось в свое время устройство публичного музея в Вятке; лесное ведомство получило даже приказание пополнить свои коллекции новыми предметами. Департамент Минист. Госуд. Имущ. выслал сельско-хозяйственную коллекцию, превосходный гербарий Редингорста, препарат Озу и десятичные весы. Сарапульская Публичная Библиотека, по распоряжению губернатора, переслала 645 предметов, собранных для предполагавшегося местного музея; с разрешения попечителя округа переданы в Музей вещи из собрания вятской гимназии; Одесское Общество Ист. и Древн. пожертвовало замечательную коллекцию древних монет; Казанский Университет доставил значительное число чучел птиц и коллекцию слепков с русских медалей; уральские и вятские заводы прислали образцы руд и своих изделий; чрез местных исправников собрана была порядочная коллекция костей допотопных животных, найденных в вятской губернии.

Для первоначального обзаведения Музея и пополнения его коллекций была открыта по губернии подписка. Но энергичный устроитель Музея не очень надеется на успех этой подписки и принимает другие меры. На мой вопрос о первоначальных средствах музея Алабин теперь пишет: “Очевидно: средств не было никаких, кроме труда весьма усиленного. Независимо от обращения с просьбами о присылке денежной помощи ко многим лицам, я устраивал в пользу музея лоттеи, литературно-музыкальные вечера, концерты, туманные картины и употреблял тому подобные средства”. К открытию Музея было собрано 2786 р., сумма, по замечанию Алабина, для того времени значительная. Вся собранная сумма была целиком израсходована. Наибольшими расходами оказались издержки на мебель (714 р.); кроме того приобретены были коллекции зоологическая и этномологическая⁵² из папье-маше, коллекции птиц, раковин, микроскоп, собрание фотографий с известнейших картин по школам, несколько альбомов рисунков; более 600 р. было потрачено кроме того на переделку помещения.

Нельзя было надеяться на быстрое пополнение коллекций частными пожертвованиями, всегда немногочисленными и случайными, но и здесь усилия музея не были безуспешными. Уржумский мещанин Усачев доставил коллекцию палеонтологических образцов, составленную главным образом в вятской губернии, удельный депутат Филимонов коллекцию костей ископаемых⁵³ животных, собранных преимущественно в Нолинском уезде, г-жа Раевская - систематическое собрание слепков с каменных и бронзовых орудий. К последней коллекции Алабин имел возможность присоединить некоторые предметы из своих раскопок, “полагающие основание будущей местной археологической коллекции, которая со временем должна занимать особенно видное место в нашем музее”; так говорил в своей речи Алабин при открытии музея, и конечно не предвидел, что пройдет 20 л., и к его вещам не прибавится ни одного черепка. Шестаков подарил большое собрание образцов иностранных деревьев, доктор Ворожцов - коллекцию бабочек и птичьих яиц, ген.-майор Голев большую коллекцию насекомых, преимущественно бабочек, Ф.П.Мышкин значительное количество яиц, гнезд и этнографических предметов, местный пчеловод Гусев - модели им усовершенствованных ульев, В.Ф.Усольцев, вятский уроженец, первый изследователь Амура - коллекцию минералов, собранных им по Уссури и на берегах Охотского моря, Шатров - старинный богатый камзол, местные бумажные фабрики доставили образцы своих изделий. Для того, чтобы частные пожертвования предметами носили по возможности систематический характер, Алабин издавал особые программы для собирания тех или других коллекций. Таково напр. его приглашение помочь музею в составлении коллекции птиц и их гнезд; при этом случае Алабин не забыл дать подробные указания о выделке птичьих шкурок для чучел [Вят. Вед. 1864, 26.].

Наиболее полно к открытию музея был сформирован отдел минералогический, затем были особенно интересны коллекции зоологическая, энтомологическая, нумизматическая и художественная.

“Все занятия по формированию музея, систематизированию предметов, самое расположение - были произведены г. Алабиным единолично, без всякого постороннего участия, и по истине нельзя не удивляться неумоимости, которая им была при этом выказана. При многосложных занятиях по прямым своим служебным обязанностям управляющего удельною конторою, заведующая арестантской ротой и библиотекой, Петр Владимирович нашел время написать своей рукой каждый ярлык на всякую вещь музея, и притом с большими подробностями, составить объяснительные записки к каждому отделу, распорядиться заказами мебели по собственным рисункам и вообще входить в каждую мельчайшую подробность дела”. Так говорил спустя 7 лет составитель

исторической записки о музее [Журналы Вят. Губ. Земск. Собр. VII сессии. Т. III, 374. Вятка 1874 г.], и слова его мы не можем не ценить, как свидетельство ближайшего современника. Губернатор Струков в прощальной речи говорил об Алабине: “Взявшись за дело, он исполнил его с любовью и знанием. С терпением и настойчивостью, заслуживающими удивления и уважения, П.В. просиживал в этих пустых комнатах многие часы, отрывая их у семейства и службы. Как муравей работал он здесь без усталости: хлопотал, просил, писал, собирал и устроил наш музей, которым Вятка может смело гордиться” [Вят. Вед. 1866, 9. Относительно мебели, заказанной для музея Алабиным, можно сказать, что она очень удобна и красива.].

22 января 1866 г. последовало торжественное открытие музея, привлекшее в зал Публичной Библиотеки много публики. По смыслу сказанной при этом Алабиным речи созданный им музей должен быть учреждением прежде всего общеобразовательным, иметь не столько научно-исследовательский, сколько научно-преподавательский характер. Музей по мысли Алабина - огромное собрание для наглядного ознакомления с тремя царствами природы и с делами рук человеческих в наивысшем развитии культуры, в наиболее типичных представителях ума и знания. Указав значение музеев вообще и передав историю основания вятского музея, Алабин в своей речи разъясняет смысл каждой отдельной коллекции музея, дает сведения об их действительном состоянии и делает предположения о том, чем они должны быть впоследствии. Естественно-научные коллекции “имеют целью облегчить молодому поколению края ознакомление с природою и изучение ее сокровеннейших тайн”. Лучшими коллекциями музея по этому отделу были: минералогическая коллекция, превосходный гербарий тайнобрачных растений, могущий служить примером для тщательной обработки местной флоры, дорогой микроскоп и другие научные приборы, которыми могли пользоваться все желающие. Отдел сельскохозяйственный, особенно важный для посетителей музея в практическом смысле, был наиболее беден, но Алабин уверен, что ему “предстоит счастливая возможность сделаться богаче и полнее других отделов”. Отдел историко-этнографический должен “послужить лучшим вспомогательным средством для изучения истории как отечественной, так и иностранной, и стать хранилищем остатков старины обитавших в крае народностей”, но коллекции его к открытию музея еще не были достаточно богатыми. В коллекции художественной Алабин видит одно из надежнейших средств образования народного вкуса, которому он приписывает большое практическое значение; в смысле улучшения ремесел и искусств. Содержательную, живую, можно сказать, красноречивую свою речь Алабин оканчивает словами о людях темных, о том, какое значение может иметь для них музей, давая толчок их умственной деятельности, развитию любознательности к наукам, имеющим в жизни теоретическое и практическое значение.

В устах Алабина не фразой были слова о необходимости позаботиться, чтобы Музей был понятен, осмыслен не только для посвященных, но и для всякого его посетителя. Желая доставить каждому грамотному средство самому ознакомиться с предметом, он для каждой вещи написал ярлыки, с довольно подробными объяснениями. “Надеемся, говорит Алабин по этому поводу в речи, что чрез посредство таковых ярлыков и каталога наш музей ни для кого не останется мертвою буквою, а напротив будет доступен и понятен каждому, даже без помощи руководителя”. [Алабин пишет нам, что он составил и полный толковый каталог Музея, но этого каталога мы не могли найти в Вятке. Очень жаль, если этот каталог безследно исчез, потому что его составление требует огромных усилий, не говоря уже о многосторонней образованности лица, которое за этот труд имело бы охоту взяться.]

Среди различных предположений о будущей деятельности музея Алабин говорит о возможности устроить при нем бесплатные уроки рисования, которые позднее некоторое время действительно и существовали при Музее, мечтает о распространении научных и практических сведений в народе посредством публичных бесед в Музее и чрез наглядное объяснение выставленных в нем предметов.

После Алабин на торжестве открытия Музея произнес небольшую, но умную речь незабвенный в памяти его учеников преподаватель гимназии Я.Г.Рождественский. Он развил мысль, что не без основания упрекают наше мышление в отсутствии реализма, русский ум в бедности и непроизводительности, в наклонности к чрезмерному увлечению миром идеалистически-фантастическим; видя причину этого явления в том, что наше развитие идет исключительно книжным путем, Рождественский думает, что музеи могут дать нашей мысли нужная ей точность и фактичность. “Будем надеяться, говорил он, что настоящее учреждение благотворно подействует на наше образование, даст ему твердое, трезвое направление, вызовет во всех нас любовь к точным наблюдениям, к деятельности не фантастической, а живой и плодотворной”.

В речи своей, сказанной в конце торжества, М.С.Мусерский называет Алабина редким деятелем, всегда и везде умеющим вносить начатки пользы и добра, и благодарит его более всего за молодое поколение, надежду светлаго будущего, образованию которого он содействует и кото-

рому дает свою просветительную энергичную деятельность добрый пример [Открытие Музея, 2-29].

В письме к нам Алабин состояние музея, в каком он его оставил, уезжая из Вятки в том же году, прямо называет блистательным. В письме этом он дает подробное и интересное описание музея, которое мы здесь и приводим почти целиком. С удовольствием отметив прежде всего, что музей занимал обширное помещение в одном из лучших домов города, где до того была квартира нескольких губернаторов, в 8 чистых, высоких и светлых комнатах и что его богатства заключались в 73 шкафах, кроме картин и предметов, расположенных на стенах и окнах, П.В.Алабин продолжает: «Широкая теплая лестница приводила через просторную швейцарскую в переднюю, все стены которой были увешаны наклеенными на кардон рисунками и чертежами различной, самой изящной мебели. Чтобы иметь таковые рисунки, библиотека выписывала лучшие парижские и лондонские ремесленные журналы и альбомы рисунков и шаблонов мебели, а также появлявшиеся тогда в печати и русские издания этого рода. Должно не забывать, что в Вятке и ее ближайших окрестностях издавна развито кустарное производство мебели в самых обширных размерах, между тем выходящая из рук вятчан мебельные изделия отличались безвкусицей, однообразием и отсутствием всякого изящества. Музей поставил себе задачей воспитать хотя в некоторой степени вкус мебельных кустарей снабжением их изящными образцами, которым бы они могли подражать. Для этого в большой базарный день, по зимним воскресеньям, когда на вятском щепном базаре производится продажа, привозимой окрестными крестьянами в огромных размерах мебели, Музей был открыт бесплатно для этих крестьян и они толпами стали посещать его, подолгу заставаясь перед вывешенными рисунками мебели и получая листы таковых на прокат с платою по 5 коп. за продержание взятого листа неопределенное время. Разумеется, мы при этом изыскивали возможность делать нарочито заказы различной мебели по выставленным рисункам. Результатом было в самое короткое время очевидное влияние на форму некоторых из привозимых на продажу мебельных изделий и выполнение по заказам весьма ценных изделий, принесших своим исполнителям значительные награды на устроенной тогда в Вятке сельскохозяйственной выставке.

«В этой же комнате стояла местного изделия модель беляны⁵⁴ с показанием системы нагрузки ее лесным материалом, с половодьем отправляющихся из вятских стран на низ.

«Отсюда входили в первый зал, самый обширный во всем помещении; он кроме входной двери имел еще таковые же в три остальные стороны.

«В углах зала стояли пирамиды из древних артиллерийских орудий, поставленных стоймя без лафетов, пищалей, луков и стрел местных жителей и ротных значков государственного ополчения, сформированного в Вятке в 1854 году. У подножия арматуры лежали пирамиды каменных ядер, в древности употреблявшихся при действии из пушек и найденных в подземелье, открытом в крутом берегу реки Вятки под городом.

«На передней стене портрет Государя Императора был окружен портретами бывших Вятских губернаторов и архиереев.

«Зала имела окна с одной только южной стороны. Перед средним окном была устроена полуциркулем решетка, за которою помещался стол с большим микроскопом с камерь лучей и микрометром, лупами и множеством объектов. Микроскопом этим мог пользоваться каждый желающий с особаго всякий раз дозволения зрителя музея и под его наблюдением.

«На окнах же помещались барометры и термометры различных систем и большая искусственная кристаллографическая коллекция; затем во всю залу были вытянуты две двухсторонние витрины и по стенам стояло 5 значительных размеров особо приспособленных шкапов. Как витрины эти, так и шкапы были наполнены минералогическими и палеонтологическими коллекциями, в общем представлявшими замечательное целое, могущее быть надлежащим подспорьем при изучении названных наук. Палеонтологическая коллекция составлена была из оттисков рыб, аммонитов, белемнитов и всевозможных раковин, окаменелаго дерева, различных остатков допотопных животных, все исключительно собранное в Вятском крае.

«Минералогическая коллекции делились на два отдела. В первом, заключавшемся в двух больших вышеупомянутых двухсторонних витринах, минералы были положены нами по системе Наумана, разделяясь на XV классов по своим химическим и частью кристаллическим свойствам. В каждом из этих классов было столько представителей, что изучающий минералогию мог по ним видеть полную характеристику каждого класса. При этом должно заметить, что имевшиеся в той же зале 86 главнейших видов кристаллов служили к значительному облегчению изучения этой трудной науки. Коллекция эта, в количестве 645 образцов, была пожалована Музею Государем Императором, повелевшим музею Горного Института отделить для Вятского Музея из своих минералогических коллекций наиболее типичные образцы.

«Второй отдел состоял из предметов, доставленных по распоряжению г. Министра Финансов с горных заводов Уральскаго хребта, Пермских, Уфимских и Вятских и заключавшихся в кол-

лекциях ископаемых предметов, служащих предметами разработки на этих заводах, и образцов изделий этих заводов, в различных фазах⁵⁵ переработки предметов.

В том же отделе помещались образцы каменного угля, найденного доктором медицины Сунцовым на берегу р. Камы, в Вятской губернии, и коллекция минераллов, собранная на берегах Охотского моря и в долине р. Усури первым ее описателем, уроженцем вятским Усольцевым.

«Я должен заметить, что моею задачею было так устроить музей, чтобы он был вполне доступен для каждого и был вполне приспособлен к общему наглядному научению его посетителей, для того, чтобы каждый выставленный предмет был вполне так сказать понятным каждому грамотному человеку без чьей либо помощи. Я твердо убежден, что хранитель музея при всей его добросовестности и готовности быть полезным каждому посетителю своими сведениями, никогда не будет иметь физической возможности подробно объяснить каждому все в музее заключающееся. Поэтому я снабдил каждый выставленный предмет собственноручно мною ясно и отчетливо написанным ярлыком, на русском языке, с возможно подробным объяснением каждого предмета, положив ярлык у описываемого предмета так, чтобы его без затруднения можно было прочесть. Кроме того я составил каталог предметам Музея, предполагая его напечатать, в котором подробно объяснил значение каждого выставленного предмета в природе, или жизни, его происхождение, тот путь, которым он достигает настоящего своего вида, пользу или вред им приносимый человеку, его отечество или местность, в которой он имеет наибольшее значение.

«Дверь налево приводила в комнату, где помещалась энтомологическая коллекция насекомых вятского края, составленная как лично нами, так и гимназистами, привозившими с вакаций значительное количество собранных ими индивидуумов. Кроме того в энтомологическую коллекцию эту входили: поступившие в подарок от генерал-майора И.П. Голева большая коллекция насекомых, преимущественно бабочек.

«Здесь, в этой же комнате, помещались костяки типических представителей различных классов животных, как то: рыб, пресмыкающихся, млекопитающих, грызунов, хищных птиц и человека; различные сохраненные в спирту уроды от рождения, переданные из врачебной Управы Губернского Правления, где собирались в продолжении многих лет; различные анатомические препараты и наконец различные части человеческого организма, приготовленные из гипса и картонь-пьера, по системе Озу, как например: глаз, ухо и проч. Тут же имелась коллекция гнезд насекомых как то: ос, пчел и пр.

«Из этой комнаты через главный зал мы проходили в комнату, занятую зоологической коллекцией.

«На окнах этой комнаты стояли плоские ящики, наполненные белым песком, на котором в систематическом порядке лежали яйца водящихся в Вятском крае птиц, а по стенам были укреплены их гензда. На косяках окон в особых висячих ящиках помещалась очень интересная коллекция конхиологическая, кораллов и губок. Вся комната была заставлена шкафами, в которых помещались чучела очень многих птиц, подаренная Императорским Казанским Университетом, также чучела птиц, водящихся в Вятском крае, приготовленные нарочито приглашенным препаратором музея, наконец полная зоологическая коллекция, выработанная в известном уменьшенном против действительности масштабе из картонь-пьера, пользующимся заслуженною известностью мастером Гейзером.

«Стены следующей залы были увешаны рисунками Вильморена и др. (в красках) цветов, овощей, плодов, как полученных в Вятском крае, так и приобретенных со стороны, как образцы достойные подражания. В витринах лежали семена различных растений в систематическом порядке. Затем для каждой породы деревьев, произрастающих в Вятском крае, был устроен отдельный шкаф со стеклами. В этой дендрологической коллекции было представлено каждое в Вятском крае растущее дерево во всех его видах, начиная от оплодотворившей его пыли, до полированного с одной стороны отростка дерева, многие столетия может быть, прожившаго в Божьем мире. Под каждым таким шкафчиком, в котором были препарированы все детали дерева, стояла особая витрина со всеми теми изделиями, какия из этого дерева имелись в вятском крае. Тут же помещались различные образцы игры природы древесного мира, всевозможные капы, встречающиеся в Вятском крае, и наплывы у древесных корней и изделия из тех и других; продукты сухой перегонки дерева; модели всевозможных практикующих в крае смолокурных печей, угольных ям, лесных плотов и различные гербарии, из которых особенное останавливал на себе внимание гербарий Ребенгардта [Вероятно, Редингорста.] (тайнобрачных растений) и весьма значительная коллекция с одной стороны отполированных разноцветных дерев тропических стран, подаренная губернским лесничим А.М. Шестаковым.

«Последняя в этом порядке комнат - зала, занята была большею сельскохозяйственною коллекциею, подаренною Музею Министерством Государственных Имуществ, приказавшим, отделить в сельско хозяйственном музее Министерства для нашего Музея по некоторой части всех предметов, какие только могли быть отделены, а также снабдить нас из дублетов музея моделями

всевозможных сельскохозяйственных машин и орудий, употребив на этот последний предмет 300 руб. из сумм Министерства.

«Возвратясь в главный зал музея и из него направившись в другую его сторону, мы вступали в зал, занятый художественными коллекциями. Все стены были увешаны превосходными фотографическими копиями с замечательнейших произведений великих мастеров и поставленными на кронштейны гипсовыми слепками частей тела человека и животных и цельные их фигуры, которые могли бы служить подспорьем при изучении живописи; по комнате были разставлены различные гипсовые слепки произведений великих мастеров и больших размеров стереоскоп со множеством рисунков, изображающих замечательнейшие виды в свете, - архитектурные и скульптурные произведения и наконец большие столы с выложенными на них школами рисования, альбомами фотографий, гравюр, литографий, картин, видов, портретов замечательных личностей и тому подобное.

«Отсюда оставалось войти в последнюю залу, заключающую в себе отделы Исторический, Археологический, Археографический, Этнографический, составленные преимущественно из предметов, принадлежавших Вятскому краю или в нем найденных, и отдел нумизматический, состоявший из медалей и монет как русских, так и иностранных, всех веков и народов.

«В отделе Археологическом обращали на себя преимущественное внимание сделанные нами курганные находки в Вятском крае, также собранная нами там же коллекция орудий каменного века и подаренная известным археологом - госпожею Раевскою, большая коллекция гипсовых слепков с различных орудий каменного и бронзового веков.

«В отделе нумизматическом занимала почетное место коллекция древнейших ольвийских, херсонских, пантикапейских, македонских, египетских, византийских и римских монет, подаренная Одесским обществом Истории и Древностей Российских, и коллекция слепков с отечественных медалей, подаренная Казанским Университетом».

Все, что ни говорил Алабин о богатстве и благоустроенности созданного им музея, не фраза, а правда. Музей сделался весьма популярным в местном населении. По праздникам, в бесплатные дни, в нем бывал настоящий базар; среди движущагося сераго люда и учащихя всех возрастов, которых более всего и имел в виду Алабин, нельзя было протесниться к наиболее любопытным вещам музея. Несомненно, что музей был составлен умно, интересно и разнообразно, так как посетителей в нем можно было застать всегда даже вдолге спустя после его открытия, когда первое, наиболее живое любопытство городского населения было уже удовлетворено. По замечанию одного нашего знакомого, посетив музей уже не раз, можно было с большою охотою и удовольствием время от времени посещать его и позднее, что к нему нельзя было совершенно привыкнуть; молодежь живя жила в музее, и зимою, и летом. Мы не можем сказать, имел ли музей на посетителей то серьезное влияние, какое должен был оказывать на них по предположениям Алабина, но во всяком случае посещение его бывало очень приятно каждому и надолго оставалось в памяти. Некоторые коллекции несомненно обращали на себя очень серьезное внимание посетителей и имели практическое значение, - таковы были напр. коллекции столярных рисунков, о которых говорит Алабин в описании музея. Можем положительно утверждать одно, что на нас, молодежь гимназистов, музей действительно оказал влияние.⁵⁶ Со времени его открытия среди нас развилась любовь к коллектированию⁵⁷ бабочек, растений, минераллов, которое нередко оканчивалось серьезною привязанностью к изучению природы. Гербарий и коллекция энтомологическая, составленная в это время двумя гимназистами, были в полном значении слова замечательными, а небольшие коллекции считались уж конечно не единицами. Что местное население знало музей и дорожило им, это доказывается значительным количеством мелких приношений, начавших поступать в него тотчас по открытии, и тем, что в течении нескольких лет после продажи Музея земству иногородние посетители продолжали осаждать здание Публичной Библиотеки и уходили сильно разочарованными, узнав, что музей стал недоступным. Теперь нам приходится выслушивать много оживленных похвал бывшему музею и сетований по поводу его нынешняго положения, к чему мы и сами от души всегда присоединяемся.

Со времени отъезда Алабина в 1866 г. уже не было систематических попыток пополнить коллекции музея. Не стало влиятельнаго по своему общественному положению, энергичнаго и просвещеннаго хозяина музея, пошли только консерваторы, большею частью, кажется, из чиновников, у которых могла быть одна забота: следить за вещами так, чтобы можно было сдать их в сохранности по описи. Благодаря прекрасному устройству музея, с ним не было никаких хлопот. До передачи его в земство вещи оставались на старых своих местах, в старых шкафах, даже ярлычки на них, написанные рукою Алабина, оставались все те же; не думаю, чтоб преемникам его пришлось пристроить хоть полочку: новые вещи шли понемногу и удобно устанавливались среди других, в тех же витринах.

Музей заметно оживился только с тех пор, как на него обратил внимание один из деятельнейших вятских губернаторов, Чарыков, и бывший тогда председателем Попечительнаго Комитета

Библиотеки Домелунксен. При них музей приобрел порядочные средства чрез официаль-подписку по губернии, а также и довольно много новых предметов. Тогда же явилась мысль о разделении коллекций музея на общия и местные, устроены были рисовальные классы и кажутся были еще какая-то другая предположения об усилении его деятельности [Отчеты о поступлении вещей и денег, о посетителях музея помещаемы были в Вят. Губ. Вед. за 1864-73 г.г. Составленный г. Емельяновым каталог минералог. коллекции печатался в приложении к Вят. Вед. 1867 г.]. В 1873 г., пред передачей музея земству, в нем находилось 6,300 названий предметов в 10,671 экземпляре, в общем отделе было 5,311 названий, в местном - 986. По коллекциям количество предметов⁵⁸ распределялось следующим образом:

В общем отделе:

- по минералогии 1817 - дендрологии - 111
- палеонтологии 174 - художествам - 335
- зоологии 628 - нумизматике - 342
- энтомологии 878 - археологии и редкостей - 434
- сельскому хозяйству 277 - физич. инструмет. 7
- промышленности 287 - портретов - 28

5,311

В местном отделе:

- по этнографии - 177 - пчеловодству - 11
- истории и археологии 66 - скотоводству - 3
- промышленности 273 - домоводству - 4
- ремеслам - 104 - лесоводству и флоре - 237
- земледелию - 70

986

Ценность музея в этом году приблизительно была определена в 8,000 р. [Журналы, стр. 375.].

Борьба за свое существование осиротевшаго после отъезда Алабина музея оказалась краткою, агония не была слишком медленною и мучительною. Роковым для музея вопросом оказался, как и следовало ожидать, вопрос денежный. Алабин, открывая музей, выразил надежду, что существование его будет обеспечено сбором с посетителей и проектируемым слиянием с Статистическим Комитетом, который, по предположению Алабина, мог бы отделять для его поддержания из земской субсидии рублей до 500 ежегодно. Но тот и другой расчет оказались обманчивыми. Только в первый год сбор с посетителей дошел почти до 100 р., затем сумм по этой статье стало поступать так мало, что из опасения сделать музей учреждением бесполезным сбор с посетителей был совершенно отменен и открыт был бесплатный для всех доступ [В начале музей был открыт 3 раза в неделю с платою по 15 к. для обозрения, а для научных занятий бесплатно во всякое время; потом он был открыт с платою по 5 к. ежедневно и бесплатно по воскресеньям. Условия пользования музеем см. в Вят. Вед. 1866, 8.]. Число посетителей сильно возросло, но доходы от этого нисколько не увеличились. Между тем ежегодные расходы на содержание музея простирались за 300 р., да занимаемое им помещение могло приносить до 500 и более рублей, число посетителей со времени отрытия бесплатного доступа в музей мало по малу стало редеть, не было охотника взять на себя огромный труд поддержания коллекций в порядке и пополнения их, - и вот Библиотека начинает тяготиться музеем и ищет случая приличным образом освободиться от него. К счастью для Библиотеки, но к несчастью для местного населения случай представился скорее, чем можно было ожидать, и Библиотека позаботилась не упустить его. Когда вятское губернское земство занялось известною своею мыслью основать в Вятке образцовую учительскую семинарию, то возник вопрос о необходимости для нея обширных естественно-научных коллекций. Такие коллекции в Вятке были на лицо в музее. Конечно, можно было устроить пользование коллекциями музея и в том случае, если бы он оставался при Библиотеке, но так велика была в ту пору тароватость земства, и так велико было желание Библиотеки устранить от себя заботы о музее, что одновременно и замечательно дружно Попечительный Комитет Библиотеки и Педагогический Совет Училища начинают пред земским собранием с большим красноречием излагать все выгоды, имеющие воспоследовать от покупки музея земством для Учительской Семинарии: Библиотека этим путем выпутается из тяготящих ее долгов, семинария получит прекрасныя коллекции, местное население много выиграет тем, что отделами музея будут заведывать специалисты, которые могут по праздникам присутствовать в музее для объяснений и показывания предметов посетителям, при музее могут быть открыты публичные лекции. Что могло быть привлекательнее этих предположений. Перспектива окончательно развязаться с докучными просьбами Библиотеки о денежном содействии, доставить семинарии редкия коллекции за сходную цену и без всяких затрат начать при помощи музея и преподавате-

лей энергичную кампанию против невежества - сильно прельстила земское собрание, и музей в 1874 г. перешел, к общему удовольствию, в собственность земства [Уплачено было Библиотеке за музей 3.000 р. Историю перехода в земство см. в журналах VIII сессии стр. 360, 364-372 и VII сессии стр. 272-275, 309-317, 367-377. Там же изложена и история учреждения музея.]. Красно дело было начато, да не красно кончено. Оказалось, что слова Педагогического Совета Учительской Семинарии об открытии доступа в музей публике и о дежурстве в нем преподавателей были одними фразами. Как только музей поступил в распоряжение Училища, на него стали смотреть только как на собрание вещей, из которых одни были годны в качестве учебных пособий, другая для этой цели не годились; то, что было нужно для Училища, было распределено по специальным кабинетам, что не нужно, то было кое как установлено в одной комнате, так как лишнего помещения в здании Училища не оказалось. Любопытное явление: предметы восьми битком набитых комнат должны были уместиться в одной комнате! Консерваторы несли свою обязанность только формально, - им в музее совершенно нечего было делать. В тесной комнате некуда было повернуться и не было никакой возможности ни открыть доступа посетителям, ни содержать коллекции в порядке. Что могло разбиться - разбилось, истлеть - истлело. Шкафы покрылись пылью и забвением. Обхожу молчанием слишком сложный и щекотливый вопрос о целостности тех алабинских коллекций, на которые время не могло оказать своего влияния. Таким образом, созданный Алабиным Вятский Публичный Музей не существовал и десяти лет; остальные 10 лет он не может носить самого имени музея, так как не проявил решительно никакой деятельности. Забытый, он пришел в такое состояние, что только очень энергичная деятельность может сделать из него что-нибудь доброе. Кто виноват в этом необыкновенном упадке музея? Виноват Попечительный Комитет Библиотеки, слишком поспешно и равнодушно передавший из личных расчетов судьбу составляющего общественное достояние учреждения в руки, оказавшиеся не надежными, еще более виновато земство, взявшее на себя обязанность, которую не могло добросовестно выполнить, а всего более виновато общество, не сумевшее выдвинуть из среды своей надежного защитника принадлежащей ему собственности, виновато давно овладевшее нашим обществом то настроение, когда каждый живет только про себя, стараясь кой-как свести концы с концами в своей душевной жизни, а к делам общественного значения сохранить лишь некоторое мало мальски приличное сочувствие.

Осенью прошлого года случилось обстоятельство, которое несомненно составит новую фазу в истории многострадального Вятского музея. Помещение Реального Училища, при котором ныне состоит музей, теперь расширено, и вследствие этого явилась возможность дать для музея не одну, а целых три комнаты, из которых две значительных размеров. Благодаря заботам настоящего директора Училища В.Н.Виноградского музей уже разместился по всем трем комнатам, принесены из амбаров не находящие себе иного места шкафы, помещение музея подбелено, пыль стерта, стекла в витринах вставлены, вещи приведены в некоторый порядок, и музей уже видит в себе посетителей,⁵⁹ не смотря на то, что свободный доступ в него еще не оглашен. Нам положительно известно, что судьба музея сильно занимает г. Виноградского. Зная находчивый ум уважаемого директора Реального Училища, мы с надеждою смотрим на его намерение привести остатки музея в совершенный порядок, изыскать средства для его пополнения и придать ему прежнее значение в глазах местного общества.⁶⁰ Дай Бог успеха.

А. Спицынъ

ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 628. Лл. 115-164.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Конкурса грантов молодых ученых Самарской области (грант № 50 Г 1.1 К).

** Выражаю глубокую признательность работникам ЦИАМ и лично зав. читальным залом №1 Е.Г.Сорокиной, работникам ОПИ ГИМ и лично зав. читальным залом Н.Б.Быстровой, оказавшим неоценимую помощь при подготовке этой статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 Чудова Г.Ф. Петр Владимирович Алабин. Очерк жизни и деятельности. 1824-1896/ Машинописная рукопись. Киров. 1975; Чудова Г.Ф. Петр Владимирович Алабин (1824-1896) // Самарский краевед. Часть 2. Самара, 1991. С. 59-72; Коршунова Л.В. Библиография работ П.В.Алабина и литературы о нем // П.В.Алабин и библиотека: материалы областной научно-практической конференции (12 ноября 1993 года). Самара, 1994. С. 28-31; Петр Владимирович Алабин и Вятка: Биобиблиографический указатель / составитель В.С.Жаравин. Киров, 1999; Алабин И.М. Петр Владимирович

Алабин. 1824-1896 гг. Материалы для библиографического указателя // Алабин П.В. Самара: 1586-1886 годы. Самара, 1991.

2 Кабытов П.С. Легендарный самарец Петр Владимирович Алабин. Куйбышев, 1990; Кабытов П.С. Возвращение Петра Владимировича Алабина // Алабин П.В. Самара: 1586-1886 годы. Самара, 1991. С. 5-40; Московский О.В. Петр Алабин: грани таланта. Самара, 2004.

3 П.В.Алабин и библиотека: материалы областной научно-практической конференции (12 ноября 1993 года). Самара, 1994; «Самарский край в истории России», по материалам которой издан данный сборник.

4 Алабин П.В. Самара: 1586-1886 годы / вступительная статья и составление Кабытова П.С. Самара, 1991.

5 <http://www.lib.smr.ru/digitlib/index.htm> - «Архив редких изданий» - совместный проект Самарской областной универсальной научной библиотеки и Лаборатории электронных изданий Самарского государственного университета.

6 Петр Владимирович Алабин и Вятка: Биобиблиографический указатель / составитель В.С.Жаравин. Киров, 1999. С. 56-100.

7 Уваров Алексей Сергеевич (1825-1884) - граф, видный организатор и теоретик отечественной археологической науки, автор многочисленных работ по археологии, один из основателей Исторического музея в Москве, один из организаторов Русского Археологического общества в Петербурге, основоположник и основатель Московского археологического общества, основатель традиции проведения Всероссийских Археологических Съездов. В архивах МАО и личном архиве Уваровых сохранилась обширная переписка с исследователями отечественных древностей (ЦИАМ, ф. 454; ОПИ ГИМ, ф.17; ф.104; РА ИИМК, ф.4). Подробнее: Ардашев Н.Н. Граф Уваров как теоретик археологии. М., 1911; Стрижова Н.Б. Архив А.С. и П.С. Уваровых в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М., 1998. С. 85-103; Формозов А.А. А.С.Уваров и его место в истории русской археологии // Российская археология. 1993. № 3. С. 228-245; и др.

8 ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2, Ед. хр. 10. Лл. 152-157.

9 Правила Съезда, утвержденные Г. Министром Народного просвещения // Труды первого археологического съезда в Москве / изданы под редакцией гр.А.С.Уварова. Т. I. М., 1871. С. I.

10 Кабытов П.С. Возвращение Петра Владимировича Алабина... С. 11; Московский О.В. Петр Алабин: грани таланта... С. 40; и др.

11 Протоколы заседаний съезда // Труды IV Археологического Съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань, 1884. Стр. С-С1.

12 Кабытов П.С. Возвращение Петра Владимировича Алабина... С. 25.

13 Протоколы заседаний съезда // Труды IV Археологического Съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань, 1884. Стр. С-С1.

14 Кинельский могильник у с.Студенцы, разрушенный при строительстве железной дороги и обследованный П.В.Алабиным в 1876 г. Опубликован П.В.Алабиным дважды: Алабин П.В. Нам известные остатки древности в Самарском крае // Труды IV Археологического Съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань, 1884. Первобытные древности. С. 1-7; Алабин П.В. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском публичном музее. Самара, 1895. См. также публикацию материалов: Орфинская О.В., Голиков В.П., Сташенков Д.А. Шелковая ткань XIII-XIV вв. из фондов СОИМК им.П.В.Алабина // «Самарский край в истории России». Материалы юбилейной научной конференции. Самара, 2001. С. 207-213.

15 Алабин П.В. Нам известные остатки древности в Самарском крае // Труды IV АС... С. 1-7.

16 Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700-1971 гг. СПб., 1992. С. 107.

17 Оконникова Т.И. Научные традиции в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. - конец 40-х гг. XX в.). Ижевск, 2002. С. 58-59.

18 Сенникова Л.А. Археологические исследования П.В.Алабина в Вятской губернии. Археологическое собрание Вятского публичного музея // П.В.Алабин, Вятка, музей (алабинские чтения) / составитель В.С.Жаравин. Киров, 1998. С. 77-102.

19 Ключникова Р.М. П.В.Алабин и самарские древности // Самарская Газета. 16 сентября 1999 года. С. 6.

20 Алабин П.В. Нам известные остатки древности в Самарском крае // Труды IV АС... С. 1.

21 Там же. С. 7.

22 Сенникова Л.А. Археологические исследования П.В.Алабина в Вятской губернии... С. 80-81.

23 Ворсо Йенс Якоб Асмуссен /Worsaae Jens Jakob Asmussen/ (1821-1885) - датский археолог, один из первых разработывал «систему трех веков». Член-корреспондент Российской Академии наук с 1866 г., был членом I Археологического Съезда в Москве в 1869 г.

24 Полное название работы: *Северные древности королевского музея в Копенгагене, выбранные и объясненные профессором Копенгагенского университета И.И.А. Ворсо.* Спб., 1861.

25 **Бэр Карл Максимович** (1792-1876) - академик, основатель эмбриологии, один из создателей Русского географического общества и Зоологического музея Академии наук. Один из основоположников естественнонаучного течения в российской археологии. Подробнее см.: *Формозов А.А. Страницы истории русской археологии.* М., 1986. С. 182-184; *Лебедев Г.С. История отечественной археологии.* 1700-1971 гг. СПб., 1992. С. 93-94; *Левин М.Г. Очерки по истории антропологии в России.* М., 1960. С.17-39.

26 **Лерх Петр Иванович** (1827-1884) - протоколист Академии наук, помощник библиотекаря Петербургского университета, член Русского археологического общества, секретарь Археологической комиссии. Автор ряда работ по проблемам востоковедения, истории каменного века. Принимал участие в IV Конгрессе доисторической археологии в Копенгагене в 1869 г., одним из первых приступил к решению вопроса о соотношении западноевропейских и российских памятников каменного века. Подробнее о нем: *Сенникова Л.А. Археологические исследования П.В.Алабина в Вятской губернии...* С. 96; *Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки.* СПб., 2003. С. 34-37.

27 *Формозов А.А. Страницы истории русской археологии...* С. 187.

28 *Ключникова Р.М. П.В.Алабин и самарские древности...* С. 6; *Московский О.В. Петр Алабин: грани таланта...* С. 35-40.

29 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 628. Лл. 115-164.

30 **Уварова Прасковья Сергеевна** (1840-1924) - графиня, жена А.С.Уварова. После его смерти возглавила МАО. Почетный член многих научных обществ. Руководила всей работой МАО, включая организацию археологических съездов, с 1884 до 1917 г. Внесла огромный вклад в дело охраны памятников старины. Вела обширную переписку с известными деятелями науки и культуры, включая иностранных. Уделяла большое внимание развитию науки и культуры в провинции. Автор работ по археологии Кавказа, музейному делу и др. В 1917 г. эмигрировала, умерла в Доберне (Югославия). Подробнее о ней: *Сборник статей в честь гр. П.С.Уваровой 1885-1915.* М., 1916; *Храпова Л.Е. Личность П.С.Уваровой, как она представляется по ее трудам и свидетельствам современников // Уваровские чтения. I. (Тезисы докладов).* Муром, 1990. С. 5-7; и др.

31 **Спицын Александр Андреевич** (1858-1931) - классик российской археологической науки. Первый период научной деятельности А.А.Спицына связан с Вяткой, где он родился и вырос. После окончания вятской гимназии А.А.Спицын в 1878 г. поступил на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета, окончив который, вернулся в Вятку. В 1882-1892 А.А.Спицын был преподавателем женской гимназии в Вятке, но уже активно занимался археологией и краеведением, состоял членом Вятского губернского статистического комитета, Общества археологии истории и этнографии при Казанском университете, публиковал работы про древности Вятского края. Поздний период деятельности связан с работой в Петербурге - в Археологической комиссии и Университете. Подробнее о нем: *Бердинских В.А. Вятский период жизни А.А.Спицына // Очерки истории русской и советской археологии.* М., 1991; *Бердинских В.А. Уездные историки: русская провинциальная историография.* М., 2003; *Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете...* С. 74-85; и др.

32 См.: *Петр Владимирович Алабин и Вятка: Библиографический указатель /сост. В.С.Жаравин.* Киров, 1999. С. 95: «№ 675. 21 января. Письмо Самарского градского головы П.В.Алабина А.А.Спицыну в Вятку об истории создания Вятского публичного музеума с сообщением автобиографических сведений и подробным описанием музея. Автограф П.В.Алабина. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 1114. Лл. 73-85 об.».

33 *Вятский публичный музей в январе 1866 года (из письма П.В.Алабина А.А.Спицыну от 21 января 1887 года) // П.В.Алабин, Вятка, музей...* С. 11-15.

34 См. *Петр Владимирович Алабин и Вятка: Библиографический указатель...* С. 95: «№ 678. Рукопись А.А.Спицына «Исторический очерк Вятского публичного музеума». Изложена биография П.В.Алабина, его роль в создании музея. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 1114. Л. 25-72 об.».

35 *Уварова П.С. Губернские или областные музеи.* М., 1888.

36 *Уварова П.С. Областные музеи // Труды седьмого Археологического Съезда в Ярославле 1887.* Т. II. М., 1891. С. 323.

37 *Надпись сделана получателем. Видимо, «70» - это не год получения письма, а его регистрационный номер.*

38 *Разрушающийся Ананьинский могильник еще в 1856 г. по поручению известного исследователя древностей Капитона Ивановича Невоструева (1815-1878) посетил купец Иван Васильевич Шишкин (1792-1872). Впоследствии результаты раскопок И.В.Шишкина и П.В.Алабина были доложены К.И. Невоструевым I Археологическому Съезду и опубликованы в его трудах. Подробнее об этом см.: Сенникова Л.А. Археологические исследования П.В.Алабина в Вятской губернии... С. 77-81, 93.*

39 *Современное написание: «Ананьинский».*

40 См.: Вятские губернские ведомости. 1959. 4 июля (№ 27). С. 180-181; 11 июля (№ 28). С. 183-189; 18 июля (№ 29). С. 193-198; 25 июля (№ 30). С. 201-208; а также Вестник Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1860. Кн. 6. С. 87-120.

41 Видимо, это описка: П.И.Лерх был послан Археологической Комиссией. Далее в тексте ошибка не повторяется.

42 В каталоге персоналий архива Императорской Археологической Комиссии (РА ИИМК, Ф. 1) имя П.В.Алабина упоминается неоднократно. Несомненно, что тщательное изучение материалов архива позволит определить судьбу и местонахождение многих предметов из раскопок П.В.Алабина.

43 См.: Вятские губернские ведомости. 1865. 19 нояб. (№ 72). С. 294-295.

44 См.: Вятские губернские ведомости. 1865. 17 сент. (№ 54). С. 190; 21 сент. (№ 55). С. 198; 24 сент. (№ 56). С. 203-204; 28 сент. (№ 57). С. 207-208; 1 окт. (№ 58). С. 212-213; а также отдельное издание: Алабин П.В. Заметка относительно некоторых древностей Вятского края. Вятка: Губ. стат. ком., 1865. 38 с.

45 См. Документ № 2.

46 Исправлено. Было: «Бугурусланского».

47 Северные древности королевского музея в Копенгагене, выбранные и объясненные профессором Копенгагенского университета И.И.А. Ворсо. СПб., 1861.

48 Гатцук А.А. Старина Русской земли. Кн. 1. М.: тип. В.Готье, 1866.

49 Здесь и далее подчеркнуто П.В.Алабиным.

50 Дата получения документа П.С.Уваровой. На первом листе имеются также пометки: «№ 160» (видимо, номер по книге регистрации входящих документов МАО); «В Д. VII Арх. С.» - определение документа в дело VII Археологического Съезда; а также надпись синим карандашом: «24».

51 Исправлено: первоначально было «тюремного комитета».

52 Так в тексте.

53 Исправлено: было «допотопных».

54 Беяна - плоскодонное речное судно.

55 т. е. «фазах».

56 В 1866 г., когда П.В.Алабин покинул Вятку, А.А. Спицыну было 8 лет, а в 1873-74 гг., в момент закрытия музея, он учился в средних классах гимназии.

57 так в тексте.

58 Имеется ввиду количество названий предметов.

59 Вычеркнуто: «немалое число».

60 См.: Уварова П.С. Губернские или областные музеи. М., 1888. С. 17: «к несчастью, за последнее время г. Виноградский получил другое назначение и переведен из Вятки».

Л.Ю. Покровская

«ВОТ КАКОЙ БУДУЩНОСТИ МЫ ЖДЕМ ГОРОДУ САМАРЕ»

(П.В.Алабин о проектировании и строительстве Самаро-Уфимской железной дороги)

В 2004 г. мы отмечаем две юбилейные даты: 180 лет со дня рождения Петра Владимировича Алабина и 130 лет Куйбышевской железной дороги. Это совпадение символично, поскольку П.В.Алабин обосновал экономическую целесообразность и преимущества от строительства Сибирской железной дороги Самаро-Уфимского направления для развития как Самарского региона, так и для всей России.

Бурное строительство железных дорог в Европе и Америке началось в начале XIX в. В России, несмотря на наличие заводских железных дорог на Урале и Алтае, решение этого вопроса затягивалось, так как железные дороги имели как сторонников, так и авторитетных и сильных противников. Яростно возражал против строительства железных дорог Главноуправляющий путями сообщения Толь, опасаясь, что железные дороги вызовут развитие демократической идей. В 30-х годах XIX в. он писал: «В России едва ли найдется местность, где бы железные дороги могли быть построены с надеждой на успех».¹ Министр финансов граф Канкрин уверял, что «из-за железных дорог разорятся извозопромышленники, сгорят леса, а население страны, и без того не очень оседлое, превратится в бродяг».² К сожалению, некоторые общественные деятели и известные литераторы поддерживали царских сановников. Например, И.С. Аксаков в «Исследовании торговли в Украинских ярмарках», изданном в 1858 г. и отмеченном Константиновской медалью Географического общества и Демидовской премией Академии наук предлагал: «...господам богатым и умным поразмыслить над более прибыльным помещением капиталов»,³ чем строительство железных дорог. Такое отношение к железным дорогам было очень странным, если учесть, что И.С. Аксаков более десяти лет, с 1844 по 1856 гг., почти непрерывно колесил по разбитым российским дорогам.

Среди российских государственных и общественных деятелей, безоговорочно признавших необходимость строительства сети железных дорог в стране, был Петр Владимирович Алабин. В 1875 г. в статье «Первый свисток паровоза в Южном Заволжье», опубликованной в «Самарских губернских ведомостях», П.В.Алабин оценил как «событие действительно знаменательное»⁴ для Самарского края открытие для грузового и пассажирского движения поездов участка железной дороги «Моршанск - Сызрань» и ветви от Сызрани до пристани на Волге. Начатое в 1874 г. строительство Оренбургской железной дороги от правого берега р.Волги у ст.Батраки до Оренбурга с мостом через Волгу и ветвью к пристани на Волге должно было связать железнодорожным сообщением центр страны с районами, богатыми хлебом. Уже тогда П.В.Алабин понимал, что «сооружение железных путей в южном Заволжье после постройки моста через Волгу не ограничится одною линиею от Самары до Оренбурга. Надежды наши простираются далее. Мы думаем, что именно через Самару должен быть направлен железный путь на крайний Восток, путь, теперь так интересующий не только отечественное общество, но и Европу, как последнее звено того пояса, что опояшет тогда собою весь мир».⁵

Железнодорожная линия Батраки - Оренбург протяжением 507,3 версты была открыта для движения поездов 1 января 1877 г. Однако, мост через Волгу к этому времени не был готов. Переправа пассажиров, багажа и товаров производилась летом на пароходе, а зимой - в экипажах общества Оренбургской железной дороги.⁶

Проект моста через р.Волгу был разработан крупнейшим ученым, профессором Петербургского института инженеров путей сообщения Николаем Аполлоновичем Белелюбским. Н.А.Белелюбский был создателем конструкций металлических ферм, составленных из балок, и одним из пионеров внедрения в технику металлоконструкций, используемых в любых сооружениях, рассчитанных на большие нагрузки.

Сызранский металлический мост протяженностью почти 1,5 км, состоял из 13 пролетов, каждый из которых имел длину 111 метров.⁷ Мост долгое время оставался самым грандиозным созданием русского инженерного искусства, не имея равных в Европе по величине и оригинальности конструкций. Это был балочный мост раскосной системы с параллельными поясами, представлявший собой как бы трубу, покоящуюся на каменных устоях. Несмотря на то, что мост был частично разрушен белочехами в 1919 г., затем восстановлен, а позже переустроен под второй путь, он в настоящее время является самым старым из больших железнодорожных мостов.

Мост был открыт для движения 30 августа 1880 г. и долгое время оставался единственным звеном, соединяющим общую сеть русских железных дорог с Заволжьем, со степными пространствами, расположенными между Сибирью и Туркестаном, и с громадными областями Сибири, простирающимися до берегов Тихого океана. Мост через Волгу стал важнейшей частью

«такого грандиозного предприятия, как соединение Европы с Азией железным путем»,⁸ что способствовало достижению успехов российской торговли и промышленности и, наконец — успехам прогресса и цивилизации.

На повестке дня стоял вопрос о продолжении строительства линии на восток. В правительственных кругах и среди общественных деятелей России существовало две точки зрения на вопрос о направлении строительства Сибирской магистрали. Сторонники одной точки зрения отстаивали Самаро-Уфимское направление. Другие же считали, что головным участком сибирской дороги должна служить линия Нижний Новгород — Казань — Пермь — Екатеринбург — Тюмень.

Следует отметить, что направление Сибирской железной дороги на Казань было Высочайше утверждено Императором Александром II 26 января 1855 г. в именном указе «О сооружении первой сети железных дорог в России». Это было одним из главных аргументов тех, кто отстаивал направление Сибирской дороги на Казань, которое совпадало с «древнерусским торговым трактом на Казань из Сибири»⁹.

В 1881 г. представители Самарского и Уфимского губернских земских собраний и Самарской и Уфимской городских дум опубликовали записку «О сооружении железной дороги от Самары через Уфу и Златоуст в Екатеринбург»¹⁰. От Самарского губернского земского собрания и Самарской городской думы записку подписал П.В.Алабин. Записка подготовлена на основе тщательного анализа статистических данных о состоянии земледелия, промышленности, транспортной сети, народонаселения районов, по которым предполагалось проложить железнодорожную линию до Екатеринбурга и далее на восток. Авторы записки подошли к этому вопросу не с точки зрения местнических интересов, а с точки зрения интересов государства, его развития и процветания.

Говоря о необходимости «связать железнодорожным путем Европейскую Россию с Сибирью»¹¹ авторы обосновали свой выбор направления пути следующими преимуществами: 1) «Линия Самара — Уфа — Златоуст — Екатеринбург представляет собой *кратчайший* в этом направлении путь».¹² 2) Путь от Самары через Уфу до Екатеринбурга — «наиболее дешевый и может быть устроен сравнительно в более короткий срок»,¹³ поскольку при строительстве дороги Самаро-Уфимского направления возникает необходимость постройки «единственного, значительного на этом пути, моста через реку Белую при г.Уфе»,¹⁴ в то время, как на Казанском направлении потребуются строительство «3-х новых колоссальных мостов через Волгу, Оку и Каму и 2-х больших через Вятку и Суру»¹⁵. Большое значение имел «факт совершившегося после долгих усилий, громадных затрат и тяжкой борьбы с природой сооружения Александровского моста через Волгу на выдающемся к востоку углу нашей железнодорожной сети, который уже сам по себе намечает наиболее доступное, легкое и дешевое в настоящее время направление линии к Зауральскому краю».¹⁶ В отличие от дороги между Н.Новгородом и пристанью на Каме, где потребуются устройство многочисленных виадуков, насыпей через овраги и сухие лога и дамб через разливы рек, «местность между Самарою и Уфою степная, ровная и не представляет никаких затруднений для устройства рельсового пути».¹⁷

Говоря о том, что путь от Самары до Екатеринбурга через Уфу может существовать самостоятельно «одними грузами местного движения», авторы записки приводят подробные расчеты о возможном количестве провозимых грузов, включая хлеб, товары лесной промышленности (мочало, обруч, плашки, обода, дубовая доска, луб, доски, корье, поташ), каменный уголь, соль, сало, кожевенные изделия, масло, мед, шерсть, мясо, птица, а также, производимые на Уральских заводах чугун, литье, листовое железо, сталь и, наконец, золото. Все это в конечном итоге должно было «дать жизнь и развитие всему краю, раскинувшемуся на пространстве от низовой Волги до Сибири и составляющему одну из наиболее обильных естественными богатствами частей империи»,¹⁸ способствуя «быстроте обмена земледельческого труда на наличные деньги и сбережение времени и накладных расходов по провозу»¹⁹ товаров. Не была упущена из виду и возможность по перевозке не только грузов, но и населения из густонаселенных районов центральной России и Украины, переселяющихся в районы Башкирии, южной Сибири в поисках земель и работы.

Заканчивается записка эмоциональным призывом к общественности и государственным чиновникам поддержать ходатайство о необходимости сооружения железной дороги от Самары на Уфу и Златоуст до Екатеринбурга, поскольку «немедленное осуществление этого дела открыло бы новые источники к поднятию народного благосостояния и богатства, удовлетворив в то же время неотложным государственным нуждам».²⁰

Последствием ходатайства Самарского и Уфимского губернских земских собраний и Самарской и Уфимской городских дум было проведение в 1882-83 гг. изысканий по направлению Самара — Уфа, результаты которых показали выгоды для государства данного направления железной дороги вместо ранее спроектированной от Н.Новгорода на Казань.

Однако, сторонники Казанского направления железной дороги развили активную агитацию в защиту своего направления дороги, доказывая его преимущества перед Самарским. В записке «Высочайше утвержденная магистральная линия Сибирской железной дороги», составленной уполномоченными Казанского земства, думы и биржи в 1883 г., а также в других ходатайствах, в газетных статьях ставилась задача «склонить общественное мнение в пользу Казанского направления Сибирской дороги и тем подготовить окончательное решение вопроса в этом смысле».²¹

Оценивая все преимущества от прокладки железной дороги для городов, лежащих на пути из Европейской части России в Сибирь, сторонники Казанского направления не могли не видеть, что результатом этого будет возвышение этих городов, их активное развитие и, как следствие, рост благосостояния населения. Поэтому и была предпринята попытка отстоять Казанское направление.

Основными аргументами против Самаро-Уфимского направления железной дороги были:

- увеличение расстояния от Сибири до Волги, Нижегородской ярмарки, Владимира, Москвы и Казани;
- низкая доходность от Самаро-Уфимского и Уфимско-Екатеринбургского участков дороги;
- однорельсовый путь по мосту через р.Волгу.

Кроме того, сторонники Казанского направления утверждали, что дорога на Самару «разорит все государство, обогатит только этот город и в то же время разорит население Сибирского тракта, Казань и Нижний, что фабрики и заводы центральных губерний должны будут сократить производства, что доставка хлеба через Самару будет дороже, что Казанское направление представляет для государства громадное значение в военном отношении»²² и т.д. Однако, все приведенные в казанской записке аргументы были голословны, не подтверждены фактами, и поэтому были опровергнуты П.В.Алабиным в «Записке о Сибирской железной дороге Самаро-Уфимского направления», которая была подготовлена по поручению Самарского Земства и Городского общества в 1884 г. Перед П.Алабиным стояла цель напомнить «основания на которых построено ходатайство о направлении линии на Самару»²³ и доказать неосновательность и неверность доводов противной стороны, основываясь на проверенных фактах о состоянии и перспективах развития районов, по которым предполагалось проложить железную дорогу. Петр Владимирович блестяще справился с поставленной задачей, глубоко и тщательно проанализировав имевшийся у него фактический материал и убедительно доказал, что Сибирская дорога Самарского направления не только обогатит город Самару, но и будет «отвечать многим другим целям, как, например, целям стратегическим, потребностям земледелия и различных отраслей сельского хозяйства, интересам колонизации, потребностям страны в дешевом топливе, в удобствах широкого пользования своими минеральными богатствами»²⁴. П.В.Алабин убедительно доказал, что строительство Самаро-Уфимской дороги будет значительно дешевле, чем дороги Казанского направления, и будет осуществлено в более короткие сроки.

Глубоко осознавая, что «и экономическая и политическая потребности нашего отечества вопиют за настоятельную необходимость возможно скорейшего проведения Сибирской железной дороги»,²⁵ Алабин высказал искреннее убеждение в том, что «правительство наше не будет поколеблено в своем стремлении решить настоящий спорный вопрос таким способом, чтобы это решение соответствовало действительным нуждам государства, а не исключительным интересам некоторых только местностей»²⁶.

Правительство в конечном итоге приняло решение о постройке Самаро-Уфимской железной дороги, и в 1885 г. началось ее строительство на средства казны.

Вопросы проектирования железной дороги (мостов, земляного полотна и др.) нашли отражение в документах, хранящихся в филиале РГАНТД. Особый интерес представляют проекты мостов через р.Волгу у г.Сызрани²⁷ и г.Симбирска (Ульяновск)²⁸, р.Кинель²⁹ и р.Самару³⁰, проекты земляного полотна³¹ и станционных зданий и сооружений³² Самаро-Уфимской железной дороги.

Самаро-Уфимская железная дорога стала связующим звеном между Европейской Россией и Сибирью, соединив восточные окраины России с цивилизованной просвещенной Европой. Это способствовало бурному развитию городов, через которые протянулась дорога и, в первую очередь, г.Самары. Именно такой будущности желал Самаре П.В.Алабин.³³

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Вестник Самаро-Златоустовской железной дороги, посвященный столетнему юбилею существования железнодорожного транспорта 1875-1925. Самара, 1926. С.27.
2. Болховитинов В., Буянов А., Захарченко В., Остроумов Г. Рассказы из истории русской науки и техники. М., 1957. С.259.
3. Аксаков И.С. Письма из провинции. М., 1991. С.20.
4. Алабин П.В. Первый свисток паровоза // Самарские губернские ведомости. 1875. № 66. С.2-3. Филиал РГАНТД. Ф.Р-66. Оп.1-4. Д.3. Л.1.
5. Там же.
6. См.: Навстречу новому веку. Куйбышев, 1974. С.29.
7. Филиал РГАНТД. Ф.Р-66. Оп.1-4. Д.3. Л.1.
8. Алабин П.В. Указ.соч.
9. Алабин П.В. Записка о Сибирской железной дороге Самаро-Уфимского направления. Спб., 1884. С.36.
10. Записка deputаций уполномоченных от губернских земских собраний Самарской и Уфимской губерний и городских дум Самарской и Уфимской о сооружении железной дороги от Самары чрез Уфу и Златоуст в Екатеринбург. Спб. 1881.
11. Там же. С.2.
12. Там же. С.3.
13. Там же. С.9.
14. Там же. С.14.
15. Там же. С.11.
16. Там же.
17. Там же. С.12.
18. Там же. С.27.
19. Там же. С.29.
20. Там же. С.46.
21. Алабин П. Записка о Сибирской железной дороге Самаро-Уфимского направления. Спб., 1884. С.1.
22. Там же. С.18-41.
23. Там же. С.3.
24. Там же. С.22.
25. Там же. С.48.
26. Там же. С.49.
27. Филиал РГАНТД. Ф.Р-66. Оп.1-4. Д.1-234.
28. Там же. Д.441-574.
29. Там же. Д.268-316.
30. Там же. Д.361-408.
31. Там же. Д.601-799.
32. Там же. Ф.Р-787. Оп.2-4. Д.1205а-1212 и др.
33. Алабин П.В. Первый свисток паровоза // Самарские губернские ведомости. 1875. № 66. С.33.

Т.Ф. Алексушина

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОРТРЕТЕ АЛАБИНА

Через две недели после смерти П.В. Алабина на заседании городской думы 23 мая 1896 г. было вынесено постановление: «В Зале императора Александра II при Публичной библиотеке поставить навсегда поясной портрет Петра Владимировича в хорошей раме, сделав заказ этот лучшему художнику, на что ассигновать до 1000 руб.»¹.

Академику живописи и историческому живописцу А.Н. Новоскольцеву портрет Алабина заказали не случайно - в 1894 г. он проездом был в Самаре, и Петр Владимирович лично показывал художнику «Зал императора Александра II», который произвел на него большое впечатление. К этому времени коллекция «Зала» была достаточно солидной и состояла из оригинальной графики, живописи, нескольких личных вещей императора, монет, медалей, меню обедов, завтраков и ужинов; программ

музыки на концертах и придворных балах в присутствии императора; скульптурных бюстов и довольно большой тематической библиотеки, собранной с пониманием и любовью. Видимо, Алабин с гордостью показал Новоскольцеву и новое приобретение - картину «Въезд в Самару императора Александра II в 1871 году», написанную в 1893 г. профессором живописи Дмитриевым-Оренбургским². Затем, как и всех именитых гостей, попросил расписаться в книге почетных посетителей.

Новоскольцев в эти годы преподавал в частном училище барона Штиглица в Санкт-Петербурге. Как вспоминала его ученица А.П. Остроумова-Лебедева, «популярный в свое время исторический живописец Александр Никанорович Новоскольцев был похож на свирепого Малюту Скуратова, им же изображенного, - «Малюта» говорил неожиданно тонким голосом, осторожно поправляя карандашом ученические рисунки»³.

Заказ на написание портрета исходил от городского головы П.А. Арапова, с которым у Новоскольцева по этому поводу завязалась оживленная переписка. Сохранился черновик 1-го письма:

«Милостивый государь Александр Никанорович! В зале музея Самарская Дума постановила иметь поясной портрет художественной работы покойного Петра Владимировича Алабина. Не желая ошибиться в художнике, я беру на себя смелость обратиться к Вам с просьбой указать какого-либо художника портретиста, который мог бы принять работу воспроизвести портрет с большого фотографического портрета копию и будет (неразб.), о стоимости работы (Далее неразборчиво. Авт.)

В распоряжении моем имеется на сей предмет 800 руб. (В тексте это место зачеркнуто. Авт.).

В ожидании Вашего благосклонного ответа остаюсь»⁴.

Художник ответил, видимо, сразу же: письмо датировано 22 февраля 1897 г.:

«Господин Самарский Городской Голова,

Милостивый Государь.

В ответ на письмо Ваше по поводу рекомендации художника для написания портрета имею честь предложить следующее. Портрет, как и другие художественные произведения, можно иметь за разные цены; это зависит от достоинства исполнения этих предметов. Поэтому, чтобы рекомендовать кого-либо, я должен знать, какая сумма может быть определена Вами на приобретение этого портрета. Поясные портреты моей, например, работы оплачиваются приблизительно в тысячу руб., немного больше или меньше, смотря по задаче, требованию и разным другим условиям. И потому, если для приобретения портрета Вы располагаете вышеозначенной суммой, то благоволилите прислать во-первых фотографию, и, согласно установившемуся в таких случаях обычаю, в задаток половину или немного меньше стоимости портрета; и я сам напишу с удовольствием портрет Петра Владимировича, тем более, что я знал лично покойного, любил и уважал его.

Если же у Вас имеется на это меньшая сумма, то благоволилите сообщить мне, какая именно, чтобы сообразив, я мог высказать по этому предмету мнение или рекомендации.

Покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в моем почтении»⁵.

В ответном письме от 26 февраля П.А. Арапов сообщает, наконец, сумму, ассигнованную на написание портрета Алабина:

«26 ф. 97 г. 1325

Милостивый Государь Александр Никанорович!

В ответ на Ваше любезное письмо от 22 февраля имею честь уведомить Вас, что на изготовление портрета покойного П.В. Алабина может быть ассигнована сумма до 800 руб. Прошу Вас не откажитесь уведомить, будете ли Вы сами, или кто другой из художников согласится изготовить портрет на эту сумму.

Примите сим уверение в совершенном уважении и преданности
Вашего покорного слуги»⁶.

Новоскольцев, видимо, решил все-таки сам написать портрет Алабина, хотя предложенная сумма была несколько ниже той, за которую он обычно исполнял подобную работу. Письмо с согласием получено от него 5 марта 1897 г.:

«Господину Самарскому Городскому Голове.

Милостивый государь!

Имею честь уведомить, что за восемьсот рублей (800 руб.) поясной портрет я нахожу возможным выполнить сам; а так как портрет этот Петра Владимировича, то и писать его буду с удовольствием.

Благоволите прислать обещанный Вами большой фотографический портрет г. Алабина; и кроме этого, если возможно, несколько меньших фотографий, без сомнения имеющих в семействе покойного, таких фотографий, которые семья Петра Владимировича и лица, хорошо знавшие его, считают наиболее похожими.

Так как портрет будет выставлен в «Зале императора Александра II», то, вероятно, он должен быть написан в парадной форме, т. е. в мундире, орденах и пр. Если так, то не найдете ли Вы возможным через А.А. Щербачева выслать мне мундир, ордена и проч. принадлежности парадного костюма, которые, по всей вероятности, сохраняются в семье покойного. По миновании надобности вещи будут мною возвращены им с благодарностью.

Затем покорнейше прошу также выслать мне четыреста рублей, и со дня получения мною задатка заказ будет считаться принятым. Имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершеннейшем моем почтении и преданности.

А. Новоскольцев. 2 марта 97 г. СПб. В.О. 0.7 линия, 62»⁷.

В это время начался оживленный обмен телеграммами. Первой была отправлена телеграмма с дополнительными условиями (число не указано): «Портрет Алабина Управа предлагает девятьсот пятьдесят рублей с Вашей хорошей золоченой рамой = телеграфируйте согласие = фотографии немедленно вышлем»⁸. Ответ от Новоскольцева поступил 4 марта: «Согласен сделать портрет с рамкой за цену, сказанную телеграмме. Новоскольцев». Здесь же сделана приписка от руки: «Портрет Алабина послан почтой 4 марта 1897 г. Экзекутор М. Пономарев»⁹. 6 марта 1897 г., видимо в ответ на несохранившийся запрос из городской управы, Новоскольцев прислал размеры будущего портрета Алабина: «Без рамы приблизительно полтора аршина точность неизвестна = Новоскольцев»¹⁰.

Арапов очень энергично, буквально в течение 1-й половины марта 1897 г. обеспечил художника всем необходимым, включая задаток, который, впрочем, Новоскольцев получил с некоторой задержкой:

«11 марта 97 г.

Александр Никанорович!

Согласно письма Вашего от 2-го сего марта, посылаю Вам в задаток за написание портрета покойного П.В. Алабина 400 р. Покорнейше прошу Вас изготовить этот портрет в возможно лучшем виде. Мундир, ордена и проч. после покойного Петра Владимировича, как мне передал А.А. Щербачев, уже отосланы к Вам.

Прошу принять уверения в совершеннейшем уважении и преданности.

Ваш покорный слуга»¹¹.

Видимо, Новоскольцев, обеспокоенный отсутствием обещанного задатка, известил об этом управу телеграммой от 13 марта: «Портрет третьего дня получил, а задаточных денег нет. Новоскольцев»¹².

Наконец, все утряслось. Работа над парадным портретом Алабина началась той же весной и закончилась ранней осенью 1897 г. Мундир, как было принято у художников, писавших заказные портреты с фотографий, одевался на манекен, поэтому складки на фигуре и рукавах выглядят естественно. Очевидно, вдова, В.В. Алабина отправила художнику не только все награды мужа, но и массивную серебряную цепь городского головы, так эффектно украсившую портрет Петра Владимировича. Арапов в начале осени начинает торопить художника, который, судя по всему, не уложился в оговоренный заранее срок:

«9 сентября 97 г.

Милостивый Государь Александр Никанорович!

Не имея от Вас никаких сведений о положении работ по написанию портрета покойного Петра Владимировича Алабина, не смотря на то, что задаточные деньги 400 р. Вам отосланы еще

в первых числах марта месяца с.г., я имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, уведомить меня, в возможной скорости, о причинах неизготовления означенного портрета; а если таковой в настоящее время готов, то поспешите с высылкой его в Самару.

Прошу принять уверения в совершеннейшем уважении и преданности»¹³.

Наконец, в письме, датированном 14 октября 1897 г. и адресованном Арапову, Александр Никанорович сообщил об окончании работы:

«Милостивый государь!

Портрет, который должен теперь находиться уже у Вас, по недоразумению отослан к Вам только вчера, 13 октября. Очень извиняюсь.

Послан большой скоростью, и уплату за большую скорость я взял на себя.

Москвичи, бывшие у меня и случайно увидевшие портрет Петра Владимировича сразу узнали его и находили портрет очень похожим. Самому мне кажется, что портрет хорош. Но самое важное для меня мнение, конечно, Ваше и родственников П.Вл., а потому, в случае каких-либо замечаний с Вашей стороны или со стороны родственников П.Вл. я во всякое время готов исправить все, что укажут мне, причем, пересылку сюда и обратно (без рамы, конечно) приму на мой счет.

Покорнейше прошу принять уверения в совершеннейшем почтении и преданности.

А. Новоскольцев»¹⁴.

Замечаний ни от городского головы, ни от родственников не последовало. Присланный по железной дороге портрет был торжественно установлен на специальном постаменте в «Зале императора Александра II». Но спустя месяц Петр Александрович Арапов вынужден с ледяной вежливостью напомнить художнику о неоправданной задержке им вещей и награда покойного:

«12 ноября 1897 г.

Милостивый Государь,
Александр Никанорович!

Семейные покойного П.В. Алабина просят о скорейшем возвращении им следующих, посланных к вам, вещей: мундира, орденов и проч. принадлежностей парадного костюма покойного.

Сообщая о сем, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, ускорить высылку в Самару Ея Превосходительству, Варваре Васильевне Алабиной означенных выше вещей и о времени отсылки меня уведомить, т.к. надобности в них более предстоять не будет.

Примите уверения в совершеннейшем моем почтении и преданности»¹⁵.

Сразу же по получении этого письма Новоскольцев, видимо, отправил вещи и сообщил об этом телеграммой на имя городского головы (на ней стоит дата 17 ноября 1897 г.). Она завершает всю переписку по поводу портрета П.В. Алабина: «Все отослано 11 ноября = большую фотографию посылаю Вам завтра = Новоскольцев»¹⁶.

В настоящее время портрет П.В. Алабина¹⁷ находится в постоянной экспозиции зала «Самарские художники» областного художественного музея. Так была увековечена память об одном из самых замечательных самарцев – Петре Владимировиче Алабине.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 ГАСамО. Ф.153. Оп.36. Д.847. Л.8 об. Выписка за № 9 из ж. Самарской городской думы.

2 За картину художник получил аванс в 100 р., и 222 р. 46 к. — после окончания работы и пересылки. Ее местонахождение в настоящее время неизвестно.

3 Полякова Е. Город Остроумовой-Лебедевой. М., 1983. С.18-19.

4 ГАСамО. Ф.153. Оп.36. Д.847. Л.35.

5 Там же. Л.36.

6 Там же. Л.37.

7 Там же. Л.38.

8 Там же. Л.39.

9 Там же. Л.40. Экзекутор — исполнитель, чиновник при канцелярии и присутственном месте, на котором лежали полицейские и хозяйственные обязанности.

10 Там же. Л.41. Аршин — 0,711 метра.

11 Там же. Л.44.

12 Там же. Л.47.

13 Там же. Л.48.

14 Там же. Л.49.

15 Там же. Л.52.

16 Там же. Л.53.

17 Новоскольцев А.Н. Портрет П.В. Алабина (1824-1896). 1897. Холст, масло. 116x85 см. Инв. СХМ Ж-369.

О.И. Ситникова

АЛАБИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ. МУЗЕИ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

60-е годы XIX столетия вошли в историю как время общественного подъема и социально-экономических реформ в России. В губернской Вятке поистине народным стал интерес к прошлому края, археологическим древностям, собиранию различных коллекций. Для развития образования, науки, культуры была благодатная почва. И была личность, своими знаниями, энергией, пониманием задач способная объединить интересы, направить усилия на достижение результата. П.В. Алабин, управляющий Вятской удельной конторой, подошел к идее создания публичного музея, уже проявив себя организатором общественного Пушкинского вечера, создателем программы «О познании Вятского края», распространенной по уездам и городам губернии; инициатором и участником первых в крае археологических раскопок (древний могильник у дер. Ананьиной и Пижемское городище), попечителем восстановленной им Вятской публичной библиотеки и даже вдохновителем первой в истории губернии выставки цветоводства, садоводства и огородничества.

В № 28 за 1863 г. газеты «Вятские губернские ведомости» П.В. Алабин публикует статью «О необходимости устроить при Вятской публичной библиотеке публичный музей». По существу это программа деятельности общества по созданию учреждения нового типа, концепция музея и принципы его работы.

Анализируя деятельность российских музеев, Алабин заключает: «в действительности губернские музеумы и кабинеты вовсе не существуют для публики и потому не приносят обществу малейшей пользы» - тем самым выводит основной принцип - публичность. Далее - доступность для любого члена общества, почему и предлагалось создать музей при библиотеке. «Большая часть из существующих недоступна вовсе публике. Публичная библиотека наша - место наиболее доступное во всякое время и без малейших затруднений для всех классов общества».

О назначении музеев — они должны иметь «возможности удовлетворять требованиям науки и быть ее лучшими помощниками», «принимать участие в воспитании народа», исполнять функцию «хранилища вспомогательного для изучения естественных наук, технологии, механики к которой многие из здешних крестьян имеют инстинктивное стремление, сельскохозяйственной архитектуры, нумизматики и т. п.». Подвижнической деятельностью П.В. Алабина и всего вятского общества первый на вятской земле публичный музей был торжественно открыт 22 января 1866 г.

В письме А.А. Спицину от 21 января 1887 г. Алабин детально описывает свое детище на момент открытия, вводя в концепцию музея информативность (этикетаж, каталог коллекций) «чтобы каждый выставленный предмет был вполне, так сказать, понятным каждому грамотному человеку без чьей-либо помощи»; обеспечивающую (платную) деятельность на нужды музея — в музее осуществлялась торговля книгами, фотографиями, проводились платные лекции, лотереи. И, наконец, отношение музея к действительности: музей должен быть не только учреждением, которое «популяризировало бы науку, но в котором отражалась бы независимо от прошлого и картина настоящего». Так было положено начало развитию музейного дела в губернии.

Начало XX в. ознаменовалось открытием в Вятке в 1910 г. художественно-исторического музея по инициативе художников В. М. и А. М. Васнецовых силами вятского художественного кружка во главе с известным фотохудожником С. А. Лобовиковым. В 1912 г. «самым выдающимся событием в жизни скромного провинциального ученого общества, каким является Вятская архивная комиссия» было открытие Трифоновского церковно-археологического музея. Надо полагать, наличие трех музеев в губернском центре и нескольких земских в уездах не могло существенно влиять на «цивилизацию» населения губернии, особенно глубинки, удовлетворять потребности в образовании и приобщении к прекрасному.

Послеоктябрьский период (с 1917 г.), пересмотревший устоявшиеся каноны в образовании, науке и культуре России, на губернском уровне внес множество проектов преобразований в краеведении и, в частности, в музейном деле. Уже в 1918 г. II губернский съезд советов принимает решение об образовании в Вятке Дома науки, искусства и общественности, то есть о слиянии всех культурно-образовательных учреждений, в том числе и музеев. Проект так и не был осуществлен, но был создан музей местного края, с 1920 г. - Вятский областной музей. На волне энтузиазма новой власти и массовой энергии строительства нового мира первое десятилетие советской власти стало временем образования музейной сети в Вятском крае. В 1918 г. открывается Яранский музей краеведения, в 1919 — начинает работать Орловский музей, годом позже — Советский музей истории, искусства и старины, Слободской художественный, музей краеведения в Санчурске, Котельниче, Нолинске. Трудные 1920-е годы — период расцвета краеведения.

Открывались новые музеи, шел активный поиск новых форм работы. При Вятском музее местного края создается естественнонаучная лаборатория, музей организует экспедиции в отдаленные уезды губернии. Издается «Бюллетень Вятского губернского музея местного края», развивается сотрудничество с НИИ краеведения местного края. Деятельность в эти годы таких музейных специалистов как А. С. Лебедев, А. И. Троицкий, П. В. Плесский, А. Д. Фокин, А. В. Хабаков во многом определила развитие краеведения, принципы комплектования и изучения музейных коллекций, основы просветительской работы среди населения. Создавались новые музеи и в уездах. На 1 января 1925 г. в губернии значились, кроме Вятского областного, 10 уездных музеев.

1930-е годы вошли в историю края как время кризиса в краеведении. Пересмотр приоритетов, отказ от наследия прошлого в пользу служения социалистическому строительству, провозглашенные властью, вели к забвению исследовательской и фондовой работы в музеях, экспозиции заполнили «нужные» цитаты и копии. Только самоотверженность истинных музейщиков позволила сохранить и пополнить коллекции – основу музея.

Этот период отмечен следующими новообразованиями в музейной жизни: 1927 г. – в Вятке образован музей революции; 1935 г. – в Уржуме открыт дом-музей С.М.Кирова, 1937 г. – в Нолинске создается музей В.М. Молотова, второй музей Молотова открывается в 1940 г. в Советске. В 1939 г. появляется музей Ф.Э. Дзержинского в с. Кай, в 1940 г. в Кирове открывается антирелигиозный музей в Свято-Серафимовской церкви. Таким образом, к началу 1941 г. музейная сеть края объединяла три областных (художественный, краеведческий, антирелигиозный), четыре мемориальных и 9 районных краеведческих музеев – всего 16 музеев.

Последующие десятилетия характеризуются трудным восстановлением экспозиций после войны, отсутствием средств, возрождением собственно музейных исследований и пополнением фондовых коллекций. Издаются три сборника «По родному краю» (1951-55 гг.), пять научных каталогов по основным коллекциям областного краеведческого музея. Значительные перемены в музейной жизни края произошли в 1970-80-е гг. В областном центре открылись новые музеи на правах отделов краеведческого: дом-музей М.Е.Салтыкова-Щедрина, музей «Вятские народные художественные промыслы», диорама «Установление Советской власти в Вятке», музей А.С. Грина. Рост интереса к прошлому, осознание обществом необходимости сохранения памятников истории и культуры привели к активному музейному строительству в районных центрах области. В 1982 г. происходит объединение государственных краеведческих, исторических и мемориальных музеев в Кирове и области на правах филиалов Кировского объединенного историко-архитектурного и литературного музея (ранее – Кировского краеведческого). Объединение с районными музеями носило научно-методический характер. В условиях дефицита профессиональных кадров, неравноценности музейных коллекций объединение сыграло прогрессивную роль. Ежегодное обучение сотрудников районных музеев, «десанты» экспозиционеров из областного музея в глубинку и патронаж над строительством новых экспозиций подняли уровень малых музеев.

Взаимодействие музеев сказалось и на проблематике исследовательской работы, организации археологических, природоведческих, этнографических экспедиций, проведении научных конференций. За 15 лет существования объединения количество входящих в него музеев удвоилось. К середине 1990-х гг., кроме филиалов в г. Кирове, в него входило 25 районных музеев. Реорганизация в 1997 г. объединенного музея вернула головному музею прежнее название – областной краеведческий. В него вошли шесть филиалов, находящихся в г. Кирове. Музеи в районах области вследствие вступившего в силу закона о местном самоуправлении получили статус муниципальных. За областным краеведческим музеем осталась функция методического центра музейной сети области.

Реалии последнего десятилетия в социально-экономическом отношении – уменьшение доли государственного сектора, сокращение расходов на непроизводственные отрасли, какой является культура. В 2000 г., например, только 2,9% областного бюджета было израсходовано на культуру и искусство. В такой ситуации, казалось бы, сложно говорить о музейном строительстве. Скорее вопреки действительности, в районных центрах продолжают открываться новые музеи. Только за последние 5 лет в музейном содружестве появилось 8 муниципальных музеев. Что же сегодня представляет собой музейное пространство области? Это три музея областного подчинения – краеведческий, художественный и музей К.Э. Циолковского, авиации и космонавтики и 43 муниципальных музея в районах области.

Обращаясь к принципам деятельности музея, сформулированным П.В. Алабиным, вспомним главный – доступность. Кировская область – одна из самых крупных по занимаемой площади в Европейской части России. В этих условиях у муниципальных музеев в глубинке особая миссия. Характерным является резкий контраст ресурсов музеев разных поколений. Музеи, образованные в первые годы Советской власти, с богатыми коллекциями, достаточными экспозиционными площадями и сформировавшимся профессиональным коллективом, такие как Слободской,

Советский и Яранский краеведческие музеи – ведут активную выставочную деятельность, имеют интересные культурно-образовательные программы. Самый посещаемый муниципальный музей – Слободской. В 2003 г. его посетило более 46 тысяч человек при городском населении 34 тысячи жителей.

Музеи среднего поколения – палеонтологический, музей истории крестьянства (Котельничский район), Пижанский и Верхожигемский краеведческие – отличает активный поиск новых форм работы, серьезная деятельность по комплектованию музейных коллекций. Перспективы палеонтологического музея, имеющего стационар на уникальном Котельничском местонахождении остатков наземных позвоночных пермского периода вывели его исследовательскую деятельность на международный уровень. В экспедиционной работе музея принимают участие ученые из США, Австрии, Канады. Созданы три передвижные выставки, вызывающие неизменный интерес посетителей во многих городах России. Другой музей Котельничского района – Музей истории крестьянства – был когда-то музеем прославленного колхоза «Искра». Грамотная переориентация на изучение народных традиций, повседневную работу с населением поселка, от малышей до пенсионеров, строящуюся по народному календарю, возрождение праздников, связанных с земледелием – позволили музею не только сохраниться, но и стать центром культурной жизни. По результатам конкурса «Окно в Россию», объявленного министерством культуры РФ и газетой «Культура», Музей истории крестьянства был объявлен лучшим музеем 1997 года.

Особого внимания и поддержки требуют музеи, созданные в последние годы. Их характеризует слабая материально-техническая база, бедный состав фондовых коллекций, – и при этом несомненная востребованность у населения. Музеи как институты социальной адаптации человека в реальной действительности из музея – храма науки и культуры превратились в центры познания, общения, отдыха. Определяющими чертами в деятельности муниципальных музеев являются системность работы с населением, обращение ко всем возрастам (примеры: музейные кукольные театры в Яранском и Нолинском музеях, музейный краеведческий летний лагерь в Верхожигемском музее, клубы общения для пожилых людей в Пижанском и Советском музеях). Еще одна закономерность – партнерство с учреждениями культуры, образования, досуговыми центрами, объединениями по интересам, советами ветеранов. Малые музеи любимы населением в глубинке и, несмотря на существующие проблемы, зачастую являются там единственным источником исторических знаний, средством общения с подлинными памятниками истории и культуры. К чести вятской культуры, в сложных условиях современности ни один музей не был закрыт, и это вселяет надежду в будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность. Историко-статистический сборник. Киров, 2002.*
2. *Труды Вятской ученой архивной комиссии (ВУАК). Вятка, 1913. Вып. III-IV.*
3. *По родному краю. Сборник краеведческих материалов. Киров, 1998.*
4. *П. В. Алабин. Вятка. Музей. Сборник краеведческих материалов. Киров, 1998.*
5. *Отчеты муниципальных музеев Кировской области. 1999-2003 гг. //Архив Кировского областного краеведческого музея.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

АС - Археологический Съезд
 БИА - Болгарский исторический архив
 ВГВ - Вятские губернские ведомости
 ВУАК - Вятская ученая архивная комиссия
 ГАКО - Государственный архив Кировской области
 ГАСО - Государственный архив Самарской области
 МАО - Московское Археологическое Общество
 НБКМ - Народная библиотека «Св. Кирилл и Мефодий», София
 ОПИ ГИМ - Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
 СОИКМ - Самарский областной историко-краеведческий музей им.П.В.Алабина
 РА ИИМК - Рукописный архив Института истории материальной культуры (С-Пб.)
 РГАДА - Российский государственный архив древних актов
 ЦИАМ - Центральный исторический архив г.Москвы

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
П.С. Кабытов. История Самарского края в сочинениях П.В. Алабина	4
В.С. Жаравин. Петр Алабин – Почетный гражданин города Вятки	10
Наш Алабин	10
До приезда в Вятку	12
Первые шаги в Вятке. Раскопки Ананьинского могильника	14
Во главе удельного ведомства	16
Военный писатель	22
Крестьяне - братья	24
Управляющий Вятской публичной библиотекой	26
Год 1863. Польское восстание. Реформа удельного ведомства	29
«Музеум»	32
В статкомитете	34
«Алекса́ндро-Невский собор в Вятке»	37
Попечитель арестантов	39
Удельная реформа буксует	40
Любезные сердцу древности	43
Последние дела	44
Прощай, Вятка!	46
Несбывшаяся мечта	50
С тоской о незабвенной Вятке	51
Переписка с В.И. Чарыковым	53
Почетный попечитель Вятской публичной библиотеки	55
Последователи Алабина	57
Приложение 1. П.В. Алабин. Автобиография	58
Приложение 2. П.В. Алабин и Вятка	60
Йордан Ценов. Знамя и губернатор	69
Введение	70
Часть первая	
Памятный 1876 г.	71
От Самары до Плоешти	73
Знамя в бою	77
Знамя Третьей Радомирской дружины	80
Музейная реликвия	81
Описание знамени	84
Копия знамени	86
Часть вторая	
Петр Владимирович Алабин	99
Воин П.В. Алабин	101
Почетный гражданин Вятки	101
Городской голова Самары	102
Алабин и Болгария	104
Вместо послесловия. Новая книга о П.В. Алабине	116
Неопубликованные в России письма П.В. Алабина болгарским друзьям	117
Примечания	121
Н.А. Гергедава. П.В. Алабин и софийская публичная библиотека	133
А.М. Колядина. Потребность души: П.В. Алабин и книга	143
Д.В. Серых. Новые документы об археологической и музейной деятельности П.В. Алабина	151
Л.Ю. Покровская. «Вот какой будущности мы ждем городу Самаре»	170
Т.Ф. Алексушина. Новые данные о портрете П.В. Алабина	174
О.И. Ситникова. Алабинское наследие. Музеи Кировской области	177